ГОРДОН ЛОНСДЕЙЛ:

МОЯ ПРОФЕССИЯ — РАЗВЕДЧИК

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Воспоминания офицера КГБ.

23 марта 1961 года в Лондоне завершился судебный процесс над Гордоном Лонсдейлом. 25 лет тюрьмы — таков был приговор. Имя этого человека долгое время не сходило с первых полос английских и американских газет. Крупнейшие издательства боролись за право первыми опубликовать его воспоминания.

Было издано несколько книг об этом удивительном человеке, но в основном это были легенды. И вот только теперь, в условиях гласности, появилась возможность издать подлинные воспоминания кадрового советского разведчика полковника Конона Молодого.

- Н.В.Губернаторов, А.Е.Евсеев, Л.К.Корнешов,
  - К читателям
  - Глава I
  - Глава II
  - Глава III
  - Глава IV
  - Глава V
  - Глава VI
  - Глава VII
  - Глава VIII
  - Глава IX
  - Глава X
  - Глава XI
  - Глава XII
  - Глава XIII
  - Глава XIV
  - Глава XV
  - Глава XVI
  - Глава XVII
  - Глава XVIII
  - Глава XIX
  - Глава XX
  - Глава XXI
  - Глава XXII
  - Глава XXIII
  - Глава XXIV
  - Глава XXV
  - Глава XXVI

    - Глава XXVII
    - Глава XXVIII
    - Глава XXIX
    - Глава XXX
    - Глава XXXI
    - Глава XXXII
    - Глава XXXIII
- notes
    - 1
    - 2
    - 3

Н.В.Губернаторов, А.Е.Евсеев, Л.К.Корнешов, Г.П.Молодая
Гордон Лонсдейл: моя профессия — разведчик

К читателям

В этом кратком предисловии мы хотели бы рассказать читателям историю создания этой книги.

Почти два десятилетия назад советский разведчик Конон Трофимович Молодый обратился к нам, двум журналистам и учёному, с просьбой помочь привести в порядок его записи, воспоминания, некоторые документы из личного архива. Цель этой работы он определял совершенно ясно: будущая книга о его жизни и профессии. Конон Молодый откровенно рассказал нам, что до этого плодотворного сотрудничества с другими журналистами у него не получилось: «Они пытаются изобразить мою жизнь как приключения, а у меня была тяжёлая, порою однообразная работа».

Мы встретились. Встреча эта состоялась в «Комсомольской правде», где тогда работал один из нас.

К этому времени Конон Молодый, он же полковник Гордон Лонсдейл, был широко известен на Западе. Много дней его фотографии и имя не сходили с первых полос крупных газет, печатались из номера в номер репортажи с судебного процесса в Лондоне, приговор которого был предельно суровым — двадцать пять лет тюрьмы. И после приговора пресса не обходила вниманием полковника Лонсдейла, ведь, по мнению профессионалов, он был разведчиком экстра-класса, звездой № 1 в сложном и опасном деле, которым занимаются спецслужбы всех стран.

Но в своей стране, в Советском Союзе, полковник (у него действительно было это звание) Молодый был известен лишь очень немногим, тем, с кем был связан в силу своих профессиональных обязанностей. Неизвестность, кстати, его совершенно не тяготила — умный, обаятельный человек, он привык многие годы и десятилетия находиться в тени. И он хотел написать книгу о себе и своей работе не ради того, чтобы прославиться. Ему, многое повидавшему и пережившему, казалось, что такая книга может быть полезна для понимания политических реальностей. «Я не воровал секреты, а методами и средствами, которые оказались в моём распоряжении, пытался бороться против военной угрозы моей стране» — это слова полковника Молодого.

Работать над рукописью книги вместе с Кононом Трофимовичем было необычайно интересно. Его память хранила мельчайшие подробности событий, участником или свидетелем которых он был. И плюс к этому — живой ум, эрудиция, точность,

аккуратность…

Страницу за страницей мы перелопачивали рукопись. Иногда у нас возникали вопросы, по которым требовались его консультация, уточнения. Мы печатали их на листке бумаги и пересылали Конону Трофимовичу. Он вскоре звонил:

— Ответы готовы… Завтра в кафетерии «Гастронома» в 15.00 я буду пить кофе…

И минута в минуту мы находили его в обусловленном месте, забирали аккуратно отпечатанные на портативной машинке ответы.

Это была игра, но её полезность мы быстро поняли — так экономилось время и возникало настроение, в какой-то степени помогающее нам писать.

А может быть, оказавшись после многих бурных лет в нормальной, скажем так, обстановке, Конон Трофимович не мог сразу отрешиться от некоторых своих привычек?

Книга была готова, мы назвали её «Спецкомандировка» и все вместе избрали коллективный псевдоним: «Трофим Подолин». «Спецкомандировка» Трофима Подолина в отрывках печаталась в «Комсомольской правде» и «Неделе», к её публикации приступил журнал «Молодая гвардия». Но внезапно публикация была прервана цензурой. Несложно было догадаться, кто дал такое указание главлиту, и вот один из нас написал письмо Председателю Комитета государственной безопасности Юрию Владимировичу Андропову. Дело не только в том, что жаль было трёхлетнего труда. Нам казалось несправедливым, что о трудной судьбе прекрасного человека не узнает страна.

Председатель КГБ при СМ СССР обстоятельно объяснил автору письма мотивы, по которым было принято решение прекратить публикацию. Все они лежали, скажем так, в области большой политики. О полковнике Молодом, о том, что он сделал для страны, Юрий Владимирович отозвался с большой теплотой. Завершая разговор, он сказал:

— Не сомневаюсь, придет такое время, когда вы сможете опубликовать повесть о полковнике Лонсдейла.

И вот прошло много лет…

Теперь о работе Комитета государственной безопасности речь идёт на сессиях Верховного Совета СССР — и при этом ведётся прямая трансляция. Коллегия КГБ СССР приняла решение, направленное на расширение информированности общественности страны о работе органов государственной безопасности. Многое из того, что хранилось за семью печатями, в стальных сейфах, ныне обнародовано, а руководители КГБ самого высокого ранга дают интервью, участвуют в пресс-

конференциях.

Пришло время и для публикации этой книги. Но её героя уже нет среди живых. 15 октября 1970 года в «Красной звезде» было опубликовано печальное сообщение о скоропостижной кончине полковника Молодого К.Т. Кстати, это сообщение породило досужие вымыслы за рубежом. В одной из заметок даже высказывалось предположение, что скоропостижная кончина полковника — это «уловка» КГБ. Мол, Гордон Лонсдейл получил новое задание…

Увы, мы стояли у гроба Конона Трофимовича, когда с ним прощались боевые товарищи, друзья, близкие.

Умер он действительно скоропостижно, в один из осенних дней в подмосковном лесу, куда отправился вместе с женой и друзьями за грибами. Наклонился срезать гриб — и упал, чтобы уже не встать…

С годами стареют не только люди. Время наложило свой отпечаток и на страницы рукописи, которая пролежала на «полках» два десятилетия. Над книгой, которую вы, читатели, держите сейчас в руках, нам пришлось работать заново. Нет, не для того, чтобы что-то подчистить или исправить. В этом не было необходимости. Но появилась возможность сказать кое-что из того, о чём в давнее время пришлось умалчивать.

Конона Трофимовича уже не было… Вместе с нами над подготовкой рукописи к печати работала его жена, Галина Молодая, — она по праву является одним из авторов книги.

Н. Губернаторов, А. Евсеев, Л. Корнешов

Глава I

Всё было весьма просто и обыденно. По мокрому от морских брызг трапу я сошёл с теплохода на берег и, щёлкнув замками двух своих чемоданов, показал их содержимое канадскому таможеннику. Тот довольно безучастно взглянул и на приезжего, и на его вещи.

В кафе рядом с морским вокзалом я заказал чашку кофе и попросил последний номер «Ванкувер сан». Кафе было именно таким, каким ему полагалось быть, — с традиционной американской стойкой из отполированного руками посетителей темного дерева, высокими, на никелированной ножке, круглыми табуретами вдоль неё, неизменным музыкальным автоматом и десятком столиков, за которыми в этот час ещё никого не было. Я отпил несколько глотков очень горячего кофе — мне было известно, что кофе будет именно таким, — и, раскрыв газету на разделе мелких объявлений — «Ванкувер сан» тоже была хорошо знакома, — легко нашел рубрику «Меблированные комнаты».

Предлагалось вполне достаточно комнат и квартир, разбросанных по всему городу. Я вынул из кармана план Ванкувера и, не торопясь, принялся подбирать подходящее жильё. Мне хотелось найти комнату с отдельным входом, небольшой кухней. Лучше, конечно, в центральной части города.

Пожалуй, именно такой была квартира на Дэвис-Стрит.

Я отложил газету и направился к автомату.

«Да, комната ещё свободна и сдаётся за десять долларов в неделю, включая свет и газ», — сообщил дребезжащий старческий голос.

— Меня зовут Лонсдейл. Гордон Лонсдейл. Я приеду минут через двадцать, — предупредил я и услышал в ответ традиционное «о'кей».

Я пошёл в камеру хранения за своими чемоданами, испытывая некоторое облегчение оттого, что, видимо, уже нашёл себе квартиру. Все пока складывалось удачно.

Комната оказалась именно такой, какой ожидал её увидеть: минимум мебели, микроскопическая кухня с несколькими тарелками и треснутыми чашками на полке. На плитке — помятый чайник, пара кастрюлек и сковородка. Тут же погнутые вилки и нож с обломанным концом. Помещение нуждалось в ремонте, но было чистым, мебель перед моим приходом явно протерли тряпкой.

В подобных апартаментах человеку, назвавшемуся Гордоном Лонсдейлом, приходилось останавливаться не в первый и, к

сожалению, не в последний раз. Но на лучшее я и не рассчитывал.

Иное дело — хозяин, высокий аккуратненько застегнутый на все пуговки старик с округлым картофельным носом и маленькими выцветшими глазками, которыми он с любопытством ощупал меня. Хозяин не понравился мне.

— Откуда приехали? — поинтересовался старик, извлекая из кармана ключ от комнаты.

Я ответил.

— А зачем?

И, снова получив ответ, задал третий вопрос:

— Надолго в наш город?

— Нет, ненадолго… Разрешите взглянуть на комнату? — не очень дружелюбно попросил я.

— Конечно, конечно… Но вы знаете, я должен иметь представление о своём госте, — заговорил торопливо старик, готовясь огласить очередной пункт своей домовой анкеты. Он так и сказал «гость», хотя собирался получить с меня вполне приличную сумму.

— И ещё я бы не хотел, чтобы мой гость… («Опять этот «гость», старикашка явно лицемерит») злоупотреблял моей добротой…

— Хорошо. Согласен, — сказал я. — Я не стану оставлять газ включённым на весь день и не буду устраивать в комнате праздничную иллюминацию… Будьте добры ключ. Я иду за чемоданами.

Остановлюсь на неделю, и если будет приставать с расспросами, переберусь в другое место, думал я, спускаясь по лестнице к такси.

Так и получилось. Хозяин оказался пенсионером и от нечего делать часто приставал ко мне с бесконечными разговорами о своей жизни, и, конечно же, неизбежно выплывали какие-то вопросы. Пришлось попрощаться с ним.

Но тогда, в свой первый ванкуверский день, отразив натиск его любознательности, я вынул вещи из чемоданов и, сориентировавшись по плану города, зашагал в сторону Гранвилл — центральной улицы Ванкувера.

Я никогда прежде не был в этом тихом и провинциально уютном городе, но профессия начисто лишала меня скромных радостей узнавания. Всё, что меня сейчас окружало: мощённые брусчаткой старые улицы, мокрые чёрные зонтики на набережной, неоновые витрины баров, скучноватый дождик, столь мелкий и тихий, что казалось, сочился не сверху, а откуда-то сбоку, — всё было знакомо и хранилось где-то в глубинах моей тренированной памяти. На улицах было пустовато и по-

провинциальному тихо. И я знал, что именно такими и будут улицы Ванкувера. С лениво сонным ритмом жизни, почти полным отсутствием высотных зданий (сейчас их там уже предостаточно) и обилием свежего воздуха. Часа два бродил я по центру — не очень обширной территории, примыкающей к порту, стараясь запомнить названия баров, кафе, гостиниц, магазинов, кинотеатров и прочих примечательных мест. Для этого у меня были веские основания — Ванкуверу полагалось вскоре стать моим «родным городом».

На автобусе (красный с желтым, пестро украшенный рекламой «бас» — точно такой, как на фотографиях, которые я просмотрел, готовясь к поездке) я проехал в жилую часть города, в его, как это принято называть, «спальню» — застроенный коттеджами район, начисто лишённый каких-либо предприятий. Даже магазинов и то тут почти не было, лишь стоял особняком торговый центр. «Похоже на города тихоокеанского побережья, — отметил я. — Тот же традиционный газон, сзади — гараж и никаких заборов. Однако пора обедать… Поищем китайский квартал».

Китайский квартал — «чайна-таун» — был точно таким же, как в любом мало-мальски крупном городе Штатов и имел точно такой же американизированный вид, то есть сиял неоновыми надписями на английском и китайском языках, продавал в киосках «свою» газету. Свернув с главной улицы «чайна-тауна», я легко нашёл то, что искал, — маленький ресторанчик без единой вывески на английском языке. Это означало, что заведение обслуживает почти исключительно китайцев и, следовательно, кормят в нём значительно лучше и дешевле. Я не то чтобы уж очень любил китайскую кухню, но, если приходилось выбирать между стандартным обедом, запакованным в жесть и целлофан, и китайским меню, делал выбор в пользу последнего.

После обеда я вернулся в центр города и старательно обошёл несколько фотомагазинов. Я мысленно составил список аппаратуры, которую предстояло купить, и нашёл, что здесь явно переплачу по сравнению с Москвой. Я зашёл в большой универсальный магазин «Итонс» — там тоже цены были достаточно высокие. Торговали здесь с американским размахом и таким же безошибочным расчётом. К «Итонсу» было пристроено пятиэтажное здание гаража. Объявление сообщало, что это — для покупателей. Гараж был набит машинами — стоянка в течение часа тут не стоила ничего — при условии, конечно, что владелец машины сделает покупку в магазине.

Я приглядел себе несколько вещей, которые следовало купить, — они должны были придать мне истинно канадский вид:

тёплое пальто, свитер, перчатки. Вещи были чисто канадские. Но, подумав, отложил покупки — не стоило вызывать излишнее любопытство у хозяина. Ну, каким образом простой рабочий парень мог вот так, с маху, накупить такую уйму разных великолепных вещей!

На одной из улочек рядом с магазином я разыскал газетную лавку, в которой среди великого множества других изданий нашел «Нью-Йорк таймс». Я предпочитал эту газету по двум соображениям. Прежде всего потому, что в определённый день каждой недели в «Нью-Йорк таймс» могло появиться небольшое объявление известного мне содержания, которое бы имело для меня важное значение.

Ну и, кроме всего прочего, я был просто регулярным читателем «Нью-Йорк таймс», привык к ней и испытывал естественную потребность в газете, которая по объёму информации, пожалуй, превосходит все подобные издания мира. Часто я находил в ней крайне важные для моей работы сообщения, которых не мог встретить ни в одной другой газете Америки. Нужно было только уметь правильно читать и понимать эту ловко препарированную информацию.

Я просмотрел несколько номеров «Нью-Йорк таймс» и, предупредив хозяина лавочки, чтобы мне оставляли эту газету, двинулся дальше.

Как разведчику, мне полагалось знать все стороны уклада канадской жизни так же хорошо, как их знает студент-этнограф за минуту до экзамена. Показать свою неосведомленность было непростительно. При всей «американизации» канадцев у них были свои особенности, которые определялись не только присутствием могущественного южного соседа, но и национальным характером, впитавшим в себя и английские, и французские традиции. Эти особенности я должен был вобрать в себя. Не сразу, естественно. Тут важнее был конечный результат, чем темпы.

«Что ж, на сегодня хватит. Пора возвращаться домой», — сказал я себе.

Но стоило мне открыть дверь, как на пороге появился изголодавшийся по собеседнику пенсионер.

— Как идут дела, мистер Лонсдейл? Понравился ли наш город? — заговорил он дребезжащим старческим голосом, бесцеремонно разглядывал мои пожитки и не обращая внимания на сдержанный тон моих ответов. — Вы знаете, когда мы с Лилли впервые приехали сюда, здесь ничего не было. Ровно ничего, кроме сосен. А пыль была — я никогда не забуду какая. Уж, поверьте, мистер Лонсдейл, наглотался я тут пыли, пока всё это

построили… А как у вас там, в Кобальте? Наверное, тишина, свежий воздух…

«Уйду, завтра же уйду от этого старикашки, — твердо решил я. — Замучит расспросами…»

Я так и сделал. Нашёл в той же «Ванкувер сан» объявление о меблированной комнате с отдельным входом, отправился туда — и комната, и хозяин, молчаливо улыбавшийся голубоглазый парень с тяжёлыми руками, сразу приглянулись мне. Подыскав первый же благовидный предлог, я рассчитался с пенсионером, оставив его в ненавистно молчаливом одиночестве.

Парень, его звали Глен, оказался сущим кладом, ибо заработал деньги на покупку этого дома (точнее — первый взнос) в Китимате на стройке алюминиевого завода — той самой, где, по «легенде», предстояло в своё время побывать и мне.

Узнав об этом, я пригласил его на стаканчик виски. Потом последовала экскурсия в бар. Затем Глен пригласил меня к себе на квартиру, не без гордости, с той же молчаливой улыбкой показав купленную в кредит новую полированную мебель и сверкающий никелем и пластиком холодильник.

Китимат был большим событием в его жизни, разговор нет-нет да и заходил о строительстве алюминиевого центра Канады. Постепенно я узнал всё, что мог узнать о быте рабочих, их составе, взаимоотношениях, условиях найма, работы и отдыха, сроках контракта — словом, всё, что было нужно. Для полноты картины полагалось только съездить в Китимат и произвести «рекогносцировку на местности».

Я совершил её через три недели после приезда в Ванкувер, постаравшись объединить в этой поездке и возможность увидеть своими глазами Китимат и выполнить одно поручение Центра в маленьком городке Уайт-Хорсе, на самом севере Канады.

Сырым, ветреным ноябрьским утром я поднялся на борт небольшого парохода, совершавшего регулярные рейсы между Ванкувером и Принс-Рупертом — городком на тихоокеанском побережье, откуда довольно легко добраться до Китимата. Я занял место в каюте, предвкушая не очень долгое и приятное морское путешествие.

Конечно, три недели — не срок, чтобы стать истинным канадцем, но я уже был не тот традиционно любознательный американский турист, который сошёл с двумя чемоданами в том же порту. Я говорил уже с тем мягким, почти незаметным акцентом, который присущ жителю Британской Колумбии. И свой темный костюм из гладкой английской шерсти носил так, как его носит канадец. Но главное — у меня, надеюсь, уже были истинно канадские взгляды и истинно канадские вкусы, которые я

незаметно и старательно скопировал у своего хозяина.

За долгие, долгие годы загранкомандировки мне, носившему имя Гордона Лонсдейла, пришлось заставить себя отвыкнуть ото всего, что я когда-то любил: от чёрного хлеба и парного молока, щей, борща со сметаной, грибов, лесных ягод, душистых пирогов с капустой, которые в нашем доме пекли по поводу и без повода… Мне были дороги хорошие книги, театр, опера (гораздо меньше театра), балет (если не слишком часто, ведь репертуар его весьма ограничен). Меня всегда остро интересовали политика и экономика.

Но всё это было абсолютно ни к чему канадцу Гордону Лонсдейлу, биографию которого я создавал сам и которая, теперь уже моими руками и мыслью, продолжала утверждать себя в моих поступках и делах, трансформируясь на этот раз в абсолютно реальную жизнь тридцатилетнего канадца Лонсдейла, человека, твёрдо решившего пробиться на трудной стезе бизнеса.

Какие вкусы и склонности могли быть у этого канадца? Ну, посудите сами: политикой он не интересуется. Под экономикой понимает лишь всевозможные способы заработать побольше денег. («Чем больше — тем лучше данная экономика»). О чёрном хлебе он слыхом не слыхал. Грибы для него — это шампиньоны. Канадец никогда не пробовал парного молока — он пил его всегда, сколько себя помнит, из бутылки или бумажного пакета.

Театра, не говоря уже об опере и балете, в Ванкувере — городе с миллионным населением — не было. Изредка сюда приезжали с гастролями второразрядные драматические или балетные труппы. Они давали представления в одном из больших кинотеатров на центральной улице города. Истосковавшись по искусству, я как-то отправился на одно из балетных представлений. Я не знаток в области модернистского балета, но вполне определённо мог утверждать, что музыка и хореография были удручающими, а техника исполнения — на любительском уровне. Словом, даже на «безрыбье» канадского искусства этот «рак» оказался отнюдь не «рыбой».

По натуре я человек добрый, широкий и гостеприимный. А здесь мне полагалось — хотя бы внешне — проявлять алчность и расчётливость, заводить связи с «полезными» людьми, угощать тех, кто мог лично мне пригодиться. И я поступал именно так. Действуя иначе, я привлёк бы к себе внимание, в чем, как понимаете, не нуждался.

Если б дома мне задали вопрос: ваше любимое занятие? — я бы ответил: читать книги. Но тут не следовало щеголять начитанностью — по данным официальной статистики, около половины американцев и, видимо, канадцев вообще не читают

никаких книг. Покойный президент Эйзенхауэр, помнится, как-то хвастался тем, что за свою жизнь не прочёл ни одного художественного произведения, если не считать «вестернов» — ковбойских романов. Но это вовсе не означало, что человек, носивший имя Лонсдейл, не должен был читать книг. Наоборот, немалая часть моего свободного времени в Ванкувере прошла в читальном зале городской библиотеки, и я радовался, что книги тут можно было брать прямо с полок самому и держать их сколько угодно. Но читать приходилось в основном старые подшивки местных газет и журналов, набираясь, если можно так выразиться, колорита прошлых лет.

Так день за днём своими руками я лепил образ человека, которому надлежало на долгие десять лет стать моим вторым «я».

Интервью с героем книги

Теперь, когда мы прочитали первые страницы воспоминаний полковника Молодого, самое время прервать это неторопливое повествование и побеседовать с героем книги. Описать его внешность. Наконец, поведать о том, как в действительности он выбрал себе профессию (или, вернее, как профессия выбрала его).

Что ж, не будем нарушать традиций и поступим именно так, как предлагают законы жанра. Но сделаем это — устами самого героя. Проще, как говорят газетчики, возьмём у него интервью, в котором попросим рассказать о себе.

— Цель нашей беседы, Гордон… Мы так будем называть вас дальше. Или, пожалуй, это было хорошо «там»… А «здесь»?..

— «Здесь», видимо, лучше — Конон Трофимович. Полковник Конон Трофимович Молодый.

— Что, если мы представим сейчас читателю вас. Реального Конона Трофимовича Молодого, а не его канадского двойника Гордона Лонсдейла?..

— Вы уверены в том, что подобное внимание к моей персоне действительно необходимо для книги? Боюсь, те страницы, которые я только что прочитал, могут создать впечатление, что я действовал один… Учтите, я не сторонник формулы «и один в поле — воин». Для разведки, конечно. Каждый разведчик, выполняя подобное задание, работает в одиночку — так требуют законы конспирации. Но на самом деле ты всегда выполняешь лишь частичку одного общего задания. И хотя о большинстве своих товарищей по оружию вообще

ничего не знаешь, но постоянно чувствуешь их локоть где-то рядом… Словом, живёшь не в вакууме… Всё создается сообща, каждый выполняет свой маневр…

— Но есть обстоятельства, которые не позволят нам сегодня рассказать о ваших товарищах так, как они того заслуживают…

— И всё же читатель должен знать, что я был не один.

— Хорошо. Так и условимся. А теперь — ваша биография. Первый вопрос интервью будет абсолютно традиционен: как жил, чем занимался наш герой до начала работы в разведке? Короче, его биография.

— Она более чем скромная. Родился в 1922 году, рос в тихом переулке вблизи Арбата. Учился. Отличником не был, но отметки приносил вполне приличные. Был пионером, вступил в комсомол… Потом война, фронт. После войны — вуз. Затем — спецкомандировка. Всё.

— Коротко и… неясно.

— Что именно «неясно»?

— Конон Трофимович, мы понимаем, что профессия разведчика не предполагает полной откровенности в рассказе о себе. Даже тогда, когда разведчик уходит на покой или перемещается на запасные позиции. А вы ведь не в отставке… Существует ваша легенда, а теперь вы рассказываете практически новую версию своей жизни. Как совместить?

— Ничего не надо совмещать. Чисто философски проблема любопытная: жизнь как родник легенды… Ну, а если серьёзно, то несомненно, что в один прекрасный день я оказался в Ванкувере…

— Что же, в таком случае продолжим воспоминания. Но хотелось бы условиться с вами вот о чём: если возникнет необходимость, мы будем по мере того, как перелистываются «страницы» памяти, задавать свои вопросы…

— Согласен.

Глава II

…Через несколько минут после того, как я вошёл в каюту, послышался низкий протяжный гудок, загремело железо выбираемой якорной цепи, задрожал и покачнулся пол. Пароходик выходил в океан.

— Не хотите ли лимонов? — вежливо осведомился стюард, приоткрывший дверь каюты.

— Спасибо, пока нет. А почему вы предлагаете мне лимоны?

— Выходим в шторм. Семь баллов, — ответил стюард, он был лаконичен.

— Ресторан открыт?

— Да, конечно.

Я пошёл в ресторан, заказал там в пустом маленьком зале обед, проглотил с трудом салат и вскоре почувствовал, что сидеть за столом больше не могу.

Держась за поручни, протянутые во всю длину коридоров, я добрёл до своей каюты и повалился на койку, успев только снять пиджак. «Устал, наверно, в Ванкувере, — думал я, глядя в одну точку на потолке и вслушиваясь в грохот волны, яростно колотившей о корпус парохода. — Но ничего, приползем в Принс-Руперт, отоспимся…»

Обычно меня не укачивало. Может быть, качка оказалась столь свирепой из-за скромных размеров судна.

Когда спустя несколько часов я стоял на площади перед зданием морского вокзала в Принс-Руперте, дома, улицы, автомашины — все это медленно то валилось куда-то назад, то опрокидывалось на меня.

Я отлежался в гостинице и, не дав себе отдохнуть, а лишь почувствовав, что земля снова стала твёрдой, встал и пошёл в город.

Как обычно, я заранее готовился к поездке и знал в общих чертах план Принс-Руперта и, главное, все его туристские прелести. Мне полагалось полюбоваться прекрасной гаванью, вокзалом, где заканчивалась линия трансканадской железной дороги, и двинуться в парк Олдер, где, как сообщал путеводитель, выставлена лучшая в мире коллекция индейских тотемных столбов.

Тотемы оказались действительно что надо — ярко раскрашенные огромные стволы деревьев с вырезанными мордами всевозможных животных — одна над другой, от основания ствола и до самой вершины. Когда-то они стояли перед хижинами индейцев — у каждого был свой тотем, теперь

украшали жильё тех, кто занял их землю.

Маленькие тотемы — от 20 сантиметров до метра, искусно вырезанные индейцами, продавались тут же как сувениры. Мастеров осталось мало. Стоили тотемы недёшево, но это было именно то, чем мог дорожить канадец Гордон Лонсдейл и что могло сопровождать его и в Лондон и куда угодно.

Я выбрал несколько тотемов — настоящих, а не примитивных серийных поделок, которыми был наполнен Принс-Руперт. Расплатился, тут же прикинув, что из-за покупки мне, видимо, придётся в ближайшее время ввести строгий режим экономии, и, засунув их под мышку, зашагал из парка.

Так я начал собирать коллекцию тотемных столбов, которая потом придавала великолепный канадский колорит моей миниатюрной лондонской квартире и послужила поводом для некоторых историй, рассказанных друзьям.

На другой день первым же автобусом я выехал в Китимат — небольшой поселок, название которого в тот год не сходило со страниц канадских газет. И вот почему.

На севере Канады примерно в 600 километрах от Ванкувера ещё в начале века была обнаружена система больших озер, которую отделяла от Тихого океана горная гряда шириной всего лишь в 16 километров. Возник проект повернуть озерные воды к океану, пробив им путь через горы, и создать таким образом колоссальный источник дешёвой электроэнергии, ибо перепад воды по высоте достигал совершенно феноменального уровня — два с половиной километра!

Хотя замысел был вполне реален с инженерной точки зрения, на пути проекта возникло трудное, почти неодолимое препятствие: куда деть такую массу электроэнергии. Только в 1951 году нашли выход: строить в этом районе по соседству с ГЭС крупнейший в мире алюминиевый завод. При этом оказалось вполне рентабельным везти алюминиевую руду из Британской Гвианы, Ямайки и даже из Африки — столь дешёвую энергию должна была вырабатывать электростанция в Кемано.

Была сооружена огромная плотина, повернувшая вспять воды всей озерной системы. Сквозь горы пробили шестнадцатикилометровый тоннель. Двенадцать мощных генераторов превращали силу водного потока в нескончаемую реку электричества. Правда, основной поток энергии иссякал уже через 80 километров — в Китимате, где работал алюминиевый завод, производивший ежесуточно пятьсот тонн металла.

Китимат оказался небольшим рабочим поселком, разбросавшим свои геометрически ровные улочки и барачного типа дома и коттеджи прямо по берегу узкой губы, глубоко

врезавшейся в гористую сушу. Бары, магазины, почта — словом, интересного тут было мало. Завод стоял рядом с посёлком, тут же на берегу, и я видел, как океанские корабли медленно двигались по заливу, чтобы кинуть в прожорливое чрево этого алюминиевого гиганта очередную порцию бокситов.

Но всё равно было весьма полезно «пощупать» своими руками этот район. Я побродил по поселку. Выпил бутылку пива в баре — такого же невкусного, как и в Ванкувере. Купил несколько открыток с видами Китимата и Кемано и двинулся обратно. В тот же день я вернулся в Принс-Руперт, а утром вылетел в Принс-Джордж, откуда должен был направиться дальше на север в маленький городок Уайт-Хорс, что в переводе с английского значит «Белая лошадь» (марка знаменитого виски), где мне предстояло, как мы уже говорили раньше, выполнить одно поручение Центра.

Поручение казалось не очень сложным: заложить в тайник, описание которого мне, конечно, сообщили заранее, определённую сумму денег. Кому они предназначались, я не знал. Мне лишь надлежало прибыть в Уайт-Хорс в третье воскресенье ноября и ежедневно с одиннадцати утра проверять место, где должны были выставить условный сигнал. В тот день, когда сигнал появится, полагалось вложить в тайник деньги, затем принять сигнал о том, что их вынули, после чего выехать из Уайт-Хорса. Вот и всё.

В городок, смело носивший столь популярное имя, можно добраться двумя путями: воздухом или автомашиной по знаменитому Аляскинскому шоссе. Я навёл справки и выяснил, что наиболее интересный и недорогой маршрут — автомобильный.

В крохотном кафе рядом с автобусной станцией Принс-Джорджа, где я получил традиционный «хот-дог» и стакан апельсинового сока, я узнал у официанта, где находится местное отделение фирмы «Герц», специализирующейся на прокате автомобилей. На стоянке «Герца», как я и ожидал, было полно машин и ни одного клиента — туристский сезон уже кончился. Я не спеша походил возле машин, прикидывая, на чём остановиться. В таком путешествии лучше иметь дело с моделями знакомыми. («Пожалуй, лучше взять «форд», дёшево и надёжно»).

Длинный, спортивного вида парень, листавший в конторе какие-то бумаги, отложил их и поздоровался со мной так, словно я прибыл лично к нему в гости. Он спросил, не на Аляску ли собирается джентльмен.

— Почти, — ответил я, — в Уайт-Хорс. И там хотел бы оставить машину…

— О, это вполне возможно. Отделение «Герца» есть, конечно, и в этом городе. Вы уже выбрали кар?

— Да, «форд».

— Я бы тоже остановился именно на этой машине, — любезно сказал парень. — Хотите проверить?

Мы направились к стоянке, запустили мотор. Он работал безукоризненно. Проверили тормоза, свет. Всё было в исправности. Потом парень открыл заднюю дверцу, извлёк сумку с инструментом, бегло просмотрел его. Домкрат, насос — всё было на месте

— Хотел бы дать вам один совет, — сказал парень, аккуратно свертывая и укладывая на место сумку.

— Конечно, пожалуйста.

— Сейчас зима. Дорогой всякое бывает. Захватите с собой палатку, бензиновую плитку, спальный мешок.

— Фирма располагает этими вещами?

Парень развел руками — жест, означавший: разве иначе я стал бы говорить об этом…

— Хорошо, несите, — улыбнулся я. — Захватите и термос.

Уложив всё в багажник и получив деньги, представитель «Герца» сам вывел машину со стоянки к воротам и, передавая ключи, посоветовал:

— Если начнется снегопад, сворачивайте на обочину и залезайте в спальный мешок…

— Спасибо, — ответил я, собираясь тронуть машину. — Так и сделаю…

— Да, ещё один совет: на ночь обязательно полностью заливайте бак бензином.

— К чему лишняя возня, если бак будет почти полным?

— Возни две минуты, зато утром и в дороге у вас не будет никаких хлопот.

Заметив, что я всё ещё не понимаю, в чём дело, он пояснил:

— За ночь в неполном баке образуется конденсат, который превратится в крупинки льда. Когда его соберется достаточно, у вас прекратится подача горючего, и бог знает сколько времени пройдет, пока вас отбуксируют до тёплого гаража. Бывает, что и замерзают насмерть… На то и Юкон. — В его голосе послышалась гордость за свой суровый край.

Я с должным вниманием последовал совету.

Немного покрутился по городу, проверив машину на ходу, городок был тихий, чистенький и нёс на своих улицах печать старины, сочетая дерево первых построек и стекло модерна, и выехал на трассу, которая должна была привести меня в Даусон-Крик — город, откуда берет начало «Алкан» — Аляскинское

шоссе.

Легкий «форд» нёс меня на север. Мимо скал, поросших соснами, мимо синих гор и светлых ручьев, пенистых рек, голубых горных озер, где живёт огромная форель. Дорога была отличная — с ровным, чуть шероховатым покрытием, которое позволяло не снижать скорость на поворотах, с чёткой, ещё не стертой шинами разметкой — её построили только за год до моего путешествия. По шоссе шли главным образом грузовые машины, легковых почти не было, туристы в это время года появлялись крайне редко. Хотя именно здесь, видимо, и находился тот самый недостижимый туристский рай, поискам которого посвящены их бесконечные скитания.

В девять вечера я влетел в Даусон-Крик, оставив за собой двести пятьдесят пять миль и полный бак супербензина.

— Заправьте, пожалуйста, полностью, — сказал я, выбираясь из машины на стоянке возле отеля «Аляска».

С рассветом я находился уже снова в пути. Здесь начиналось знаменитое Аляскинское шоссе — единственная сухопутная артерия, соединяющая США со своей северной территорией.

Не случись войны, её, возможно, вообще не проложили бы. А так, испугавшись, что японцы высадятся на Аляске, американцы приняли решение срочно провести по территории Канады трассу, которая соединила бы их с Аляской. Строительство поручили армии. Работа началась сразу и с юга — из Даусон-Крика, и с севера — из Ниг-Делта. Через полгода, в октябре 1942 года, оба отряда строителей соединились…

В дни, когда я ехал по «Алкану», шоссе было покрыто гравием, асфальт был не везде. Зато было вполне достаточно мотелей, кемпингов и бензоколонок. Несмотря на обильные снегопады, дорога трудилась круглый год.

Я не очень торопился, так как всё равно прибывал на место за день до срока. И потом — это был путь к любимому Джеку Лондону и его вечным героям. Во все глаза глядел я на суровый мир, проплывающий за ветровым стеклом «форда», стараясь вобрать в себя и золотистые горные закаты, и смолистые запахи леса, который ещё не узнал губительной руки человека, и бронзовые лица канадских лесорубов, коротавших вечера за картами в придорожных тавернах.

Поздно вечером, когда Уайт-Хорс уже укладывался спать, я прибыл в столицу Юкона. Мощные фары «форда» высветили деревянные здания старинного типа, которые я видел до этого только в ковбойских фильмах, и двухэтажные домики современной постройки.

Я заметил впереди неоновую рекламу отеля и повёл туда

машину.

В то время Уайт-Хорс переживал второй расцвет в своей богатой приключениями истории. Первый был в дни «Золотой лихорадки», когда на Клондайке открыли благородный металл. Второй был связан с открытыми в этом районе богатыми месторождениями нефти и газа.

Гостиница оказалась небольшой, довольно простенькой, но там было тепло и уютно. Кафе по соседству работало, как и почти все заведения такого рода на «Алкане», до двенадцати ночи, и я отправился ужинать.

Было сухо и морозно, почти как у нас дома. Тихо и важно поблескивали звезды, и свет их мягко ложился на оцинкованные крыши. Я постоял несколько минут у входа в кафе, вдыхая холодный, пахнущий снегом и хвоей воздух, и открыл дверь.

В зале было шумно и тепло. Играл музыкальный автомат, несколько пар, не очень в такт музыке, топтались возле столиков. На приезжего обратили внимание. Какой-то сильно выпивший парень шагнул ко мне со стопкой и, покачиваясь, замер на полдороге. Ровно настолько, сколько было нужно его приятелям, чтобы отвести на место.

Я быстро поужинал и двинулся в номер.

Точно в одиннадцать утра, в воскресенье, как и полагалось условиями передачи, я проверил, установлен ли условный сигнал.

Нет, его ещё не было.

Что ж, это не очень меня обеспокоило. Свою часть задания я выполнил в срок, и дело оставалось лишь за неизвестным коллегой.

До обеда я побродил по городку — тот состоял всего лишь из трех или четырех параллельных улиц, сфотографировал старые дома («Покажу когда-нибудь дома: в этом коттедже бывал Джек Лондон, а тут жили его герои…») Правда, фасады многих из этих старинных построек уже были модернизированы абсолютно нью-йоркскими витринами с такой же выкладкой товаров и броскими рекламными надписями, что явно не вязалось с их внешностью ветеранов.

Я обратил внимание на автомобильные номера — все местные — в городе было мало приезжих, и, чтобы не мозолить глаза завсегдатаям кафе, отправился обедать в другую часть города.

В маленькой нарядной таверне я навёл справки о том, что следовало бы посмотреть в районе Уайт-Хорса, и зашёл в лавку сувениров, она открывалась на несколько часов даже по воскресеньям.

Без особого любопытства я разглядывал бесхитростные

поделки, которые тут выдавали за индейскую резьбу по дереву. Подержал в руках грубо сработанные фигурки, украшенные кусочками кожи и перьями, и, купив маленький настенный барельеф с изображением вигвама и воинов, вышел на улицу.

Заворачивая в тонкую вощеную бумагу барельеф, хозяин лавки поздравил меня с удачным выбором и сообщил, что это работа местных индейцев. Но я отнюдь не удивился бы, узнав, что его сделали в Японии, — настолько стандартны были все сувениры.

От нечего делать я пошёл в кино.

Фильм был знакомый, и, не досидев до конца, я снова двинулся в поход по тем же трем улицам. Стемнело, городок зажёг огни. Было морозно. Пахло снегом и хвоей. Я отправился в район, где моему коллеге полагалось устроить себе тайник. Место было выбрано удачно, во всяком случае, вечером ничего не стоило незаметно сделать «закладку». Деньги уже были приготовлены и завернуты в герметичную упаковку.

Утром, в понедельник, я уже почти не сомневался, что и на этот раз сигнала не будет. Так и оказалось. Теперь я уже чувствовал себя пленником джек-лондонского городка. Делать тут было абсолютно нечего, ибо, судя по всему, я уже исчерпал экскурсионные возможности Белой Лошади. Оставалось лишь предпринять экскурсию в порт Скагуэй, откуда во времена «Золотой лихорадки» протянули узкоколейку в Уайт-Хорс. Здесь переваливали грузы на речные суда, ходившие по Юкону к поселкам золотоискателей.

Стоя у окошка маленького вагончика и любуясь мрачновато суровой природой Юкона, я мечтал о том, чтобы мой неизвестный коллега наконец появился.

На следующий день я снова был на том же месте, где полагалось спрятать деньги. По условиям операции через три дня, в среду, я должен был немедленно уехать из Уайт-Хорса, даже если сигнала не будет.

В среду ровно в одиннадцать, как условлено, но с опозданием всего лишь на два дня сигнал появился.

В эту минуту я испытал чувство истинного счастья.

Я тут же бросился за билетом на самолет. Затем направился в местное отделение «Герца» и сдал автомобиль. Точно в назначенное время опустил почту в тайник, выставил сигнал и отправился спать.

Обедал я уже в Ванкувере…

Дни сходились в недели, недели — в месяцы. Я ездил на автобусах, поездах, автомобилях по Британской Колумбии, рассматривая пейзажи и города, слушая рассказы попутчиков,

любуясь красотами Канады, чему-то порой про себя удивляясь и всё запоминая, ибо всё или почти всё из того, что я видел, могло войти в мою биографию. Надо было лишь отобрать из этого сырья нужные крупицы и потом уже лепить наполненную приключениями жизнь Гордона Лонсдейла, парня, прошедшего через огонь, воду и медные трубы. Огонь — в Британской Колумбии, воду — на Юконе, медные трубы — в Торонто.

Пора было отправляться и туда.

Но до этого полагалось обзавестись документом, подтверждающим: Лонсдейл — это именно я.

Не буду вдаваться в детали этой, продуманной ещё в Центре, операции, а скажу лишь, что прошла неделя, и я получил «свою» метрику — небольшой кусочек пластика, который подтверждал, что Гордон Арнольд Лонсдейл действительно родился 27 августа 1924 года в шахтёрском поселке Кобальт провинции Онтарио.

Следующим шагом было получить права на вождение автомашины. В условиях Канады, где нет паспортизации, этот документ служит удостоверением личности. Машину я водил вполне прилично. Права получить было несложно.

Теперь требовался заграничный паспорт Гордона Лонсдейла. Для этого надо было выехать в Торонто.

Молчаливо улыбавшийся Глен не скрывал огорчения, узнав, что постоялец уезжает.

— Пиши, парень, как пойдут дела, — просил он, тиская мою ладонь. — Если не понравится, возвращайся…

Мы выпили по стопке виски, по второй и, наконец, Глен вывел машину, чтобы самому отвезти меня на вокзал.

Деньги за квартиру он взял, не считая. Как-то виновато сунул в карман, смяв бумажки. Мне это было приятно. «Обязательно напишу», — решил я. И уже потом, когда находился в Англии, регулярно переписывался с симпатичным канадцем.

Интервью с героем книги

— Товарищ полковник, не сомневаемся, что читателей очень интересует, как получилось всё-таки то, что вы называете спецкомандировкой? Верить ли нам вместе с ними вашей легенде?

— Моя легенда, как это ей и положено, осталась уже в прошлом.

— Тогда, пожалуйста, скажите то, что можете сказать. Почему выбор пал именно на вас?

— Это, видимо, было связано прежде всего с двумя обстоятельствами. Первое. Войну я провёл в войсковой разведке, а значит, имел представление об этой работе.

Второе. С детства сносно знал английский, читал и писал по-немецки и французски. Но это отнюдь не моя заслуга — в семье считалось естественным знать несколько языков. И мама, и папа — оба они научные работники, профессора (папа — физик, мама — медик) — с детства прививали нам любовь к языкам. Читать Шиллера и Шекспира в подлиннике считалось столь же естественным, как, скажем, Пушкина по-русски… Ну, кому придёт в голову знакомиться с ним по французскому переводу… Кстати, сделанному отлично…

— Язык давался вам легко?

— Вы понимаете, в детстве нет проблемы языка. Память впитывает всё, что ей предлагают. Учишься незаметно… Если б и остальные науки постигать так… Увы…

— Годы, которые вы провели в Англии, вы, естественно, и говорили, и думали по-английски. А сейчас?..

— У меня на сей счёт своя теория. Я считаю, что человек думает не словами, а отдельными понятиями, какими-то иными, нежели слово, категориями, оформляя их, конечно, в слова… Проследите, как вы думаете, и вы убедитесь, что я прав. Почему мы убеждены, что думаем на родном языке? Да просто потому, что, когда слабо знаем чужой язык, в разговоре сначала строим фразу на родном языке, а потом переводим её.

Любопытно, что, когда я вернулся на Родину, первое время русский у меня несколько «задерживался» — я подзабыл какую-то часть своего словаря. Но это всё быстро восстановилось.

— Вы сказали, что войну провели в разведке. Вы что, находились в тылу противника?

— Я был в том самом первом звене армейской разведки, которое действует непосредственно на передовой. Взять «языка», разведать расположение огневых точек — такие задания ставились перед бойцами подразделения, в котором я служил.

— Рядовым или офицером?

— Сначала рядовым, потом офицером. Закончил войну в должности начштаба этого разведподразделения. О характере заданий, которые нам поручали, можно судить по тому, что из трехсот человек, которые начали войну со мной, завершили её лишь семнадцать. В том числе и я…

— Это что — удача?

— Безусловно. Но не только. Профессиональная пригодность, хорошая реакция…

— Но мы незаметно удаляемся от главного вопроса: как случилось, что вы стали Гордоном Лонсдейлом?

— Кстати, в этом легенда почти соответствует реальности… После войны я поступил в институт и благополучно завершил учебу. Специальность моя не имела никакого отношения к разведке — я собирался стать экономистом. Впереди у меня была аспирантура и научная работа. Так было до того памятного вечера, когда дома раздался телефонный звонок…

— Традиционный телефонный звонок, без которого не обходится ни один детектив…

— Но что тут поделаешь, если он был на самом деле… Голос показался знакомым, и когда человек назвал себя, я сразу вспомнил его: Антон был моим боевым товарищем.

— Значит «Антон» — это реальный человек?

— Отвечу так: был реальный, как вы говорите, человек, вместе с которым я воевал и к которому я обращался именно так: «Антон». После войны он остался в разведке.

Мы давно не виделись, и я удивился, как ему удалось меня разыскать. Спросил его об этом.

— Долгая история, — несколько загадочно ответил Антон. — Встретимся — расскажу.

Через час он был у меня. Как обычно, начались воспоминания о войне, о друзьях, некоторых я давно потерял из виду.

Я спросил, где теперь мой бывший начальник. О нём ничего не было слышно с 1948 года, и я догадывался, что он находится в специальной командировке.

— Я и сам собирался рассказать тебе о нём, — ответил Антон. — А. работает за кордоном. Недавно я встречался с ним, и он просил повидаться с тобой.

Я спросил:

— А когда он собирается домой? Ведь ему скоро пятьдесят! Пора бы на более спокойную работу.

— Не знаю, когда он вернётся. Но он передает тебе привет и приглашает к себе помощником.

Сказать, что я опешил, значит ничего не сказать. Некоторое время я не мог даже толком сообразить, о чём, собственно, идёт речь. Помню, лишь подумал: у

меня уже твёрдые планы на будущее, нет никакого желания расставаться с семьей. Дальше у нас произошел примерно такой диалог:

— Вот что, Антон. Ты знаешь: я свой долг выполнил. С лихвой. Теперь очередь за молодёжью.

— Я и не предполагал, что ты согласишься сразу. Ты подумай. Не торопись, быстрое решение в таком деле ни к чему.

— Что тут думать? Я уже ответил. Начнись война — тут же попрошусь в тыл противника. Но сейчас у меня другие планы.

— Чудак, — улыбнулся Антон. — Война идёт полным ходом. Скрытая, тайная, но идёт!

Я знал, конечно, об агрессивной речи Уинстона Черчилля в Фултоне, о том, что американские атомные бомбардировщики летают вдоль наших границ, что уже создано ЦРУ — один из главных центров «холодной войны» против СССР. Но мне не было тогда известно, что уже во время войны и особенно в послевоенные годы разведки США и Англии вели широкую подрывную деятельность против Советского Союза. Они начали глубокое агентурное наступление, перебросив к нам в общей сложности — с самолётов и подводных лодок — более ста шпионов и диверсантов. Некоторые из них были снабжены биологическими возбудителями инфекционных болезней и должны были распространять эпидемии, эпизоотии и эпифитотии[1].

Вражеские агенты были схвачены и обезврежены органами государственной безопасности. Теперь можно сказать, что не последнюю роль в этом деле сыграл замечательный советский разведчик Ким Филби, высокое положение которого в английской разведке позволяло заблаговременно предупреждать нас о некоторых операциях подобного рода.

— Словом, Антон убедил вас?

— Почти, но не совсем. Его предложение выехать к А. было столь неожиданным, что мне хотелось поразмыслить. По неписаной этике разведчиков, Антон не сообщил каких-либо подробностей, связанных с работой моего бывшего командира, однако я понял, что он находится на нелегальном положении в одной из главных капиталистических стран.

Предложение было весьма лестным. Я понимал, разумеется, что если мне предлагают стать помощником

А., значит, Центр считает меня не только достойным доверия, но и способным оправдать его. И всё же я должен был спокойно обдумать всё, чтобы полностью быть уверенным, что смогу выполнить это задание. Ведь работа в разведке требует от человека помимо твёрдых моральных и политических качеств, помимо отличного здоровья и каких-то особых, присущих только этой профессии черт.

Обладал ли я ими в той мере, на которую рассчитывали мои товарищи, предлагая отправиться к А.?

Было и ещё одно важное обстоятельство. К тому времени у меня уже была семья. Трудно решиться на долгие годы оставить жену с маленьким ребенком, не имея возможности сказать ей правду о причине отъезда и тем более о риске, сопряжённом с этой поездкой.

В общем, было над чем подумать. Но сам факт, что я беседую с вами, говорит о том, какое в конце концов я принял решение.

— Беседа наша, видимо, затянулась. Прервём её, чтобы поработать над следующей главой?

— О чем она?

— Вы отправляетесь в Торонто, чтобы получить там заграничный паспорт на имя Лонсдейла. Сложно было его получить?

— Не очень. Повторяю: всё было тщательно продумано ещё в Центре. Через две недели этот документ уже был у меня в руках…

Глава III

Через две недели после приезда в Торонто заграничный паспорт был у меня в руках. Мистер Уайз, владелец бюро путешествий, выдавший мне синюю книжку с вытисненным на переплете золотым гербом Канады, видимо, не подозревал, какие чувства испытывает в эту минуту сдержанно улыбавшийся клиент, собравшийся в Англию. Я поблагодарил его. Не глядя сунул паспорт в карман, подписал какую-то бумагу и зашагал в гостиницу.

Только там я впервые позволил себе полюбоваться паспортом. Согласитесь, что для меня это был не просто документ, которым государство Канады подтверждало, что я действительно его гражданин. Этот документ узаконивал реальное существование Гордона Лонсдейла. Больше того — это был ключ, без которого решение задачи, возложенной на меня, оказалось бы немыслимым.

Можно сказать, что теперь всё зависело от меня и только от меня.

Я перелистал страницы паспорта. Погладил обложку и ещё раз полюбовался третьей страницей, в центре которой красовалась моя физиономия. На фотографии, как это часто бывает, я выглядел более красивым. Приятный молодой человек, чуть самоуверенно смотрящий на мир. Твердая складка губ, спокойный взгляд серых глаз, немного выпяченный вперед подбородок. («Будьте добры, голову чуть выше, вот так. Снимаю!» — фотографы во всем мире одинаковы).

«Интересно, был бы доволен настоящий Гордон Лонсдейл такой физиономией? — думал я, улыбаясь и опуская драгоценный паспорт в специально приобретённый по этому поводу кожаный бумажник. — А что, я ещё вполне ничего… — не без иронии сказал я сам себе по-английски с легким канадским акцентом. — Джентльмен тридцати трёх лет, хотя по паспорту мне ровно на три года меньше».

Пожалуй, сейчас самое время поговорить о внешности героя этой книги. И тут я должен выступить против некоторых традиционных представлений.

Главный, да и, пожалуй, единственный источник знаний о профессии разведчика — кино и литература давно уже выработали определённый штамп: сложенный как древнегреческий бог молодой человек с чеканными сверхволевыми чертами лица. О, конечно же, он поразительно находчив, он всезнающ и всеведущ. Никакие козни противника не

могут застичь его врасплох. Он знаток музыки и литературы. У него самые высокие вкусы в искусстве… На все случаи жизни у него есть свое мнение…

Словом, этот розовый герой экрана хорош всем, кроме одного — он выдуман от начала до конца.

Что касается меня, то у меня действительно типичная внешность разведчика. Типичная в том смысле, что она неброска и неприметна. И это надо понимать буквально: я человек без особых примет.

Всё у меня как бы среднее: рост, сложение, полнота, нос… И даже «красота» — тоже как бы средняя: и красивым не назовешь, и некрасивым не посчитаешь. И если вечером вы познакомитесь со мной, а наутро вас попросят описать мой портрет, вы почти наверняка не сможете этого сделать: просто не запомните меня. В памяти разве что останется впечатление чего-то приятного, и больше ничего, ибо в обаянии, надеюсь, мне никак не откажешь. Впрочем, это моя наполовину личная, наполовину профессиональная черта.

Внешность моя лишена и каких-либо ярких национальных черт. Легко могу сойти и за англичанина, и за скандинава, равно как и за немца, славянина или даже француза. Правда, известная английская журналистка Ребекка Уэст нашла впоследствии, что Лонсдейл «похож на славянина и ни на кого больше…» На что другой английский журналист — Патрик О'Донован едко ответил ей, что, может быть, Лонсдейл действительно похож на славянина, однако об этом догадались слишком поздно.

Естественно, поэтому я не был особенно удивлен, когда один далеко не глупый человек, познакомившийся со мной уже после возвращения на Родину, разочарованно протянул:

— Подумать только, ведь вы совсем не похожи на разведчика…

— А сколько бы я проработал, будь я «похож»? — думаю, вполне резонно ответил ему я.

Но до этого дня пройдёт ещё много лет. Сейчас же весна 1956 года. Канада. Первое мое знакомство с новеньким паспортом.

Да, с таким документом можно отправляться куда угодно. Я тут же написал на условный адрес короткую, в три слова, открытку, которая должна была сообщить, что с документами всё в порядке и теперь я готов выехать в Англию. Но понимал, что ещё как следует не готов к той роли, которую должен играть. И, опустив в почтовый ящик закодированное послание, двинулся на вокзал. Взял билет до Оттавы и на другой день выехал в столицу Канады.

За два месяца мне предстояло прожить три десятка лет,

отведенных Гордону Лонсдейлу на его канадскую жизнь. И я, естественно, очень торопился. Почти без отдыха колесил по стране, изучая её.

Я ходил в море с рыбаками, несколько дней жил в маленьком домике на колесах, который перевозил лесорубов с места на место, бродил с охотниками по бобровым протокам, колесил по бесконечным автомобильным дорогам, ночевал в гостиницах и мотелях, беседовал с рабочими и студентами, бизнесменами, геологами, священниками, постепенно набираясь необходимых знаний и с легким удивлением чувствуя, как Канада из некоей страны «вообще» становится страной, близкой мне, к радостям и бедам которой я уже не мог быть равнодушным.

> «Молодая быстро растущая Канада, особенно её современные методы освоения огромных природных богатств дальнего Севера производят сильнейшее впечатление, — сообщал я в одном из донесений в Центр. — Нет никакого сомнения, что там можно почерпнуть массу интересного и полезного».

Оттуда вскоре пришёл ответ. Мне предлагали использовать для «прикрытия» жизни в Англии учебу в Лондонском университете. *«Попытайтесь поступить на факультет африканистики и востоковедения, который, по нашим данным, субсидируется английским министерством обороны*, — давали мне указание. — *Не исключено, что на этом факультете проходят специальную подготовку сотрудники Интеллидженс сервис и военной разведки…»*

Я тут же отправился в городскую библиотеку, разыскал в каталоге несколько справочников по Лондонскому университету, с карандашом в руках прочитал их и в тот же вечер послал в Лондон письмо с просьбой принять меня на учёбу на такой факультет, где я мог бы изучать китайский язык и историю Китая.

Ответ пришёл быстро. В нём сообщалось, что занятия начнутся в первую среду октября, но мистеру Лонсдейлу следует явиться в деканат несколько раньше. В конверт были вложены брошюры с описанием курса, программами занятий, всевозможными сведениями о том, где и как получить место в общежитии, сколько платить за обучение, и тому подобными справками.

Пока всё шло строго по плану. Следующая операция на пути в Лондон, которую предстояло мне произвести, была сугубо финансовой. Но получилось так, что она далеко вышла за рамки обычных банковских «открыл — закрыл счет» и повлекла для меня приятные и значительные последствия.

Банковский счет на Западе — это нечто большее, чем просто свидетельство о наличии у вкладчика определённой суммы денег. Банк — это весы, с помощью которых бизнес определяет положение человека в его мире. Это телескоп, через который он видит его так же ясно, как астроном Луну. Короче, человек с банковским счетом — это солидный человек, заслуживающий доверия и уважения, — одна из аксиом мира капитала.

Я знал, что в Англии без банковского счёта мне придется туго. Знал и то, что получить такой документ в стране Её Величества не просто — требуются две рекомендации вкладчиков банка. Но где мог их раздобыть небогатый канадский студент?

Ещё в Ванкувере я положил небольшую сумму в отделение канадского банка и, приехав в Торонто, перевёл свой вклад в местное отделение, добавив к нему несколько сот долларов. Получив из университета благоприятный ответ, я тут же отправился в «свой» банк — весьма солидный, всеми уважаемый, с традиционной тишиной, молчаливо делающими своё таинственное дело клерками и деревянной стойкой, у которой обычно стоит один, редко два посетителя.

Подойдя к стойке, я извлёк свою сберегательную книжку и попросил клерка перевести часть вклада в лондонское отделение их банка.

— К сожалению, — ответил клерк с сахарной улыбкой, — я не осуществляю операции по переводу вкладов. Моё дело — выдавать и принимать деньги. Вам придется перейти к окну старшего клерка.

Я повторил свою просьбу старшему клерку — приятному седому господину с манерами частнопрактикующего врача. Тот внимательно выслушал, одобрительно покачивая при этом головой, и неожиданно спросил:

— А в Англию вы надолго?

— По меньшей мере на год. А что?

— Если позволите, я хотел бы дать вам добрый совет, — сказал старший клерк. — Я посоветовал бы вам вступить в Королевскую заморскую лигу…

Я никогда в жизни не слыхал об этой лиге. Правда, приехав в Канаду, я быстро заметил, что слово «королевский» там весьма популярно: «королевская почта», «королевская конная полиция» (в других странах такая организация обычно именуется жандармерия), «королевские канадские военно-воздушные силы» и так далее. Даже банк, в котором я находился, именовался «королевским» Однако что-то нужно было отвечать.

— А что мне это даст? — такой подход в условиях Запада совершенно естествен и подкупает своей искренностью.

— Вы приедете в незнакомый для вас Лондон, где скорее всего не знаете ни души. В Англии заводить знакомства с полезными вам людьми значительно труднее, чем в Канаде. А в Королевской заморской лиге вас примут как родного, помогут найти квартиру, познакомят с нужными людьми, организуют недорогие путешествия по стране. Короче, вы сможете обратиться туда по любому поводу.

— Собственно, почему вы всё это мне говорите? — всё ещё недоумевая, спросил я, уже догадываясь о том, как мне необыкновенно повезло.

— Дело в том, что я секретарь местного отделения лиги, — приветливо улыбнувшись, ответил клерк. — Хотел бы обратить ваше внимание и на то, что вступительный взнос здесь — всего пять долларов. А в Англии это будет стоить более 20 долларов.

И заметив, что клиент колеблется (на самом деле я ничем не рисковал, не считая пяти долларов, а знакомых у меня в Лондоне действительно не было), клерк тут же высыпал целую груду аргументов в пользу лиги, в том числе и тот, что я смогу получать на её адрес почту. Такой оказией я пренебречь не мог — иметь надежный почтовый ящик за пять долларов в год разведчику удаётся весьма редко.

Теперь можно было погасить «колебания».

— Я согласен. Где можно оформить моё вступление?

— Сегодня среда. Члены лиги встречаются по пятницам сразу после работы. В эту пятницу у нас выступит один англичанин и покажет цветные диапозитивы с видами живописных уголков Англии. Потом будут кофе и танцы…

И он тут же протянул визитную карточку с адресом местного отделения лиги. И только потом выдал мне бланки, необходимые для оформления перевода денег в Лондон.

В пятницу я, одетый в строгий тёмный костюм, появился в помещении лиги. Оказалось, что зал принадлежит какой-то другой организации. Лига снимает его за небольшую плату на три часа в неделю. Седой джентльмен с приятными манерами радостно приветствовал меня и представил всем присутствующим. Я тут же заполнил небольшую анкету и получил членский билет и различные брошюры о деятельности лиги. При этом я был приятно удивлён, когда увидел имя патронессы лиги — королева Елизавета II (сомнений быть не могло: благодаря удачному стечению обстоятельств я стал членом весьма солидной организации).

Мой первый вечер с членами лиги прошёл удачно. Лекция была достаточно интересной. Во всяком случае, для меня, ведь я стремился как можно больше узнать о стране, где предстояло

работать. Перед окончанием собрания я получил (разумеется, за дополнительную плату) значок и галстук лиги.

Закончив все приготовления для переезда в Англию, я купил билет на пароход и выехал в Нью-Йорк. В день отъезда я отправил А. почтовую открытку с видом канадского парламента. Это означало, что мы должны встретиться в условном месте через четыре дня после даты на открытке.

В первых числах марта 1956 года я снова увиделся со своим старым другом. Нью-Йорк уже встречал весну. Улицы казались светлее обычного, воздух чище, полицейские не такими угрюмыми. У входа в Центральный парк продавали фиалки.

А. появился минута в минуту и, раскланявшись со мной, как с добрым знакомым, которого неожиданно встретил, тут же перешёл к делу:

— Когда собираешься в Лондон?

— Хоть завтра…

— Ну, зачем же так скоро?

Я давно привык к поразительному хладнокровию своего руководителя и не удивился, что тот ничем не выказал удовлетворения тем, что я сумел так быстро получить «добро» на выезд в Англию. Тем не менее я чувствовал: А. мною доволен.

Я рассказал А., что вступил в члены Королевской заморской лиги. Он одобрительно кивнул.

Нам пришлось встретиться потом ещё несколько раз, чтобы я мог чётко запомнить условия связи с разными людьми в Европе. По обыкновению, А. помнил наизусть великое множество подробностей. Я, естественно, тоже ничего не записывал и лишь повторял про себя наиболее важные моменты, укладывая их в памяти с помощью различных приемов мнемоники. Думаю, они, эти приемы, нужны, полезны, более того, необходимы — выберите любое слово — не только для разведчиков. Я всегда удивляюсь, почему уже в начальной школе детей не обучают хотя бы самым элементарным правилам столь полезной науки. В особенности если учесть, что ещё в древнем Риме мнемонические приёмы были широко известны. Мнемоникой пользовался ещё Цицерон — известно, он произносил свои знаменитые речи без бумажки — уменье, которое мы постепенно утрачиваем…

Интервью с героем книги

— Чуть-чуть опередим события: мы знаем, какую важную роль сыграла лига в вашей работе в Англии. Но ведь это был просто счастливый случай, просто редкостное везенье — так легко и просто войти в лигу? Вы согласны?

— Да, сама по себе встреча с клерком, запросто предложившим мне стать членом этого в общем-то весьма авторитетного клуба, была чистой случайностью, но надо было правильно оценить эту «редкую возможность» и превратить её в столь же «счастливую реальность». А для этого нужны были совсем иные категории. Такие, как уменье, понимание, словом, качества чисто профессиональные. Помните Суворова: «везенье-везенье, а где же уменье…» Я не очень путанно выражаю свои мысли?

— Нет, всё понятно.

— Вообще же между моими коллегами иногда возникают споры о подобных удачных обстоятельствах. Что это: только чистый случай, удача или закономерный результат хорошей работы? Некоторые товарищи выступают с прагматических позиций, другие целиком отвергают роль удачи или случая…

— А вы?

— На мой взгляд, это результат сочетания и того, и другого. При этом всё решает высокое профессиональное мастерство разведчика и его упорство в достижении цели.

И всё же мой опыт показывает — и представители опасных профессий, наверное, со мной согласятся, — что есть на свете люди удачливые, которым при прочих равных условиях «везёт» чаще, чем другим. Есть и их антиподы — люди «невезучие». Конечно, я не могу дать строгого научного объяснения этому явлению, но от этого оно вовсе не уходит из жизни. Я лишь констатирую факт. Но здесь я должен обратить внимание на одну особенность «везения»: обычно оно приходит к людям, профессионально одарённым. Настойчивым. Человек, который упрямо или, вернее, упорно добивается поставленной задачи, рано или поздно находит пути к её осуществлению.

— А себя вы к какой категории относите — «везучих» или «невезучих»?

— Отвечу на ваш вопрос так: во время войны в крытом кузове автомашины ехало одиннадцать человек. Вдруг появился самолет противника. Он летел на бреющем полёте. Сброшенная им бомба разорвалась буквально в метре от машины, а пулемётная очередь изрешетила кузов. Шесть человек были убиты, двое тяжело ранены, трое, в том числе и я, остались целы и

невредимы… Безусловно, это была чистая случайность и троим просто (и к тому же здорово!) повезло.

— Спасибо. Возвращаемся к рассказу о встречах с А.

— Прощаясь с ним, я повторил всё, что должен был запомнить, передал сообщение в Центр и письма родным. Мы долго глядели в глаза друг другу и молчали. На ближайшие годы, как мы это отлично понимали, встреч у нас не намечалось.

Из Нью-Йорка я отплыл на океанском лайнере «Америка», который, как нетрудно догадаться по его названию, принадлежал американской пароходной линии в Атлантическом океане (кстати, единственной в то время). Я прекрасно знал, что американские пассажирские пароходы славятся посредственным питанием (входящим в стоимость билета) и отвратительным обслуживанием. Вне конкуренции в этой области — французские лайнеры. Однако, завершив подготовку к переезду в Англию, я не хотел терять ни одного дня и выехал первым же пароходом. Мне не повезло — «Америка» оказалась старой посудиной и к тому же плохо держала волну.

Глава IV

«Америка» оказалась старой посудиной с какими-то изъянами в конструкции, из-за чего судно испытывало сильную бортовую качку даже в тихую погоду. Многих пассажиров укачало уже через несколько часов после выхода в море, и они почти не вставали до конца путешествия.

— Стюарда! Будьте любезны, стюарда, — стонал, вцепившись в койку (я плыл туристским классом, в четырехместной каюте), один из моих соседей, молодой канадец по имени Билл.

Пришёл стюард с блюдом апельсинов и лимонов (Билл так ни разу и не смог поесть в ресторане и был вынужден питаться пять с лишним суток лимонами и апельсинами).

Отлежавшись, канадец рассказал, что направляется в Англию сделать там какую-то сложную хирургическую операцию. Я удивился:

— Неужели эту операцию не умеют делать у нас в Канаде? Или в США.

— Конечно, умеют. Но где я возьму пять тысяч долларов?

— А кто же заплатит за вас в Англии?

— Да никто, — спокойно сказал Билл. — Но в Англии существует национальное медицинское обслуживание. Нужно только еженедельно делать взносы. Зато, если заболел, лечат бесплатно.

— Но ведь вы канадец. На вас это обслуживание не распространяется, не так ли?

— Сейчас, конечно, нет. Но я собираюсь устроиться там на работу. Начну делать взносы, а месяца через три-четыре лягу в больницу. Потом вернусь в Канаду. Так что операция обойдется примерно в триста долларов — стоимость проезда туда и обратно. — Парень явно был в восторге от своей предприимчивости. Я тоже был поражён его ловкостью.

Другим соседом оказался немец Ганс Кох. На него, так же как и на меня, качка не действовала, и большую часть времени мы проводили вместе. Посочувствовав своему позеленевшему от морской болезни соседу, мы пошли обедать в ресторан — огромный (конечно, по корабельным представлениям) зал, сиявший белизной жестко накрахмаленных скатертей, лаком мебели, серебром посуды и бронзой светильников.

— Чем занимаешься, Ганс? — поинтересовался я, когда, пожелав друг другу здоровья, мы выпили традиционную рюмку аперитива.

— Работаю в Нью-Йорке в туристском бюро. Мы продаём

специализированные экскурсии по Европе. Обслуживаем школьных учителей и преподавателей вузов.

— А что, разве экскурсии учителей отличаются от экскурсий всех прочих смертных?

— Конечно, отличаются. Кроме обычного турне мы предлагаем клиентам ещё и курс лекций в крупнейших университетах Европы. В конце турне им выдают отлично оформленные дипломы, подтверждающие, что их владелец прослушал лекции в нескольких европейских университетах.

— Но ведь такой «диплом» ничего не стоит!

— Так-то оно так, — ухмыльнулся Ганс, — но, на наше счастье, далеко не все это понимают. Больше того, документ о посещении лекций в Оксфорде или Сорбонне как-то выделяет преподавателя из общей массы и способствует его карьере. Учти к тому же: наши дипломы напечатаны на пергаменте и снабжены красивыми печатями с шелковой лентой и вполне прилично выглядят в рамке на стене…

— Ну, хорошо, — засмеялся я. — Согласен. Если не окончу Лондонского университета, покупаю вашу пергаментную «липу». Идёт?

— Идёт, — улыбнулся Ганс. — Но для этого тебе придется совершить небольшой круиз по Европе.

— Согласен и на это…

Ганс сообщил, что несколько раз в году посещает Европу и всегда заезжает в Англию, и я решил, что было бы весьма полезным поддерживать с ним связь.

— Когда соберёшься в Европу — напиши мне на адрес Королевской заморской лиги. Я встречу тебя, — предложил я. Ганс охотно согласился и, в свою очередь, спросил:

— А ты не хотел бы познакомиться с одной моей приятельницей? Она живёт недалеко от Лондона…

Конечно же, я хотел этого, и сосед тут же написал рекомендательное письмо.

Впоследствии Ганс не раз навещал меня, и мы регулярно переписывались. После того как немец стал постоянным представителем своей фирмы в Европе и поселился в Мюнхене, я даже побывал у него в гостях.

После утомительной гонки по Канаде морское путешествие, несмотря на непрекращавшуюся качку, было для меня отдыхом, неожиданным и, надеюсь, вполне заслуженным. С утра до вечера пассажиры были заняты всевозможными соревнованиями, играми, в том числе и азартными, прогулками, купанием в бассейне и тому подобными приятными делами. Каждый вечер нам показывали новый фильм. Всё это было очень кстати, так как

помогало быстро завязать нужные связи. Прежде всего меня, конечно, интересовали англичане. Но, к моему великому сожалению, в туристском классе было всего несколько англичан. Это удивило меня, и, познакомившись с одним из подданных Её Величества, путешествовавшим так же, как и я, туристским классом, я напрямую спросил об этом.

Ларчик открывался просто: Англия испытывала большие трудности с платежным балансом. Даже после войны продолжали существовать всевозможные ограничения на вывоз валюты частными лицами. Суммы, которую можно было обменять на иностранную валюту, было достаточно разве что для недельной поездки в соседние страны, и не дальше. Поэтому за океан могли отправиться только те англичане, у которых там были родственники, готовые их содержать.

Однако, по словам собеседника, если бы мистер Лонсдейл плыл первым классом, то встретил бы там множество англичан.

— Не понимаю, — искренне удивился я. — На какие средства в таком случае приобретают билет в первый класс, если их не хватает даже для туристского?

— Чувствуется сразу, молодой человек, что вы далеки от бизнеса, — мягко улыбнувшись, ответил англичанин. — Бизнесмен подобного вопроса не задал бы — известно, что люди бизнеса вправе обменять любое количество валюты для деловых поездок. Ну и, кроме того, состоятельные англичане держат крупные суммы в иностранных банках, хотя это и запрещено законом…

Пришлось сделать вид, что я страшно изумлён подобной несправедливостью:

— Как же так, разве закон в королевстве — не один для всех? Именно в этом его сила…

— Милый мой, — засмеялся англичанин, — вы наивны, как провинциальная девушка. Я уверен, что в Канаде, так же как и у нас в Англии, существуют разные законы для тех, у кого много денег, и для тех, у кого их мало…

Как и полагалось, Англия встретила нас туманом. Издавая протяжные гудки, «Америка» медленно вползла в порт Саутгемптона и, раздвигая грудью серые волны тумана, ткнулась боком о стенку. Пришвартовались. «Просим пассажиров явиться в гостиную для прохождения паспортного контроля», — тут же громогласно объявили динамики, установленные во всех помещениях лайнера.

Я зашёл в каюту за Биллом, который едва стоял на ногах после сильной качки в Ла-Манше. Придерживая его под руку, я не торопясь двинулся в гостиную, где меня ждал приятный сюрприз

— всех пассажиров разделили на две группы: британские подданные и иностранцы. Последние должны были заполнить какие-то анкеты, после чего иммиграционные чиновники тщательно проверяли их паспорта и визы. Британские подданные ничего не заполняли, их паспорта просматривали очень быстро, и через несколько минут мы с Биллом уже были в таможенном зале.

Чемоданы пассажиров были снабжены бирками с именами владельцев, и, когда мы перешли в таможенный зал, весь багаж был уже рассортирован по алфавиту. Я нашел два своих небольших «сака». Осмотр был быстрым, поверхностным, и чиновник, угрюмую физиономию которого украшали традиционные усы щеточкой, уже был готов пропустить их, когда обратил внимание на фотоаппарат, висевший у меня на груди.

— Как долго вы намерены пробыть в Англии? — неожиданно спросил он.

— Не меньше года. Я поступаю в Лондонский университет.

— В таком случае вы считаетесь не туристом, а постоянным жителем. Придется платить пошлину за фотоаппарат…

— Какова сумма пошлины?

— Сейчас отвечу…

Таможенник порылся в каком-то справочнике и предложил внести 84 фунта стерлингов. Конечно, я мог тут же уплатить эту сумму, но я не хотел пускать на ветер государственные деньги. Да и, по сути дела, это был чистейший грабёж среди белого дня. Нужно было что-то сообразить.

— В таком случае, — сказал я, — я не буду ввозить мой фотоаппарат. Оставлю его у вас.

Таможенник нехотя взял «экзакту». Придирчиво осмотрел её, зачем-то пощелкал ногтем по хрустящему кожаному футляру и сказал:

— Если в течение трех месяцев вы покинете Англию через Саутгемптон, то сможете тут же получить аппарат обратно. Если вы задержитесь, ваша камера будет отправлена на центральный склад, и тогда вы должны за неделю до выезда уведомить центральную таможню о дате и месте выезда из страны…

— Каким образом я смогу получить камеру обратно?

— Я выпишу вам квитанцию.

Специальный поезд, который ожидал пассажиров «Америки» прямо в порту, доставил нас на лондонский вокзал Ватерлоо примерно к семи вечера. Стало уже темно, моросил мелкий дождь, и я решил остановиться на ночь в ближайшей гостинице.

С чемоданами в руках я пересек площадь, чувствуя, как за воротник ползут тяжёлые холодные капли дождя, и, заметив

светящийся неон вывески отеля, двинулся к нему.

Я уже привык к тому, что в Западной Европе около вокзалов всегда полным-полно отелей, и был удивлён, что возле вокзала Ватерлоо находится всего лишь одна гостиница, да и то старая, построенная лет сто, если не больше, тому назад.

Получив ключ от номера, я смог убедиться, что со дня открытия отеля в нём явно ничего не изменилось, если не считать того, что газовое освещение было заменено электричеством. Номер поразил меня страшным холодом и неуютностью. Стены, пол, окна, казалось, источали тяжёлый запах сырости. А за окном — дождь, темнота, незнакомый город. Всё это создавало ощущение одиночества и потерянности (дома сейчас уже стояли долгие весенние вечера с голубой звездой над горизонтом, стеклянным, хрустким ледком…).

Приглядевшись, я заметил в пустом, давно нетопленном камине газовую печку. Рядом находился счётчик, в который нужно было опустить шиллинг, тогда печь включалась на пару часов.

Я бросил монету и, присев к огню, положил перед собой карту Лондона, купленную на вокзале. Оказалось, что я остановился на самом берегу Темзы, и стоило перейти мост Ватерлоо — так знакомый по знаменитому фильму, — и я попадал в центр города. Я ещё не знал, что, по странному совпадению, начал свою английскую карьеру в нескольких шагах от того места, где ей суждено было много лет спустя закончиться.

«Всё идет нормально, — сказал я себе, складывая карту. — Доехал ты хорошо. Завтра мир посветлеет… А чтобы не терять времени, пойди-ка сейчас на улицу и поброди по городу».

Прогулка хорошо помогала в таких случаях. И, подняв воротник габардинового плаща, я вышел на улицу, сразу пожалев, что не догадался обзавестись в Канаде зонтом.

Вечерний дождливый Лондон впервые демонстрировал мне себя. Он был весьма недурён собой, этот Лондон. Нарядно освещённый. Может быть, чуточку самоуверенный. Украшенный яркой, но не крикливой рекламой — её огни мягко стелились по мокрым мостовым. Выдержанный в строго деловом и торжественном стиле. Город, в богатстве которого никому не приходило в голову сомневаться.

Как со старым знакомым, встретился я с мостом Ватерлоо. Похлопал его по парапету, за которым мрачновато катила маслянистые воды Темза. Постоял, наблюдая, как внизу, под ногами пропыхтел буксир с двумя гружёнными песком баржами. Потом перешёл на другую сторону речки и зашагал к Трафальгарской площади, чтобы поглядеть на колонну Нельсона,

воздвигнутую в честь победы знаменитого адмирала над французским флотом у мыса Трафальгар.

Это была та часть Лондона, которую я довольно ясно представлял себе, загодя познакомившись с ней по карте. От Трафальгарской площади я мог теперь направиться по самой широкой улице английской столицы — Уайтхоллу в сторону парламента, но счёл визит туда преждевременным. Прошёл мимо украшенного колоннадой здания Национальной картинной галереи и повернул направо к Пиккадилли — фактическому центру Лондона, который часто называют туристской Меккой.

Официально же центром Лондона считается так называемая Мраморная арка, довольно претенциозное сооружение, установленное на углу Гайд-Парка. Именно от неё исчисляется расстояние по всем шоссейным дорогам из Лондона. Первоначально арку построили как парадный въезд в Букингемский дворец, но проектировщики ошиблись в расчёте, оказалось, что королевский экипаж в неё не проходит. Пришлось арку разобрать. Рачительные отцы города не захотели списывать её в убыток и водрузили на углу Гайд-Парка, где она лишь мешает движению. Со временем невезучей арке всё же нашли применение: построили в ней камеры для особо буйных ораторов, выступающих в Гайд-Парке.

Тут я набрёл на один из знаменитых лондонских «корнер-хаузов» («угловых домов») фирмы «Лайонз». По сути, это целые комбинаты общественного питания, этажи которых занимают самые разнообразные заведения — от прилавка, где можно выпить чашку кофе с булочкой, до ресторана. Я зашёл туда поужинать, и знакомство с английской кухней сразу же заставило меня понять, что без квартиры с кухней, где бы я сам готовил себе хотя бы раз в день, тут не обойтись. Впрочем, потом я убедился, что можно недорого и вкусно столоваться в многочисленных кафе и небольших ресторанах «континентального типа» — итальянских, французских, испанских, греческих.

После ужина я ещё немного побродил по городу и вернулся в гостиницу. Газ продолжал гореть, и в комнате стало теплее. Я сбросил промокший плащ, повесил его на дверцу шкафа, достал из чемодана пижаму, переоделся и, полистав не очень свежий номер «Лондон иллюстрейтед ньюс», забытый кем-то из моих предшественников на ночном столике, выключил свет.

Конон Молодый (примечание на полях рукописи):

Должен признаться, что я неожиданно остро ощущал одиночество. При мысли о своих родных и близких,

живущих за тысячи миль отсюда, мне становилось очень грустно. Но я всегда находил утешение в мысли, что моя работа полезна, в сущности, всем людям, включая и моих близких. Конечно, моим прямым противникам и всем инакомыслящим она должна была казаться одиозной и преступной, но я знал, что делаю полезное дело.

Да, я скучал по дому, и мне страшно хотелось написать моим любимым жене и дочке. Однако я, естественно, не мог отправить им письмо обычной почтой…

Глава V

Миловидная, подчёркнуто строго одетая леди в приемной лиги весьма любезно попросила меня показать членский билет. И когда я извлёк из кармана беленькую книжицу, полученную в Торонто, предложила зарегистрироваться в «Книге заморских посетителей» и пройти в секретариат. Там меня, поскольку я был представителем одного из доминионов, встретили с распростертыми объятиями, как если бы это был блудный сын, вернувшийся наконец в отчий дом.

— О мистер Лонсдейл! — почти простонала, протягивая мне руку и расплываясь в приветливейшей из улыбок, немолодая дама, скучавшая за одним из столиков. — Мы так рады, так рады вам. Как устроились? Чем можем быть полезными?

— Я только что приехал в Лондон, — ответил я, несколько ошеломленный таким необычным приемом.

— Прекрасно, мистер Лонсдейл, прекрасно. Пожалуйста, садитесь сюда, на диван. И рассказывайте. И учтите, что с вами беседует сотрудник лиги, отвечающий за встречу заморских посетителей, — Элизабет Пауэлл. Так что не стесняйтесь, если у вас есть какие-то просьбы…

— Рад, что в Лондоне у меня будет такой очаровательный «шеф», — как можно любезнее сказал я, получив в ответ улыбку. — Ну, а если говорить о помощи, так это — жильё. Я уже начал подыскивать себе квартиру, но не уверен, что смогу подобрать что-либо приличное.

— Да, в таком городе, как Лондон, найти квартиру по вкусу — весьма сложное дело, и займёт оно несколько недель, — вздохнула мисс Пауэлл. — Я бы предложила вам на время остановиться в гостинице лиги — она расположена во флигеле этого здания.

— Не знал, что лига располагает такими удобствами. Спасибо. Я согласен…

Меня тут же провели в гостиницу и познакомили с управляющим. Тот предложил на выбор несколько номеров. Поскольку я был студентом, то предпочёл дешевый номер на двоих и уплатил за две недели вперёд. Моим соседом, как я предварительно установил, был австралиец (по вполне очевидным причинам мне не хотелось иметь рядом канадца).

Я съездил в отель и привёз свои вещи. Но не успел открыть чемоданы, как зазвонил телефон. На всякий случай я поднял трубку и удивился, когда услышал, что спрашивают именно меня. Приятный женский голос любезно сообщил, что генеральный

секретарь лиги приглашает мистера Лонсдейла к себе через полчаса.

Было около часа дня. «Зачем я понадобился ему? В каком виде явиться на приём?» Одет я был по-дорожному: твидовый пиджак, серые брюки, темная сорочка с галстуком. Не хотелось, чтобы меня приняли за серого «колониста», как часто называют приезжих из доминионов. К счастью, у меня в чемодане лежал темный немнущийся костюм, приобретённый в Нью-Йорке. Я не любил его, так как он совершенно не грел в холодную погоду и становился невыносимо жарким в теплую, однако вид у него был броский, и он действительно совершенно не мялся.

(Заметим, что одежда разведчика — не всегда он сам, не всегда его вкусы, привычки. Как ни странно, но эта профессия, как никакая иная, нивелирует, во всяком случае внешне, личность человека, подчиняет её своим, порой даже необъяснимым и противоречивым требованиям. Я не любил яркой или броской одежды. Профессиональные навыки тоже заставляли одеваться так, чтобы не привлекать к себе внимания, но это вовсе не означало, что, когда это диктовали обстоятельства, я не следовал самой последней моде или не уделял одежде должного внимания).

Итак, я быстро привёл себя в порядок, надел белую сорочку с «консервативным», то есть неярким, галстуком, заменил цветной платок в кармане пиджака белым и ровно через тридцать минут был в кабинете господина Филиппа Кроушоу, кавалера Ордена Британской Империи.

Любезно приняв гостя, Кроушоу сказал несколько избитых фраз о традиционной любви англичан к канадцам и пригласил в бар, где познакомил с руководящими деятелями лиги. Это были явно люди «общества» — кавалеры Ордена Британской Империи, отставные генералы, политики.

Там Кроушоу предложил выпить канадского виски и в знак уважения к «стране господина Лонсдейла», несколько морщась, пригубил рюмку.

Обменявшись любезностями и поблагодарив за виски, я собрался откланяться, но не тут-то было. Как только господин Кроушоу понял моё намерение, он взял меня под руку и подвёл к огромному окну бара. За окном виднелся яркий зеленый газон Грин-Парка и раскинувшийся за ним Букингемский дворец.

— Посмотрите, какой вид, господин Лонсдейл! — проникновенно сказал Кроушоу.

— О да! — я глубокомысленно кивнул, ещё не понимая, куда гнёт мой собеседник.

— Обратите внимание — над дворцом развевается

королевский штандарт, — продолжал Кроушоу. — Это означает, что Её Величество пребывает там. Следует выпить за её здоровье. — И кавалер многозначительно посмотрел на меня.

Наконец-то я понял, что требовалось от меня. Поспешно подойдя к бару, я заказал всем виски и воскликнул:

— Здоровье королевы!

Допивая рюмку, я решил, что впредь следует самому предлагать ответную стопку виски, не дожидаясь столь тонких и патриотических намеков.

Глава VI

Итак, я живу в гостинице лиги, питаюсь там же, посещаю фильмы и концерты, регулярно захожу в бар, похоже, уже примелькался обслуживающему персоналу. В вестибюле лиги у меня не спрашивают пропуска, а, наоборот, вежливо улыбаясь, приветствуют по имени. Я оставался членом лиги все годы жизни в Англии, часто посещал различные мероприятия, организованные лигой, получал на её адрес корреспонденцию. Лига была «моим клубом», куда я мог приглашать знакомых днём, когда в Англии все пивные и бары закрыты. Именно в такой момент важно иметь возможность небрежно бросить знакомому бизнесмену: «Пойдёмте, посидим в моём клубе», поскольку бары клубов в это время работают.

Лига часто оказывала мне всевозможные услуги. Когда я наконец нашёл подходящую для себя квартиру, то у меня попросили пять рекомендаций: с предыдущего места жительства, от управляющего банком, с места работы и от двух домовладельцев. Я явился в секретариат лиги и показал эту анкету любезной мисс Пауэлл.

— Я укажу свой банк и предыдущий адрес в Канаде, — сказал я. — Но что делать с рекомендациями с места работы и от двух домовладельцев?

— Я попрошу господина Кроушоу, — подумав, сказала мисс Пауэлл. — Его подписи будет достаточно.

И действительно, подпись секретаря лиги с указанием его должности и букв О.Б.И. (сокращенно Орден Британской Империи) оказала чудодейственное влияние на управляющую «Белым домом», где я собирался поселиться. Мне тут же предоставили однокомнатную квартиру.

Конечно, я не забыл любезности мисс Пауэлл и часто, возвращаясь из поездок «на континент», привозил ей небольшие подарки: французские духи, блок американских сигарет, какую-нибудь модную безделушку и тому подобное. Мисс Пауэлл не оставалась в долгу и усердно одаривала меня контрамарками в театры, на студии телевидения и другие зрелища. Как-то, в годовщину коронации королевы, она предложила мне пропуск на торжественный парад лейб-гвардии, попасть на который рядовому англичанину практически невозможно. Как понимаете, я не отказался. Она регулярно снабжала меня пригласительными билетами в королевскую ложу Алберт-Холла — самого большого концертного зала Лондона.

Но об этом — в своё время…

Моим соседом по комнате в гостинице лиги оказался некий Ленард Харрис — австралийский горный инженер, худощавый, черноволосый и смуглолицый парень. Он только-только закончил работу по трёхлетнему контракту на рудниках где-то в Экваториальной Африке и приехал в Лондон с одной целью — «погулять».

Харрис был примерно одного со мной возраста. Ну, быть может, чуть старше. Мы быстро сошлись, стали вместе осматривать Лондон. Мне были интересны его рассказы об Африке, об отношениях англичан и африканцев, о жизни горстки британских специалистов где-то в самом сердце «Черного континента».

По словам Харриса, это была весьма скучная жизнь — кроме работы, делать там было совершенно нечего. Британские специалисты приехали с женами и свободное время проводили дома. Холостяку Харрису оставалось лишь увлечься записями африканской музыки и слушать радио.

— Ты удивишься, Гордон, но знаешь, какую станцию я слушал чаще всего?

— Канберру?

— Канберру?! Москву!..

— Москву? Но ведь это чертовски далеко… И потом — ты что, понимаешь русский?

— В том-то и дело, что они говорят по-английски, как мы с тобой. В Африке Москву лучше слышно, чем Лондон и Вашингтон. А дикторы — ты не поверишь — ведут передачи на Северную Америку с чистейшим американским акцентом, а на Англию — с хорошим оксфордским выговором.

— Ну и что в этом удивительного? — не подумав, ответил я.

— Как что удивительного! — воскликнул Харрис. — Вот ты бы, например, мог выучить в совершенстве русский?

Мне оставалось лишь признать себя посрамлённым и пробормотать что-то о том, что я имел в виду людей, особо способных к языкам…

Через несколько месяцев Ленард прокутил все деньги, накопленные за три года в Африке, и подписал контракт на работу в рудниках Перу. Своим отношением к деньгам он напоминал сибирских старателей из книг Мамина-Сибиряка. Подобные люди — большая редкость на Западе, и второго такого человека я там не встретил. Из Перу Ленард регулярно писал мне, и время от времени я посылал ему пластинки с записями африканской национальной музыки. Их можно было достать только в Лондоне, причём в единственном магазине на Оксфорд-Стрит.

Но мы опять забежали вперёд. А сейчас — сейчас третий день лондонской жизни канадца Лонсдейла. Утро в маленькой вполне уютной комнате гостиницы лиги. За окном — мокрые крыши особняков «Клубландии» — центра города, где сосредоточено большинство фешенебельных клубов. По лондонским понятиям погода вполне приличная, что означает небольшой дождь (лондонцы зовут его «душиком»), который зарядил с утра и с незначительными перерывами собирается, видимо, выплеснуть своё содержимое только к вечеру.

Харрис старательно водит по щеке электробритвой, пристроив на столике несессер и придирчиво разглядывая своё слегка опухшее от лондонского «отдыха» лицо.

Я устроился у окна с номером «Таймс» в руке. Читаю колонку объявлений. Это именно объявления, а не реклама — в них всякая всячина, порой весьма любопытная. Кто-то разыскивает родственников, кто-то извещает о предстоящей помолвке. О пропавшей собаке, об утерянном документе… В Англии такой раздел издавна называют «колонкой агонии».

— Требуется умная и культурная девушка для сопровождения в поездке по достопримечательным местам Австрии, — читаю я вслух. — Это интересует тебя, Ленард?

— Не совсем. В Австрию такую девушку, как я, не заманишь. И потом я вправе сомневаться, что джентльмен, давший это объявление, преследует чисто познавательные цели… Давай дальше, Гордон.

— Американский фабрикант, производящий бритвенные лезвия, ищет 24 чисто выбритых священника для участия в рекламной передаче самого высокого вкуса.

— Это предложение мы обсудим, когда я закончу бриться.

— Привлекательная вдова сорока лет согласна сопровождать леди или джентльмена в морском круизе. Требуется оплата только расходов по круизу.

— Это уже лучше. Сколько лет вдове?

— Сорок.

— Странно. И просит оплатить расходы по круизу?!

Харрис кончил бриться и, осмотрев себя в зеркале, нашёл, что пока что не худо было бы совершить круиз в ближайшую парикмахерскую и постричься.

Портье гостиницы посоветовал нам заглянуть на Джермин-Стрит.

— Это именно то, что нужно джентльменам — многозначительно прибавил он.

— Что ж, сочтём себя джентльменами, — рассмеялся Ленард, как только мы прикрыли дверь. — Идём на Джермин-Стрит?

Как человек, привыкший жить в самых диких уголках земного шара, он находил английскую привычку именовать джентльменом чуть ли не нищего весьма забавной.

Через несколько минут оба «джентльмена» входили в парикмахерскую. Её внешний вид казался вполне скромным. Тогда я ещё не знал, что именно на Джермин-Стрит и в прилегающий переулках расположены наиболее дорогие, хотя и небольшие и скромные на вид, магазины, где можно купить или заказать предметы мужского туалета.

В вестибюле парикмахерской никого не оказалось. По трём стенкам вестибюля располагались какие-то кабинки, отгороженные портьерами. В парикмахерской царила мёртвая тишина. Но тут же как из-под земли появился человек в униформе и любезно помог нам снять плащи.

Произнеся какую-то фамилию и предпослав ей «мистер» (я не слышал в Канаде, чтобы парикмахеры называли друг друга мистерами), человек в униформе отдернул портьеру одной из кабин и изысканным жестом пригласил туда Харриса. Тот ещё не успел войти, как рядом бесшумно появился парикмахер и тщательно задернул портьеру.

Я впервые видел мужскую парикмахерскую, клиентов которой прятали друг от друга в таинственных кабинетах. Однако мне не дали долго удивляться, так как тут же был вызван ещё один «мистер», и я так же бесшумно был препровожден в свой загончик.

Не произнося ни слова, кроме «здравствуйте, сэр», парикмахер усадил меня в кресло и жестом предложил выбрать один из нескольких журналов. Всё это были свежие номера. Я взял «Лондон иллюстрейтед», так как считал его нарочитую старомодность весьма занятной.

Усевшись поудобнее, я принялся за чтение журнала, незаметно наблюдая за работой парикмахера. Тот ни разу не попросил меня повернуть, наклонить или поднять голову. Извиваясь как индийский йог, он ухитрялся стричь своего клиента, не мешая ему читать. Прошло немного времени, и операция была закончена. Тщательно стряхнув волоски, мастер поднёс к моему затылку зеркало и, не торопясь, продемонстрировал своё искусство. Оно было на высоте.

После этого была названа некоторая сумма (скромная по американским масштабам, но раза в два выше, чем в обычных английских парикмахерских) и с поклоном принята вместе с чаевыми. Когда я вышел из кабины, то увидел, что Ленард буквально лишь на несколько секунд опередил меня. Здешние мастера были не только йогами, но и телепатами!

Степенно, не говоря ни слова, мы вышли на Джермин-Стрит. Тут переглянулись и разом захохотали.

— Когда я буду рассказывать про эту лавку древностей где-нибудь в Экваториальной Африке, мне никто не поверит, — выдавил из себя Ленард.

Не прошло и пяти дней, как я заметил, что было бы не вредно снова сходить в парикмахерскую. Оказывается, в «парикмахерской для джентльменов» не столько стригли, сколько подравнивали «лишние волосы». Видимо, британские джентльмены привыкли стричь волосы почти так же часто, как бриться. Больше я с этим заведением дел не имел. В обыкновенных парикмахерских были очереди, журналы давностью в несколько месяцев, но зато стрижки хватало недели на две, а то и больше.

Глава VII

Утром я отправился в университет. Традиционный лондонский дождь перестал, но на улице было сыро и туманно, и автобус, на котором я добирался до университета, плыл в сырых косматых облаках, освещая себе дорогу яркими жёлтыми фонарями.

Предстояло получить официальное подтверждение, что я принят. Сомневаться, что это так и есть, никаких оснований не было, но всё же я слегка беспокоился: мало ли какие бывают случайности? Всё обошлось благополучно, и сам заведующий кафедрой профессор Саймонс чинно поздравил меня со вступлением в университет — цитадель британской науки.

Я был абсолютно искренен, когда, поблагодарив профессора, заверил его, что счастлив учиться под его руководством.

— Вам предстоят нелегкие дни, — профессору явно хотелось поговорить. — Только очень неумные люди представляют студенческие годы эдаким веселеньким коктейлем из развлечений и увлечений. Работа, работа и ещё раз работа — только так можно стать настоящим учёным. В наш век, когда поток информации растёт как снежный ком, когда учёный уже практически не может оставаться узким специалистом-индивидуалистом, когда многие важнейшие открытия приводят к невиданным изменениям в жизни всего человечества…

Я слушал профессора внимательно, подчеркнуто почтительно. Мне хотелось, чтобы с самого начала с ним установились добрые отношения — зачем осложнения там, где их можно избежать?

— Надеюсь, профессор, вы будете мною довольны.

— Время начала занятий, расписание и другие детали вы узнаете у Джин, — профессор Саймонс встал. Разговор был окончен.

В приёмной сидела худенькая большеглазая девушка. Потом я узнал, что ей двадцать с небольшим, но тогда она показалась мне подростком.

— Наверное, вы и есть Джин? — обратился я к ней, не скрывая, что с интересом разглядываю её.

Джин рада была поболтать:

— Это действительно мое имя. А вы будете у нас учиться?

О, милая Джин! Конечно, она уже знала, что Гордон Лонсдейл зачислен студентом, но надо же было поддержать разговор.

— Да. Но боюсь, без ваших советов я просто пропаду, —

сказал я. — Поэтому помогите, Джин, своему студенту.

— В чём? — подняла аккуратно выщипанные бровки Джин.

— Подскажите, какие нужны учебные пособия, книги. Вообще посоветуйте, что ещё необходимо студенту.

Я по опыту знал, что добрые отношения с секретарями иногда более важны, нежели с их патронами.

Джин толково, с полным знанием дела перечислила всё, чем следовало мне заняться в эти дни. В то же время она успевала весьма деловито выполнять свои секретарские обязанности: кратко и точно отвечала на телефонные звонки, по каким-то одной ей известным признакам определяла, стоит ли пропустить очередного посетителя к профессору, придирчиво следила за тем, чтобы посетители, удостоившиеся чести быть принятыми Саймонсом, не отнимали у него больше запланированного времени.

— Ну и работенка у вас, — посочувствовал я.

— Приходится нелегко, — охотно откликнулась Джин. — Но это временно. Вот только бы рост не подвёл.

— А в чём дело?

— Мне не хватает нескольких миллиметров до нормы. А вы себе не представляете, как придираются к этому, когда отбирают девушек в стюардессы.

Джин мечтала стать стюардессой на одной из американских линий.

— Рост — чепуха, — с полным знанием дела сказал я. — Когда я жил в Нью-Йорке…

— Так вы из Нью-Йорка? — оживилась девушка.

— Я из Канады, но мне пришлось провести немало времени в этом городе.

Джин буквально набросилась на меня с расспросами о США и Нью-Йорке. Особенно интересовала её стоимость жизни в этом городе. Это было не праздное любопытство: девушка хотела знать, сможет ли она прожить на зарплату стюардессы. Я достаточно подробно рассказал ей о ценах в кафе и ресторанах, парикмахерских, гостиницах, магазинах. Джин пришла в ужас, когда услышала, сколько стоит маленькая квартирка в Нью-Йорке, казавшийся ей весьма высоким будущий оклад стюардессы для Нью-Йорка был очень и очень скромным.

Растерянность ясно отразилась в больших светлых глазах девушки.

— Не унывайте. Каждый с чего-нибудь начинает. Ведь то, что вам предлагают, это только начало?

— Но я уже так много успела сделать! — Джин, видимо, сочла меня вполне достойным того, чтобы поделиться своими

сомнениями. — Думаете, легко было окончить курсы французского языка? А сейчас я учусь на курсах медицинских сестер, посещаю занятия по спасению утопающих.

— И все это надо знать стюардессе?

— О да, это и ещё многое другое! В наши дни стать стюардессой не так-то просто! И специальные знания, и физические данные.

— Ну, с этим у вас полный порядок! — вполне искренне заверил её я.

Джин действительно была очень миловидной.

— Вот только рост…

— Какие-то жалкие несколько миллиметров не могут играть существенной роли. Я как-нибудь принесу американские журналы, и вы сможете убедиться, что время рослых, мужеподобных девиц ушло в прошлое.

— Да здравствует грация! — засмеялась Джин.

— Вот именно! — ответил откровенно восхищённой улыбкой я. — И вы — её образец!

Комплимент мог бы показаться нескромным, но я точно знал, кому он предназначен. В тысячах английских офисов, фирм, учреждений за секретарскими столиками сидят тысячи таких Джин. Они в совершенстве постигли технику своей работы, в меру исполнительны, в меру привлекательны. И многие из них мечтают о том времени, когда удастся вырваться из узкого мирка служебных обязанностей. Дома у Джин наверняка хранятся иллюстрированные журналы, в которых преподносятся стандарты женского обаяния.

Джин впоследствии все-таки стала стюардессой, кажется, в авиакомпании «Панамерикэн». Я встретился с нею, когда она уже летала. Помню, Джин очень важничала и строила из себя космополитку. Для какой-то части молодых людей Запада это весьма положительное качество, которое свидетельствует о том, что человек в любой стране чувствует себя как дома. Девушка небрежно поинтересовалась, как идут мои дела, невнимательно выслушала короткий ответ. Она явно считала, что все, кто «не летает», — люди второго сорта. Меня забавлял её снисходительный тон, но я искренне пожелал ей новых удач в воздухе и на земле…

— Здесь меня видели в первый и последний раз, — категорически сказал Ленард, отодвигая от себя тарелку, на которой лежало нечто, вкусом, размером, цветом и формой напоминавшее хоккейную шайбу, зажаренную в собственному соку. — Обедать буду в итальянском ресторане. Идёшь со мной?

— Боюсь, эта кухня не для меня, — уклончиво ответил я. — И

потом я бы не хотел связывать тебя своей персоной. Пойду пошатаюсь по городу.

— Тогда до вечера.

Мы завтракали в одном из корнер-хаузов недалеко от гостиницы. Кухня была традиционно английской, привыкнуть к ней за неделю было невозможно. Ленард поднялся, нахлобучил шляпу. Я остался один. Достал из кармана план Лондона и, перелистав несколько страниц, выбрал один из прилегавших к центру районов, который решил сегодня освоить.

Красные линии транспортных маршрутов сообщали мне номера автобусов, которыми следовало воспользоваться (я пришёл к выводу, что лучше всего знакомиться с городом, сидя впереди на втором этаже автобуса — здесь был хороший обзор: и вправо, и влево).

Несколько минут я путешествовал по карте, запоминая серую сетку улиц, зелёные прямоугольники парков, квадраты площадей. Допил кофе. Ещё раз проверил себя, бегло глянув на карту и убедившись, что память зацепила именно то, что ей полагалось.

Лондон уже источал чистые и нежные запахи весны. После долгих дождей пробилось солнце, и город смотрел на мир весело и ясно.

Поднявшись на второй этаж автобуса, тут по утрам было свободно, я прошёл вперед и занял первое место, приготовившись к встрече с незнакомым районом. Я пропустил несколько улиц, уже освоенных за предыдущие поездки, проверяя попутно, насколько запомнил их, и скоро въехал в район, с которым только что знакомился по карте. Серая сетка, отпечатанная на бумаге, трансформировалась в трёх- и четырёхэтажные дома с традиционным зелёным газончиком, в пустыри, оставшиеся на месте разбитых во время немецких бомбардировок зданий, в редкую цепочку прохожих.

Покачиваясь на обитом плотной мягкой тканью сиденье, я скорее безучастно, чем заинтересованно поглядывал по сторонам, а память в это время работала на полный ход, безотказно фиксируя всё наиболее интересное для меня, что проходило перед глазами.

Так я ехал, может быть, пятнадцать, может быть, двадцать минут, потом пересел на автобус, двигавшийся в обратном направлении, и снова перед глазами побежали те же дома, пустыри, газоны… Где-то на середине пути я сошёл и двинулся пешком, стараясь держаться поближе к магистрали.

Я знакомился с Лондоном.

Оно продолжалось долго, это знакомство, — всё время, пока я жил в этом большом и сложном городе. Сначала я изучал центр и

основные магистрали. Я прошёл их все, «от и до». Пешком, фиксируя в памяти дом за домом, переулок за переулком. Когда уставал от пеших прогулок, спускался в метро и изучал Лондон подземный — систему пересадок, входы и выходы, районы вблизи станций.

Прежде чем осваивать новый для меня уголок города, я всегда сначала садился за карту и, только уложив в памяти геометрию его улиц, отправлялся в путь. Без этого в Лондоне нельзя: спланирован город весьма запутанно и хитроумно, вернее, он вообще не спланирован, сформировался как бы сам по себе. Это, конечно, не означает, что его невозможно досконально изучить. Просто нужно затратить больше времени и усилий.

Путешествуя по городу, я почти всякий раз делал для себя маленькие забавные открытия. То это была пивная с несколько необычным названием «Петля палача» (впоследствии лондонцы с восторгом узнали, что её действительно содержал официальный палач их города, имя которого, пока он не ушел в отставку, держится в тайне. Как оказалось, сей почтенный господин развлекался тем, что иногда собственноручно обслуживал своих клиентов). То это маленькое заведение на Уигмор-Стрит, специализировавшееся на ремонте парикмахерских принадлежностей. В витрине его был выставлен перочинный нож с 1851 лезвием! Столь необычное число объясняется тем, что нож был изготовлен специально для знаменитой выставки 1851 года. (Потом я убедился, что мало кто из лондонцев знает об этой уникальной вещице, которую с полным основанием можно считать одной из достопримечательностей их города).

В районе Трафальгар-Сквер я наткнулся на пивную «Шерлок Холмс», в которой хранится трубка знаменитого литературного героя и некоторые другие его «личные вещи». Многие лондонцы (причём далеко не наивные люди) свято убеждены, что Холмс был постоянным завсегдатаем пивной, хотя она находится очень далеко от известной Бейкер-Стрит, где Конан Дойл поселил своего героя.

Правда, для его местожительства он избрал не существующий на Бейкер-Стрит дом, тем не менее узкий и длинный двор одного из кварталов знаменитой лондонской улицы с легкой руки поклонников великого сыщика был переименован в «Шерлок Холмс мьюз» («мьюз» — это внутриквартальные дворы, в которых в прошлом веке располагались конюшни. Естественно, там сейчас — гаражи, а помещения, где когда-то жили кучера и конюшие, переоборудованы в уютные квартирки, которые по весьма высоким ценам обычно сдают одиноким мужчинам).

Я обнаружил «Шерлок Холмс мьюз» случайно: нашёл в газете

адрес кинотеатра, где показывали довоенные ленты с участием знаменитых актеров. Реклама обещала даже циклы таких фильмов, посвящённых крупнейшим режиссёрам и актёрам. Лондонская публика посещала подобные программы с редким постоянством, и владельцы кинотеатров, «горевших» под ударами телевидения, сделали верный вывод, что надо ориентироваться именно на добротную старину.

Я пошёл туда не столько ради удовольствия посмотреть хороший (наверняка хороший!) фильм, сколько для того, чтобы восполнить известный пробел в образовании — ведь по возрасту мне полагалось помнить лучшие ленты довоенного и военного времени, а в силу понятных читателю причин я был лишён такой возможности.

В первый же свой визит в этот маленький и весьма уютный кинотеатр я узнал, что темноватый двор, застроенный старинными одно- и двухэтажными домами, куда открывался запасный выход кинотеатра, и есть знаменитый «Шерлок Холмс мьюз». Шёл дождь, и желания снять шляпу и поприветствовать всемирно известного детектива у меня не появилось.

Как-то в воскресенье утром я посетил всемирно известный «спикерс корнер» — уголок Гайд-Парка, где каждый может держать речь перед собравшимися там зеваками. Послушав двух-трех ораторов и найдя это занятие весьма скучным, я решил двинуться по парку вдоль Бейсуотер-Роуд. Случайно мой взгляд остановился на весьма странном сооружении: между двумя солидными пятиэтажными зданиями втиснулся дом такой же высоты, но шириной буквально в два метра, первый этаж состоял из входной двери, а на всех остальных было ровно по одному окну — второе разместить было уже негде.

Так я познакомился с самым узким лондонским домом.

Ещё несколько шагов, и на Круглом пруду Кенсингтонского парка — он примыкает к Гайд-Парку — я увидел, как проходят «ходовые испытания» модели судов — от весьма примитивных парусных лодок до кораблей с дистанционным управлением.

Тут же я обнаружил поклонников совсем иного хобби — неподалеку от Круглого пруда собираются любители воздушных змеев. Солидные джентльмены с упоением запускают свои конструкции в воздух, постепенно разматывая катушку с нейлоновым шнуром.

Ещё одно открытие я сделал, когда решил посидеть на шезлонге — в наиболее людных местах лондонских парков расставлены шезлонги.

Как из-под земли выросла фигура в форменной куртке и со словами: «Прошу три пенса, сэр» — протянула небольшой

билетик. Я не сразу понял, за что должен уплатить пенсы. Оказалось — за шезлонг. За эту скромную сумму я мог сидеть в нем сколько угодно. Однако стоило отлучиться от «своего» шезлонга хоть на минуту, и он становился «ничейным», плата взималась вновь…

Мне полагалось хорошо знать не только планировку города, в котором предстояло работать, но и обстановку в разных районах, в разное время суток.

Как-то после очень позднего сеанса в одном из кинотеатров на Лестер-Сквер я решил побродить в районе Трафальгарской площади. Даже в такой час, когда уже трудно сказать, то ли это поздняя ночь, то ли раннее утро, она ещё была оживлённа. Неожиданно я увидел освещённые окна почтового отделения и зашёл, чтобы выяснить часы его работы — подобные сведения всегда могут пригодиться. Оказалось, что почта открыта всю ночь, но производит лишь продажу марок и приём телеграмм. Теперь я знал, откуда могу отправить в Центр срочную информацию даже ночью.

Также во время своих вроде бы бесцельных, но в действительности заранее продуманных прогулок я зашёл в Вестминстерскую публичную библиотеку — одну из библиотек Лондона. Тут вполне можно было переждать время после того, как «проверишься» до начала какой-либо операции. Расположена библиотека на Грейт Смит-Стрит. Случайно я выяснил, что библиотека доставляет книги на дом старикам и инвалидам, а также снабжает лиц со слабым зрением книгами, отпечатанными очень крупным шрифтом. Я запомнил и это. Однажды мне доставили письмо, которое прошло цензуру в английской контрразведке. На конверте был адрес почтового отделения и номер почтового ящика этого небезынтересного для меня заведения. Как оказалось, так называемая МИ-5 пользовалась услугами почтового отделения именно на этой улочке. Правда, мне и моим коллегам это было давно известно, но, согласитесь, — всегда приятно получить подтверждение правильности подобных сведений.

Во время странствий по ночному Лондону с изумлением узнал, что в гостинице «Империал», где я как-то останавливался, всю ночь работает турецкая баня. Туда обычно являются после полуночи сильно подвыпившие джентльмены, проходят парилку, затем массаж, а потом отсыпаются на «оттоманках». Ради интереса и в надежде, что когда-нибудь это пригодится, я посетил и это любопытное заведение. Парилка была весьма умеренной, зато массаж с применением каких-то масел буквально раздирал человека на части, и после него клиента, запеленутого в

махровый халат, неудержимо клонило ко сну. Как разведчику мне очень понравилось это заведение. В минуту жизни трудную тут можно было провести ночь или две, не называя своей фамилии, и таким образом уйти из-под контроля полиции, ибо сообщать здесь о себе какие-либо сведения не было необходимости.

…Вечером я застал в номере Ленарда, с нетерпением дожидавшегося меня, чтобы затащить в какой-то ночной клуб. Сидя там за столиком и глядя на обнажённых девиц, извивавшихся в немыслимом «африканском» танце (сочиненном явно в Лондоне), я думал лишь о том, чтобы поскорее добраться до гостиницы лиги и лечь спать. За день я отшагал километров тридцать, не меньше. Что поделаешь — иных путей для изучения курса «География Лондона» не существовало.

Из боевой характеристики

лейтенанта Молодого Конона Трофимовича

Товарищ Молодый К.Т. с первых дней Отечественной войны участвует в боях с немецкими захватчиками и проявил себя смелым, инициативным командиром.

Пройдя большой путь от бойца до командира в условиях боевой обстановки, тов. Молодый накопил богатый опыт и практику в ведении инструментальной разведки, а также в организации её.

За выдающиеся заслуги в организации разведки огневых средств противника тов. Молодый награждён медалью «За боевые заслуги», орденами Красной Звезды, Отечественной войны первой и второй степени.

(В характеристике указывается, что тов. Молодый К.Т., 1922 г. рождения, русский, член ВКП(б), военного образования не имеет, в РККА — с октября 1940 года, в Отечественной войне участвует с 22 июня 1941 года.)

Глава VIII

Следующий визит я нанёс в студенческий союз — канадский студент Лонсдейл, конечно же, пытался устроиться в общежитии (хотя это никоим образом не входило в планы Лонсдейла-разведчика). На счастье, свободных мест там не было и не предвиделось.

В студенческом союзе мне дали список лиц, сдающих комнаты. Все адреса были далеки от университета, тем не менее я созвонился с несколькими хозяйками и посетил их. Комнаты были весьма дешёвыми, однако их состояние полностью соответствовало формуле «сколько заплатишь, столько и получишь». Самое же скверное заключалось в том, что в подобных домах жилец находился под постоянным и достаточно бдительным (из любопытства, желания предупредить порчу мебели и т. п.) наблюдением хозяйки, что создало бы для меня ненужные трудности.

Как всегда, выручила лига. Мой добрый гений — мисс Пауэлл тут же порекомендовала небольшое бюро по найму меблированных комнат и квартир и при мне позвонила хозяину, с которым была хорошо знакома. Минут через пятнадцать я уже беседовал с этим почтенным джентльменом. К сожалению, в районе университета в его картотеке не числилось ничего подходящего. Я уже собирался уходить, как вдруг тот сказал:

— Мистер Лонсдейл, а вы согласились бы платить за комнату четыре фунта в неделю?

— Конечно. В Канаде захудалая комнатушка стоит куда дороже.

— Отлично. Думаю, мне удастся устроить вам крохотную однокомнатную квартирку за эту сумму.

Он тут же позвонил какой-то своей знакомой, и из разговора стало ясно, что сейчас свободных квартир нет. Тем не менее он попросил неизвестную госпожу Сёрл всё же принять Лонсдейла, подчеркнув, что он из Канады и к тому же — «настоящий джентльмен». Произнося последние слова, он хитро подмигнул мне. Я не понял, что он имел в виду, но всё же посмотрел на него как можно более глубокомысленно.

— Я думаю, что госпожа Сёрл всё же сумеет что-то подыскать. Она ведает сдачей квартир в огромном здании, которое находится в пятнадцати минутах ходьбы от университета.

— Что бы вы посоветовали мне, чтобы ускорить дело?

— Преподнести ей американские сигареты. Она их очень любит. Достать же их сейчас невозможно — запрет на импорт.

Это не было новостью для меня.

Ещё до отъезда в Англию я внимательно проштудировал «Путеводитель по Европе» Филдинга, в котором всячески подчеркивалось, что в Старом свете высоко ценят американские сигареты, так что, курите вы или не курите, всегда полезно иметь их про запас. Я не курил, но решил последовать доброму совету и приобрёл на теплоходе несколько блоков сигарет.

Уже через час я стоял перед стойкой в вестибюле «Белого дома», за которой вела с кем-то телефонный разговор госпожа Сёрл. Отрекомендовавшись, я достал пачку «Честерфилда» и предложил госпоже Сёрл закурить, вежливо поднеся зажигалку, которую всегда имел при себе.

— Как вы находите американские сигареты, госпожа Сёрл? — задал я вопрос, который должен был приоткрыть путь к закаленному в боях с квартиросъемщиками сердцу администратора «Белого дома».

— Я давно полюбила их, — последовал ответ, который я предвидел заранее. — В этом доме во время войны жили ваши лётчики, приезжавшие на отдых в Лондон. Они приучили меня к этим сигаретам.

— Очень интересно. Но, по-моему, в Лондоне нет в продаже американских сигарет. Приходится трудно, наверное?

— Кое-как перебиваюсь. В нашем доме живёт немало иностранцев, меня иногда балуют, — кокетливо улыбнулась госпожа Сёрл.

— Можете записать меня в их число. Завтра же принесу вам первый блок. Что вы предпочитаете — «Лаки страйк», «Кэмел» или «Честерфилд»?

— О мистер Лонсдейл! Разве я могу принять такой подарок! Впрочем, если это не затруднит вас, «Честерфилд». Моя любимая марка!

Ну, а дальше выяснилось, что на следующей неделе освободится одна из 800 квартир «Белого дома» и, хотя у госпожи Сёрл набрался длинный список ожидающих, она, учитывая безвыходное положение, всё же отдаст предпочтение мистеру Лонсдейлу.

Как я уже сказал, огромное здание «Белого дома» находилось совсем недалеко от университета. Это было очень удобно — разведчику всегда приходится экономить время. Расположено оно было в районе Риджентс-Парка — одного из красивейших в Лондоне. Рядом проходили три линии метро и около десятка маршрутов автобусов. Отсюда легко было выбраться в любой район Лондона, что также было мне удобно.

«Белый дом» смахивал на пчелиный улей, на девяти этажах

которого размещались сотни однокомнатных квартир и несколько десятков двух- и трёхкомнатных. Это был в полном смысле жилой комплекс: внизу — ресторан, бар, парикмахерская, продовольственный магазин, аптека, бюро путешествий, плавательный бассейн. В конце каждого крыла имелся запасной выход. Это особенно привлекало: всегда могла сложиться такая ситуация, при которой пришлось бы им воспользоваться.

Здесь жили в большинстве одиночки. Жильцов с детьми сюда не допускали. В квартирную плату входили уборка, электричество, отопление и другие услуги. За каждый телефонный звонок взималась дополнительная плата. В просторном, светлом холле круглосуточно дежурил портье. Он записывал на чёрной доске номера тех квартир, в которые звонили в отсутствие их постояльцев.

По сути, «Белый дом» был огромной гостиницей с постоянными жильцами.

— Ну как? — спросила госпожа Сёрл неделю спустя, когда осмотр квартиры был закончен. — Нравится?

Вместо ответа я развёл руками и поднял глаза к небу. Что означало: божественно…

Иногда мне случалось уезжать из страны на некоторое время, и тогда я отдавал свою квартиру, а вернувшись, получал другую. Любопытно, что за шесть лет квартплата более чем удвоилась.

Глава IX

Я отношусь к тому типу людей, которые никогда не скажут о себе: «я знаю всё» или «я всё постиг». Это не профессиональное свойство, хотя для разведчика зазнайство и самоуспокоенность — гибели подобны. Это внутри. От человека. От его натуры. От воспитания.

Однажды, ещё на фронте, вдвоём с товарищем ушли мы в разведку. Впрочем, не ушли — уползли. Нам не повезло: на ничейной земле немцы засекли нас. Белой пустыней лежали снега, тихо мерцали, холодно искрились под бледной, будто напуганной бесконечным грохотом войны, луной. Вспыхивали и гасли, распахивая небо, ракеты. Ударила автоматная очередь — пули легли чуть сбоку от нас. Мы повалились, зарылись в сугроб. Мороз был такой — звёзды, казалось, трещали. Так мы пролежали часа два, а может, и меньше — время казалось бесконечным.

— Всё, пошли дальше, — тихо сказал товарищ.

— Лежи. Рано.

— Забыли про нас фрицы. Или решили, что прихлопнули.

— Лежи, — попросил я.

Товарищ не послушал. Приподнялся на мгновение. Очередь прошила ему грудь…

Я запомнил это, надеюсь, навсегда: разведчику не должно изменять терпение. Оплошности ему не прощаются. Всё это аксиомы. Но, чтобы их усвоить, нужны годы и, увы, уроки, которые нам преподносит жизнь.

Теперь мне предстояло пройти этот курс в Англии. Разведчик учится бесконечно, как тот почти анекдотический «вечный студент». Хочешь ты того или не хочешь, но по-настоящему понять чужую жизнь, понять так, чтобы естественно войти в неё, можно только «на натуре».

Естественно, я был посвящён во многие её тонкости задолго до того, как выехал в спецкомандировку. И я, и мои учителя понимали — это то необъятное, объять которое никто не в силах, и я продолжал вникать в жизнь подданных Её Величества до своего последнего английского дня. Меня интересовало всё — от старинных уходящих в тысячелетия обычаев до последней моды на мужские рубашки.

Можно сказать, что преподавателей я выбирал себе сам. О чём они, естественно, не догадывались. Один из них — начищенный до блеска маленький юркий человечек — ведал отношениями большого отеля «Савой» с прессой и обществом. Англичане, как и американцы, считают, что ими, этими

отношениями, должно управлять. И каждая приличная фирма, все государственные ведомства и даже воинские части содержат специалистов по формированию общественного мнения. Эта система называется «паблик рилэйшенс» — связи с публикой. Ну, а для меня это был выход в тот «полусвет», который старался жить жизнью «света» и всегда находился в курсе его новостей.

Человек из «Савоя» следил за рекламой отеля в прессе и на телевидении. Он же старался сделать так, чтобы публике не стали известны скандалы, которых в отеле происходило немало.

— Понимаете, Гордон, если мистер «Икс» набил рожу мистеру «Игрек» в ресторане нашей гостиницы, то не только они, но и мы заинтересованы в том, чтобы на следующий день в газетах не промелькнуло об этом ни слова.

Я был искренне удивлён, ибо знал, что Англия гордится своей самой независимой прессой, которая не боится критиковать даже премьера…

Специалист по «паблик рилэйшенс» жизнерадостно расхохотался:

— Приглашаю вас, Гордон, на коктейль-парти в «Савой». Тут вы быстро во всём разберётесь… Независимость, мой друг, это товар. А товар продаётся и покупается.

— Отлично, — сказал я. — Когда «коктейль»?

Было интересно посмотреть в натуре, как работает «паблик рилэйшенс», к тому же я надеялся завести знакомства среди газетчиков, обычно это люди весьма информированные.

Вечером я надел немнущийся костюм и отправился в «Савой».

Знакомый уже ждал меня в холле.

— Прекрасно, Гордон, — окинул он меня быстрым взглядом. — Вы выглядите как новенький канадский доллар, ещё не пущенный в оборот.

— Спасибо, — довольно сдержанно поблагодарил я. Сравнение с долларом мне не очень-то понравилось.

— Кстати, сегодня здесь будет одна начинающая журналистка. Она весьма успешно рвётся вверх по лестнице. Девочка сделает карьеру, поверьте моему опыту. Ей нравятся мужчины вашего типа.

— Какого?

— Вы чем-то напоминаете славянина. Широкоскулое лицо… Тёмные глаза… Сдержанность в характере, в которой опытная женщина многое предугадает.

— Чёрт возьми, — я искренне рассмеялся, — вы отличный знаток людей. Если учесть, что я родился и вырос в Канаде, что ни одна из моих бабушек и прабабушек не была знакома со славянами, что характер у меня открытый и простой, тогда,

конечно, вы хорошо во мне разобрались.

— Выдерните из карманчика платок и сдвиньте чуть набок галстук — вы выглядите слишком чопорно, а нынче опять входит в моду манера одеваться небрежно.

Так мы переговаривались, пока съезжались в гостиницу гости.

Знакомый оказался весьма обязательным человеком и старательно опекал меня, пока длился приём в честь очередной кинозвезды, остановившейся в «Савое». В маленьком зале было полно публики — журналисты, писатели, кинодеятели. Стоял лёгкий шумок. Все были друг другу знакомы, все говорили. Тут обсуждали последнюю светскую новость и последний скандал очередной эстрадной дивы. Здесь запросто произносили громкие имена, здесь делались «кумиры» публики, заключались деловые соглашения.

Потом появилась та самая кинознаменитость, ради которой собрались все эти люди. Я не раз видел её на экране — так же, как и миллионам зрителей, мне она казалась невероятно обольстительной, хрупкой и стройной. А тут в зале появилась не «девушка из киногрёз», а некое прыщеватое, довольно невзрачное создание, лицо которого покрывал толстый слой косметики. К тому же замухрышка была явно навеселе, и её при каждом шаге слегка пошатывало. Рядом с актрисой встал специалист по «паблик рилэйшенс». Газетчики торопливо, словно стараясь поскорее выполнить никчемную, но необходимую работу, задали ей несколько вопросов.

— Ваш последний любовник?

— Почему вы его намерены покинуть?

— Правда ли, что продюсер к вам немного охладел?

— Не будете ли вы любезны подтвердить слух о том, что до работы в кино увлекались стриптизом.

И так далее.

Почти все вопросы касались интимной жизни кинозвезды. Специалист подсказывал ей весьма ловкие ответы, она их повторяла тоже торопливо, ничего не добавляя от себя. При этом она старалась улыбаться. Чем подробности, о которых её расспрашивали, были «деликатнее», тем улыбка звезды становилась обворожительнее. Нет, она не собирается дать отставку своему приятелю, он её вполне устраивает. Против охлаждения продюсера она знает верное средство и в нужный момент пустит его в ход. Леди и джентльмены пусть не беспокоятся, продюсер её верный и давний друг, и ему нравятся девушки её склада и темперамента. Кино — это тот же стриптиз, только перед миллионами, эта мысль только что пришла ей в голову и выглядит забавной… Всё это смахивало на заранее

отрепетированный спектакль. Меня поразили пустота ответов, никчемность вопросов. Наконец, кинозвезда решительно потянулась к рюмке, быстро упилась, и её, нежно поддерживая под руки, увели.

— Завтра разразится скандал, — шепнул я своему знакомому. — Газеты опишут эту безобразную сцену. Искренне вам сочувствую.

— Не волнуйтесь, — улыбнулся тот. — Для чего же здесь я?

«Специалист по публике» вышел на середину зала, сердечно приветствовал высокоуважаемых гостей гостиницы «Савой», которые, несмотря на чрезвычайную занятость, почтили их скромный вечер своим присутствием.

— А теперь просим к столу, — широким жестом указал он на столы, уже давно привлекавшие внимание гостей гораздо больше, чем кинозвезда.

Приятель познакомил меня с журналисткой, о которой упоминал. Быстрая, решительная девица окинула меня заинтересованным взглядом и спросила:

— Джентльмены, что будем пить? Я лично предпочитаю то, что покрепче.

Девица была дочерью известного промышленника. С пятнадцати лет заботливая мама стала делать дочери рекламу: отправляя дочь в школу, одевала её в бальные платья. Педагоги не пускали её в класс. «Война» шла несколько месяцев и не прошла мимо внимания прессы. Фотографии девочки замелькали на первых полосах. Малютке предложили написать «воспоминания», они пришлись по вкусу «среднему» читателю — путь в журналистику был проложен.

— Вы студент? — спросила журналистка, откровенно разглядывая меня.

— Да.

— Очень мило. — Она улыбнулась. — В моей коллекции ещё не было студентов.

Мне показалось, что сейчас она ощупает мои бицепсы — столь оценивающим был её взгляд.

Специалист по «паблик рилэйшенс» жизнерадостно расхохотался:

— А что я говорил, Гордон? Вот и подтверждение. Хватай его на лету…

Я молча улыбнулся — всё это казалось весьма забавным.

— Вот моя визитная карточка, — продолжала наседать журналистка.

А дамы и господа от прессы усердно накачивались даровым виски и джином. Вскоре многие из них покидали зал примерно в

том же состоянии, что и героиня их будущего интервью.

В утренних газетах я прочитал самое лестное описание творческой встречи с кинонимфой. Эта встреча, по мнению газетчиков, была значительным событием в духовной жизни общества и прошла в самой сердечной обстановке.

— Вся штука в том, — прокомментировал выступления прессы мой новый знакомый, — что на такие встречи ходят лишь третьеразрядные писаки или начинающие репортеры. Для них это возможность даром выпить. Да и написать о нас что-нибудь нелестное они просто не могут — у «Савоя» прекрасная репутация.

— Позвольте, — возразил я, — но ведь многие видели, как пьяные покидали зал. Это не могло не привлечь внимания…

— Да, если бы они вышли через главный подъезд. Но их выводили через чёрный ход, — покровительственно объяснил мой собеседник.

Это показалось мне любопытным.

Второй подъезд «Савоя», привлекавший его именитых гостей, выходил на Темзу. По вечерам набережная Темзы была безлюдна. Вереницей мчались автомашины, тускло мерцали немногочисленные фонари. Полиция, зная, для чего предназначен чёрный ход «Савоя», редко сюда заглядывала, чтобы не смущать знаменитых гостей, покидавших гостиницу в не очень респектабельном состоянии. Зато у самого чёрного хода в отель находилась будка телефона-автомата, которой, как легко было догадаться, пользовались редко. Я сообщил о будке в очередном донесении в Центр, и она стала одним из звеньев в моей цепочке связи. Время от времени я посещал её, чтобы «позвонить». Опускал монету, неторопливо набирал первый пришедший в голову номер и детально исследовал стены будки.

Пришёл день, и я обнаружил в условленном месте обычную канцелярскую кнопку. Она была именно того цвета, какого ей и надлежало быть. Появление кнопки означало, что в тайнике, о котором я знал, находится передача. Я очень обрадовался: линия связи заработала. Предстояло навестить тайник и извлечь присланное.

Около часа я бродил по улицам Лондона. Иногда останавливался полюбоваться старинными особняками, иногда присаживался на скамейку в маленьких, аккуратно подстриженных парках. И всё время незаметно наблюдал за улицей — следовало убедиться, что «хвоста» нет. Только основательно «проверившись», я отправился к тайнику. Однажды мне показалось, что за мной следят. Представительный джентльмен с тростью трижды встретился на пути: в парке, в

холле большого универсального магазина и в автобусе.

Потребовалось еще два часа поездок по Лондону — во всех мыслимых направлениях, — чтобы я убедился: случайность. Одна из тех странных случайностей, которые изредка подбрасывает жизнь.

В тайнике меня ждал небольшой сверток. Прямо в номере гостиницы лиги я развернул его. В тот день мне везло — Ленарда не оказалось дома, и я мог не торопясь читать директиву Центра.

Центр поздравлял меня с благополучным прибытием к месту работы и давал указания на ближайшее время. Среди них было и такое: выехать в конце недели в Париж и встретиться там с Жаном. Кто такой Жан, я не знал. Центр лишь сообщал условия встречи и то, что Жан решит все мои вопросы и расскажет, как установить контакт с будущим моим помощником Вильсоном. По характеру указаний я понял, что Жан — один из руководящих работников Центра.

Уснул я, так и не дождавшись Ленарда.

В следующие дни на меня свалилось несчастье, причём оттуда, откуда я меньше всего этого ожидал. Сырой английский климат сделал своё дело: за два дня до отъезда я заболел гриппом, заболел так сильно, что буквально падал с ног. А отложить визит в Париж было уже невозможно — оперативной связи с Центром я ещё не наладил.

Снова пришлось прибегнуть к помощи Королевской заморской лиги.

— Мисс Пауэлл, порекомендуйте хорошего врача, который бы быстро поставил меня на ноги…

— Что с вами, Гордон?

— Видимо, грипп.

— Ну, это не так уж страшно.

— Я тоже так думаю, но всё же…

В Королевской лиге, казалось, помогали во всех случаях жизни. И сейчас мисс Пауэлл деловито подыскала мне врача, договорилась с ним о времени визита.

— Гордон, учтите: в доме врача два входа: один — парадный, а второй — для пациентов. Но вы воспользуйтесь парадным входом.

— Почему? — удивился я. — Ведь я тоже пациент.

— Приёмная врача переполнена больными, и вряд ли вам есть смысл дожидаться приёма в общей очереди. Вы — частный пациент…

Увы, но я не знал, что это такое «частный пациент». Я лишь сердечно поблагодарил мисс Пауэлл и отправился по указанному адресу. Служанка, предупреждённая о приходе, сразу же провела

меня в гостиную. Через несколько минут появился и сам врач: высокий, холёный, с манерами джентльмена и оксфордским акцентом. Ему ещё не было сорока, но держался он с апломбом профессора медицины. Это был «показательный» англичанин, точно такой, какими их изображают на картинках или показывают во МХАТе в «Идеальном муже». Одет он был в чёрный сюртук и полосатые брюки, в петлице красовалась красная гвоздика. Принимая больных, будущее светило медицины прекрасно обходилось без халата. Последовал традиционный вопрос: «На что жалуетесь?»

Я объяснил. Врач сдержанно кивнул в ответ на жалобы больного и достал из кармана коробочку со шприцем. Он не стал даже осматривать пациента — сделал укол пенициллина. Я не удивился, что врач не вымыл перед этим руки, меня уже перестал удивлять этот джентльмен от медицины. Я теперь надеялся только на своё отличное здоровье — вдруг всё-таки смогу перебороть болезнь.

Врач выписал два рецепта и протянул руку:

— Одну гинею.

Вот здесь-то я и понял, что значит «частный пациент». В Англии существует обязательное медицинское страхование. Еженедельно каждый работающий вносит энную сумму. За это его лечат бесплатно. Мне же предложили заплатить наличными — я не был в числе застрахованных, меня прислала Заморская лига. Я порылся в карманах и обнаружил, что там нет монеты в один шиллинг, чтобы добавить к фунту стерлингов. Надо сказать, что денежной единицы в одну гинею вообще не существует. Однако по традиции все профессиональные услуги исчисляются именно в ней. Зачем? Ларчик открывается просто — это автоматически увеличивает их стоимость на 5 процентов. В фешенебельных магазинах цены тоже исчисляются в гинеях. Я вручил доктору купюру в один фунт и монету в два с половиной шиллинга, тот небрежно сунул деньги в карман и, не подумав дать сдачу, распрощался традиционным: «Если снова потребуюсь — к вашим услугам».

Он прописал большое количество антибиотиков, и я приобрёл их в соседней аптеке. На следующий день температура у меня упала. Впрочем, я и не подумал поблагодарить за это врача, поскольку выручило здоровье, устоявшее и перед гриппом, и перед слоновьими дозами антибиотиков. Как бы там ни было, я смог отправиться в Париж.

Конон Молодый (из письма жене):

Когда вернусь — мы с тобой ночью объедем всю

нашу столицу. Будем останавливаться у каждого памятника. Ночью — чтобы стояла тишина. И чтобы ничто не мешало вновь встретиться с моей настоящей жизнью…

Глава X

Великий город встретил меня голубым весенним утром и солнцем. На бульварах продавали фиалки. За столиками открытых кафе уже скучали туристы, потягивая лёгкое вино и пытаясь понять и познать «Иси Пари». Как всегда, бездомные художники чертили мелом тротуары, клошары грелись на решётках метро. Елисейские поля пахли бензином и духами. По улицам текла разноцветная, разномастная, разнохарактерная и при этом в чём-то непостижимо одинаковая людская река, имя которой — парижане.

Я поселился в маленькой гостинице, недалеко от Опера. Я был здесь впервые, так как придерживался правила — дважды в одной гостинице не останавливаться. Отправляясь в Канаду, я не знал, случится ли снова быть в Париже, но так, на всякий случай перед отъездом приглядел себе отель.

Тут было по-домашнему тихо и уютно. Узенькая, застланная потёртым ковром лестница привела меня к лифту, построенному, видимо, в начале века. Похожая на корзинку кабина была открыта с одной стороны, а ограждение доходило мне лишь до пояса. В номере на ночном столике стояли цветы.

Хозяйка отеля — изящная, хотя и немолодая уже, дама тут же пришла навестить меня и после традиционного: «Всем ли вы довольны, мосье Лонсдейл?» — поинтересовалась, буду ли я обедать у них.

— Завтрак вам принесут в номер.

Я выпил чашку тепловатого кофе с молоком и, намазывая джемом кусочек бриоша, — это и был весь мой завтрак (абсолютно европейский, но я уже успел привыкнуть к такому стандарту в меню и к таким мизерным размерам), прикинул, чем заняться до встречи с Жаном. По условиям встречи я должен был сначала побывать в Лувре. Там мне полагалось быть без пяти минут двенадцать, но уже в десять я поднимался по белой застланной мягким ковром лестнице, над первым же маршем которой простерла свои крылья в вечном полёте бессмертная Нике. Я постоял тут немного, ощущая, как неспешно входит в меня великий мир античных легенд, и двинулся дальше. Дальше был зал Венеры Милосской — маленькое почти круглое помещение, где всегда толкутся восторжённые посетители. Я подождал, пока очередное кольцо туристов не разомкнулось и гид не закончил свой страстный монолог, в котором, как обычно, было больше эмоций, чем знания предмета («Перед вами, мадам, мадмуазель и мосье, знаменитая Венера Милосская, да, именно

та самая, которая считается идеалом женской красоты, почему, как, видимо, вы уже догадались, она и избрала своим местопребыванием Париж. Ибо, согласитесь, где ещё на этой планете ценят так женщину, как не в этом замечательном городе»), и сел на диван рядом с дремавшим служителем-негром. Негр чуть приоткрыл глаз и, убедившись, что Венера всё ещё на месте, снова задремал.

«Здорово, — подумал я. — Единственный человек в мире, который может с утра до вечера любоваться этой красотищей, — и абсолютно равнодушен к ней. Се ля ви». Нет, пленительный античный мир на этот раз был далёк от меня. И знакомый с детства по превосходным копиям Музея изящных искусств «Умирающий галл», и «Арес», и «Меркурий», игриво протянувший гроздь винограда маленькому Амуру, не радовали сейчас меня. Я переходил от одного шедевра к другому, но привычное ощущение отрешённости не приходило.

Мысли мои были о другом. Сейчас я работал, а не отдыхал.

Жан. Встреча с ним («Не привести бы с собой «хвоста»»). Времени, видимо, будет в обрез. Что и как я ему скажу. Какие инструкции даст Жан.

Точно в одиннадцать пятьдесят пять я вошёл в зал, где был вывешен «Иоанн Креститель» Леонардо. Средний палец моей левой руки был забинтован. Я всмотрелся в строгий облик Крестителя и отступил на шаг, чтобы охватить взглядом всю картину. Впечатление было столь огромно, что я даже приложил забинтованный палец к виску (жест предназначался для Жана. Тот находился где-то рядом, но я не пытался самостоятельно обнаруживать его — этого не требовалось). Через пять минут я покинул музей и зашагал к Елисейским полям. Там мимо меня не спеша прокатил чёрный «мерседес», тут же притормозивший у тротуара. Когда я поравнялся с машиной, водитель открыл переднюю дверцу. Мы помчались к одной из парижских окраин.

Я бросил взгляд на часы, вмонтированные в щиток автомобиля. Они шли совершенно точно. Тем не менее я сказал:

— Ваши часы отстают на двенадцать минут.

— Я не люблю торопиться, — ответил Жан.

Мне, честно говоря, показалось, что нужды в обмене паролем нет — такой длинной цепи совпадений не могло быть, — тем не менее я действовал строго по плану.

Машину вёл седой худощавый человек лет пятидесяти. Он говорил со мной на прекрасном английском языке. Очень сдержанно и спокойно.

О чём мы беседовали? Пожалуй, об этом сегодня уже можно сказать.

— Я поздравляю вас с благополучным прибытием в Англию, — начал Жан. — Вам привет от семьи и друзей по работе. Несколько дней назад я видел вашу жену и, если хотите, чуть попозже смогу рассказать о её житьё-бытьё… Но сначала введите меня в курс ваших английских дел…

Жан знал Англию не хуже любого англичанина, был прекрасно знаком со всей политической и административной кухней этой страны. Предельно сжато отвечая на мои вопросы, он дал несколько полезных советов. Все они касались одного: как вести себя с британцами. Не забудем, что работа разведчика — это прежде всего работа с людьми. И она немыслима не только без знания языка чужой страны, но и без знания психологии её народа.

Мой собственный опыт к этому времени практически был ничтожен, я почти ничего не знал об англичанах «изнутри» — всё, что было известно, я почерпнул из книг, журналов, разговоров с другими людьми, большинство которых, в свою очередь, слабо понимали психологию англичан.

— Вы, конечно, отметили традиционную британскую сдержанность… — говорил Жан, лавируя в потоке машин. — И, как иностранец, уже почувствовали, что англичане подчёркнуто холодно относятся к вам… Так ведь? Какая-то доля истины в этом, конечно, есть. Но это скорее оттого, что островное положение их страны веками вырабатывало психологию обособленности, оторванности от других стран мира.

— Вы правы, но я, похоже, уже нашёл на этот случай эффективное контрсредство — сразу сообщаю собеседнику, что я канадец. Это помогает сломать ледок в разговоре и установить хорошие отношения.

Жан кивнул.

— Да, англичане всё ещё числят канадцев в близких родственниках. Но не обращайте особого внимания на их внешнюю сдержанность и холодность. Англичане умеют быть и очень милыми людьми и добрыми приятелями.

— И всё-таки налёт превосходства — он даёт о себе знать…

— Естественно… Англия много лет была крупнейшей промышленной державой мира. Империя, над которой «никогда не заходило солнце», — такой представляли старушку Англию все слои её населения. У англичан даже выработался собственный юмор, направленный как бы против самих себя. Заметили это уже?

Я кивнул. Да, я оценил и юмор англичан, и скептические нотки в тоне Жана. С этим спокойным, уравновешенным человеком, со сноровкой истого парижанина направлявшим свой

«мерседес» в потоке машин, мне было хорошо. В этот час на улицах французской столицы было людно, машины всевозможных марок шли сплошным потоком, парижские водители весьма своеобразно соблюдали правила уличного движения: ровно настолько, чтобы не придрался не слишком требовательный ажан. А гость из Центра будто всю жизнь тем и занимался, что водил свою машину в такой сутолоке.

Я заметил, что от нас не отстаёт белое авто спортивного типа. Юркий автомобильчик, казалось, следовал за «мерседесом», как рыбка-лоцман за акулой.

— Нет, — перехватил мой взгляд Жан, — это не слежка. Видно, просто за рулем ловкач: мы ему прокладываем дорогу. Посмотрим, далеко ли нам по пути…

Действительно, через два-три квартала белое авто отстало, затерялось в сутолоке парижских перекрестков.

— А теперь самое время перекусить, — предложил Жан. — Есть здесь одно чудесное местечко.

Мы добрались до лесочка в одном из пригородов Парижа. В тени деревьев спрятался небольшой сельский дом, стилизованный под старинную постройку. Видимо, в нём жил когда-то зажиточный крестьянин или была деревенская корчма. А может, его соорудили совсем недавно — во Франции входила в моду старина. На первом этаже в просторной комнате стояли подчеркнуто далеко друг от друга несколько столиков — в такие заведения приезжают, чтобы вкусно поесть и поговорить без опасения привлечь внимание других посетителей.

«Патрон» встретил нас как добрых знакомых, просияв гостеприимной, чуть плутоватой улыбкой. В отличие от своих собратьев по профессии был он сухощав и строен. В таких заведениях внешность «патрона» играет далеко не второстепенную роль. В прямой зависимости от его умения расположить к себе клиентов находятся доходы ресторана.

— Что можете нам предложить? — поинтересовался Жан. Он вёл здесь себя как истый парижанин среднего достатка: не торопился, не требовал показать меню (там ведь ровно ничего не обозначено, только готовые закуски, всё остальное «патрон» готовит в зависимости от того, что приобрёл сегодня во «чреве Парижа» — знаменитом парижском рынке).

Почтительно, но без тени подобострастия «патрон» назвал два-три блюда, добавив, что готовит их сам по собственному рецепту.

— Попробуем, — решил Жан. — Мы у вас впервые, и начинать надо всегда с лучшего.

Я обратил внимание на то, что Жан счёл необходимым

подчеркнуть слово «впервые». У владельцев таких ресторанчиков феноменальная зрительная память — раз обслужив клиента, они через несколько лет встречают его как доброго знакомого. И хозяин, несомненно, сейчас припоминал, не были ли почтенные мосье когда-либо его гостями. Жан облегчил ему работу.

Пока хозяин выполнял заказ, мы могли поговорить не торопясь — в таких ресторанчиках не спешат.

— А мне показалось, что вы бывали здесь и раньше, — сказал я. — И ресторанчик отыскали без труда, и вошли как завсегдатай.

— Настоящий парижанин везде дома, — рассмеялся Жан. И серьёзно добавил: — Я в принципе никогда не посещаю подобные заведения дважды, даже после многолетнего перерыва. Вы обратили внимание, каким цепким взглядом встретил нас хозяин? У таких, как он, не память, а электронное запоминающее устройство. А ресторанчик я выбрал по справочнику «Мишлена».

Я удивился:

— Позвольте, какое отношение имеет к ресторанам «Мишлен»? Ведь это, если не ошибаюсь, фирма, производящая автопокрышки?

— Не ошибаетесь! — подтвердил Жан. — Но именно она издаёт подробнейший справочник кафе и ресторанов всей Франции. Её специалисты ежегодно посещают эти заведения — инкогнито, конечно, — и выставляют им оценки. Максимальную оценку получают меньше десяти ресторанов, причём не обязательно самых дорогостоящих и фешенебельных — фирма этим подчеркивает свою объективность и ориентацию на средние слои, которым дорогие рестораны не по карману.

За аперитивом закончили деловую часть разговора. Жан не навязывал своего мнения, он просто излагал его, заботясь об убедительной аргументации. Он рассчитывал, что имеет дело с подготовленным слушателем, и не ошибался. Над многим из того, о чём говорил Жан, я думал и раньше, наши мнения и оценки во многом совпадали.

— Попытки лидеров Англии играть ведущую роль в «холодной войне», по-прежнему использовать фунт в качестве основной международной валюты не увенчались успехом, — говорил Жан. — Соединённые Штаты не очень-то церемонятся со своим партнером. У англичан это вызывает горечь и обиду на американцев. Но эти чувства они тщательно скрывают — не признавать же открыто превосходство Америки по всем статьям.

— Я иногда слышу горькую шутку: скоро у США появится сорок девятый штат…

— Ну, до этого далеко. Однако американцы стараются свести Англию к положению державы второго ранга…

Жан весьма обстоятельно охарактеризовал международное положение Англии. По лаконичным, емким характеристикам, предельно точным оценкам я снова убеждался, что мой старший товарищ глубоко знает тему, умеет предвидеть дальнейший ход событий.

Жан знал Англию не хуже любого англичанина, а если быть предельно точными, то, может быть, и лучше. Ибо он специально занимался изучением этой страны, особенно её политической, государственной и административной кухни. Я же, только-только приступавший к активной работе в Англии, получал возможность таким образом узнать мнение опытного товарища. Это надо было ценить!

Жан отвечал на мои вопросы скупо и сжато, избегая лишних слов, нарочито прямолинейно строя фразы, что помогало понять суть ответа, запомнить мысль, которую высказывает собеседник. И впоследствии, уже в Англии, я не раз возвращался к советам Жана.

— А вот и мы! — торжественно провозгласил хозяин ресторана. Он не без изящества нёс большое блюдо, источавшее изысканные ароматы французской кухни. Это был рекомендованный им «петух в вине», «спесиалите» заведения. Хозяин, преисполненный значительности момента, водрузил фирменное блюдо на выскобленный добела стол — скатерть отсутствовала, она не вписывалась в сельский интерьер.

За обедом во Франции не принято много говорить — правила хорошего тона предписывают наслаждаться едой. Жан и в этом был верен деталям — он только изредка прерывал обед, чтобы обменяться со мной мнением о достоинствах той или иной приправы или соуса. Ресторатор, время от времени бросавший на своих гостей быстрые, изучающие взгляды, окончательно убедился, что перед ним — два почтенных гурмана, воздающих должное его кулинарному искусству. И если бы полиция вдруг поинтересовалась у него, о чём разговаривали два клиента, побывавшие в ресторане тогда-то и тогда-то, он и через много дней ответил бы значительно и с уважением: «Эти почтенные господа? Они не разговаривали — они обедали!»

И это было бы сказано так, чтобы все поняли: в его ресторане ничем иным и нельзя заниматься, потому что готовят здесь особо изысканно, хотя и по не таким уж высоким ценам.

На пути в Париж мы говорили о ближайших задачах, Жан уточнил кое-какие детали, назвал людей, с которыми мне предстояло работать, кратко охарактеризовал каждого, подробно остановился на условиях связи с ними. Посоветовал, как быстрее наладить связь с Центром.

Я, естественно, записей не делал. Сидел рядом с Жаном, разглядывал набегавшее на машину шоссе — со стороны могло показаться, что человек задумался о чём-то. Но Жан, уверен, понимал: сейчас я укладываю в памяти всё, что он мне говорит. Иногда Жан просил:

— Повторите.

И я повторял слово в слово то, что только что услышал.

Наконец Жан сказал:

— Мы надеемся, что вы справитесь с поставленными задачами.

Он произнёс эти слова без особой торжественности и той мнимой значительности, которая в этой обстановке была бы совершенно неуместна. Просто старший товарищ, хорошо понимая, какая трудная работа ожидает его коллегу, желал успеха.

— Обязательно должны справиться, — подчеркнул он. — Ведь речь идёт о самом главном — предотвратить ядерную войну. Благородная, возвышенная цель…

Я кивнул: понимаю.

— Как это ни парадоксально, но вы будете работать и в интересах англичан — случись война, их страна просто перестанет существовать.

— Может быть, мне стоит вступить с ними в контакт и попросить оказывать помощь в собственных интересах? — заметил я.

Жан оценил шутку:

— Пока это преждевременно.

Теперь Жан вел машину не спеша, он оттягивал приближающуюся минуту расставания.

Завершалась деловая часть разговора. Теперь можно было поговорить и о семье.

Интервью с героем книги

Полковник улыбается, читая рукопись:

— Удивительно, как летит время… Кажется, только вчера виделся с Жаном: «Ваши часы отстают на двенадцать минут…»

— Мы верно записали рассказ о встрече в Париже?

— Да, всё было именно так… Боюсь только, не покажется ли со стороны всё очень простым, до банальности лёгким…

— Встретились, позавтракали, проехали по Парижу. Это вы имеете в виду?

— Отчасти и это… Во всяком случае, нет привычной

стрельбы и белокурых девиц в масках…

— Считаете, что читатель приучен к этим аксессуарам детективных историй?

— Ну, как вам сказать… Я не могу быть здесь авторитетом, поскольку приключенческим жанром не увлекаюсь. Хотя новинки просматриваю довольно регулярно. Иногда поражаешься, куда загоняет читателя авторская фантазия. И ведь всё это формирует и его вкус, и его представление о нашей работе. Позвольте маленький тест: можете ли вы представить себе современного разведчика, не умеющего мгновенно стрелять, владеть приемами самбо, лихо водить автомашину, очаровывать всех и вся? В общем, без всех тех замечательных качеств, коими обладает экранный разведчик-супермен?

— А разве разведчику не нужна отличная физическая подготовка?

— Нужна. Но ещё больше ему нужно другое: высокая техническая грамотность, разностороннее развитие тренировка воли и памяти, знание языка и культуры народа той страны, где он работает, умение ориентироваться в меняющейся политической обстановке…

— То есть супермен, но только иного плана?

— Вы меня не поняли. Речь идет не о сверхлюдях, а о профессии, в развитие которой время вносит немедленные, буквально молниеносные коррективы. Но одно будет всегда присуще нашему делу: готовность работать в интересах Родины, не щадя себя.

— Вы дважды повторили: «Работа в подполье приучает к выдержке». Что скрывается за этой мыслью?

— Именно то, что значат эти слова. И не более того. Главным для разведчика всегда должно являться дело, которому он служит… Ну вот, представьте: значительная часть встречи, о которой вы только что рассказали, ушла бы на обмен семейными новостями. Разведчик не знает, когда и в силу каких обстоятельств придётся прервать встречу. Было бы странно, если бы мы успели обсудить личные вопросы, а до дела так и не дошли.

— Но разве вас не волновали вести из дома? Ведь так естественно узнать сначала, как жена, дочь, и уже потом…

— А вдруг встреча прервётся именно к этому моменту? Что тогда?

— Видимо, состоится вторая — в скором времени.

— Но дни, месяцы уже упущены, риск увеличился. Хотя, признаюсь, я действительно не без труда дождался окончания деловой части нашей беседы с Жаном. Так и подмывало спросить: «Как там, дома?»

— Спросили?

— Да. Тем более представился повод.

— …Ну, с делами покончили. — Жан повернулся ко мне, добродушно поинтересовался: — Наверное, не терпится спросить, как жена и дочурка?

— Да, — не стал скрывать я.

— Всё в полном порядке. Ваша жена работает учительницей в интернате для детей-инвалидов. Дело это требует жертвенности, много душевных сил. И, кажется, оно помогает ей легче переносить разлуку с вами. Дочку не узнаете, когда вернётесь, — так выросла. Впрочем, вот письма, читайте, не буду мешать…

Я торопливо развернул несколько листочков. Прочитал и раз и два — не часто разведчику приходится получать весточки из дома. Жан, понимая моё состояние, сосредоточенно молчал.

А мне вдруг вспомнился один разговор с женой.

— Неужели ты не можешь даже оставить мне свой адрес? — спросила меня жена. — Почему я должна передавать тебе письма через знакомых?

Я же мог лишь ответить неопределенное:

— Так надо, дорогая. Ну, потерпи ещё — осталось недолго.

— Сколько? Год? Два? Десять? Вечная неизвестность, постоянное ожидание…

Как мог, я успокоил жену. И вот письма «оттуда».

— Вы тоже можете написать домой, — сказал мягко Жан. — Я передам письмо.

Он повёл авто очень медленно, задерживался у светофоров, чтобы мне было удобно писать. Жан по собственному опыту знал, как трудно пишутся такие письма. Родные ждут от тебя вестей, волнуются, тревожатся, хотят знать, как и где ты живёшь, чем занимаешься. И ничего этого сказать нельзя. Обтекаемые, туманные, обезличенные фразы ложатся на бумагу, они ничего не должны раскрыть, если попадут в чужие руки. Но точно так же они мало что скажут и жене — просто будут приветом от родного человека.

В тот же вечер я улетел в Лондон.

Глава XI

Времени до начала занятий в университете оставалось много. И очень кстати подоспело распоряжение Центра совершить «туристскую» поездку по Западной Европе.

Мне приказывали выполнить несколько заданий, для чего рекомендовали использовать поездку по одному из туристских маршрутов, чтобы ознакомиться с изменившейся в последнее время в этих странах политической обстановкой.

Нужно было только так подобрать маршрут, чтобы он прошёл именно через те города и страны, которые мне были нужны. Не исключалось, что во время поездки удастся завязать полезные знакомства. Разведчику они могли пригодиться в будущем.

Я уже давно приметил рекламу туристской фирмы «Глобальные путешествия». В рекламном проспекте превозносились добропорядочность фирмы и её абсолютная верность обязательствам.

Агентство фирмы занимало нижний этаж современного здания. Клерк в форме встретил меня, как старого друга.

— Рекомендую маршрут «10 стран за 28 дней», — доверительно сказал он.

— Не слишком ли мало времени для десяти стран? — усомнился я.

На столе появилась карта с красиво вычерченной линией, пересекающей европейский материк. Рядом легла таблица с расчётом времени на путешествие.

— Ночь — в пути, день — осмотр континента. Наши агенты на местах работают квалифицированно и в интересах туристов, — наседал клерк.

К бюро подошёл элегантно одетый джентльмен — воплощение добропорядочности и солидности.

— Мистер Лонсдейл, — с энтузиазмом сообщил ему клерк, — желает воспользоваться услугами нашей фирмы…

Джентльмен — это был один из компаньонов фирмы — степенно вымолвил:

— Мы будем благодарны мистеру Лонсдейлу — наша фирма ценит постоянных клиентов. В следующий раз вы сможете совершить путешествие со скидкой.

А я — это был один из моих первых контактов с английским бизнесом — с интересом наблюдал, как из «сомневающегося» в несколько минут превратился в «постоянного» клиента.

Оформление поездки заняло минимум времени.

Будущие туристы познакомились с гидом на вокзале

Ватерлоо минут за тридцать до отъезда. В Дувре наша группа пересела на пароход, который доставил нас в Остенде. Там мы опять сменили транспорт — поездом отправились в Гамбург — именно отсюда официально начиналось путешествие по десяти странам. Мягкие, удобные кресла с откидными спинками вагона первого класса располагали к отдыху, за окнами мелькали огоньками бельгийские городки — была ночь. Но в купе никто не спал — путешествие только начиналось, туристы знакомились друг с другом. Я оказался в одном купе с супружеской парой — пожилыми австралийцами. Супруг был маленького роста, сухощав, поджар, а его подруга, наоборот, отличалась весьма крупной фигурой и решительным нравом. Когда они шли рядом, прохожие с трудом сдерживали улыбки. В Англии существует веселое соревнование: кто найдёт себе партнера, вес которого будет в десять раз больше или меньше. Называется оно «Масштаб 1:10». Казалось, что именно на таком соревновании австралийские супруги и присмотрели друг друга.

Всю ночь австралиец рассказывал мне историю своей жизни. Уметь слушать собеседника — это тоже большое искусство, которым владеют лишь выдержанные и воспитанные люди. А кто не любит поговорить о себе! Тем более что моему спутнику было что рассказать. Он получил только начальное образование. Работал мальчиком-рассыльным в магазине, развозил покупки на велосипеде. «Я и велосипед — это было как бы одно существо. Я знал его нрав, иногда он мне невыносимо надоедал, но я бы и дня не смог провести без велосипеда». Мальчика-велосипедиста обуяла мечта: выиграть крупнейшую велогонку Австралии.

— Я вставал на рассвете и несколько часов до начала работы тренировался. Я был крепким парнем и к тому же ещё очень упрямым: если уж что задумал, то не отступал. Но я понимал, что на моём добром старом, разболтанном велосипеде гонку не выиграешь.

Из каждой зарплаты он откладывал деньги на покупку новой машины. Он всё-таки выиграл гонку, этот упрямый австралиец, вырвал у судьбы вместе со спортивной победой крупный денежный приз. Деньги он вложил в недвижимость и, удачно спекулируя, стал через несколько лет очень богатым человеком.

Мне представился редкий случай в течение нескольких часов испытать действенность приёмов, описанных в книге Д. Карнеги «Как заводить друзей и влиять на людей». К моему удивлению, результаты превзошли все ожидания — под утро мистер Кокс уже совершенно серьёзно предлагал: плюньте на Европу и плывите ко мне в Перт.

— Ты там разбогатеешь, — убеждал меня мистер Кокс. —

Даже представить себе не можешь, какое это золотое дно — спекуляция недвижимостью.

— Но я этим никогда не занимался! — мне действительно трудно было вообразить себя в такой роли.

— О Гордон! — проникновенно вещал старик. — У меня беспроигрышная лотерея. Ведь важно не то, что ты знаешь, а кого ты знаешь! Иногда влиятельные, информированные друзья становятся самым ценным капиталом. А в муниципалитете Перта я знаю всех, кого стоит знать. Сегодня за гроши куплю несколько участков, а завтра именно здесь муниципалитет решает строить школу или ещё что-нибудь, и цена подскакивает так, что только диву даешься. Приезжай, не пожалеешь!

Мистер Кокс, судя по всему, был достойным наследником драйзеровского Каупервуда. За весёлой и приятной наружностью скрывался хваткий, цепкий делец — такие своего не упустят и мимо чужого тоже равнодушно не пройдут. Как бы там ни было, но я запомнил его адрес — это могло пригодиться в будущем.

Я познакомился и с другими участниками турне. Они находились в том приподнятом настроении, когда поездка ещё не утомила, не отбила интереса к окружающим.

В хмуром Гамбурге группу ждал автобус. Отсюда мы двинулись по Западной Германии, потом были страны Скандинавии, Бельгия, Швейцария, Австрия, Италия, Франция.

Целыми днями нас водили по дворцам, соборам и музеям. Казалось, неутомимые гиды задались целью навсегда отбить у туристов охоту к путешествиям.

Возле одного из старинных дворцов я ещё издали заприметил долговязую фигуру недавнего попутчика по теплоходу из Нью-Йорка Ганса Коха.

— Дорогой Гордон!

— Дорогой Ганс!

Через несколько минут вся группа знала, что у Гордона есть, оказывается, приятели даже в Копенгагене.

— Слушай, Гордон, почему бы нам не встретиться вечерком? Ну, хотя бы у меня в гостинице? — предложил Ганс.

— Это мысль, вспомним давние времена (со времени нашего путешествия на океанском лайнере прошло не так уж и много времени, но полезно, чтобы всем в туристской группе было известно, что встретились старые знакомые).

— Я приглашу парочку наших девчонок, — Ганс говорил вполголоса, так как заметил, что туристы прислушиваются к разговору «старых друзей». — А то у вас в группе одни старушки… — Он очаровательно улыбнулся моим спутникам.

Встретились в тот же вечер.

Девушки оказались весёлыми, общительными, были искренне рады провести вечерок в баре гостиницы. Я познакомил всех троих со своими спутниками, и у тех сложилось твёрдое убеждение, что и девушки, и Ганс — мои стародавние приятели.

Маршрут нашей группы ещё дважды пересекался с группой Коха, и у нас была возможность поговорить на самые разные темы.

— Кстати, отправил ли ты письмо Джиллиан? — поинтересовался Кох.

— Да, и она оказалась очень обязательной девушкой. Сразу же приехала в Лондон и встретилась со мной.

— Ну и как?

Я сделал вид, что не понял скрытого смысла вопроса Ганса.

— Мы с ней изредка встречаемся, бываем в театрах, на концертах. Ты знаешь, она работает сейчас в суде и умеет очень интересно рассказывать о своей работе.

— И только? — Ганс плутовато улыбался.

— Не забывай, я студент, — отшутился я, — а наука, как известно, требует жертв.

— Когда я был студентом… — мечтательно протянул Ганс.

— Представляю!

Долговязый Ганс был на редкость обаятельный личностью. В любой компании он непринуждённо поддерживал разговор, знакомился моментально.

Ганс Кох был приятным исключением из большого круга моих знакомых: он был просто милым парнем. Я старался не упускать возможности пополнить свои знания и при случае расспросил его, как организуются туристские поездки. Поскольку мне предстояло проявить себя на ниве бизнеса, меня интересовало, как компания ведёт свои дела. Оказалось, фирмы начинают планировать будущие путешествия сразу же после очередного сезона. Уточняют маршруты, заключают контракты с гостиницами, ресторанами, кафе, гидами, автобусными компаниями. Туристская фирма, если она не хочет прогореть, должна заранее предугадать, сколько клиентов и на какие именно маршруты ей удастся привлечь. Часто по не зависящим от неё причинам — плохая погода, неожиданный политический кризис, внезапное изменение туристских вкусов путешественников — удается реализовать далеко не все путевки и тогда приходится платить крупные неустойки.

В общем, туристский бизнес — дело сложное и трудоёмкое.

— У нас существует такой термин, — растолковывал мне Ганс, — «мёртвый сезон» — период, когда число путешествий резко сокращается. Вот тогда-то и начинается организация

будущих поездок. Если удастся всё предусмотреть, спланировать, «состыковать» — мы остаёмся в выигрыше…

Мне показалось забавным это определение — «мёртвый сезон». Потом, когда мне пришлось заняться исследованиями учёных, готовивших бактериологическое оружие в одном из научных центров Великобритании — Портоне, оно каким-то образом пришло на память снова: «мёртвый сезон» — время выжидания, скрытой, невидимой людям деятельности. Проходит отмеченный в чьих-то календарях срок, и «спячка» сменяется взрывом активности.

Благодаря работе моих товарищей весь мир в своё время узнает, что приготовил человечеству «мёртвый сезон» в Портоне. Но сейчас — сейчас я продолжаю расспрашивать Ганса о «механике» туризма.

— Уж не собираешься ли ты заняться туристским бизнесом? — поинтересовался Ганс.

— Не исключено. Надо ведь когда-то и на ноги становиться…

Мне предстояло ещё многому научиться. Пока же я на практике убеждался в великолепных организаторских способностях фирмы «Глобальные путешествия». Весело неслись навстречу города. Счёт шёл на минуты. Даже в пути, не останавливая автобуса, гиды успевали показать какой-нибудь дворец или собор. Туристы при этом делали пометки в записных книжках — ещё одна достопримечательность. Потом расскажут знакомым: «Представляете, нам показали сорок пять соборов!» И это тоже реклама для фирмы. Ничего, что соборы лишь промелькнули за окнами автобуса. Разве обязательно останавливаться у каждого из них.

Во всех более или менее крупных туристских пунктах автобус встречали местные гиды. Когда наступало время обеда или ужина, группу в заранее намеченном ресторане или кафе уже ждали накрытые столы. Даже мистер Кокс и тот отметил безупречный деловой стиль обслуживающей их фирмы.

В других условиях я обязательно пожалел бы о том, что этот деловой стиль практически лишает человека того, ради чего он отправился в путешествие, — увидеть своими глазами чужую жизнь, познакомиться с её историей. Однако я тоже поддержал мистера Кокса: действительно, ребята из фирмы не привыкли терять попусту время.

Естественно, лично для меня эта поездка вовсе не была развлекательным путешествием. Думаю, не стоит писать о тех инструкциях, которые я получил от Жана специально для этого турне. Отмечу лишь, что все они были точно выполнены.

Я никогда не упускал возможностей познакомиться с

интересным для моей работы человеком. Бесспорно, наибольшего внимания в туристском автобусе стоили, с моей точки зрения, супруги Строу. Майор ВВС США Реймонд Строу служил на одной из баз американской стратегической авиации в Англии. Мне показалось, что скромный и общительный студент из Канады вызвал у него искренние симпатии, и майор пригласил меня побывать на базе Лейкенхит в графстве Суффолк. Я не преминул воспользоваться любезным приглашением. Поскольку базы американских атомных бомбардировщиков в Англии — это было одно из направлений моей работы. Школа африканистики и востоковедения, где, как я уже, кажется, говорил, учатся редким языкам сотрудники английской разведки, — другим направлением.

По плану Центра я должен был попасть в одну группу с сотрудниками специальных служб. Но групп много, как определить — какая именно? Поразмыслив, я решил, что, видимо, её студенты будут старше по возрасту.

За неделю до начала я зашёл на кафедру, чтобы узнать, где буду заниматься. Оказывается, профессор Саймонс — заведующий кафедрой китайского языка — собирается зачислить меня в группу молодых студентов. Профессор исходит из того, что я уже немного знаю китайский язык (так оно и есть на самом деле) и что, следовательно, мне полезно заниматься вместе с молодежью, программа которой более интенсивна.

— Джин, — говорю я с почти искренней мольбой хорошенькой секретарше Саймонса, сообщившей эту новость. — И вы хотите, чтобы такой старый ворон, как я, сидел на одном дереве с этими птенцами… Сжальтесь!

В моих глазах — почти ужас.

Джин оценила шутку. Милостиво улыбнувшись, она нашла мотив убедительным. Я понял, что имя Лонсдейла вносится в список «переростков». Впрочем, возможно, её сговорчивости способствовало то, что, прощаясь, я преподнёс ей флакончик духов, купленных в Париже…

Интервью с героем книги

— Позвольте, Конон Трофимович, коснуться одной из сторон вашей профессии. Понятно, что вам пришлось обзаводиться знакомствами с сотнями людей. И далеко не все из них были вам приятны…

— Конечно, обстоятельства порою складываются так, что разведчику приходится «дружить» с личностями, которым в обычных условиях не хотелось бы и руки подать. Но не думайте, пожалуйста, что разведчик

выбирает друзей только «для работы». У меня и в Англии были настоящие друзья, с которыми было просто приятно общаться, проводить время, посещать вместе концерты… И, пожалуйста, не надо…

— Что «не надо»?

— Думать, что все они тоже занимались разведкой, были моими помощниками и так далее. Не следует забывать о нашем условии…

— Простите?

— Ну, помните, мы говорили о том, что разведчик — это самый обыкновенный человек.

— Конечно, конечно. И все-таки…

— И, как у каждого обыкновенного человека, у него есть круг личных друзей, без которых жизнь не жизнь.

— А как же быть с теми, после знакомства с которыми хочется поскорее вымыть руки?

— С этим ничего не поделаешь: работа есть работа.

— Издержки «производства»?

— Можно считать и так. Но, как я уже, кажется, говорил, в разведку идут отнюдь не из любви к приключениям и тому подобному. Для человека, который занимается этой работой, необходимо делать то, что ему поручают. Сейчас, как вы знаете, я занимаюсь научной работой, и оказалось, что она куда ближе и интереснее мне. Но в то же время нет ничего опаснее для разведчика, нежели поза привередливой девицы: «Мне это интересно, а это нет». Человек, посвятивший себя нашей профессии, должен руководствоваться только одним принципом: «Для дела это полезно, а это не полезно».

— Позвольте вопрос из тех, которые обычно относят к разряду «нескромных»?

— Пожалуйста.

— Среди ваших знакомых, очевидно, были и привлекательные женщины?

— Были…

Глава XII

Занятия в университете начинались в первую среду октября.

За небольшими исключениями всё было примерно так, как десять лет назад, когда я поступал в один из московских вузов, достаточно известное и трудами, и именами своих учёных учебное заведение, готовившее специалистов для народного хозяйства. И именно эта неожиданная схожесть, а не вполне допустимое различие, как всегда за границей, сильнее всего и поражала.

Тут, в центре Лондона, за две тысячи километров от своей «альма-матер», я увидел тот же плохо скрытый восторг первого свидания с наукой на ещё детских лицах первокурсников и ту же смесь показного равнодушия и взрослой снисходительности на физиономиях их более старших товарищей. Так же бестолково метались от одной двери к другой, разыскивая свою аудиторию, новички. Так же толкали они друг друга у объявлений, вывешенных в вестибюле, и даже звонок, который пригласил нас в зал на общее собрание, посвящённое началу учебного года, был таким же — солидным, чуть дребезжащим и хрипловатым, уставшим от долгой и скучноватой службы звонком уважающего себя учреждения.

А вот здание университета было иным, совершенно не похожим на тот вуз, который я окончил. При всей их улитарной однозначности они были совсем разными. Тот, на Родине, остался в памяти легким полукружием колонн, наивно трогательной и вместе с тем уютной классикой греческих форм, зелёным скверико́м, отделявшим его от всегда шумной центральной площади. Здесь была огромная серая, напоминавшая египетский обелиск, потемневшая от копоти мрачноватая глыба, этакая архитектурная «Правь, Британия». Возможно, на архитектора этого не очень старинного сооружения повлияла богатая египетская коллекция расположенного рядом знаменитого британского музея. Впрочем, мотивы могли быть и иными.

Корпуса факультетов, или, как их называют в Англии, колледжей и школ, разместились рядом с основным зданием. В одном из них, облицованном светлым кирпичом, построенном в современном безликом стиле, — Школе африканистики и востоковедения и предстояло мне заниматься.

Иной здесь была и погода.

Даже сейчас, много лет спустя, моя память сохраняет ощущение непрекращающейся зябкой сырости. В первую среду октября 1955 года — день, когда начинаются занятия в

Лондонском университете, стояла обычная для осеннего Лондона погода — хмурое, застиранное постоянным дождём небо, налитый сыростью воздух, из-за которого температура в десять градусов кажется достаточно низкой.

Если учесть к тому же, что помещения в островном королевстве или совсем не отапливаются, или отапливаются кое-как каминами и электроплитками, которые включают лишь на несколько часов в сутки, а дома по старой доброй традиции и вопреки столь же старой практике не приспособлены к холоду, то легко представить, как иностранец должен себя чувствовать даже в помещении.

Естественно, Гордон Лонсдейл, тридцатилетний уроженец шахтерского поселка Кобальт, провинция Онтарио, Канада, как и большинство студентов, демонстрируя традиционную британскую сдержанность, не пытался познакомиться со своими будущими однокашниками, а убивал время, читая объявления в вестибюле. Я пробежал глазами расписание занятий, видимо, это было расписание моей жизни на ближайшие три года, и с удовольствием узнал, что лекционных часов будет, как правило, два и как исключение — четыре в день. По субботам студенты свободны. Семестр длился десять недель, в учебном году три семестра.

— Сущий рай, — отметил я, вспомнив забитые лекциями, семинарами, зачетами и собраниями студенческие годы. — Да, жить можно…

Потом — и это тоже было похоже на «тот» вуз — нас пригласили в зал на собрание. Это было довольно темное и запущенное полуподвальное помещение с беспорядочно расставленными банкетками, которые безбожно скрипели.

Директор школы, седой и высокий джентльмен в золотых очках, достал из внутреннего кармана пиджака лист с напечатанной на машинке речью и тихим бесцветным голосом поздравил с началом учебного года и традиционно пожелал успехов.

В зале было пыльно и душно. Может быть, поэтому атмосфера была довольно тягостной. Всем — студентам и преподавателям — явно хотелось побыстрее покончить с этой формальностью и выбраться отсюда.

Но у меня настроение было прекрасное. Успешно завершился первый, пожалуй, самый трудный этап задания — подготовка. Я выходил на английскую сцену, утверждая себя в новой роли — студента той самой знаменитой Школы африканистики и востоковедения, которая по традиции питает кадрами секретные службы правительства Её Величества. За десять лет до этого дня

вот так же, наверное, сидел в этом пропахшем пылью зале, скучая на традиционном вступительном акте, студент Ким Филби — звезда английской разведки, третье лицо в Интеллидженс сервис. Естественно, тогда я не знал, что для Центра могущественный Филби не кто иной, как «товарищ Ким» — старший офицер советской разведки.

Рассеянно наблюдая, как мямлит, пытаясь выбраться из потока обязательных фраз, директор школы, я ощущал себя в роли боксёра, только что шагнувшего в ревущий зрительный зал и впервые увидевшего своего противника — не того грозного мастера атак, каким рисовал его тренер, заставляя снова и снова напрягать мускулы, а реального, живого, ничем особым не примечательного паренька с длинными руками и довольно вялой мускулатурой, который явно знает не только радость побед.

Через несколько минут после «организационного» собрания первокурсников я уже сидел в аудитории, отведённой нашей группе. Постепенно собрались остальные студенты. Они входили по одному, сдержанно кивнув в дверях коллегам, и, без особого любопытства окинув взглядом небольшую светлую комнату с тремя рядами столов, садились на деревянные, отполированные не одним поколением их предшественников стулья.

Я отметил одинаковое, замкнуто-официальное выражение их лиц, словно заявлявших: «Не знаю, как вы, но я прибыл сюда по долгу службы». Весь вид их словно бы говорил, что им нет никакого дела до остального мира, равно как и остальному миру не должно быть никакого дела до них. Я не мог не заметить и несколько самоуверенную манеру держаться, и подчеркнутую аккуратность в одежде, характерную для человека, всю жизнь носящего военную форму.

Было заметно, что наша группа отличается от других. Тут не оказалось ни одного азиата или африканца, а в зале их было много. Средний возраст студентов был по крайней мере лет на десять выше. Наконец, почти все они были одеты в традиционную «форму» английских служащих — чёрный пиджак, чёрные брюки в серую полоску, белую сорочку с тёмным галстуком, котелок, в руке — туго скрученный чёрный зонтик, который почти никогда не используется по прямому назначению, а скорее служит тростью.

Бегло оглядев своих, подчеркнуто аккуратно одетых однокашников, я понял, что поступил правильно, оставив дома пиджак из грубошёрстного твида и серые брюки — большинство английских студентов одевались именно так, и было соблазнительно одеться на такой же манер, чтобы сразу же раствориться в общей массе. Именно этот костюм носил я и во

время поездок по городу.

Но, поразмыслив, решил отказаться от твида — будущие соученики, узнав, что я канадец, сочли бы моё одеяние дешёвой попыткой сойти за англичанина или даже некоей формой подхалимства, чего сыны Альбиона не уважают. Как я уже сказал, одежда разведчика — не всегда он сам, не всегда его личные вкусы и привычки.

Итак, в тот сырой октябрьский день я был в костюме английского производства, который предусмотрительно купил в Канаде незадолго до выезда в Европу. Это был строгий тёмно-серый костюм фирмы «Лонсдейл и К°», что и решило выбор, который я сделал в знаменитом оттавском универмаге «Огилви». В то время тёмно-серые костюмы из «гладкого», без полосок материала были весьма модными среди американских и, следовательно, канадских бизнесменов, и я рассудил, что это именно та одежда, которая нужна мне на первый период жизни в Англии.

Почему-то англичане свято убеждены, что все поголовно американцы обожают яркие галстуки совершенно невероятных расцветок, что отнюдь не соответствует действительности, так как и среди последних немало таких, которые считают подобное признаком вульгарного вкуса. Тем не менее я решил не разочаровывать своих будущих знакомых и повязал именно такой петушиный галстук, что делало меня в глазах студентов типичным представителем Северной Америки.

Яркие, в красную и синюю полоску, носки усиливали это впечатление. И, наконец, почти белый плащ — а лондонцы не носят слишком светлых плащей из-за страшной копоти и отнюдь не низких тарифов в химчистке — логично завершал мой внешний вид.

Впоследствии я, конечно, перешёл на английскую манеру одеваться, что мои знакомые, надо полагать, отнесли за счёт благотворного влияния «старой доброй Англии». На самом деле, как видим, мотивы были несколько иными.

Но вот в аудиторию вошёл профессор Саймонс.

Знаменитый китаист, автор нашумевшей грамматики, построенной на математических формулах, Саймонс был худощав, коротко пострижен, сед. Он сильно сутулился и говорил с небольшим немецким акцентом, но одевался как все английские преподаватели — твидовый пиджак, в тон ему серые брюки (этакая униформа высших учебных заведений).

Он начал свою вступительную лекцию в шутливой манере, заставив студентов улыбнуться. Я уже знал, что в Англии считается хорошим тоном читать доклад, пусть даже на самую

серьёзную тему, не слишком серьёзно и официально и что превыше всего в лекторе ценят чувство юмора, умение расшевелить аудиторию. Англичане справедливо считают, что с таким «гарниром» слушатель лучше усваивает знания.

— Увы, — сказал профессор, прохаживаясь по аудитории, — я полон зависти к вам, мои дорогие коллеги, ибо только сейчас, отдав без малого полвека Китаю, наконец понял то, что вам ещё только предстоит понять: овладеть этой великой и древней языковой стихией — невозможно! И это так же верно, как то, что никто из сидящих здесь, как бы ни старался, не сможет придать своему лицу черты китайской физиономии. Впрочем, каждому вольно попробовать это. В таком случае мне остается только пожелать удачи безрассудному…

Затем он рассказал несколько анекдотов по поводу китайских иероглифов.

— Вы должны знать, — говорил он, рисуя мелом на доске черточку, — что все иероглифы можно расчленить на двести четырнадцать элементов. Этот элемент — он означает понятие «крыша» — один из них. А вот этот — он провёл черту пониже — не что иное, как всем вам хорошо известное слово «женщина». А в целом эти две линии читаются как один иероглиф, означающий «спокойствие». Итак, сделаем для себя важный вывод: пока женщина под крышей — все спокойно. Надеюсь, джентльмены познакомят с ним своих дам?

Джентльмены улыбнулись, закивали. Шутка понравилась.

Всё, о чем говорил сейчас Саймонс, было мне давно известно, но я поймал себя на том, что с интересом слушаю английского профессора. Видимо, пропускать его лекции не стоило.

Заканчивая, Саймонс сообщил, что кроме языка им предстоит изучать современную историю Китая и китайскую философию. Последний предмет будет факультативным, достаточно сдать по философии зачёт без оценки.

Первый университетский день закончился так же бесцветно, как и начался. Звонок известил, что время, отведенное на лекции, истекло, и студенты чинно и неторопливо встали из-за столов.

Плотно закутавшись пёстрым шерстяным шарфом, вдыхая сыроватый воздух, я зашагал домой.

До «Белого дома» было минут двадцать не очень быстрого хода. Торопиться было некуда, и я двинулся пешком. Шаг у меня был быстрый, хотя я довольно заметно переваливаюсь с ноги на ногу, слегка выворачивая носок.

Дождь всё ещё накрапывал, в который уж раз за этот день омывая столицу. Улицы однообразно блестели лужами, мокрыми крышами сонно приткнувшихся к тротуарам автомобилей,

мокрыми, в основном черного цвета, зонтами редких прохожих.

Но дождь не мешал мне иногда останавливаться у витрин лавок и магазинов — отнюдь не для того, чтобы убедиться, что за мной никто не наблюдает (хотя это вовсе не исключалось), а совсем из иных побуждений.

Здесь я был студентом, студентом из Канады, и роль, которую я исполнял и которая постепенно становилась моим вторым «я», подчиняла все мои действия, всю мою жизнь своим железным требованиям.

Свернув за угол, я очутился у витрины большого книжного магазина. Студенту полагалось интересоваться книгами, и на пару минут я застыл у стекла, за которым пестрели глянцем и красками новенькие томики. (Потом у меня вошло в привычку — после занятий заходить сюда и рыться в книгах.) Я отметил несколько новинок, выставленных в витрине. Книги стоили баснословно дорого, зато, как и везде в Англии, к полкам был свободный доступ и листать их можно было сколько угодно.

Дальше мой путь проходил мимо уютного серого особняка, в котором, как об этом извещала начищенная до блеска медная табличка, размещалась редакция журнала «Экономист». В то время я ещё не был знаком с издательским делом и искренне удивлялся, что этот всемирно известный журнал отвёл себе столь скромное помещение.

Ещё несколько шагов по узкому, всегда темноватому переулку, и передо мной возникла унылая темная глыба кинотеатра «Одеон». Как ни странно, но это имя носил ещё добрый десяток подобных заведений в Лондоне. Построенный по типовому проекту ещё до войны, в эпоху расцвета западной кинематографии, киногигант сейчас, как и другие кинотеатры, еле сводил концы с концами, дважды в неделю меняя программу, — лондонцы предпочитали вечера у телевизора.

Я довольно часто ходил туда, благо программа была непрерывной — в зал можно было войти когда угодно. Одетые в опереточную форму девушки-контролеры всегда были готовы указать фонариком свободное место.

Сейчас я остановился у входа, чтобы посмотреть программу, поскольку вечером собирался сюда сходить. И не только для развлечения…

Рядом с «Одеоном» блистал роскошными витринами один из самых дорогих лондонских магазинов — «Меймплс», специализирующийся на продаже модной мебели и домашней утвари. И хотя мебель эта стоила огромных денег, у витрин — они были обставлены, как жилые комнаты, — всегда останавливались прохожие: любопытно было посмотреть, как

живут «там», в «обществе». Но мне особенно приглядываться тут было не к чему — канадскому студенту Лонсдейлу полагалось вести скромный образ жизни, да и к тому же мебель принадлежала к той немногочисленной категории вещей, которые абсолютно не интересовали человека, носившего это имя.

Дальше я мог идти либо по очень шумной и всегда забитой транспортом Юстон-Роуд, либо по параллельной ей сравнительно тихой Уоррен-Стрит. Сегодня я выбрал последнюю, ибо здесь был центр торговли подержанными автомобилями, а я питал к машинам слабость, которой, впрочем, не старался скрывать.

Я с любопытством понаблюдал за не очень чистыми манипуляциями автомобильных косметологов, со сказочной быстротой омолаживающих тронутые временем кузова автомобилей. Дело было поставлено на широкую ногу и, безусловно, велось на строгом знании особенностей человеческой психологии.

Прежде всего выправляли вмятины, замазывали царапины и полировали до зеркального блеска кузов. Через час машина сияла как новенькая. А чтобы она в момент купли-продажи не закашлялась густым чёрным дымом, в картер предусмотрительно заливали специальную присадку. Тут же, на улице, подзаряжали давно пришедший в негодность аккумулятор, дабы будущий владелец мог лично убедиться, что он крутит стартер «как зверь».

Я полагаю, что людям моей профессии всегда полезно знать как можно больше житейских мудростей, и потому интересовался таинством лечения старого автохлама отнюдь не из праздного любопытства. (В первый раз попав в эту пеструю и деловую суету малого бизнеса, я вспомнил шолоховские страницы — те самые, где речь шла о знаменитой покупке невезучего деда Щукаря, опрометчиво сделанной им у заезжих цыган. Но канадскому студенту эти ассоциации были ни к чему. Щукаря я больше не вспоминал…)

Несколько минут я постоял возле старика «ягуара» с искренним удовольствием наблюдая, как из унылого ветерана тот превращается в элегантную спортивную машину.

Длинный парень в толстой шерстяной фуфайке, поверх которой был натянут замасленный халат, весело подмигнув мне, влил в радиатор «ягуара» какую-то жидкость. «Видно, течёт», — догадался я, но спрашивать было неудобно.

— Хорошо помогает? — небрежно бросил я. Парень молча поднял большой палец вверх — жест, понятный везде.

— Накипь?

— Наоборот, — парень покачал головой. Всё встало на место: жидкость прекращала течь в радиаторе.

— Отличное средство. Пять шиллингов флакон.

Я понял, что сейчас будут делать бизнес на мне.

— Увы, некуда вливать, — улыбнулся я.

— Мне тоже, — усмехнулся понимающе парень и запустил мотор.

Следующую остановку я сделал у телефонной будки. Набрав номер, долго ждал, пока ответят. Наконец услышал хрипловатый баритон Патрика — голос его я знал хорошо, хотя самого Патрика никогда в глаза не видел.

— Слушаю вас, — как мне показалось, несколько раздраженно произнес Патрик.

«Спал, наверное», — подумал я.

— Будьте добры мисс Маргарет Джеймс.

— Её нет дома, — неожиданно тепло и обрадованно ответила трубка. — Что передать?

— Ничего.

— Она будет в пять.

— Спасибо.

Я повесил трубку.

Все в порядке. В пять вечера Патрик вынет очередную почту из тайника. На этот раз там будут имена двух гитлеровских учёных, которые ведут сейчас в Англии разработку бактериологического оружия, ну и ещё кое-какие документы, на опубликовании которых военное министерство Англии вряд ли стало бы настаивать.

Дождь перестал так же незаметно, как и начался. Но по-прежнему было зябко и сыро, и асфальт ещё долго хранил лужи, и в них отражалось серое мокрое небо и серые мокрые стены домов, впитавшие в себя по меньшей мере двухвековую копоть традиционных каминов.

Потом я оказался в районе великолепного Риджент-Парка, районе богатых особняков с неизменным зелёным бобриком газонов, кружевом чугунных оград и присыпанными песком дорожками. До «Белого дома» отсюда было рукой подать.

Как всегда после долгого дождя, тонко и свежо пахло травой. Из маленького ресторанчика на углу — он только что открыл двери — нёсся запах жареного на углях мяса. Я почувствовал, что голоден и что давно пора обедать.

И прибавил шаг.

Обедал я обычно дома, как и полагалось живущему на небольшие сбережения студенту.

Продукты покупал в магазине самообслуживания в десяти минутах ходьбы от «Белого дома», хотя там была весьма респектабельная лавка, рассчитанная на самый прихотливый вкус

заморских постояльцев «Белого дома» и не уступавшая лучшим лондонским гастрономическим магазинам. Но, как и большинство жителей дома, я пользовался ею только в крайних случаях, так как цены были процентов на тридцать выше, чем в обычных магазинах. В моей кухне, несмотря на её крохотные размеры, был холодильник, ловко устроенный под раковиной, так что я мог запасать себе продукты сразу на несколько дней.

А так как готовить самому себе было чрезвычайно нудно, а времени на кухонные дела всегда было жалко, то я в основном пробавлялся консервами, полуфабрикатами и концентратами, добавляя к ним свежие овощи.

В магазине в этот час было пусто. Одетая в голубой халатик хорошенькая продавщица, профессионально улыбнувшись, подала мне металлическую корзинку, которую я тут же набил доверху нарядными, словно детские игрушки, банками консервов и концентратов. Не переставая механически улыбаться, девушка ловко упаковала всё в один пакет.

В вестибюле «Белого дома» меня ждала новость — на чёрной грифельной доске, над креслом портье, в квадрате, где отмечались сообщения для жителей восьмого этажа, переданные по телефону в их отсутствие, значился номер 844 — какое-то известие ждало меня в конторке. Одетый в зелёную униформу, слегка напоминавшую тесно сшитый фрак, портье с благородным лицом джентльмена с рекламы дорогих сигар — вид его призван был вызывать максимальное доверие — молча протянул мне записку, на которой красивым и крупным почерком было написано: «12.15. Звонила мисс Пауэлл из Королевской заморской лиги».

— Благодарю, — сказал я. — И это всё?

— К сожалению, — с почти искренним сочувствием развёл руками джентльмен с сигарной рекламы. — Больше ничем порадовать не могу…

Все квартиры «Белого дома» одинаковы. Почти одинаковы. Расположенные вдоль длинных, освещённых лампами дневного света коридоров, они всегда вызывали в моей памяти океанский лайнер, в проходы которого тоже никогда не попадает настоящий дневной свет, а двери кают мелькают так же часто.

Квартира номер 844, где я жил, находилась на девятом этаже. Но в Англии, как и в других странах Западной Европы, первый этаж считается цокольным, а счёт идёт со второго. Поэтому по-английски считалось, что я живу на восьмом этаже. Я вошёл в довольно просторный коридор. Сразу за дверью, справа, была кухня, за ней — ванная, а в конце коридора — жилая комната. Её двенадцать квадратных метров, благодаря удачно подобранной

обстановке, не казались такими уж тесными. В одну из стен был встроен шкаф. В него свободно уместился весь гардероб, чемоданы, фотопринадлежности и всякие мелочи. У боковой стены стояла кушетка, которая ночью превращалась в кровать. В углу у окна блестел полировкой небольшой комод, на который я водрузил необходимый в моей работе мощный радиоприемник. Раскладывающийся столик у окна, если были гости, можно было легко передвинуть в любую часть комнаты. Другой угол у окна занимало кресло. Ещё там был маленький секретер со стулом. Вот и всё «содержимое» квартиры. Да ещё невысокое, но зато очень широкое окно с плотными шторами, из которого открывался великолепный вид на Лондон.

Я вспомнил, что должен позвонить в лигу.

Набрав знакомый номер, слышу энергичный голос мисс Пауэлл.

— Алло, Элизабет, — говорю я.

— Привет, Гордон! Как живёшь? Тебе передали, что я звонила?

— Да, только что. У меня все «о'кей». А как ты?

— Спасибо, ничего. Ты свободен завтра вечером?

— Смотря для чего.

— Есть пропуск в королевскую ложу в Альберт-Холл. Хочешь пойти?

— А что там будет?

— Концерт знаменитого русского скрипача с невозможной фамилией. Что-то вроде Острич («страус» по-английски)… Так пойдёшь?

— Конечно. Огромное спасибо, Когда забежать в лигу?

— Не трать зря времени. Я пошлю пропуск по почте.

— Ещё раз спасибо, что не забываешь. До свидания.

— Надеюсь, ты получишь удовольствие. Всего…

У Заморской лиги был постоянный пропуск на два лица в королевскую ложу Альберт-Холла — всемирно известного концертного зала Лондона (естественно, если концерт посещала королева, пропуск не выдавался, но такое случалось не часто), и я не раз бывал «гостем Её Величества», ощущая на себе почтительно-завистливые взгляды зала.

Обычно я отправлялся в Альберт-Холл не один, а с кем-нибудь из знакомых. Как и полагалось, на красивом, оттиснутом на белом картоне билете тонким каллиграфическим почерком была написана фамилия гостя. После концерта я подчёркнуто торжественно преподносил билет на память, заранее предвкушая растерянность и восторг, с которыми мой гость увидит свою фамилию рядом с именем Её Величества. Нехитрая комбинация с

билетом в королевскую ложу била наповал, создавая у знакомых, мягко говоря, несколько преувеличенное представление о возможностях и связях Гордона Лонсдейла.

На этот раз мой выбор пал на мисс Джилиан Хорн — довольно миловидную особу, работавшую секретарем суда первой инстанции (её, как мы помним, мне рекомендовал Ганс Кох), от которой я узнавал чрезвычайно много любопытного о порядках в английском суде. Да и не только там.

Но Джилиан на месте не оказалось.

Пора было обедать.

Втиснувшись в свою крохотную кухню, я высыпал содержимое одного из пакетиков в кипяток, добавил туда пару свежих помидоров, несколько стручков фасоли и, помешав ложкой, даже не пробуя — фирма справедливо гарантировала прекрасный вкус, — снял кастрюльку с огня.

На второе я приготовил отбивную, гарнир — горошек и морковь — взял из консервов. Третьего не было, к сладкому я равнодушен.

Потом накрыл на стол и включил приёмник — недурно помогавший мне в работе английский «Буш» (так называемая колониальная модель с одним средневолновым и девятью «растянутыми» коротковолновыми диапазонами, рассчитанными на приём с дальнего расстояния). Поймав первый попавшийся джаз, сел обедать.

Опуская ложку в суп, я вдруг вспомнил официально-замкнутые лица своих новых однокашников и поймал себя на том, что всё время где-то там внутри, не отдавая себе в том отчета, думаю о них, интуитивно сортируя на тех, кто «мог бы быть оттуда», и на тех, кто «явно не тот»

И так как на данном этапе это было делом довольно бессмысленным, я вскоре стал думать о чём-то другом, отметив всё же про себя двух-трёх однокурсников, которые явно были «оттуда»: пухленького лет сорока шатена с серыми глазами; высокого брюнета с большим тонким, похожим на ручку от бритвы, носом — ему тоже было за сорок, и держался он с подчёркнуто армейской выправкой; такого же примерно возраста хмурого, красивого мужчину, в котором сразу уловил привычку к профессиональной сдержанности, — так достоинство разведчика в известных условиях, как видим, превращается в его недостаток. Что поделаешь, диалектика жизни.

Покончив с обедом, я вскипятил себе чашку чёрного кофе и, удобно устроившись в кресле, придвинутом к окну, полистал свежие газеты, отметив интересные для моей работы события и имена. Затем раскрыл толстый массивный том китайско-

английского словаря и погрузился в хитрую, непостижимо запутанную для европейца вязь иероглифов.

Так я работал, не зажигая света, пока совсем не стемнело. Тогда перешёл в ванную, которая служила мне и фотолабораторией, и несколько минут находился там.

В шесть вечера, надев темный плащ, я направился в кинотеатр «Одеон». В кармане макинтоша лежал блок американских сигарет «Честерфилд». Спустившись на лифте вниз, я перешёл в главный вестибюль, где перед стойкой администратора, как обычно в этот час, восседала госпожа Сёрл — худая, старомодно причёсанная дама, с лица которой никогда не сходило выражение вежливой озабоченности.

Заметив меня, госпожа Сёрл обворожительно (насколько это было в её силах) улыбнулась, использовав значительной опыт одинокой пятидесятилетней дамы при гостинице.

Я изобразил ответную улыбку и положил перед ней блок «Честерфилда».

— О, вы меня незаслуженно балуете, — несколько жеманно проговорила госпожа Сёрл, тем не менее открывая свою конторку, чтобы спрятать ценный подарок. — Как идут дела, господин Лонсдейл? Надеюсь, всё в порядке?

— Конечно, мисс Сёрл, конечно. Среди жителей вашего дома сегодня появился студент Лондонского университета.

— Что ж, я рада за вас.

Я весьма дорожил добрыми отношениями с госпожой Сёрл и всячески укреплял их. Если б не эта дама, наверное, ещё бы до сих пор искал в Лондоне квартиру. Ведь разведчики, как и все прочие смертные, находят себе крышу сами, полагаясь в основном на собственные крепкие ноги и собственную интуицию.

Словом, у меня были все основания дорожить расположением всемогущего администратора.

— Я вижу, вы сегодня задерживаетесь, госпожа Сёрл?

— Да, ужасно много работы…

Ещё несколько таких же штампованных фраз, и мы попрощались.

По дороге в «Одеон» я «проверился», а проще говоря, убедился, что за мной никто не следит, — сделал я это тонким и точным приёмом, не заметным со стороны.

Сзади никого не было.

Улица, в который уж раз за этот день, снова сочилась дождём. Но теперь, соединившись с электрическим светом витрин, фонарей, реклам, дождь придал ей почти праздничный вид. Нарядно блестели мокрые зонтики и плащи редких прохожих. Бросая на отполированные дождём мостовые пучки яркого

жёлтого света, отчего те радостно вспыхивали, проносились, разбрызгивая лужи, автомашины.

Я шагнул в переулок и открыл дверцу будки телефона-автомата. Как и во всех будках Лондона, на специальной полочке там стояли четыре тома телефонного справочника. Вытерев платком мокрое от дождя лицо, я снял с полки третий том, быстро перелистал, задержавшись на 117-й странице. Самая нижняя фамилия на этой странице была слегка подчеркнута ногтем, что означало: Патрик или другой неизвестный мне коллега благополучно изъял из тайника донесение Центру.

117-я страница была избрана не случайно. Мне приходилось запоминать великое множество всяких адресов, кличек, паролей, сигналов и много другого. Даже при хорошей памяти это трудно, поэтому, вырабатывая условия связи, опытный разведчик всегда прибегает к мнемоническим приемам, облегчая себе запоминание. В данном случае я избрал сочетание дня и месяца моего рождения.

Набрав номер, я наконец услышал тихий голос Джилиан. Я спросил, не пойдёт ли она на концерт знаменитого русского скрипача со странной фамилией Острич?

Джин тихо засмеялась:

— Конечно, если Острич — это знаменитый Ойстрах.

Я и не сомневался, что предложение будет принято. Мы договорились о встрече…

Интервью с героем книги

— Судя по неторопливому рассказу, Конон Трофимович, в вашей основной работе наступило относительное затишье?

— Вживание в «образ» тоже требовало немалых усилий. Но того, что вы назвали «затишьем», не было — приходилось считать не дни, а часы и даже минуты.

— Пригодился ли вам ваш московский студенческий опыт?

— Только относительно… Дело в том, что учебное заведение в Лондоне, где я проходил «курс наук», было весьма своеобразным. И учились в нём люди, которых только при большом воображении можно назвать студентами. Об этом стоит рассказать подробнее.

— Согласны — посвятим вашим «однокашникам» следующую главу. А пока вот о чём… Вы не опасались, что однажды вам встретится человек, который догадается, что вы — не Гордон Лонсдейл?

— В жизни, конечно, случаются разные встречи, в

том числе и такие, которые предусмотреть невозможно. Меня как-то познакомили с одним старым изобретателем ирландцем, который провёл значительную часть своей жизни в Бирме. Я встречался с ним довольно часто и даже пытался продать одно из его изобретений. Однажды он спросил меня, где мои родители, на что я ответил, что не имею понятия. Тогда он спросил меня, как зовут моего отца и чем он занимается. Услышав, что его имя — Джек и что он по специальности был автомехаником, старик явно заволновался. «Гордон, — воскликнул он, — я уверен, что знал твоего отца в Бирме». После этого он говорил всем без исключения, что знал моего отца. Со временем он даже убедил себя, что знал меня ребенком…

Глава XIII

Так потянулись дни моей второй студенческой жизни. Солнечные и пасмурные, забитые до отказа лекциями, сидением в университетской библиотеке или неожиданно свободные ото всяких дел, но по большей части скучновато однообразные, лишённые каких-либо ярких событий, потому что именно такой была работа, которой я посвятил себя.

Здесь не было ни погони, ни стрельбы, ни пресловутых красавиц, с кинематографической легкостью узнающих самые большие секреты, а было лишь терпеливое ожидание и кропотливый, незаметный труд, который можно сравнять с воспетой поэтом добычей радия. Те же тонны руды — граммы нужного «вещества».

Это был такой же важный и нужный, как и всякий иной, труд, значение которого можно было оценить в полной мере, лишь определив его место в общем трудовом процессе общества, которому я служил. И главный его смысл был довольно прост и сводился к тому, чтобы обеспечить всем остальным участникам этого трудового процесса возможность спокойно созидать и пользоваться плодами своей работы.

Для меня же конкретно, как я уже говорил, эта задача сейчас формулировалась так: выяснить, кто из студентов Школы африканистики и востоковедения — сотрудник специальной службы, по возможности установить какой именно службы, получить их анкетные данные, изучить личные качества.

На быстрый успех я не рассчитывал, так как знал, что англичане редко идут на сближение с людьми чужого круга, особенно с иностранцами. Оставалось только набраться терпения и уповать на «его величество случай», который, как известно, чаще всего приходит к тем, кто его заранее подготовил и умеет ждать.

Я вставал в семь утра (поздно по английским понятиям), несколько минут — на «статическую зарядку» (вполне достаточно, чтобы держать себя в форме), холодная ванна и, проглотив стоя, поскольку в моей кухне нельзя было поместить даже табуретку, пару бутербродов или тарелку овсянки, садился за карточки, на которых были выписаны китайские иероглифы. Час-полтора я занимался грамматикой, просматривал конспекты и в десять (без чего-то) шёл в университет. Лекции занимали время до обеда. Обедал я в университетской столовой. По старой традиции, идущей от тех времен, когда университеты были только при монастырях, она называлась «младшей трапезной».

Цены в ней, как и качество питания, были на редкость низкими. Я попытался было перейти на вегетарианский стол — его готовили специально для студентов-индусов, но быстро понял, что такая пища не для меня: через час снова был голоден. В конце концов я решил проводить время обеденного перерыва в так называемой «младшей общей комнате», где был небольшой буфет с чаем и печеньем. Там можно было читать газеты или играть в китайские шахматы. Многие поступали так же.

Лекции после обеда бывали не часто. Обычно в три часа я уже выходил из университета и мог заниматься своими прямыми обязанностями. На первых порах, как я уже говорил, это было изучение города и обстановки в нём.

Что касается моего непосредственного задания, то тут я шёл к цели шагами, которые нельзя было назвать семимильными. Лишь на пятый день занятий получил впервые возможность познакомиться со своими однокурсниками. Познакомиться — и не больше того!

В перерыве между лекциями, когда все вышли в коридор — длинную, освещённую люминесцентными лампами щель между двумя выкрашенными светлой краской стенами, я оказался рядом с высоким парнем, одетым в твидовый пиджак и светло-серые брюки. Его одежда и более свободная, чем у остальных, манера держаться говорили о том, что он мог быть либо американцем, либо канадцем.

— Похоже, вы — американец? — как бы невзначай бросил я, придвигаясь к парню поближе.

— Славу богу, пока нет, — ответил тот, довольно агрессивно окидывая меня взглядом. По тому, как парень проглотил букву «р», слегка при этом «акая», было легко определить, что это либо канадец, либо житель Новой Англии — северо-восточного уголка США, граничащего с Канадой.

— Вот и отлично. Я тоже канадец, — сказал я, примирительно улыбнувшись. — Из Ванкувера. Вы, видимо, с востока?

— Совершенно верно. Из Оттавы. Том Поуп, — парень протянул руку.

Знакомство, как говорят в Англии, «сломало лёд», и вскоре я мог пожать руку ещё нескольким стоявшим рядом с нами парням. Ну, а дальше речь пошла о том, для чего они занялись «этим чертовым китайским».

Первым ответил Том.

— В министерстве иностранных дел Канады, где я имею честь служить, — несколько церемонно сказал он, — нет ни одного молодого сотрудника, владеющего китайским. Мне предложили

поехать учиться в Лондон, и я немедленно согласился. Я холостяк, да и вообще лёгок на подъем.

— Ну, я не могу похвастать этим качеством, — заметил высокий прилизанный англичанин, — в данном случае инициатива исходила не от нас. Так, Тэд?

Тэд кивнул:

— Нас направил сюда Форин Оффис.

Стоявший рядом со мной джентльмен лет тридцати пяти хриплым голосом изрёк, что он — сотрудник министерства колоний и его тоже послали изучать китайский язык. («В связи с предстоящим переводом в одну из колоний».) Двое якобы служили в полиции в Малайе, и им необходимо было знать китайский для более успешного продвижения по службе. Один был служащим администрации Гонконга (я едва удержался, чтобы не сказать, что в Малайе и Гонконге живут выходцы из Южного Китая, говорящие на совершенно ином наречии, чем так называемый «государственный язык», который они должны были изучать в школе). Ещё один «однокашник» — похожий на араба, смуглый парень — представился дипломатом из Израиля. Нашёлся тут и американец, который, по его словам, приехал в Англию изучать китайский потому, что плата за обучение здесь в несколько раз меньше, чем в США. Что в общем-то соответствовало истине: год обучения стоил около 40 фунтов стерлингов, то есть немногим более ста долларов, тогда как в США это обошлось бы более чем в тысячу долларов.

Что касается меня, то я говорил, что изучаю язык в надежде получить выгодную работу в одной из канадских фирм, торгующих с Китаем.

— Видимо, это будет хороший бизнес, раз вы решили на три года погрузиться в «китайскую тушь»? — с доброжелательной улыбкой спросил Том Поуп.

— О да, — поспешил я согласиться. — В данном случае цель вполне оправдывает средства…

О том, каким будет бизнес, на какие деньги я собираюсь жить в Англии, никто меня не спрашивал. Подобные вопросы считаются недопустимо неприличными. Во всяком случае, за все годы моей «английской жизни» никто этим так и не поинтересовался.

Вечером, листая сделанные на первых лекциях записи, я мысленно прошёлся по аудитории, перебрав стол за столом всех пятнадцать своих однокурсников. Для начала я разбил их на три группы: иностранцы — канадский дипломат Томас Поуп, американец Клейтон Бредт и дипломат из Израиля Цвий Кедар. Во вторую группу вошли «чёрные пиджаки» — лица в

чиновничьей униформе. Скорее всего, это были сотрудники военной разведки и контрразведки. Было известно, что именно такое партикулярное платье носят английские офицеры. Третья группа — те, кто выдавал себя за сотрудников Форин Оффис, что также было довольно известной традицией Сикрет Интеллидженс сервис, как официально именуется английская политическая разведка.

Очевидно, Поуп и американец не имеют никакого отношения к секретной службе. Иное дело — израильтянин. Интуиция подсказывала, что он не тот, за кого выдаёт себя. «Надо будет сойтись с ним поближе, — подумал я. — Явно интересный парень. Попробую с ним позаниматься языком».

Кедар оказался весьма общительным человеком и охотно согласился на приглашение заниматься вместе.

Жил он недалеко от меня и в тот же вечер нанёс мне визит. Мы выпили по рюмке вермута, слегка разбавленного джином, — приятный, чуть терпкий аперитив, известный как «мартини», — и, прежде чем нырнуть в таинство древних китайских иероглифов, как и полагалось по английским традициям, несколько минут беседовали о всякой всячине.

— У вас чудесный вид из окна.

— Да, это, пожалуй, лучшее в этой комнате…

— Любите городской пейзаж?

— Конечно. Но не настолько, чтобы не отходить от окна, — я протянул гостю вторую рюмку «мартини».

С высоты девятого этажа город и впрямь был прекрасен в этот вечерний час. Он блистал и переливался огнями бесчисленных домов и домиков окраины, контуры которых уже нельзя было разглядеть в темноте, манил сонным теплом окон близких зданий и особняков, волновал автомобильными реками, которые вечно текли по узким ущельям его улиц.

Вечерний электрический Лондон стоил того, чтобы им любоваться.

— Когда живёшь в таком городе, чувствуешь себя крохотной молекулой, — сказал Кедар, опуская на стол рюмку.

— Вы родились в Израиле или эмигрировали туда?

— Израильтянин чистых кровей. Вырос в Палестине.

— Почему-то думал, что вы араб.

— Не один вы, — усмехнулся Кедар. — Арабы тоже иногда принимают меня за своего. — Он слегка нажал на слово «иногда», как бы намекая, что с ним связаны какие-то интересные события из его жизни. — Их язык я знаю с детства.

— Видимо, это третий по счету, которым вы владеете?

— Нет, четвертый. Кроме древнееврейского, английского и

арабского я изучал немецкий… Но, по-моему, все вместе они не сравнятся по трудности с этим чертовым китайским. Поэтому я благодарен вам за помощь. Знаете, когда в сорок лет садишься за эти «цзянь» и «тянь» — это не вдохновляет.

— Зачем же насиловать себя?

— Вы бизнесмен, и понять вам это трудно. Я же — на службе. Дипломат. Мне предлагают выгодную работу в Пекине, и я, конечно, не отказываюсь.

Намечавшаяся дружба требовала ответного визита. И мы договорились, что я зайду к Кедару в субботу вечером. Как и я, тот снимал небольшую меблированную квартиру, но чуть дальше от университета. Кедар был по-своему радушен и, даже не дождавшись, пока я повешу мокрый от очередного дождя плащ, предложил выпить.

— Считайте, что вам сегодня повезло, — воскликнул он, распахивая дверь в кухню. — Я угощу вас не виски и не джином, а удивительным, неизвестным вам напитком.

Тут он открыл холодильник и достал бутылку… «Столичной».

— Что это такое? — спросил я, с подчёркнутым интересом разглядывая знакомую этикетку.

— Лучший напиток в мире. Русская водка, — ответил Кедар, открывая бутылку. — При этом не какая-нибудь подделка, а «Штолышна» из России.

Он налил в небольшой фужер, поставил на стол блюдечко с хрустящим картофелем и посадил меня в кресло. Пили, как это принято в Англии, крохотными глотками, и я невольно поморщился.

— Это с непривычки, — заметил Кедар, увидев мою гримасу. — Еще несколько глотков, и убедитесь — прелесть!

Оставалось только согласиться.

Кедар оказался на редкость словоохотливым, и через несколько таких встреч я знал, что во время войны 1948 года его не раз забрасывали в Египет и Сирию, где он успешно вёл разведывательную работу. Оставалось выяснить как можно больше деталей. Кедар не был скуп на них. И я искренне удивлялся (про себя, конечно), что тот охотно посвящает в свои дела вообще-то малознакомого человека.

С англичанами же всё обстояло иначе.

Недели складывались в месяцы, давно уже на дворе стояла хмурая «осенняя» лондонская зима, и газеты в отделе занимательных наблюдений резонно сообщали, что дело уже как будто бы идёт к весне, а мне так и не удавалось завязать дружеских отношений ни с кем из англичан.

Правда, как-то им предложили заниматься по часу в день в

лингафонном кабинете — всегда тёмноватой комнате, где на столах стояли специальные аппараты, чтобы слушать грампластинки с уроком на китайском языке. Пришлось задерживаться после занятий и посещать трапезную всей группой. Теперь, получая пластинки в одной библиотеке, работая в одном кабинете и затем обедая в одной столовой, мы были вынуждены чаще общаться между собой. И мне наконец удалось установить сносные отношения со студентами, выдававшими себя за сотрудников Форин Оффис. Сносные, но не более. Дальше «Здравствуй» и «Прощай», «Хорошая погода сегодня» — дело не шло.

Оставалось набраться терпения и ждать.

Мои английские однокашники аккуратно являлись на занятия и сразу же после лекций исчезали. В студенческой жизни они не участвовали, все это были люди солидные, сделавшие карьеру. К тому же все жили с семьями и свободное время привыкли проводить в «своих», как говорят в Англии, клубах.

О, эти пресловутые английские «клабс» — маленькие кланы, государства в государстве, двери которых закрыты для остальных смертных. Социальное положение для англичанина — это прежде всего клуб. На самой вершине клубной лестницы, в недосягаемых для простого англичанина высях, застыли в вековой тишине аристократические клубы Вест-Энда. Заговорить там в полный голос считается чуть ли не преступлением. Все знают друг друга так же, как и прислуга знает всех. В клуб можно пригласить гостя, но только — мужчину. Женщин — нельзя; эти заведения и возникли-то как убежище от женщин. Поэтому и комфорт там почти домашний. У членов клуба свои комнаты, сюда на их имя приходит почта. Адрес такого клуба помогает получить кредит в магазине и продлевает терпение кредитора.

Ступенькой ниже существуют клубы, членство в которых даётся автоматически. Например, клуб выпускников Оксфорда и Кембриджа или клуб Армии и Флота, куда допускается только офицерский состав. Для сержантов и рядовых есть свой клуб — Виктории.

Следующее место в клубной иерархии занимают «Рабочие клубы», членом которых может стать каждый. По существу, это просто замаскированные пивные, и смысл их в том, чтобы напоить с 15 до 17.30 всех жаждущих, когда в соответствии с законом в Англии пивные закрыты на перерыв.

И, наконец, в пятидесятые годы в Англии появилось великое множество «Стриптизных клубов». Сюда можно вступить с помощью двух рекомендаций, которые охотно дают каждому желающему владелец клуба и бармен. Чтобы оправдать

непомерные наценки на выпивку, посетителей каждые полчаса услаждают сеансом стриптиза.

Впрочем, была ещё одна категория клубов, которая хотя и не носила этого имени, но выполняла примерно те же функции. И я, как и любой другой человек, оказавшийся на английской земле, имел туда открытый доступ. Клубами этими были пивные.

Да, именно пивные. Ибо для «доброй старой» Англии это заведение столь же традиционно, столь же типично, как пресловутый лондонский смог. Их здесь — особенно в Лондоне — невероятное количество. И, конечно же, почти у каждого англичанина есть «своя» пивная, где он чувствует себя не менее (а может быть, и более) свободно, чем дома, и знает большинство завсегдатаев.

Любопытно, что все пивные — и в городе, и «на селе» — делятся на «отсеки» с отдельными входами. Основной «отсек» — общий зал, но есть зал и для публики почище, цены тут слегка выше, хотя пиво качают из той же бочки. Ещё дороже «уединенный зал», которым обычно пользуются женщины, не сопровождаемые мужчиной.

Пивные, как ни странно, и стали тем местом, где я наконец-то смог найти общий язык и с «чиновниками», и с джентльменами из Форин Оффис.

А было это так.

Среди преподавателей школы одной из самых ярких, заметных фигур был Саймонс-младший, сын профессора Саймонса. Отец в тридцатые годы эмигрировал из фашистской Германии, Саймонс-младший был тогда ребёнком. Он успел окончить частную школу и университет в Кембридже. Говорил по-английски на аристократическом наречии и во всём стремился походить на истинного британца (ему это почти удавалось. «Почти» потому, что он всё же оставался явным «европейцем», как англичане называют жителей Западной Европы). Китайский язык он знал хорошо и преподавал его умело. К студентам из нашей группы — они были одного возраста с ним — относился как к равным.

И вот как-то на уроке грамматики китайского языка Саймонс-младший вполне резонно заметил, что большинство присутствующих явно потеряли нить его рассуждений. Это было немудрено — он пытался объяснить теорию математической грамматики, разработанную Саймонсом-старшим. Последний считал — и совершенно справедливо, — что категории грамматик европейских языков неприменимы к китайскому языку, и создал с типично немецкой дотошностью оригинальную китайскую грамматику, основанную на придуманных им математических

формулах. По мнению профессора, это значительно облегчало овладение китайским языком. Достаточно лишь запомнить несколько десятков формул, и вы уже могли вести разговор на китайском языке. Всё хорошо, если б не необходимость каким-то чудом выбрать нужную в данном случае формулу, молниеносно проанализировать состав требуемой фразы и перевести на китайский язык, расположив все составные части предложения в соответствии с избранной формулой. После этого оставалось лишь произнести нужное предложение (или написать его) на китайском. При должной натренированности на это уходило всего лишь несколько минут. Правда, мне так и осталось неизвестным, чем должен был заниматься в это время собеседник.

Естественно, никто из студентов никак не мог усвоить путь к «нужной» формуле, и Саймонс-младший быстро почувствовал, что потерял контакт с аудиторией.

— Джентльмены, я чувствую, нам надо немного отвлечься, — произнёс он тоном искушенного преподавателя. — Все мы — люди взрослые и отлично понимаем, что знание одного китайского языка не делает из человека синолога[2]. Не так ли?

Обрадованные переменой темы, студенты хором согласились с ним, хотя ещё и не поняли, куда он клонит.

— Так вот, господа, — продолжал Саймонс, — всем нам необходимо факультативно изучать текущие события в Китае и в Юго-Восточной Азии, знакомиться с китайским искусством, обычаями, традициями и тому подобным. Короче, я предлагаю раз в неделю проводить семинары, приглашать «именитых гостей». После беседы организуем обсуждение. Как вы на это смотрите?

Идея понравилась, и вскоре вся группа стала собираться в «старшей трапезной», а проще говоря, в столовой для преподавателей — небольшом полуподвальном помещении, где в два ряда стояли длинные, человек на двадцать столы. Один из них заранее накрывали для чая, собирая с каждого студента по два с половиной шиллинга. Беседы, как правило, были полезными, а лекторы — специалистами в своей области.

Особенно интересно проходили обсуждения, во всяком случае для меня, так как они позволили узнать политические взгляды однокурсников. К сожалению, «чиновники» обычно отмалчивались. Либо потому, что так принято, либо из-за того, что им нечего было сказать. Вторая причина, видимо, всё же была предпочтительней.

Кто были наши лекторы? Сотрудники Форин Оффис, госдепартамента США, известные специалисты по странам Юго-Восточной Азии. Однажды перед нами выступил английский

разведчик Форд, в своё время арестованный в Тибете за шпионаж. Правда, на семинаре его представили как радиоспециалиста, бывшего сержанта войск связи, который после окончания войны поступил на работу к Далай-ламе. К разведке, по его словам, он не имел никакого отношения, а признался в шпионаже в результате «промывания мозгов» в китайской тюрьме.

Форд, смуглый, небольшого роста человек с усиками, сидел в кресле, согнувшись, хотя сержанты английской армии славятся своей выправкой и громким голосом. Он говорил тихо, с акцентом человека без высшего образования (в Англии это различает каждый, профессором Хиггинсом быть не обязательно). Форд вернулся в Англию незадолго до встречи с нами, и газеты ещё продолжали много писать о нём, полностью отрицая его принадлежность к английской разведке. В конце беседы, когда, как обычно, все задавали вопросы докладчику, я спросил его:

— А где вы работаете сейчас? Форд не задумываясь ответил:

— Как где? Конечно, в Форин Оффис!

Я не мог не заметить, как при этом по лицам студентов пробежала ироническая улыбка — с каких это пор в Форин Оффис стали работать бывшие сержанты войск связи?

После дискуссии (всё на семинаре шло по строгому регламенту) студенты переходили за накрытый стол и продолжали беседовать за чаем. Однако самое главное для меня было не в семинаре и даже не в беседе за чайным столом. Самое интересное было после семинара, когда его участники дружно отправлялись в любимую пивную их руководителя.

Сырой и неожиданно «теплый» (по московским стандартам, естественно) зимний вечер. Туман не спеша наползает на Лондон, и город обретает вид фантастический и даже праздничный. Масляно светят фонари, а жёлтые фары автомашин сияют, как маленькие солнца. Мы направляемся в пивную Саймонса-младшего. Это типичное заведение подобного рода, выдержанное в строгом викторианском стиле, с большим главным залом, в котором плавают облака табачного дыма и раздаются хриплые голоса несколько разгорячённых джентльменов. Садимся за столики.

— Я заказываю, — безапелляционно бросает маленький краснолицый джентльмен, служба которого, как мне представляется, проходит в военной контрразведке. — Что будете пить, джентльмены?

— Мне светлого.

— То же самое.

— Тёмное.

Я прошу подать полкружки тёмного, так как не питаю особой

приязни к пиву.

Бармен, сияя улыбкой и напомаженным пробором, ловко наливает полтора десятка кружек — традиционный английский «круг». «Пивопитие» начинается.

— Бармен, повторите круг…

— Прошу, джентльмены…

Пятнадцать кружек, увенчанные белой шапкой пены, выстраиваются на столе, как напоминание о том, что истинно английский джентльмен может выпить пива сколько угодно и ещё одну кружку.

— Бармен, ещё круг…

Первый круг пьют молча. Потом обретают дар речи. «Чиновники», «дипломаты», «бизнесмены» позволяют себе слегка развязать языки.

Теперь слушать. Слушать. И постараться не напиваться. Какая же это гадость — сладковатое тёмное пиво.

— Мне — полкружки, — я показываю пальцем на правую часть живота: печень. По мнению моих соседей, я ставлю себя сейчас в невыгодное положение — оплачиваю каждому целую кружку, а сам пью только половину. Что ж, меня ведь никто не уговаривает пить меньше.

Но до чего же они хорошо выдрессированы: дальше футбола и собак разговор не идёт.

После двенадцатого круга один из типичных «чиновников», носивший фамилию Ватсон, неожиданно теряет обычную для английских офицеров манеру растягивать слова и говорит на простонародном лондонском «кокни».

Этого вполне достаточно, чтобы стоящий рядом со мной Венаблс, тридцатилетний верзила с тупым аристократическим лицом, каковым в Англии считается похожая на лошадиную, вытянутая физиономия, украшенная крупными зубами (позднее я установил, что Венаблс был капитаном контрразведки), повернулся ко мне и с презрительной усмешкой шепнул: «И эта серость недавно получила «майора»!» А так как в английских вооружённых силах установлены различные для разных родов войск наименования воинских званий, то этого вполне достаточно, чтобы сделать вывод: Ватсон служит в армейской разведке или контрразведке.

Обычно в пивную шло человек десять, причём каждый раз состав несколько менялся — всегда кто-нибудь оказывался занятым. Я тоже иногда пропускал эти походы, дабы не прослыть их завсегдатаем, хотя бывать там мне было весьма полезно… Как только мы подходили к стойке, один из нас (всегда разные люди, и трудно сказать, как устанавливалась эта очерёдность)

обращался к остальным с традиционным вопросом: «Что будете пить, джентльмены?»

Применительно ко мне эта фраза могла бы звучать и так: «Чем порадуем Лонсдейла сегодня, джентльмены?»

Характеристика

на члена ВКП(б) Молодого Конона Трофимовича

Тов. Молодый К.Т., член ВКП(б) с сентября 1942 года, п/б № 4932087, 1922 года рождения, русский, из служащих, студент III курса Института Внешней Торговли.

За время пребывания в Институте тов. Молодый проявил себя с исключительно положительной стороны как способный, вдумчивый, серьёзно относящийся к учёбе студент. Занимается только на «отлично». Отличную успеваемость сочетает с хорошо проводимой им большой общественной работой, в настоящее время — секретарь партийного бюро юридического факультета.

Дисциплинирован. Выдержан. Обладает незаурядными организационными способностями.

Пользуется заслуженным авторитетом среди студентов Института.

Политически грамотен. Непрерывно работает над повышением своего политического и общекультурного уровня.

Характеристика дана для предъявления в Райвоенкомат.

Секретарь партбюро Института Внешней Торговли
«2» июля 1948 года.
г. Москва.

Глава XIV

На этот раз диспут затянулся, и мы чуть было не пропустили традиционного посещения пивной. И всё же, хотя час был довольно поздний, большинство, следуя установившемуся порядку, а может быть, потому, что спор, который мы вели, ещё не погас и хотелось поговорить ещё, отправились в ближайшую пивную и пробыли там до самого закрытия, то есть до половины одиннадцатого.

Диспут — его темой был тезис «История — это чепуха» (знаменитая фраза, много лет назад произнесенная Генри Фордом, когда он убедился, что его попытки повлиять на ход истории обошлись ему в миллион долларов и не принесли никаких результатов) — действительно проходил бурно. Шпаги в «старшей трапезной» скрестили видные историки и студенты старших курсов. В поддержку тезиса Форда выступил сам знаменитый Льюис. Профессор был остроумен и убедителен. А примеры, которые он щедро сыпал на головы оппонентов, говорили об ошибках и заблуждениях историков.

Большинство студентов проголосовало за Льюиса.

Из пивной каждый побрёл в свою сторону. Я шёл с кем-то из «чёрных пиджаков», продолжая вспоминать блестящее выступление профессора. Потом мы остановились, чтобы попрощаться.

«Что ж — по домам?..»

И, надо же, именно тогда я увидел некоего М., с которым когда-то учился в вузе. В московском вузе, конечно же. М. торчал в двух шагах от меня. Я видел его так ясно, словно тот специально прибыл сюда на этот залитый электрическим светом лондонский перекрёсток, чтобы определить, какое впечатление это произведёт на меня.

Мне стало не по себе: «Сейчас кинется ко мне и облапит. И «чёрный пиджак» тут же допрет до истины…» Что-то надо было предпринять. Главное — нельзя было упускать инициативу. В такие секунды думаешь быстрее, чем обычно. Я, умышленно повернувшись лицом к М., стал ждать, когда тот узнает меня. Через мгновение тот вытаращил глаза.

«Ты? Здесь! Что делаешь?» — круглые глаза М. были достаточно красноречивы.

Тогда я подчеркнуто безразлично повернулся к нему спиной, и холодная, чужая спина должна была показать М. — не вздумай подходить.

— Это верно, что Саймонс собирается устроить нам

контрольную? — продолжал наш диалог «черный пиджак».

— Да, и это меня не радует…

Я вздохнул с облегчением, когда убедился, что М. прошёл мимо, не останавливаясь. И тут кто-то легонько похлопал меня по плечу.

— Простите, — раздался знакомый голос, — не могли бы вы позвонить мне в отель «Империал». Номер 235?

— Обязательно, — с кислой улыбкой ответил я, мысленно проклиная и М., и его воспитателей.

«Империал» находился в ста метрах от угла, на котором мы стояли.

— Кто это? — «чёрный пиджак» проявил явный интерес.

— Знакомый американец, — с деланным весельем ответил я. На моё счастье, М. превосходно говорил по-английски с резко выраженным американским акцентом.

Дальше события разворачивались столь же стремительно. Пожав руку «однокашнику», я сделал небольшой круг по Рассел-Сквер и внимательно проследил за прилегающими улицами, пока не убедился, что не привёл с собой «хвоста». За углом я увидел М., который терпеливо ждал меня, сидя на скамейке. Увидев меня, тот начал было подниматься навстречу, но я поравнялся с ним и не глядя в его сторону, сказал ему несколько русских слов, перевести которые на английский почти невозможно…[3]

Теперь надо было снова провериться, чтобы окончательно убедиться, что М. не притащил «хвоста».

Всё складывалось скверно. Сидя в такси, которое волею обстоятельств должно было везти меня в противоположный от «Белого дома» конец Лондона, я ругал себя за то, что принял приглашение «чёрного пиджака» подышать перед сном.

А ведь утром мне предстояло изъять из одного тайника довольно объёмистый материал. Кто заложит его туда, я, конечно, не знал. Я должен был лишь сфотографировать этот материал и на следующий день вернуть, поместив в тот же тайник.

В условленное время я был возле тайника. Осмотрелся. Все спокойно. Тихая, сонная окраина. Закопчённые стены. Приткнувшаяся к тротуару тележка зеленщика. Ни души.

Я шагнул в подъезд. Движение руки, и я уже держу увесистый сверток. Не останавливаясь, двинулся вперёд к «чёрной» двери, которая ведёт во двор. Пересекаю его, выхожу на другую улицу прямо к своей машине. Бросив свёрток на заднее сиденье, отправляюсь домой.

Возле Риджентс-Парка меня остановил красный сигнал светофора. Я долго ждал, пока его переключат. На перекрестке я

был один. Ни справа, ни слева машин не было. И то, что меня задержали, показалось странным. «Что ты будешь делать со свёртком? Куда денешь его?» — неслись в голове тревожные мысли, пока я, откинувшись на сиденье, глядел на светофор.

Потом вдруг что-то громко ударило по крыше автомобиля. В недоумении я повернул голову. Рядом с машиной торчал высокий полицейский, поигрывая дубинкой. Он и стучал по крыше. Сразу же вспомнив о злополучной встрече с М., я молниеносно связал два этих события…

— В чём дело, сэр? — спросил я, стараясь внешне сохранить спокойствие.

— Задняя дверца неплотно закрыта, — улыбнулся полицейский. — Разрешите захлопнуть?

— Да, пожалуйста, — улыбнувшись как можно радушнее, ответил я, — и простите за беспокойство…

В это время наконец изумрудным светом подмигнул светофор. Не торопясь, я тронул машину с места, снова проклиная М., а заодно и любезного полицейского.

Сказать по правде, я не так уж долго ругал однокашника. Когда стало ясно, что эта рискованная встреча ни к каким для меня последствиям не привела, я часто вспоминал те несколько мгновений, которые видел его. Ведь он был реальной частичкой того мира, которого так часто недоставало мне.

К сожалению, не смогу передать всё, что чувствует человек, работающий в глубоком подполье. Тут важно знать, что со временем ты привыкаешь к постоянной опасности и уже не думаешь о ней. Тогда работа становится тем, что она фактически и есть: бывает и скучной, и неинтересной, бывает радостной, удивительно приятной.

Всё это в какой-то мере похоже на передовую фронта. Приходит день, и ты уже не думаешь о том, что в твой окоп или землянку может попасть снаряд. Привыкаешь. Те, кто не может свыкнуться с опасностью, не подходят для нашей работы.

Как и на фронте, в жизни разведчика бывают острые моменты, но бывают и затишья. Именно в такие дни особенно остро ощущаешь, как далеко от тебя Родина, семья. Ведь у каждого из нас тоже есть семья, друзья. Вряд ли кому приятно услышать дома: «Ты — отец-заочник…» Увы, но я много лет был им.

Сколько бы ни пробыл ты на чужбине, привыкнуть к разлуке со всем тем, что тебе дорого, невозможно. Помните, у Тургенева: «Без каждого из нас Родина может прожить, но любой из нас без Родины прожить не может»? Ведь и правда, есть я или нет меня, это трогает только мою семью да ближайших друзей.

Бывают минуты в период «затишья», когда дальше терпеть разлуку с домом становится почти невозможным. Чувствуешь: твоя выдержка подходит к концу. Подмывает тут же радировать в Центр: «Невмоготу. Шлите замену!» Лекарство тут одно: с головой уйти в работу.

В такие чёрные минуты поддерживают письма из дома. Понятно, разведчик переписывается с семьей не по почте. Личные письма идут теми же каналами, что и разведывательная информация. Дело сложное, долгое. Бывает, по нескольку месяцев получаешь лишь краткие сообщения по радио: «Дома всё в порядке». Я отлично понимал, что жене переносить разлуку ещё тяжелее, чем мне, я был поглощен работой, которая не позволяла мне часто предаваться грустным размышлениям.

Что касается жены, так она даже не знала толком, куда и зачем я уехал. Разумеется, я сообщил ей более или менее убедительную «легенду», объяснявшую мой отъезд. Однако с годами моя легенда становилась все менее убедительной. Жена не требовала никаких объяснений, но по глазам я видел, что она мне не верит. Я еще расскажу, как я получил весточку о том, что у меня родился сын. Сейчас о более позднем эпизоде…

Как-то я приехал в Центр. Мой сын как раз в то время начал говорить. Я был очень обрадован, что он сразу признал меня своим отцом и называл папой. Как-то жена ему сказала, что через несколько дней я снова надолго уезжаю.

— Почему ты опять уезжаешь, папа? — спросил он меня.

— Такая уж у меня работа, сынок. Сын сосредоточенно задумался и сказал:

— Дулацкая у тебя лабота! Жена улыбнулась:

— Сын, пожалуй, прав.

Я промолчал, но уже на следующее утро рассказал об этом на службе. И получил разрешение сказать жене правду о своей работе.

— Ты, наверное, уже не веришь, что я действительно работаю в Н.? — спросил я жену в тот же вечер.

— Сначала верила, конечно. Потом мне показалось странным, что ты не взял нас с собою. А как-то ночью я услышала, как ты пробормотал несколько слов по-английски, и поняла, что ты работаешь в другой стране.

— Почему же ты меня ни о чем не спросила?

— Зачем? Всё равно ты не мог сказать правду.

— Хорошо. Тогда сегодня ты её узнаешь: я получил разрешение сказать тебе, что я — разведчик. Работаю за кордоном.

Она, как и многие люди, почему-то полагала, что разведкой

занимаются только во время войны. В мирное же время их место в фильмах и романах (да и романов этого рода в то время было чрезвычайно мало. Не то что сейчас).

Понятно, что я не стал объяснять ей, в какой стране работаю или какие-либо иные подробности. Ей самой было ясно, что этого спрашивать не следует.

Почему-то считается, что человек может привыкнуть ко всему. Наверное, это придумали люди, которым никогда не приходилось переносить настоящих трудностей… Мои дети не могли привыкнуть к тому, что рядом с ними никогда не бывает отца. Особенно остро они чувствовали это в праздничные дни, когда вся семья бывает в сборе.

Ох эти праздники… Конечно и за кордоном их не забываешь. Естественно, там это обычный рабочий день. Но ты заранее думаешь о нём и стараешься достойно его отметить. Изредка удавалось провести этот вечер с кем-нибудь из товарищей по работе. Тогда это был настоящий праздник. Но чаще я был в такие вечера один. Закрывал дверь на ключ, накрывал праздничный ужин на одного, включал приемник и слушал (естественно, через наушники) Москву. На какое-то время радио переносило меня далеко, далеко. Не могу сказать, что отмечать праздник подобным образом очень весело. Но даже такое общение с родной землей улучшало настроение, придавало сил…

Интервью с героем книги

Когда была написана эта глава, мы спросили Конона Трофимовича:

— А вам не кажется, простите, жестоким — держать в тайне от жены, самого близкого вам человека, чем вы занимаетесь? Уезжать надолго, ничего ей не сказав: куда, зачем, на сколько…

— Жестоко? Нет. Тяжело, порою очень тяжело — это верно. Но у моей профессии есть суровые законы, которые переступать нельзя, невозможно. В принципе жена, конечно, знала, какой работой я занимаюсь. Она умела не задавать лишних вопросов и терпеливо ждать.

— А у вас никогда не появлялось искушения рассказать ей о себе всё?

— Не скрою, иногда очень хотелось это сделать, хотя бы для того, чтобы как-то успокоить её, поддержать. Но это были не мои «секреты».

— А чьи?

— Напомню, что я работаю в системе государственной безопасности. Государственной…

Глава XV

С Вильсоном я встретился тихим и тёплым мартовским днём, когда Лондон уже открывает окна и двери навстречу своей неяркой весне — умеренно тёплому солнцу, умеренно чистому небу и столь же умеренно зелёным аккуратненьким английским паркам.

Я сам выбрал и место встречи и время — корнер-хауз «Лайонс», полдень. В этот час волна клерков, домохозяек и пенсионеров уже растеклась по домам, оставив улицы города полупустыми. Пусто и в кафе, и в пабах. Значит, никто не помешает нам поговорить.

Я не видел до этого своего будущего помощника, но представлял его так хорошо, словно много лет жил с ним в одной квартире. Я знал и его улыбку — тихую и быструю, и сдержанную манеру говорить, слегка растягивая слова, и легкий акцент одного из южных графств, напоминавший о том, что Вильсон происходит из старинной английской семьи. Мне было известно, как тот будет одет, что станет держать в руках, как ответит на моё удивленно-обрадованное: «Неужели это вы, Кеннет?!» И о чём мы станем говорить дальше.

Не знал я только одного. Главного: сработаемся ли?

Но на этот вопрос могло ответить лишь время. А оно для нас обоих должно было начать свой отсчёт ровно через час.

Этот час я провёл на улицах Лондона, испытывая чувство напряжённого ожидания. Покрутив по узким старым переулкам центра (быстрый взгляд в зеркало заднего вида: не прицепился ли кто? Нет, всё нормально…), я причалил к кинотеатру на Бейкер-Стрит и оставил там машину. С полчаса я скучал на старом, отгремевшем ещё в тридцатые годы фильме и вышел через вторую дверь во двор — знаменитой «Шерлок Холмс-мьюз». Несколько шагов по кривой улочке, вливавшейся в Бейкер-Стрит, и я остановил такси.

— Пожалуйста, на Пиккадилли-Серкус. И побыстрей… «Побыстрей» — это значит переулками, старыми улочками — самым коротким путем.

Некий джентльмен в сером макинтоше, подчеркнуто внимательно читавший «Дейли экспресс» у входа в «Лайонс», заставил меня пройти мимо и внимательно понаблюдать за ближайшим кварталом.

Нет, джентльмен явно не имел ни ко мне, ни к Вильсону никакого отношения, а занимался противоположной стороной Пиккадилли-Серкус, где стояла длинная чёрная машина,

украшенная флажком одного из восточноевропейских государств. Поэтому я спокойно толкнул зеркальную дверь «Лайонса», чуть задержался у входа, разглядывая зал, чтобы выбрать себе место. Как и полагалось, в этот час тут было пусто: два-три пенсионера, коротавших время до вечера за стаканом пива и номером газеты, чтобы сэкономить на отоплении своей квартиры.

Вильсон сидел недалеко от входа лицом ко мне. Соседний стул, как и полагалось, был слегка отставлен в сторону. На стуле стоял светло-жёлтый портфель. К его ручке была привязана белая с синим бирка авиакомпании «ТВА».

Вильсон неторопливо пил кофе. У него был вид немного уставшего делового человека, решившего отдохнуть перед новыми заботами ещё не закончившегося дня.

Я поискал взглядом, где бы пристроиться, и «неожиданно» увидел одинокого, явно скучающего мужчину. Секунду-другую я всматривался в него, и по моему лицу скользила целая гамма чувств — удивление, лёгкое сомнение, откровенная, хотя и традиционно сдержанная радость, потом я воскликнул:

— Неужели это вы, Кеннет?

И направился к столику Вильсона.

— Да, дружище Арни, это я! — Вильсон поднялся мне навстречу, протягивая руки, чтобы похлопать по плечу.

Кто скажет, сколько подобных встреч происходит ежедневно в лондонских кафе. Тысячи? Десятки тысяч? Встречаются приятели. Влюблённые. Просто знакомые. Люди бизнеса и люди искусства. И наша, выдержанная в суровых канонах английской сдержанности, встреча абсолютно ничем не выделялась из великого множества подобных свиданий. Официанты, скучавшие от безделья в этот час временного затишья, должно быть, подумали: еще два старых приятеля встретились в их «Лайонсе». Видно, давно не виделись. Гляди, как обрадовались. Да, жизнь такая штука — встречаются, расходятся… Посидят, оставят пару шиллингов и уйдут…

Конечно, никакой официант не мог предполагать, что каждая деталь этого рандеву была заранее продумана и предусмотрена, и если бы, скажем, на светло-жёлтом портфеле Вильсона была этикетка другой авиакомпании, знакомство так бы и не состоялось. Точнее, его бы перенесли в иное место и на иное время.

— Не возражаешь, если я составлю тебе компанию? — достаточно громко, чтобы слышал официант, протиравший за соседним столиком бокал, спросил я.

— Сам хотел предложить тебе это! — в серых глазах Вильсона мелькнула мягкая усмешка. — У меня есть несколько свободных

минут поболтать.

Встреча развивалась точно по сценарию.

Вильсон был именно таким, каким он должен был быть — высоким и худощавым. Даже когда сидел за столиком, чувствовалось, что он сутулится, как это бывает с высокими людьми, не обременяющими себя спортом. И акцент одного из графств Англии у него был ярко выражен. Даже более ярко, чем можно было предположить. Одет был мой помощник на истинно английский лад, в меру модно, добротно и не броско. Всё это вполне соответствовало той легенде, которой он пользовался: окончил среднюю школу в метрополии и сразу же эмигрировал в одну из стран Британской империи. На первых порах повезло — хорошо обосновался, открылись хотя и небольшие, но вполне благоприятные для начинающего молодого человека перспективы. И вдруг неожиданно возвратился в Англию…

— Понимаешь, Арни, эта колония недавно получила независимость, и к нам, англичанам, там стали относиться плохо, — серьёзно объяснил он.

— Допустим, но это не повод, чтобы бросать добытое честным трудом, — я еле сдерживал улыбку.

— Да, многие наши соотечественники тешат себя надеждой, что им удастся продержаться…

— И они, не исключено, окажутся в выигрыше, — подыгрывал я партнеру, наблюдая, как официант позванивает бокалами.

— Нет, Арни, — Вильсон произносил это «Арни» — уменьшительное от имени Арнольд с истинно приятельской небрежностью. — Нет, Арни, они могут, конечно, надеяться, но я-то не такой человек. Раз дело плохо, я не жду, пока оно станет совсем скверным. Понятно, ликвидируя бизнес, кое-что теряешь. Зато те, кто остается, потеряют всё. В этом я убеждён…

Я слушал этот проникновенный монолог внимательно, только изредка, как бы в лёгком сомнении, покачивая головой. Со стороны это могло быть растолковано только так: два истых британца — один, твёрдо верующий в могущество своей империи, другой — сугубый прагматик, привыкший исходить лишь из фактов дня нынешнего, своих личных наблюдений. (Любопытно, что пророчество Вильсона оказалось вещим. Через несколько лет англичане действительно вынуждены были окончательно покинуть ту страну, из которой якобы прибыл мой помощник. Разведчик Вильсон, выбирая себе легенду, основывался на реальной политической ситуации и умело предусмотрел развитие событий).

Мы выпили по стакану холодного пива, и Вильсон стал расплачиваться, а я заказал себе бифштекс.

— Дела, Арни… Прости, вот тороплюсь… — сокрушённо разводя руками, поднялся Вильсон.

— Не пропадай…

Отведённый нам сценарием диалог исчерпал себя.

За несколько минут мы успели обменяться условными фразами, подтверждающими, что вступает в действие утверждённый Центром порядок связи между нами.

Длинный Вильсон мягко улыбнулся и зашагал к выходу, слегка сутулясь и унося с собой и свой светло-жёлтый портфель, украшенный биркой «ТВА», и напряжение, которое я испытывал перед встречей.

Теперь я почувствовал, что с помощником мне, похоже, повезло.

Мне нравилось в Вильсоне многое. Во-первых, он был моим идейным единомышленником и верным товарищем по оружию. Во-вторых, Вильсон был мастером своего дела, прекрасно знал, что может и чего не может. Последнее качество крайне важно, и не только в разведке: если человек берётся за что-то, что ему явно не по силам, от этого только вред. В-третьих, он пошёл в разведку не ради мальчишеских поисков приключений, а по велению совести. В юности Вильсон собирался стать инженером-мостостроителем — такой была семейная традиция. В мостах, воздвигнутых по его чертежам и под его руководством, он, если можно так сказать, видел главную романтику своей жизни и своё призвание. Но уже в школе проявил незаурядные способности к языкам. И когда ему доказали, что он подходит для работы в разведке и работа эта необходима, он выбрал более трудный и, как мне всегда казалось, менее увлекавший его путь. Вильсон был человеком долга.

Наконец, в-четвертых, он обладал прекрасным чувством юмора. Я имею в виду не умение рассказывать анекдоты и острить. Совсем нет. Вильсон мог подметить забавное в самых трудных для него событиях и ситуациях. И часто, понимая, что он не в силах изменить эти обстоятельства, умел вовремя пошутить, мягкой, интеллигентной остротой снять напряжённость, созданную какой-то неприятной ситуацией. Чувство юмора — качество ценнейшее, особенно когда работа протекает в трудных условиях. Тут, видимо, я никогда не соглашусь с теми чересчур серьёзными людьми, которые в трудную минуту сурово изрекают: «Сейчас не до шуток!» Я же придерживаюсь иного взгляда. Я бы даже ввёл правило — отмечать «наличие» чувства юмора (или отсутствие такового!) в служебных характеристиках. Согласитесь — проницательному руководителю это намного облегчило бы подбор сотрудников. Конечно, я имею в виду не деланное, так

называемое «постное» остроумие.

Очень хотел бы рассказать о дальнейшей судьбе Вильсона, но время для этого еще не наступило…

Примерно через три недели я получил от Вильсона сообщение: обосновался, готов выполнять задания. Естественно, всё было закодировано и пришло ко мне по каналу связи, который был предварительно оговорен между нами.

Я назначил день и место встречи.

На этот раз мы были одни. Никаких посторонних. Никакой опасности быть услышанными. Говорили по-английски, но с таким же успехом могли вести разговор на русском, по которому оба, кстати, изрядно соскучились.

— Поздравляю вас, Вильсон, — сказал я. — По-моему, вам везёт, а я придерживаюсь взгляда, что удачливые люди — это всегда люди, знающие своё дело.

— Спасибо… Но мне на самом деле здесь повезло. «Крыша» оказалась удобной, чтобы установить кое-какие знакомства. Теперь дело за конкретным заданием…

— Какое впечатление произвёл на вас Портон?

— Городок как городок. Серый. Скучный, маленький. Со своими маленькими заботами.

— И большими претензиями?

— Да, чего-чего, а «суперменства» там предостаточно. Военная казарма. Да к тому же — центр бактериологической войны. Искренне считают, что своими пробирками могут уничтожить весь род людской.

— Насчет пробирок говорят открыто?

— Нет, конечно. Но особого секрета из того, чем занимаются, не делают. Во всяком случае, человек, от которого я услышал это, был информирован достаточно, чтобы делать свои выводы.

— Кто он? Вильсон ответил.

— Среди его знакомых некий Бэкон — доктор медицины. Этот парень работает не то с чумой, не то с холерой. Не знаю… Главное, что после своих вирусов он испытывает потребность в словесных излияниях.

— И выбалтывает всё, чем занимается?

— Всё — нет, но кое-что.

— Что именно?

— Что там работают немцы. Бывшие гитлеровские специалисты.

— Ну, это для нас не новость.

— А вот и новость: ведутся эксперименты с аэрозолями. Микробы предполагают распространять в виде жидких или твердых аэрозолей.

Я был предупреждён о том, что мой помощник свободно чувствует себя «своим» и среди рядовых англичан, и среди так называемого «общества», и о ещё более поразительной его способности молниеносно завоевывать доверие и симпатии своих новых знакомых. Теперь я видел, как эти качества воплощаются на практике.

— Откуда это у вас? Как вам удается такая непринуждённость в отношениях с людьми? — поинтересовался я.

— С волками жить, по-волчьи выть… — ответил Вильсон, употребив схожую с русской английскую поговорку. Оказалось, что подобные идиомы — его хобби и что знает он их великое множество. На нескольких языках.

Потом, когда работа окончательно сблизила нас, мы иногда развлекались тем, что вели беседу одними поговорками. Это было и удовольствие, и своеобразная гимнастика для ума: разведчик обязан найти в нужный момент нужное слово. А со временем это стало и шутливой традицией.

— Вообще-то говоря, — признался как-то Вильсон, — я всегда свободно завязывал знакомства. Но несколько лет назад прочел книгу Д. Карнеги «Как приобретать друзей и оказывать влияние на людей», и это стало для меня просто лёгким и приятным делом. Вы её читали?

— Конечно. Отличная книга. Грибоедовский Молчалин зарыдал бы от радости, пролистав её.

— Вот именно. А здесь она вообще незаменима. Я выучил это наставление наизусть и с успехом пробую на практике советы господина Карнеги. Больше того — два года назад в городе, где я работал, были организованы курсы Карнеги для бизнесменов. Я их окончил…

Я хорошо знал и книгу, и историю Карнеги. Я уже рассказывал, как однажды весьма успешно испробовал советы этого господина в беседе с австралийским спекулянтом недвижимостью — почтенным мистером Коксом.

Труд Карнеги стоит того, чтобы сказать о нём особо. Дейл Карнеги относится к числу типичных американских «селфмейдмен». Перевести это слово можно примерно так: «человек, сделавший сам себя». Сам, без посторонних выбившийся в люди. Правда, сначала Карнеги попробовал себя в бизнесе, но не преуспел. Тогда ему пришла неожиданная и оригинальная идея: учить других бизнесменов, как добиться успеха. (Некий мудрец изрёк, что мир держится на парадоксах. Можно пошутить, что Карнеги решил проверить этот тезис на практике). Ну, а если вести речь всерьёз, то Дейл Карнеги проделал весьма солидную работу. Он изучил биографии самых преуспевающих дельцов и

выдающихся исторических деятелей. Из этого материала он тщательно отобрал всё, что относится к секретам личного обаяния, наиболее рациональной манере поведения в различных ситуациях, умению выработать и выполнить принятое решение и так далее. Карнеги начал читать лекции, организовал курсы «умения делать бизнес» и в конце концов написал книгу, которая имела феноменальный успех сначала в США, а затем и в других странах. Окрылённый успехом, он выпустил ещё несколько «поучительных» книг, основанных на биографиях выдающихся политических деятелей, и открыл свои курсы в других странах. Естественно, серьёзных деловых людей в творчестве Карнеги привлекали не дешёвенькие, ходкие рецепты успеха (он их и сам избегал), а то, что здесь достаточно подробно и объективно анализировались пути повышения эффективности рациональных методов коммерческой деятельности.

На таких курсах учился и Вильсон. Для него они оказались полезными во всех отношениях: лекции Карнеги слушали наиболее честолюбивые бизнесмены. От них он получил рекомендательное письмо в Англию, и это помогло моему помощнику завязать весьма ценные деловые знакомства.

Именно потому в Центре и решили ему поручить такое важное дело, как Портон.

Портон, точнее Центр по изучению биологических методов ведения войны, стоил того, чтобы мы им занимались.

Здесь мы вынуждены сделать паузу, чтобы совершить короткий экскурс в недавнюю историю.

Слова «бактериологическая война» вошли в наш лексикон в тридцатые годы, когда стало известно, что фашисты работают над созданием бактериологического, или, как теперь принято говорить, биологического, оружия. Потом мы узнали, что в концентрационных лагерях и «специальных» лабораториях Германии проводились страшные по своей бесчеловечности опыты над людьми. Но тогда никто ещё не мог предполагать, что у гитлеровских преступников тут же найдутся достойные преемники. Война еще не закончилась, советские войска вели ещё трудные бои на путях к Берлину, а разведслужбы США и Англии уже начали поиск гитлеровских специалистов, работавших над бактериологическим оружием. Специальные разведывательные подразделения союзников устанавливали их имена и искали, искали, искали этих людей по всей Германии. Часть этих нацистов от науки отправили в США, кое-кто попал в объятия младшего партнера. Получить от них согласие сотрудничать было нетрудно. Всем этим деятелям от науки грозило строгое наказание за военные преступления и преступления против

человечности. Работа же на американцев и англичан укрывала от правосудия. Портон, этот небольшой городок, расположенный в районе Солсбери, стал пристанищем группы нацистских специалистов. (Наши читатели, видимо, помнят фильм «Мёртвый сезон». Именно этот факт и был положен в его основу).

Солсберийская низменность давно была традиционным местом дислокации воинских частей, артиллерийских полигонов, военных учений. На первый взгляд бактериологический центр не производил особого впечатления — несколько домиков, разбросанных среди чахлых деревьев, низкие строения казарменного типа. Территория ограждена, у входа — ничего не объясняющая вывеска.

Но именно там, в этих неприглядных домиках, готовилось оружие, страшнее которого человек ещё не придумал. Маленький микроб оказался сильнее всесильного термоядерного взрыва.

250-килограммовой бомбы, начиненной сугубо «обычными» средствами бактериологической войны, было вполне достаточно, чтобы превратить в гигантское кладбище 60 тысяч квадратных километров! Чтобы «сотворить» то же с помощью водородной бомбы, нужно было не меньше 20 бомб мощностью в 20 мегатонн каждая.

Но в Портоне шагнули ещё дальше. Английский ученый Роберт Уотсон Уатт, мнение которого как специалиста сомнению не подлежит, как-то заявил, что микробы, «разрабатывавшиеся» в лабораториях Портона, позволяют получить вещество, двухсот граммов которого достаточно, чтобы умертвить всё население земного шара!

Только заранее зная, что делается в казармах Портона, можно было подготовить действенные контрмеры, спасти мир от катастрофы. Одним из возможных очагов такой катастрофы становился скучный английский городок. (События ближайших лет подтвердили это: именно созданный учеными Портона газ «Си-Эс» закачивали в подземные убежища партизан во Вьетнаме, джунгли опыляли ядовитыми веществами, поля и водные источники отравляли смертоносными микроорганизмами).

Сведения о Портоне стекались в Центр из разных источников. Среди них были и такие, которые указывали, что немецкие специалисты, работавшие в его лабораториях, уже установили тайные связи с БНД — разведкой Западной Германии и что она усиленно интересуется Портоном, пытаясь завязать контакты с ним. Потом пришли сообщения, подтверждавшие, что учёные-нацисты не остановятся перед тем, чтобы передать фатерланду образцы наиболее опасных видов оружия, созданного по заказу и на деньги Англии. (История знает немало примеров того, как

легко реваншисты и агрессоры разных национальностей находят общий язык).

Это уже был сигнал боевой тревоги!

Вильсон должен был взять под свой контроль всё, что происходит в Портоне. Ему поручалось быть в курсе того, что происходило в его адских кухнях. Он выполнил своё трудное задание. (Видимо, придет день, и он сам расскажет об этом). Вскоре я мог подержать в руке образцы «продукции» Портона. Взяв в руки контейнер с бактериями, напоминавший небольшой термос, я испытал одновременно чувства радости и отвращения. Добросовестный Вильсон позаботился о том, чтобы в термосах (их было несколько) поддерживалась определенная температура, а для бактерий была создана необходимая питательная среда.

— При обращении с этими штуками необходима особая осторожность, — Вильсон небрежно, как истый английский джентльмен, ткнул пальцем в контейнер.

— Они у нас не задержатся, — заверил я. — Сегодня же переправлю в Центр.

Оба мы знали, как ждут в Центре эти «посылки».

Ещё одной заботой Вильсона стал сбор сведений для досье на ведущих сотрудников Портона. Внёс свою лепту в составление таких досье и Центр — в него стекались сведения из других источников. Вскоре я располагал документами о научной работе и квалификации ученых Портона.

Содержание многих досье подтверждало небезызвестную английскую пословицу: «У каждого человека в чулане спрятан скелет». Я даже думаю, немало уважаемых столпов британской бактериологии ужаснулись бы, узнав, что некоторые, весьма «деликатные» подробности их жизни кому-то известны. Копаться в чужой жизни было делом не очень приятным, но это было необходимо. Из досье одного немецкого специалиста мы узнали, что во время войны он производил ужасающие по своей жестокости опыты над заключенными в концентрационных лагерях. После, уже на Родине, через много лет, мне показали ленту, зафиксировавшую «опыты» моего «подшефного» — крупного специалиста-эсэсовца. Я сидел в маленьком просмотровом зале, где на экране в полной тишине мелькали страшные, будто родившиеся в воображении психически больного человека кадры: люди-скелеты корчатся в агонии. Им вводят возбудителей массовых эпидемий. На них изучают действие микроорганизмов, парализующих волю, причиняющих адские боли, увечащих и калечащих тело…

Тот «научный сотрудник» из Портона, досье которого я вёл, в кругу близких приятелей откровенничал: «Я недоволен

английскими условиями: тут мы экспериментируем только на животных. К чему эти сантименты!»

Конечно же, английское правительство знало о том, кто нашёл убежище в Портоне. Иное дело — английский народ. От рядовых англичан тщательно скрывали даже существование подобного учреждения на территории страны. Но вот в прессе появилось сенсационное сообщение о таинственной гибели в Портоне научного сотрудника доктора Джефри Бэкона. В газетных комментариях по этому поводу проскальзывали таинственные намёки, а, как известно, недомолвки обычно только сильнее разжигают всеобщее любопытство. Любопытство сменилось тревогой — стало известно, что Джефри Бэкон заразился чумой в лаборатории во время каких-то опытов. Наиболее смелые газеты требовали ответа от правительства на вопрос: что происходит в Портоне, какие опыты там ведут?

Официальные круги не торопились отвечать. Население графства, на территории которого находился Портон, в петициях и декларациях просило закрыть «научное учреждение». Затем как по мановению волшебной палочки газетная буря утихла. Ни для кого не было секретом, кто взмахнул этой палочкой. И даже когда в Портоне произошёл сильнейший взрыв, пресса никак не прореагировала на это событие. Смелость английской прессы тоже имела свои пределы…

Я своевременно информировал Центр о том, что произошло в этом бактериологическом «гнезде», и в нашей печати тут же появилась соответствующая информация. Между прочим, я прекрасно знал доктора Джефри Бэкона, заочно, разумеется. Нам было известно, что он не всегда соблюдает необходимую осторожность в обращении со своими дьявольскими бактериями. И когда мы узнали о его смерти, Вильсон мрачно констатировал: «Доигрался парень».

Любопытно, что кое-что о Портоне я узнал во время одного из традиционных «семинарских» посещений пивной.

Поводом для разговора была статья о биологической войне, появившаяся утром в одной из газет.

— Для Англии безумие влезать в подобные авантюры, — высказался весьма решительно один из студентов. — Представляете, к каким последствиям это приведёт, если учесть плотность населения на острове? Это все равно, что сунуть бомбу в бочку с селедкой.

Я молчал. Обнаруживать свою осведомлённость было и неразумно и опасно.

— Зачем тогда тратить такие деньги на этот чертов Портон? — возразил капитан Харпер. — Я присутствовал там на

занятиях и могу вас заверить, что эти штуки — отнюдь не оборонительное оружие.

Возникла неловкая пауза. Все замолчали. Майор Ватсон выразительно показал глазами на профессора Саймонса, Тома Поупа и меня. Остальных, по его мнению, можно было не опасаться.

— То, что я говорю, известно каждому младенцу, — побагровев, сказал Харпер. — В Портоне занимаются не защитой, а разработкой наступательного биологического оружия. Большинство из вас побывало там на курсах!

Харпер плеснул в себя порцию пива, с истинно военным высокомерием посмотрел на коллег.

— Конечно, противнику известно о существовании подобного центра, — примирительно заметил один из офицеров, — но болтать об этом не следует.

Харпер не унимался:

— А кто сказал, что я болтаю? Но в своём кругу я могу говорить на любую тему!

Разговор о Портоне продолжался. Конечно, я не принимал в нём участия, ибо не принадлежал к «кругу» Харпера. Моё дело — обмениваться ничего не значащими репликами с Томом Поупом, рассеянно задумываться над чем-то. Неторопливо цедить черное бархатистое пиво. И ловить, ловить каждое слово, отцеживая из неосторожно брошенной фразы новые для себя сведения. Многое из того, о чём говорили офицеры, я, конечно, уже знал. Но разведчику всегда важно не только получить информацию, представляющую ценность для его Центра, но и найти возможность подтвердить её сведениями из других источников. Это значительно повышает её достоверность.

В тот вечер я выяснил, что курсы в Портоне имели в основном ознакомительный характер. Ведущие учёные информировали офицеров специальных служб о достигнутых в своей области успехах. Это было чертовски важно знать. Так же важно было получить сведения о подобных работах в других странах НАТО, особенно в США. Занятые разговором, офицеры незаметно перешагнули традиционную норму кружек, и это окончательно расположило их к доверительной беседе…

Параллельно с работой по Портону мы с Вильсоном выполняли ряд других заданий. Бывает так, что усилия разведчика полностью сосредоточены на одном объекте. Но в данном случае нам пришлось «рассредоточиться»: английские правящие круги вели подготовку к будущей войне по многим направлениям, и именно это определяло поле нашей деятельности. Было бы неверно, занявшись Портоном, оставить

«без надзора» другие, не менее важные участки.

Нам удалось установить, что ассигнования на английскую разведку растут с каждым годом. (Это шло вразрез с официальными заявлениями английского правительства, любившего щегольнуть фразами о миролюбии). Мы сумели точно выяснить, куда идут эти дополнительные средства.

Стало нам известно и о разногласиях между англичанами и американцами в обмене информацией об атомном оружии и атомных двигателях для подводных и надводных кораблей.

О чём шла, в частности, речь? С большим трудом и ценою важных уступок англичане получили от американцев атомный двигатель для своей подводной лодки «Дредноут». Но американцы не хотели делиться с кем бы то ни было достижениями в этой области. Забыв традиционное британское самолюбие, англичане буквально умоляли своих партнеров раскрыть секреты. И всё-таки им пришлось довольствоваться двигателем устаревшего типа, который много лет назад был установлен на первой американской атомной подводной лодке «Наутилус».

Всё это напомнило мне горькую шутку, которую я однажды слышал в Ванкувере: в районе Ванкувера американская фирма добывает железную руду и продаёт её весьма выгодно Японии. Ванкуверцы шутят: в Японии выплавляют металл, американцам поступает прибыль, а канадцам остаётся огромная дырка в земле.

Конечно же, всё это лишь малая толика того, чем я занимался в тот период своей английской жизни. О других линиях моей работы, по вполне понятным причинам, я не смогу ничего сказать и сегодня. Кроме того, что все они были направлены против войны, против её творцов и вдохновителей.

Из книги Аллена Даллеса «Искусство разведки»:

Исходя из личного опыта, я пришёл к выводу, что офицер советской разведки есть разновидность гомо советикус (т. е. советского человека. — *Ред.*) в её самой чистой и успешной форме.

Глава XVI

— Как, ты ещё не был в Британском совете? — удивился Том Поуп. — Ну, знаешь, Гордон, ты много теряешь…

Я попал впросак, так как понятия не имел, о каком Совете идёт речь, и всеми силами старался этого не показать, потому что было ясно, что хотя бы что-то о Британском совете мне как канадцу полагалось бы знать.

Можно, конечно, небрежно бросить: «Прости, Том, но я не вижу особого смысла в том, чтобы терять время на это заведение…» Или походя напомнить: «Ну, ты же знаешь — университет, лига, теперь я начинаю бизнес… Не слишком ли много для одного студента». Всё было бы довольно просто, знай я хотя бы приблизительно, что имеет в виду Том.

Оставался один путь — говорить правду, но правду, которая бы соответствовала характеру и взглядам Гордона Лонсдейла, канадца из Ванкувера и будущего бизнесмена.

— Понимаешь, Том, я боюсь, что потеряю на этот Совет кучу времени, и не очень ясно вижу, что получу взамен.

— О, недоверчивая провинция, — улыбнулся Поуп. — Гордон, не поленись. Сходи туда. И ты увидишь, что я дал тебе не самый плохой совет…

— Хорошо, Том, схожу, но при одном условии: скажи, эти парни из Совета платят тебе за каждую свежую голову или ты сидишь на окладе?

— Да, за каждую голову, — захохотал Поуп. — А за такую осторожную, как твоя, я получаю ещё и надбавку.

Поуп был прав. Уютный особняк в стиле королевы Виктории, где размещался Британский совет, стоило посещать. Хотя бы потому, что Совет был не последним колесом в постоянно модернизируемой британской пропагандистской машине, а с ней мне было не худо познакомиться поближе.

Но дело даже не в этом. Студент из Канады Гордон Лонсдейл просто должен был прийти сюда, хотя бы чтобы продемонстрировать свою лояльность, ибо участие в работе этой сугубо пропагандистской организации говорило прежде всего о «правильном», пробританском образе мыслей молодого человека, о его солидности и твёрдых нормах поведения.

— Гордон Лонсдейл. Из Канады. Студент, — сдержанно отрекомендовался я прилизанной секретарше, сидевшей в приемной Совета.

— Весьма рады, мистер Лонсдейл, знакомству с вами, — на лицо секретарши выплыла такая же прилизанная улыбка. —

Пусть наш дом станет вашим домом…

Следуя параграфам служебной инструкции, она должна была оказать молодому канадцу «сердечное внимание» — отношения между Англией и её бывшим доминионом в то время нельзя было назвать тёплыми.

— Если у вас есть время, мы могли бы пройтись по комнатам, — пригласила секретарша.

— Да, конечно…

Вместе мы обошли особняк: комнаты для занятий («Тут работают курсы английского языка. У нас отличные преподаватели… Но вам, мистер Лонсдейл, это, видимо, ни к чему. Ваш английский превосходен»), библиотека, кинозал («Приходите сюда по вечерам. Мы показываем только новые ленты»), холлы, бар («Не хотите ли чашечку кофе?» — «С удовольствием». — «Но будем считать, что приглашение исходит от меня»).

Открыв дома пухлый конверт, врученный мне на прощание обходительной секретаршей, я извлёк из него целую кипу всяких бланков. Это были обращённые к Совету заявления с просьбой помочь в поездке по стране, посещении концертов, лекций и тому подобных полезных и приятных вещах.

Я тут же выбрал давно уже интересовавший меня маршрут, заполнил бланк и отправил его в Совет.

Ответ пришёл немедленно. Администрация просила перечислить весьма небольшую сумму денег почтовым переводом и заверяла меня, что я с интересом и пользой для себя проведу время. Через несколько дней я получил билет на поезд, соответствующие документы (в нашей стране их назвали бы путёвками) и весьма квалифицированные советы по поводу того, что следует взять с собой в дорогу. Среди них содержался один, который вызвал моё любопытство: «Пожалуйста, возьмите с собой национальный костюм». Оказывается, во время подобных мероприятий обязательно устраиваются импровизированные концерты, где представители различных народов исполняют национальные песни и танцы.

Довольно быстро я получил возможность убедиться, что система пропагандистских мероприятий Британского совета действует весьма эффективно. В первой же поездке познакомился со студентом-индусом. Это был неглупый молодой человек и, судя по всему, большой патриот своей страны. В Лондон он прибыл, чтобы изучать историю в университете. («Что же, историк так историк. Послушаем, что ты думаешь об английской колониальной политике в прошлом»). К моему изумлению, студент-индус запел гимн английским колонизаторам.

— Они принесли в Индию современную культуру, навели порядок в нашей стране, и очень жаль, что в 1947 году англичане согласились предоставить Индии независимость…

— Я что-то читал о восстании сипаев, — осторожно заметил я.

— Тёмные народные массы не понимали, какие блага несут им английские друзья, — студент-индус старательно, чисто английским жестом протер стекла очков.

— Этих сипаев, кажется, привязывали к жерлам пушек? — я не думал, чтобы студент не знал этой «детали» из истории своей страны.

— Жестокость рождает жестокость, — услышал я в ответ.

Машина пропаганды уже пропустила через себя этого парня. Спорить с ним было бессмысленно, да и не входило в планы канадского студента Лонсдейла, такого же «правого» британца.

Вместе мы доехали до Портленда и здесь распрощались.

В Портленде у меня были дела, о которых нам ещё предстоит поговорить. Пробыв здесь несколько часов, я вернулся в Лондон.

До «Белого дома» я добрался лишь поздно вечером. Мисс Сёрл скучала за своей конторкой.

— Хорошо провели воскресенье, мистер Лонсдейл?

— По-моему, да. Я участвовал в туристской поездке организованной Британским советом.

— Завидую вам.

Завидовать особенно было нечему — сейчас мне предстояло «отработать» свою поездку. Выпив чашку кофе, я обложился учебниками и конспектами. Читал, делал заметки, рисовал иероглифы, конспектировал и снова читал снова чертил иероглифы, конспектировал и вливал в себя кофе часов до трёх ночи и только тогда, почувствовав, что никакой кофе уже помочь мне не в силах, лёг в постель и погасил свет.

Я просто обязан был относиться к занятиям с исключительной добросовестностью — ведь для всех я был студентом, «проедавшим свой капитал» ради изучения китайского языка в надежде, что в будущем это воздастся сторицей.

Поэтому я пропускал занятия лишь, если это заставляла делать моя основная работа. Я ввёл за правило всегда образцово выполнять и устные и письменные домашние работы, читать гораздо больше, чем того требовала программа. Нам рекомендовали завести картотеку иероглифов и идиом, и я тут же обзавелся карточками на все иероглифы, которые мы проходили на лекциях. Часть карточек, на которых были выписаны незнакомые иероглифы, я постоянно таскал в карманах, штудируя их урывками в свободные минуты — в метро, автобусе,

даже в поезде и самолёте.

Все это плюс способности к языку помогли мне стать одним из лучших учеников и заслужить уважение однокашников и преподавателей.

С утра была контрольная.

Потом я прослушал две лекции по разговорному языку и перешёл в лингафонный кабинет. Поставив на диск пластинку с записью на китайском языке, я вскоре почувствовал, что ещё немного — и усну.

Чашка кофе придала бодрости и стряхнула сонливость.

Потом был семинар. Докладчик — приглашённый из посольства США немолодой уже дипломат с манерами техасского нефтепромышленника довольно развязно и откровенно распространялся о политике США в Азии. Это стоило послушать и запомнить. В один из ближайших сеансов связи основные тезисы выступления дипломата были переданы в Центр (и сочтены там весьма интересными).

Но далеко не всех интересовала американская политика в Азии, и на семинаре было меньше студентов, чем обычно. Может быть, поэтому, может, по какой иной причине, но столь нужный мне поход в пивную на этот раз не состоялся.

Что ж, нет так нет, и я решил, что, видимо, это тот удобный случай, когда стоит пригласить Тома Поупа и Саймонса-младшего, а заодно и двух-трёх других студентов к себе домой.

— Если вы располагаете временем, мы могли бы «понянчить» рюмку у меня дома…

И Саймонс, и Поуп согласились. Клейтон Бредт, Цвий Кедар тоже не возражали. По дороге я купил содовой и хинной воды — её пьют с джином — и несколько банок жареных орешков. По европейским обычаям, этого было вполне достаточно для приёма гостей.

Джин и виски у меня были, а в холодильнике оказалось достаточно льда.

Гостям пришлось сесть на пол по-турецки, прислонившись спиной к стене, что, в общем, никого не стеснило — студентам факультета востоковедения такая манера сидеть пришлась даже по вкусу (в моей квартире, как помните, был лишь один стул, одно кресло и кушетка, на которой я спал).

— Твой ящик работает? — спросил Поуп, кивнув на маленький телевизор, который я приобрёл вскоре после приезда в Лондон.

— Включить?

— По-моему, сегодня «Скрытая камера»…

— Да, пожалуйста, Том…

Я поставил перед гостями бутылки с виски и джином, открыл консервные банки с солёными орешками, раздал каждому по бокалу и затем уже только время от времени следил, чтобы у всех было налито — гости ухаживали за собой сами. Функции мои как хозяина на этом кончались.

Телепередача уже шла полным ходом. На экране мелькали кадры: бензоколонка, к ней подкатывают автомобили. Высокий самоуверенного вида парень в ладно сидящем комбинезоне заправляет очередную машину. Красивая блондинка скучает за рулём, поглядывая на себя в зеркальце.

— Девочка — ничего, — отмечает Клейтон.

— Канада, как всегда, согласна с Соединёнными Штатами в главном, — шутит Поуп. — Дама под стать своему «ягуару».

Парень самоуверенно ухмыльнулся:

— Сейчас, мисс, всё будет о'кей…

Он задрал капот машины, и тут же на экране самым крупным планом появилось его лицо, оно молниеносно меняло выражение — обалдевшее, испуганное, растерянное…

— Ну, что там? — нетерпеливо бросила блондинка. Не отвечая ей, парень кинулся к багажнику. Открыл его — тут у него стала медленно отвисать челюсть.

— Что случилось, наконец? Что вы бегаете вокруг машины? — недоуменно спросила девица.

— Понимаете, мисс, — заикаясь, забормотал парень, — у вашей машины нет мотора…

— То есть как это — нет! Я только что подъехала сюда… Не могла же я ехать без мотора!

— Это так, мисс. Но всё равно мотора у вас нет… Диалог длился минут пять. Самый талантливый комик на свете не мог бы изобразить то, что видели зрители на обалдевшей, ошарашенной, испуганной физиономии парня.

Наконец, когда он был близок к помешательству, рядом с ним появился постановщик программы — его знает в лицо вся Англия — и, похлопав обалдевшего малого по плечу, объяснил, в чём дело.

— Но как же она доехала до бензоколонки? — парень всё ещё не верил, что двигателя действительно нет («А может быть, где-то запрятан крохотный атомный двигатель и меня по-прежнему разыгрывают?»).

— А мы её скатили по инерции своим ходом вот с этой горки, — показал рукой постановщик… — Бравурная музыка и приглашение смотреть через неделю очередную программу завершили передачу «Скрытая камера».

— Отлично, — захохотал Клейтон. — Гордон, ты догадался,

как они это проделали?

— Нет, конечно…

— Ловкие ребята, — заметил Поуп. — Красотка, конечно, актриса. А как сыграно!..

— Цвию — такую даму… Он бы не скучал с ней. Так, Цвий?

— Не возражаю…

Они заговорили о женщинах. Цвий вспомнил две-три истории из своих бурных похождений. Поскольку дело происходило в Египте, разговор перешагнул на Ближний Восток, дела там, особенно положение с Суэцким каналом, в ту пору волновали всю Англию.

— Суэцкий канал, похоже, англичане скоро потеряют…

— Ну, зачем такой пессимизм, — возразил кто-то из гостей. — Лучше всё же верить в хорошее.

Я старался поменьше говорить и побольше слушать — это позволяло изучать собеседников. Но молчать долго тоже было нельзя — могли принять за невежду, поэтому я изредка вставлял замечания чисто фактического характера, показывая свою осведомлённость в вопросах, о которых шла речь, но не высказывая прямо своего мнения.

Потом заговорили о Канаде, и тут я снова отдал инициативу Поупу, лишь изредка дополняя его какими-либо сведениями о Британской Колумбии, где тот никогда (как я выяснил) не бывал.

Еще один человек почти не принимал участия в разговоре — Саймонс-младший. Ближний Восток, Канада его не интересовали, иное дело — Китай.

— Знаете, Гордон, у вас очаровательный свиток, — сказал он, снимая со стены старинный китайский свиток, изображавший взъерошенную кошку (в ручке свитка я держал отснятые фотопленки — туда входило ровно семь кассет). — А вам известно, что написано в этой стихотворной подписи? Эти иероглифы выполнены в старинной манере, прочитать их может далеко не всякий синолог.

— Кто хотел бы попробовать?

— Я — пас, — сказал Поуп. — Улавливаю что-то знакомое, но что — не понимаю.

— Что-то о кошке, — высказал предположение Кедар.

— Конечно о кошке, а не о бутылке джина, — засмеялся Бредт.

— Почему же, — возразил я, стараясь придать себе подчеркнуто серьёзный вид. — Здесь, если меня поддержит профессор, говорится как раз о джине. Вот как, по-моему, читаются иероглифы:

Этот милый
Серый кот
Вместо джина
Сливки пьет.

— Почти точно, — засмеялся Саймонс. — Гордон, у вас недурно идёт перевод.

— Спасибо, профессор… Я ваш ученик, — ответил я, думая лишь о том, как бы мой преподаватель не начал, как это свойственно несколько нервным людям, отворачивать набитую пленкой «кошку».

Но всё обошлось.

Саймонс водрузил свиток на место. Мы посидели ещё часок и разошлись.

Рано утром я отправился на вокзал. Скорый поезд снова должен был умчать студента Лонсдейла в Портленд.

Из книги Дж. Буллока и Г. Миллера «Кольцо шпионов»:

…Лонсдейл нравился большинству студентов факультета. Они с удовольствием слушали его красочные описания жизни в Канаде и его приключения когда он работал водителем грузовика и лесорубом. Он был превосходным рассказчиком: важное и ценное качество для разведчика… Никто из его слушателей даже не подозревал, что большинство его историй придуманы… Наверно, он часто сожалел, что не мог поразить своих слушателей описанием своих подлинных и значительно более увлекательных приключений…

Студенты, которые посещали его квартиру, были очарованы и другими сторонами сказанного им. Он со знанием дела говорил об искусстве и музыке, кино и театре. Он даже разрешал вовлечь себя в политические дискуссии по общим вопросам, не проявляя своих личных убеждений. И, как и подобает русскому интеллигенту, он был превосходным шахматистом. Легко понять, почему так много людей наслаждались общением с ним…

Он безукоризненно ведал своими банковскими счетами в Канаде. В Ванкувере он считался уважаемым и состоятельным клиентом — человеком, который, по-видимому, всегда действовал умно в своих финансовых операциях. Позднее он открыл счета в Англии, и его положение неуклонно укреплялось — дело дошло до

того, что ему однажды было разрешено взять кредит в 2500 фунтов стерлингов…

Его энергия была невероятной. Он по-прежнему был занят изучением китайского языка, когда начал торговать автоматами, хотя мог заниматься языком лишь по вечерам и во время уик-эндов. Он поддерживал и развивал связи с другими торговцами автоматов и находил время встречаться после занятий со студентами и студентками. И всё это время он выполнял задания…

Глава XVII

Портленд стоил того, чтобы нанести сюда ещё один визит. За несколько дней до этого Центр обратил моё внимание на некоего джентльмена, работавшего в почтенном учреждении, занимавшемся испытанием подводного оружия и различным гидроакустическим оборудованием для обнаружения подводных лодок. Учреждение это располагалось на территории военно-морской базы в Портленде.

Мне сообщили, что вышеозначенный джентльмен — он носил фамилию Хаутон — по всей вероятности, обладает хорошими связями не только здесь, но и на других объектах. О Хаутоне было известно и то, что в начале пятидесятых годов он, работая в аппарате военно-морского атташе английского посольства в Варшаве, весьма усердно занимался в столице Польской Народной Республики махинациями на чёрном рынке, а также несколько злоупотреблял польской «выборовой» и «житней», за что и был отправлен в Англию до окончания срока служебной командировки. Я знал, что он привык жить на широкую ногу, а неожиданный поворот фортуны поставил его в весьма затруднительное положение.

Сведения были ценными, но их оказалось явно недостаточно для серьёзной работы с Хаутоном. Предстояло пополнить скудное досье новыми данными. Я должен был узнать такие подробности славной биографии Хаутона, о которых сам он, видимо, давно уже забыл.

Вскоре я мог шаг за шагом проследить жизненный путь славного представителя британского военно-морского флота. На флот Хаутон поступил в 1919 году юнгой. Было ему тогда около пятнадцати лет. Долго плавал на канонерской лодке в Китае. Ревностное отношение к своим обязанностям способствовало быстрому продвижению по службе. Стал начальником военной полиции на крейсере (в английском флоте на каждом, даже небольшом корабле есть подразделение морской пехоты, которое следит за дисциплиной: в случае необходимости наказывает провинившихся моряков, отправляет их на гауптвахту и так далее). Получив под своё начало такое подразделение полиции, Хаутон стал «почти мичманом». Такое должностное положение дало ему большую власть. Мнение его о собственной персоне резко возросло.

Во время войны он несколько раз участвовал в конвоях торговых судов в Мурманск. Хаутон любил вспоминать об этих временах — действительно это были героические страницы его

биографии. Правда, рассказы об опасных рейсах перемежались воспоминаниями о грандиозных попойках, которые закатывали английские моряки после благополучного прибытия в Мурманск.

В Варшаву он отправился вместе с супругой. Но белокурые остроумные польки произвели на «почти мичмана» сильнейшее впечатление. Требовались деньги, а зарплата сотрудника атташата была рассчитана на весьма умеренный образ жизни. Хаутон, как человек деловой, внимательно изучил потребности чёрного рынка Варшавы. Население в те послевоенные годы нуждалось в дефицитных лекарствах, кофе, какао, шоколаде. Используя дипломатические каналы, Хаутон получал товары из Англии и переправлял их на рынок. Спекуляция антибиотиками принесла ему кругленькую сумму и благосклонность прекрасного пола.

Последнее обстоятельство не могло пройти мимо внимания супруги Хаутона. Начались скандалы. К тому времени Хаутон окончательно убедился в высоких качествах польских спиртных напитков и не раз терял контроль над собой. Однажды он крепко повздорил с супругой в присутствии других сотрудников посольства. (По некоторым сведениям, это произошло на дипломатическом приеме). Видно, на этот раз супруга решила не уступать бравому моряку. Во всяком случае, Хаутон выбросил её из здания через веранду. Женщина сломала ногу. Скандал замять было невозможно, да и руководителям посольства уже основательно надоели похождения беспокойного Хаутона. Его попросили в максимально короткий срок покинуть Варшаву.

Вернувшись в Англию, Хаутон весьма энергично осуществил два мероприятия: во-первых, развёлся с женой, во-вторых, промотал вырученные от спекуляции деньги.

Таким был человек, с которым мне предстояло иметь дело. В общем, Хаутон явно не относился к лучшим представителям рода человеческого. Добавлю, что он был довольно неопрятным в одежде и, как я потом убедился, особенно в мыслях. Несмотря на свой возраст, Хаутон крайне любил острить на сексуальные темы. Это вызывало отвращение.

В период, о котором идёт речь, отставной моряк обитал в «караване» — передвижном домике на колесах. Подобные караваны разбросаны по всей Англии — в них живут и семьи с детьми. Когда-то караваны строили для автотуристов, а во время войны использовали в качестве времянок на стройках. Потом они превратились в постоянные жилища — что-то вроде мобильных трущоб. Во всяком случае, переселение в такой караван означает, что человек испытывает серьёзные материальные затруднения. С Хаутоном дело обстояло именно так: небольшая пенсия за службу

на флоте и мизерная зарплата мелкого чиновника — таковы были его доходы.

Естественно, я хорошо понимал, что с Хаутоном иметь дело опасно. Малограмотен, неразвит, опустился. Когда речь идёт о его непосредственных интересах, проявляет животную хитрость и изворотливость. Скандал в Варшаве не привил ему умеренности в выпивке. Он по-прежнему злоупотреблял спиртным, выпив, становился развязным и болтливым. Это было совсем плохо.

Приходилось идти на риск.

Центр рекомендовал проявить максимальную осторожность в подходе к Хаутону. «Если увидите, что риск увеличивается, прекращайте всякие связи», — советовали мне.

Я разработал детальный план знакомства с Хаутоном, решив использовать свой американский акцент. Легенда, которой я собирался воспользоваться, выглядела весьма правдоподобно и строилась с учётом следующих обстоятельств. В то время действовало подписанное ещё во время войны англо-американское соглашение об обмене научно-технической информацией. В конце сороковых годов в него было внесено существенное дополнение — в США был принят закон, запрещающий передачу любым странам, а следовательно, и Англии, информации об атомном оружии. Но в остальном соглашение осталось в силе. Если учесть уровень военной промышленности США, масштабы научных работ, нацеленных на войну, легко понять, что англичане были кровно заинтересованы в этом соглашении. В то же время и в английской промышленности были такие отрасли, сведения о которых представляли для американцев определённую ценность. Словом, создавалась атмосфера, которую пресса обычно называет взаимно полезным и плодотворным сотрудничеством.

Но я был отлично осведомлён, что в действительности полного обмена информацией между ведущими партнерами по НАТО никогда не существовало. «Друзья-соперники» время от времени пытались надуть друг друга. Сделать это было не очень трудно — исследования такого рода обычно не предаются гласности, и только из специальных источников можно узнать о достижениях учёных и промышленников. Но даже и после этого не так легко склонить партнера поделиться секретами. (Кстати, англичане никогда не давали информации о всемирно знаменитых реактивных и турбореактивных двигателях фирмы «Роллс-Ройс». Американцы тем более не проявляли особой щедрости).

Поэтому вполне естественно, что разведывательные службы этих стран пытались восполнить тот пробел, который образовался

в результате не очень джентльменского выполнения соглашения. Именно на это я и рассчитывал.

Приехав в Портленд, я позвонил из ближайшего телефона-автомата.

— Хаутон слушает, — услышал я хрипловатый баритон.

— Здравствуйте, господин Хаутон. С вами говорит помощник американского военно-морского атташе в Лондоне капитан второго ранга Алек Джонсон, — произнёс я как можно более солидно.

— Слушаю вас, господин капитан второго ранга! Чем могу служить?

Звонкий титул явно произвёл впечатление. Кстати, расчёт на то, что с отставным английским моряком легче толковать тоже моряку — принималось во внимание знаменитое «морское братство», — также оправдался. Я почти наглядно представил, как потеет от почтения к старшему офицеру «почти мичман».

Вложив в голос максимум радушия и дружеского расположения, я сказал:

— Меня просил передать вам большой привет один наш общий знакомый. Вы его знали по Варшаве, где вы служили в английском, а он в американском посольстве…

— Очень благодарен вам, сэр! — почти отрапортовал Хаутон.

Все-таки большое дело морская служба! За двадцать три года этой самой службы на флоте Её Величества у Хаутона выработалось автоматическое уважение к любому человеку с офицерскими погонами.

Беседа развивалась именно так, как я и намечал. Хаутон не усомнился, что разговаривает с помощником американского военно-морского атташе, ему льстило упоминание о знакомстве в прежние «блестящие» времена, когда он ещё не попал на житейскую мель. Быстро взвесив всё это, я сделал следующий шаг:

— Наш общий знакомый просил передать, что он с огромным удовольствием вспоминает о ваших совместных коммерческих операциях…

В разговоре возникла пауза. И её тоже я предвидел. Хаутон должен был испугаться — речь шла о спекуляциях на чёрном рынке. Он вряд ли любил о них вспоминать, тем более в телефонных разговорах. Я не торопил своего собеседника. Наконец тот подыскал подходящий ответ.

— Совершенно верно, сэр, — несколько растерянно пробормотал Хаутон. — Но я бы предпочёл вести разговор у себя дома. Быть может, вы зайдёте как-нибудь к бывшему старшему унтер-офицеру королевского флота? Кстати, откуда вы сейчас

говорите?

Мне оставалось только удивляться, как быстро сориентировался Хаутон в ситуации, из которой мог извлечь для себя некую прибыль. Только этим можно было объяснить его приглашение. Упоминание о былых коммерческих махинациях послужило для него сигналом трубы: опять можно будет заработать! Иначе зачем звонить капитану второго ранга? Передать привет от общего знакомого? Знаем мы эти приветы!

— Я нахожусь по делам в Портленде, — сказал я. — Мог бы заскочить на часок сразу после работы сегодня вечером.

Хаутон охотно согласился.

— Отлично, сэр. Буду ждать вас в половине шестого. Вот мой адрес…

— Одну минуту, я достану записную книжку.

Я сделал вид, что записываю и без того хорошо мне известный адрес Хаутона.

И в этом план нарушен не был: я рассчитывал на приглашение. Что ж, первая партия проведена. Счет складывался пока в мою пользу.

Караван бывалого моряка бросил якорь в Веймуте, всего лишь в нескольких минутах езды от места работы Хаутона. Вид у каравана, а проще — фургона был весьма потрёпанный. С любопытством вошёл я в это автожилище. Как и у всех фургонов, вход был сбоку, через низенькую металлическую дверь. Затем я попал в небольшое помещение площадью около восьми квадратных метров, тесное и неуютное. В одну сторону от двери были расположены рундуки — ящики, которые использовались для хранения имущества и как постели. Между рундуками стоял убирающийся столик. Напротив — маленькая газовая плитка. В караване был крошечный закуток для душа и некое подобие туалета — владелец называл его «химическим». Обстановку фургона дополняли встроенные шкафы и полочки. Хаутон приволок в своё жильё довольно большой проигрыватель и пластинки к нему. Оказалось, он любил музыку «полуклассического» типа.

— Здравствуйте, господин Хаутон! — почтительно приветствовал я отставного моряка.

— Здравствуйте, сэр! — почтительно поздоровался Хаутон. Он встретил меня приветливо и через фразу вставлял то «сэр», то «коммандер» — обращение к капитану второго ранга в английском и американском флотах.

— Вот моя визитная карточка, — я решил сразу разрушить у Хаутона все сомнения, если они возникли.

На красивой, плотной бумаге традиционным, так

называемым «дипломатическим» шрифтом было напечатано: «Коммандер Алек Джонсон, помощник американского военно-морского атташе. Лондон». Номер телефона указан не был. Бывалый дипломат Хаутон не обратил внимания на эту существенную подробность, собственно ради которой и печатают визитные карточки. Весь его вид свидетельствовал, что он польщён визитом такой значительной персоны.

Я рассказал о служебных и личных успехах общего знакомого. Моряк слушал меня с явной завистью: когда-то они с этим парнем были на равных, а вот теперь тот делает карьеру, ему же… Догадаться, о чем думает Хаутон, было несложно.

Так, чтобы это не бросалось в глаза, я осматривал караван. Для разведчика жильё человека, с которым он собирается установить контакт, — дело далеко не второстепенное. По нему можно судить о многом. Я обратил внимание на полное отсутствие книг. Не было даже тех полупорнографических дешёвых изданий в мягких переплетах, которые обычны в жилище стареющего холостяка (из этой среды, конечно, к которой принадлежал Хаутон). Зато на видном месте стоял вместительный шкафчик. Уже после минутного знакомства Хаутон широким жестом открыл его. Шкафчик был битком набит пустыми бутылками из-под джина и виски.

— Рад угостить вас стопкой доброго джина — этого традиционного напитка моряков! — торопливо предложил Хаутон. Из нагромождения разномастной посуды он извлёк початую бутылку. Это был так называемый розовый плимутский джин, который предпочитают флотские офицеры.

Я вежливо поблагодарил и поднял рюмку:

— За наше знакомство.

— С удовольствием, — откликнулся Хаутон. Он выпил залпом, прикрыв глаза. От меня не ускользнула и эта деталь — обычно так пьют люди, уже привыкшие к спиртному.

Я продолжал рассказывать об общем приятеле — сведения о нём были абсолютно точны, их передали из Центра.

Бутылка пустела.

В таких ситуациях разведчик не может предаваться праздным разговорам. Больше того, не переступив ещё порога каравана, я уже держал в голове точный план встречи: сколько она будет длиться, о чём надо говорить вначале, когда следует перейти к делу. Конечно, было бы неверным представлять всё так, будто подобная беседа протекает в стремительном темпе, состоит из схематичных вопросов-ответов. Нет, опытный разведчик всегда постарается придать ей характер дружеского разговора, в ходе которого узнает интересующие его вещи. В этом профессия

разведчика родственна профессии педагога: надо уметь располагать к себе людей, вызывать их на откровенность, направлять разговор в нужное русло. В беседе с Хаутоном я полностью владел инициативой и строил её так, как это было мне выгодно.

Уже через полчаса я намекнул («Хотя это и служебная тайна, но мы люди свои»), что приезжал в Портленд проверять, как выполняют англичане договорные обязательства по обмену военно-технической информацией. Захмелевший Хаутон встрепенулся, как опытная гончая, напавшая на след, и даже отодвинул рюмку. Потом сказал:

— Я знаю о таком соглашении, оно свидетельствует о боевой дружбе наших наций.

— Вот именно, — согласился я. — И, конечно, соглашение на пользу и Штатам, и Англии, которую я искренне уважаю. Но…

— Но… — Хаутон трезвел на глазах. Он был весь внимание…

— К сожалению, у моего командования есть веские основания подозревать наших уважаемых британских союзников в недобросовестности.

Я замолчал, чтобы дать время Хаутону осмыслить услышанное. Тот должен был понять, что американский офицер не станет просто так, в разговоре с не очень знакомым человеком, бросаться подобными обвинениями. И только когда увидел, что до Хаутона, говоря попросту, «дошло», продолжил:

— Сегодня я, к своему величайшему сожалению, убедился, что это так. Что поделаешь, такова жизнь!

В глазах Хаутона, которым плимутский джин уже придал несколько туманное выражение, зажглись огоньки благородного негодования.

— Но ведь это же чёрная неблагодарность! — с несколько преувеличенным возмущением воскликнул он. — Вы спасли нас от поражения во время войны, а теперь…

Хаутон был убеждён, что войну выиграла Америка. Правда, он слышал что-то о Сталинграде и других операциях, которые провели русские, однако, по его мнению, именно доблестные американские союзники разгромили Гитлера и спасли Британские острова.

— Ничего не поделаешь, — подчеркнуто равнодушно сказал я. — Просто нам придется искать обходные пути. Неофициальные, но более надёжные. Мы — народ щедрый, а люди, готовые нам помочь, найдутся всегда.

Приманка была заброшена. Я по опыту знал, что теперь нет необходимости торопиться — спешка приведёт только к увеличению цены, которую запросит Хаутон.

— Предлагаю выпить за успех вашей важной работы, сэр! — торжественно предложил моряк.

— Благодарю за добрые пожелания! — я с подчеркнутой любезностью поднял свою рюмку.

Я вёл себя так, как должен был бы вести себя помощник военно-морского атташе — дипломат и разведчик. Непринужденно, но не запанибрата, доверительно, но не заискивающе. В общем, я держал Хаутона «на расстоянии», которое предопределялось разницей в нашем служебном положении.

Жалобы «Алекса Джексона» на недобросовестность британских союзников, претензии к министерству обороны и командованию королевского флота попали в цель — Хаутон тоже был недоволен своим «начальством». Подумать только, он верой и правдой отслужил тридцать три года на флоте, участвовал во многих операциях, но так и не стал офицером!

Я участливо расспрашивал своего собеседника о причинах такой несправедливости.

— Я быстро дослужился до старшего унтер-офицера и ещё в начале войны должен был быть произведен в офицеры, но нет — про-ис-хож-дение… видите ли, не «то»…

— Могу только посочувствовать. На нашем флоте людей выдвигают за заслуги, а не за происхождение. — Я говорил чистую правду, так как имел в виду не только американский флот.

— И к тому же оказывается, что наше начальство обманывает своих союзников! — продолжал возмущаться Хаутон. — Скажите, сэр, чем могу быть полезен?..

Я уже давно ожидал такого вопроса. Хаутон явно облегчал мне работу своей готовностью «помочь» союзникам.

— Что вас интересует? — напрямик спросил Хаутон.

— Пустяки, — уклончиво ответил я. — Некоторые сведения общего характера, в частности, какое новое оборудование испытывается у вас, результаты этих испытаний.

Хаутон кивнул — этими сведениями он располагает.

— Конечно, — осторожно добавил я, — мы многое знаем из официальных источников. Но всегда следует проверять добросовестность партнера. Поэтому я был бы благодарен за любые сведения, представляющие определённый интерес…

На лице Хаутона было ясно выражено напряжённое размышление. Он, с одной стороны, боялся продешевить, с другой — не хотел отпугнуть «клиента».

— В последнее время я испытываю материальные затруднения, — намекнул он.

— Не хочу ещё раз повторять вам, что американцы — народ щедрый. Но мы привыкли к деловому стилю: вознаграждение должно соответствовать проделанной работе…

— Конечно, конечно, — заторопился Хаутон. — В наше время не осталось места для благотворительности.

Хаутон интересовал меня прежде всего не ради английских военных секретов. Да, британские учёные успешно работают во многих направлениях. Они — авторы ряда блестящих открытий, влияющих на военный потенциал.

Однако состояние экономики Англии не позволяло обеспечить учёных серьёзной материальной базой, оперативно внедрять их достижения в производство. Понятно, что это в свою очередь создавало препятствия для совершенствования современной военной техники. Сами англичане признавали, что их военные новинки устаревают ещё до того, как поступят на вооружение. Всё это било по британскому самолюбию. Хотя, конечно, не только в самолюбии дело: для любой державы заботы о военном потенциале — вещь первостепенная. Взять хотя бы строительство атомных подводных лодок — по сути дела, только их корпуса были английскими. Двигатели и ракеты делали в США. Даже их испытания проводили под американским руководством в районе мыса Кеннеди во Флориде. Поэтому сведения об английских военных новинках не представляли для меня особого интереса. Гораздо более полезной была бы информация об американской боевой технике, которую можно было получить в Портленде.

Учитывая всё это, я просто-напросто симулировал большой интерес к «откровениям» Хаутона. Покопавшись в одном из рундуков, тот извлёк несколько морских карт.

— Я их держу на всякий случай дома, — многозначительно сказал он. («То ли у него было высоко развито предчувствие, то ли ему ещё раньше приходилось торговать этим товаром», — подумал я). Я бегло просмотрел карты — какую-то ценность они имели.

— Вы можете мне их не возвращать, сэр, — деловито сказал Хаутон.

— Благодарю вас, — я дал понять, что ценю такое доверие. — Безусловно, эти карты окажутся полезными для американского флота, и мы не задержимся со щедрым вознаграждением за помощь.

Чтобы у Хаутона не оставалось сомнений, я извлёк из кармана дорогую зажигалку фирмы «Данхилл».

— У меня есть для вас небольшой сувенир, — сказал я и торжественно вручил зажигалку моряку. Тот откровенно

обрадовался подарку. Неожиданно у него вытянулось лицо:

— Бог мой, да это же чистое золото! — воскликнул Хаутон.

— Конечно, — рассмеялся я, — мы, американские моряки, можем позволить себе такую роскошь.

Подарок привёл Хаутона в отличное настроение.

— Вы можете на меня положиться! — заверил он меня. — Хаутон умеет быть благодарным!

У меня с этой зажигалкой был связан один маленький эпизод. Я купил её в магазине фирмы «Данхилл» на Джермен-Стрит. Магазин фешенебельный, дорогой. Посетителей обычно бывает немного. И моё внимание привлёк человек с очень писклявым голосом, возбуждённо споривший с одним из управляющих фирмы. Управляющий почтительно возражал раздражительному клиенту. Я купил авторучку и зажигалку и обернулся, чтобы посмотреть, что там происходит. Увидал очень высокого, худого, как щепка, человека, лицо которого показалось знакомым. Это был герцог Кентский, двоюродный брат королевы. В народе он известен по прозвищу — злому и остроумному — «бесподбородковое чудо». Герцог хотел заказать значок какого-то спортивного клуба «непременно из чистого золота» и установить его на бампере своего спортивного автомобиля. Управляющий всячески отговаривал титулованного мота:

— Ваша светлость, значок немедленно украдут!

— Какое мне дело? Пусть об этом думает полиция! — мямлила его светлость тоненьким женским голосом, глупо хихикая.

«Похождения» зажигалки на этом не закончились. Вторая история связана с той самой полицией, на решительные действия которой уповал «бесподбородковый герцог»: при аресте Хаутона у него отобрали подаренную зажигалку.

Чтобы проверить готовность Хаутона сотрудничать и идти на риск, я попросил его достать кое-какие секретные материалы. Тот охотно согласился. Мы договорились встретиться в Лондоне в следующем месяце.

Вполне возможно, то, о чём я рассказал сейчас, может создать неприятное впечатление о людях, с которыми приходится сотрудничать. «Вот так-так, — возмутится какой-нибудь щепетильный читатель. — Значит, вы пользовались услугами весьма сомнительных типов? Пусть у вас были самые благородные цели, но стоило ли, пользуясь школьным лексиконом, «водиться» с такими людьми, как Хаутон?» Вопрос, действительно, деликатный.

Дело в том, что лично для меня этот вопрос не нов.

Как это часто бывает в жизни: правда заключена не в

однозначном «да» и не в категорическом «нет». Словом, всё не так просто, как кажется любителям прямолинейных схем. Объективно, Хаутон служил честному и хорошему делу. И не его вина, что прошлое его было далеко не безупречно. Точнее, не только его вина. Досье, которое у нас было, шаг за шагом восстанавливало прошлую жизнь моряка. Напомню, что начиналась она весьма неплохо. А дальше… Что было потом, вы уже знаете: разврат, спекуляция, пьянство. До встречи со мной у Хаутона был только один путь: он окончательно бы спился, опустился бы на самое дно.

Больше того, в течение нескольких лет, когда я поддерживал с ним контакт, мне стало казаться, что Хаутон меняется к лучшему. И если бы наши встречи с ним продолжались и дальше, уверен, из Хаутона можно было бы сделать человека, как это случалось не раз и в моей практике, и в практике моих коллег.

А теперь о другом. Разведчику далеко не всегда приходится работать в белых перчатках. Я уже говорил, что зачастую он просто вынужден общаться с людьми, которые не вызывают его симпатии. Что же, у каждой профессии есть свои издержки. В моей профессии их тоже достаточно…

Глава XVIII

Работа, которой я занимался, требовала постоянного прикрытия, надёжной маскировки, оправдывавших каждый мой шаг в Англии. Пока что такой «крышей» был университет, но время шло, и студент Лонсдейл в конце концов должен был избрать для себя нечто такое, что оправдывало бы его нежелание возвращаться в Канаду.

Скорее всего этим «нечто» мог быть бизнес. Выгодное дело, которое хорошо вписывалось бы в расчётливый характер молодого канадца Лонсдейла, свято решившего во что бы то ни стало разбогатеть.

Но каким должен быть «его» бизнес? Что это — торговля? Производство товаров? Посредничество? Сфера обслуживания?

Я уже давно регулярно читал всё, что публиковалось в газетах по части коммерческой деятельности. Но ни рекламный еженедельник «Лондон адвертайзер», питающийся в основном соблазнительными предложениями брачных бюро, ни ещё полтора десятка английских газет, которые по разным причинам мне приходилось просматривать ежедневно, ничем порадовать не могли.

Решение пришло неожиданно. И газеты, в которых я регулярно просматривал колонку коммерческих предложений, тут были ни при чём. Просто обратил внимание на то, на что не мог не обратить: в милой, доброй, старой Англии по сравнению с американизированной Канадой было до смешного мало торговых автоматов!

Да, автоматы, продающие жевательную резинку, шоколад, сигареты или что-нибудь в этом же роде, были именно тем бизнесом, лучше которого даже сам бог торговли Меркурий не мог бы предложить разведчику. Можно было только пожать плечами, почему мне это раньше не пришло в голову. Всё так просто. И потом — потрясающе удобно: сам себе хозяин. Ни перед кем не отчитываюсь. Занимаюсь этими штуками, когда мне нужно…

Итак, торговый автомат. Да, это была идея! Устанавливать и обслуживать их можно в любое удобное для меня время. Если учесть, что я был вечно занят, то это давало такое преимущество, которое могло решить всё. Доходы мои фактически уходили из-под контроля налогового ведомства. Ну кому, кроме меня самого, известно, сколько шиллингов я извлёк сегодня из своих автоматов! А раз нельзя установить сумму дохода, то ни у кого не вызовут недоумения и мои высокие расходы. А то, что сведения

подобного рода в своё время поступят в полицию (а может быть, и в контрразведку), — этого надо было ожидать. Ведь в основе работы полиции и контрразведки лежит принцип — «каждый должен иметь видимые источники существования и жить в соответствии со своими доходами». Любое отклонение от этой железной нормы тут же привлекает внимание осведомительной сети. В нужных случаях информация этого рода передается и контрразведке. История разведки знает немало провалов, вызванных нарушением этого «принципа соответствия».

Словом, после недолгих размышлений я сделал для себя вывод: торговые автоматы — вот что мне нужно. Очень кстати газеты стали неожиданно печатать целую серию рекламных объявлений о продаже в рассрочку автоматов, торгующих жевательной резинкой. Я тут же послал письмо с просьбой сообщить более детальные сведения о сделке. Через день пришел конверт, в который была вложена рекламная брошюра фирмы и записка с просьбой позвонить по телефону начальнику отдела сбыта мистеру Джерому.

— Мистер Джером слушает, — услышал я приятный мужской голос. При подборе сотрудников, вступающих в непосредственный контакт с клиентами, умение производить хорошее впечатление даже по телефону играет весьма важную роль. Я тут же понял, что имею дело с фирмой, которая работает на основе самых передовых для Англии (в США это было уже давнишней практикой!) методов.

— Как поживаете, мистер Джером? Говорит мистер Лонсдейл, вы просили меня позвонить сегодня. — Произошла почти незаметная пауза: мистер Джером, несомненно, просматривал картотеку ожидаемых в этот день запросов от новых клиентов.

— Как поживаете, мистер Лонсдейл?.. Мистер Гордон Лонсдейл, если не ошибаюсь? — я не мог не воздать должного оперативности своего собеседника, который явно отыскал моё имя в картотеке.

— Совершенно верно, мистер Джером.

— Мы очень благодарны вам, мистер Лонсдейл, за тот интерес, который вы проявили к нашему предложению. Мы могли бы обсудить всё при встрече. Как вы предпочитаете: прийти сюда, где я смог бы продемонстрировать интересующие вас аппараты, или же принять меня в «Белом доме»?

Человеку, не знакомому с американскими методами «торговли с форсажем», память мистера Джерома показалась бы феноменальной, к тому же он был бы крайне польщён тем фактом, что мистер Джером запомнил даже его адрес. Американец бы просто счёл это нормальным деловым подходом.

— Полагаю, что лучше посмотреть ваши автоматы в действии.

— Когда бы вы могли подъехать к нам, мистер Лонсдейл?

— Завтра, после двух дня…

— Одну минутку, я просмотрю свою программу на завтра… — Последовала пауза, смысл которой — на другом конце провода должны понять, что у фирмы отбоя нет от клиентов. — Вас устроит три часа дня?

— Отлично.

— До встречи завтра.

— До свидания.

Ровно без двух минут три я вошёл в приемную мистера Джерома. В ответ на «Здравствуйте, сэр» секретарши я сказал:

— Добрый день. Я — Лонсдейл. Меня ожидает мистер Джером.

— Совершенно точно, сэр. Одну минутку. — Она нажала рычаг переговорного устройства и сказала в микрофон: — Мистер Лонсдейл у нас, сэр.

— Пригласите его войти, мисс Бентли, — раздалось из переговорного устройства.

Мистер Джером встретил своего посетителя, выйдя из-за стола, и подчёркнуто радушно усадил меня в очень удобное кресло (также один из приемов «торговли с форсажем» — сидя в удобном кресле, клиент как бы расслабляется и легче поддается воздействию). Мистер Джером спросил:

— Чашечку хорошего чая, мистер Лонсдейл? — Его рука уже было потянулась к переговорному устройству, как вдруг он произнёс точно рассчитанную фразу: — Хотя вы, надо полагать, предпочитаете кофе! — Этим он дал понять, что по акценту узнал человека «из-за Атлантики», но из деликатности ждал, чтобы я подтвердил это сам.

— Конечно, кофе! Но только без молока! Вы правильно поняли. Я — канадец.

— Мисс Бентли, два кофе по-американски, пожалуйста, — и мистер Джером отпустил рычажок, не дослушав послушного «Да, сэр».

(Уже потом я узнал, что владельцем и организатором этой фирмы был канадский бизнесмен Бернард Левин, специалист по «торговле с форсажем». Он стал миллионером, потом оказался на грани банкротства и, захватив крупную сумму денег, бежал в Израиль).

За кофе мистер Джером тонко перевёл разговор на товары их фирмы. Он умело продемонстрировал весь ассортимент своих сверкающих никелем и эмалью автоматов, сообщил цифры

возможных доходов, естественно, упомянул и о скидке в цене, о чистой прибыли.

— Нет, вы должны посмотреть, мистер Лонсдейл, это чудо внимательнее… — жест в сторону автоматов из прозрачного пластика. В их чреве помещалась тысяча шариков жевательной резинки плюс несколько дюжин не менее привлекательных дешёвых пластмассовых сувениров. Ассортимент был весьма ограничен и точно рассчитан на детский вкус — фигурки животных, игральные кости, гроб со скелетом, пистолетик. Ребёнок должен был опустить медную монету в один пенс — она чуть больше нашего металлического рубля — и повернуть рукоятку. После чего вытаскивал шарик жевательной резинки и, если покупателю сопутствовала удача, сувенир.

Джером бросил в автомат горсть шариков и сувениров, кинул монету, нажал рукоятку. Шарик выскочил.

— Как быстро опустошаются эти штуки?

— Примерно за неделю. Так что в ваших карманах за неделю наберется тысяча пенсов — ровно четыре фунта стерлингов! Приличная сумма, мистер Лонсдейл, если учесть, что вся эта нехитрая начинка стоит около фунта. Правда, вам придется подбросить полфунта владельцу лавки, у входа в которую вы установите автомат, — он будет присматривать за ним. Но всё равно доход, как видите, вполне приличный…

— И сколько стоит ваш «железный продавец»? — перебил этот словесный поток я.

— Мы продаём автоматы только партиями по десять штук. Вы должны уплатить фирме 37 фунтов задатка за девять автоматов — при их фактической полной стоимости в 370 фунтов… Годовой доход оператора (так Джером именовал хозяина таких автоматов) будет равен 1200 фунтам… Весьма недурно, а, мистер Лонсдейл! — продолжал «давить» настойчивый шеф отдела сбыта.

— Все это так, — сказал я, стараясь показать, что никакой арифметикой меня с толку не собьешь. — Но согласитесь, мистер Джером, красная цена этим штукам — десять фунтов. И ни пенса больше…

— Согласен, мистер Лонсдейл. Абсолютно согласен и ожидал, что вы это скажете мне. Но здесь вы должны учесть вот что: наша фирма продаёт не автоматы, — мистер Джером поднял указательный палец вверх, как бы подчеркивая весомость того, что он сейчас скажет, — а годовой доход в 1200 фунтов за капиталовложение в пятьдесят…

Да, довод действительно был неотразим. И кое-кто, пожелав легко разбогатеть, попался на него. Люди занимали деньги,

покупали три десятка автоматов, не предполагая, чего им будет стоить вернуть свои деньги обратно.

Почему же все эти «операторы» действительно так быстро не разбогатели, как обещал словоохотливый мистер Джером? Прежде всего потому, что его чудо-автоматы опорожнялись за неделю в самых редких случаях. Да и дети часто опускали в них не монету, а разные железки, и автомат тут же выходил из строя. Конструкция его отнюдь не была идеалом совершенства, в дождь в него затекала вода, и тогда вся тысяча шариков превращалась в отвратительную липкую массу, а автомат заклинивало.

Ну и, наконец, вскоре подобные автоматы стояли буквально у каждой лавчонки, и тогда запаса их шариков хватало уже не на неделю, а на месяц. И лавочнику не было, ну, просто никакого смысла ежедневно по утрам выволакивать «продавца» на улицу, а вечером тащить обратно в помещение. И он просил господина «оператора» убрать свою машину.

Тогда уж автомат не приносил никакого дохода…

В Америке подобные операции называются «продажей голубого неба» — по сути дела, мошенничество в рамках закона.

Закончив своё отлично отрепетированное выступление, мистер Джером выжидающе взглянул на меня. «Ну, как? — говорил его взгляд. — Вы поняли, как вам повезло в тот день, когда вы наткнулись на рекламу нашей фирмы?»

— Должен сказать, что всё это я давно видел в США и Канаде, — сказал я довольно безучастно, полагая, что именно такой тон заставит энергичного начальника отдела сбыта сделать какую-то скидку в цене.

Результат превысил мои ожидания.

— Вот я демонстрировал вам наш ассортимент, мистер Лонсдейл, и всё время думал: всё, что я говорю, для мистера Лонсдейла это прошлогодний снег (естественно, по-английски он сказал «старая шляпа»), — и он снова многозначительно посмотрел на меня: — Да, я сразу понял, что имею дело с серьёзным бизнесменом и автоматы с жевательной резинкой — не для него. Вам нужно что-то куда более солидное.

— Вы правы, но я не намерен вкладывать больше денег, чем упоминается в вашей рекламе.

— Мы с вами, мистер Лонсдейл, люди, умудрённые жизненным опытом. Уверен, вы поймете меня правильно. Я хочу предложить вам тип автоматов, которые не входят в ассортимент нашей фирмы.

«Здорово, — подумал я. — Как он ловко «переключает» меня на другой, более дорогой товар, да ещё и на другую фирму! Такой «виртуозности» позавидовал бы и американский коммивояжер!»

— Что вы имеете в виду?

— «Меломаны»! Вы знаете что это такое?

— Еще бы. В Канаде они в каждом кафе. Давно удивляюсь, что не встречал их здесь.

— Вот именно! У вас есть возможность быть «первопроходцем» в этом деле, а вы знаете, что это означает для успеха дела. «Меломаны» только что поступили на наш рынок. По счастливой случайности этим делом занимается один мой добрый приятель.

Переключая меня на покупку «меломанов», Джером действовал вопреки интересам своей фирмы, но в этом не было ничего противоестественного. В фирме он находился на окладе и решил немного подработать у старого приятеля Эйрса, который в соответствии с практикой должен был в случае удачной сделки (а она достигала 2500 фунтов!) выплатить комиссионные «за знакомство с клиентом».

Предприимчивый мистер Джером тут же снял трубку и попросил соединить его с Питером Эйрсом. Тот оказался в своей конторе где-то за Лондоном. Да, конечно, он готов принять участие в небольшом ленче. Скажем, завтра в 12.30?

— Согласен, — кивнул я в ответ на вопросительный взгляд Джерома.

Мы встретились втроём в небольшом пакистанском ресторане рядом с конторой Джерома. Кухня тут была ужасающе острая и столь же невкусная, а спиртного не подавали — в Англии лицензия на продажу крепких напитков выдаётся отнюдь не всем владельцам ресторанов. Словом, ленч должен был обойтись хозяину «меломанов» не слишком дорого.

Питер Эйрс, мой будущий компаньон, отнюдь не производил ошеломляюще приятного впечатления. Худой, высокий, с похожими на оспины порами на лице, глубоко сидящими постоянно бегающими глазами и голосом, в котором не было искренних интонаций, он скорее отталкивал, нежели располагал к себе.

Мы ещё не сели за стол, а он уже стал шумно расписывать преимущества своих «меломанов».

— Видимо, вам трудно будет подобрать на первых порах для них место, — говорил он, наклоняясь ко мне и шумно дыша в ухо. — Пусть это вас не беспокоит. Фирма берёт расходы по устройству на себя. Ваше дело — лишь оплатить покупку автоматов.

— На какую сумму вы рассчитываете? — осведомился я.

— Пятьсот фунтов каждый.

— Фирма предоставит мне рассрочку на два года? Первый

взнос, как обычно, десять процентов…

— Не возражаю. Сделка была заключена.

На что же я рассчитывал, покупая сразу пять столь дорогих автоматов? Да только на то, что «меломаны» за два года эксплуатации сами должны были «оплатить» себя, в результате чего я бы стал владельцем пяти аппаратов, приносящих еженедельно тридцать фунтов дохода.

От такой перспективы дух захватывало.

Но почему в таком случае все англичане не пользуются столь лёгким и надёжным путем к обогащению?

Действительно, почему?

Тут же за столом я решил разобраться в этом. Оказалось, что сравнительно небольшая процентная ставка (12 процентов годовых) по этой операции взимается с полной суммы долга — 2250 фунтов — на протяжении всех двух лет, даже когда фактический долг составляет уже всего несколько фунтов. Это раз. Во-вторых, прибыли от «меломанов» было недостаточно, чтобы ежемесячно погашать долг в 100 фунтов с лишним. Для этого каждый «меломан» должен был давать не менее шести фунтов чистой прибыли в неделю. На самом же деле он в среднем зарабатывал только около шести фунтов в неделю. Но из этих денег я должен был платить владельцу «места» — то есть кафе, бара, пивной или небольшого ночного клуба — либо четверть сбора, либо твёрдую сумму в пределах 2–3 фунтов в неделю. Я предпочёл последнее, так как в этом случае владелец «места» не знал моих подлинных доходов, и я имел возможность делать «приписки» в своих книгах, в результате чего получалось, что я не только делаю очередные взносы и покрываю все накладные расходы, но и немного зарабатываю себе на жизнь.

В накладные расходы входило приобретение новых пластинок (по нескольку штук в неделю для каждого автомата). Ведь если в «меломане» не было всех последних «шлягеров», то я ничего не зарабатывал и владелец «места» мог попросить убрать автомат и пригласить к себе другого «оператора». Были также расходы на текущий ремонт «меломанов».

Затем, когда я стал хозяином автоматов, появились расходы на содержание автомобиля. После покупки «меломанов» у меня возник предлог приобрести малолитражный фургон, в кузов которого вмещался автомат. Этот автомобильчик оказался очень полезным, чтобы изучать пригороды Лондона, подыскивать места тайников, встреч и т. п.

Словом, так или иначе, ещё до окончания учёбы я стал владельцем «цепочки» автоматов, которые, как казалось посторонним, приносили мне приличный доход и открывали

передо мной отличные коммерческие перспективы. Вскоре мои «меломаны» стали предметом зависти и бесконечных расспросов в студенческой среде.

Я регулярно встречался с Питером Эйрсом и через него познакомился с рядом других дельцов. В это время на английский рынок хлынул поток всевозможных американских автоматов, продающих любые товары — от чулок до горячих напитков. Ну, а так как я был канадцем, то, естественно, местные коммерсанты считали меня большим знатоком в области автоматов — ведь они появились в Канаде ещё до войны. Кое-что я действительно знал, однако отнюдь не так много, как думали мои новые знакомые. Пробелы в знаниях я пытался восполнить, читая специальные американские журналы. Сам факт, что у меня есть такие журналы, о которых мои друзья по бизнесу вообще не ведали, значительно укреплял мой авторитет.

Словом, бизнес предприимчивого «студента из Канады» процветал.

Вскоре Эйрс предложил мне стать партнером. Фирма нуждалась в расширении, ему требовался дополнительный капитал. Мне предлагался пост одного из директоров фирмы и её лондонского представителя. За это мне полагалась еженедельная зарплата, а в конце года — треть прибыли. Кроме того, я должен был получать два фунта в неделю за использование моего фургона, а также компенсацию всех расходов, связанных с его эксплуатацией (бензин, текущий ремонт, страховка и т. п.). Я поспешил дать согласие, ибо работа в фирме была достаточно убедительным предлогом, чтобы отказаться от возвращения в Канаду.

В мой паспорт, в графу «профессия», было внесено соответствующее изменение: я превратился в «директора фирмы».

И хотя я начинал не с нуля, а пришёл в довольно прочно стоявшую на ногах фирму, мне было чертовски трудно. С утра и до ночи мотался я по Лондону в автофургоне, часами с приятной улыбкой уговаривал клиентов, произносил страстные речи перед лондонскими лавочниками, которые всегда себе на уме, о том, что для процветания их заведения необходим именно мой начинённый резиновой жвачкой автомат, сам сверлил электродрелью дырки в стенах, давал взятки, сулил золотые горы, кого-то вёл в пивную, перед кем-то заискивал, подписывал контракты… И так день за днём.

Только вечером, растянувшись на диване в своей крохотной квартирке и вспоминая весь этот калейдоскоп не очень приятных дел, я с утешением думал о том, что прикрытие, которое создал, стоит этих хлопот.

Полковник Конон Молодый (запись беседы с авторами книги):

— Я думаю, тут, после этой главки, нужно будет сказать и о том, что я входил в курс коммерции не сразу, а постепенно, внимательно наблюдая за методами коллег, конкурентов и клиентов, что я, конечно, им не демонстрировал. Ведь мне приходилось в сжатые сроки усваивать то, что для них было само собой разумеющимся чуть ли не с детства. Большинство моих знакомых бизнесменов, а тем более служащих фирмы не читали книг социологов или специалистов по «деловой эффективности» (у нас это принято называть «организацией и управлением»), но прекрасно знали, что такое чёткая организация работы, и как нужно разговаривать с клиентом (в том числе и по телефону), и каким должно быть деловое письмо и тому подобные атрибуты бизнеса. Владельцам фирм было известно, что значит произвести первое впечатление на будущего клиента. И не только «что значит», но и как этого добиться, как представить дела фирмы в самом выгодном свете. Учитывалось всё. Тщательно обдумывали интерьер приёмной и кабинетов, куда допускаются посторонние (на отделку и содержание помещения тратили непомерную, по нашим понятиям, часть доходов фирмы), заказывали в лучшей типографии деловые бумаги и конверты для переписки, подбирали секретаря с «внешностью», умением расположить к себе посетителей.

Тут исходили из того, что в основе успеха коммерческой деятельности (независимо от её масштаба) лежит умение приобрести и закрепить постоянных, или, как их называют на Западе, регулярных клиентов. В условиях анархии производства — они основа основ (их даже называют «становым хребтом») любого предприятия. Без них невозможно вести дело даже в самой маленькой парикмахерской (владелец обязан знать, сколько, в какое время у него должно быть мастеров, заранее заказать необходимые запасы и т. п.), не говоря уже о таких гигантах, как «Дженерал моторс». Именно необходимость заводить постоянных клиентов, довольных вашей работой, и выработала то, что принято называть американской деловитостью и что всё более становится обычной нормой в коммерческой деятельности подавляющего числа фирм на Западе.

Одна из таких «обычных норм» — абсолютная пунктуальность, ответ на все запросы в тот же или в крайнем случае на следующий день, верность данному слову (зачастую никак не оформленному юридически) и принятому обязательству. Дело здесь не в каких-то этических нормах, свойственных бизнесмену, как это утверждают апологеты частного предпринимательства, а в деловой необходимости. Без этого просто долго не проживёшь — клиенты уйдут к другим!

Опять-таки всё сказанное отнюдь не означает, что среди западных бизнесменов нет людей не пунктуальных, нарушающих своё слово или своё обязательство, или просто мошенников. Есть, и даже много, очень много. Вот почему бизнесмен так осторожен и недоверчив к рекламе, к неизвестным ему бизнесменам и фирмам. И вот почему так ценятся регулярные клиенты — обе стороны на опыте убедились, что не подведут друг друга.

А раз регулярные клиенты представляют собой такую ценность, то и отношение к ним соответствующее: бизнесмен обязан знать личные особенности своих клиентов, даже их семейное положение. Им делают подарки (иногда очень дорогие, но это носит уже совсем иной характер), поздравляют с праздником и т. д.

Фирма внимательно следит, как поступают заказы от «своих» клиентов. Если обнаружится, что кто-то не сделал своего обычного для этого времени года заказа, то это расценивается как чрезвычайное происшествие. К клиенту мчится представитель фирмы и выясняет, в чём дело. Если окажется, что клиент перешёл к конкурирующей компании, то это рассматривается как крупнейший промах ответственного за торговлю с его фирмой лица, что чревато для него самыми серьёзными последствиями.

Став партнёром Эйрса и шефом лондонского отделения фирмы, я впервые выступал в качестве работодателя и руководителя коммерческого предприятия. До этого я видел мир бизнеса только снаружи как покупатель того или иного товара, теперь я оказался внутри этого мира. Понятно, я стремился не показать своего дилетантства. С самого начала я тщательно обдумывал каждый шаг в фирме, манеру обращения с подчинёнными, клиентами. На случай небольшого отступления от принятых в Англии норм у

меня был заготовлен предлог, что в США и Канаде действуют несколько иначе, чем в Англии. Правда, мне этим предлогом не приходилось особенно часто пользоваться. Всё шло относительно хорошо, и уже через несколько недель я производил впечатление канадца, который сумел быстро адаптироваться к местным условиям.

Глава XIX

Хемпстед-Хит — большой парк на севере Лондона — был тих, пустынен и нежен, как и полагалось ему в этот первый тёплый весенний день. Но ни я, ни Хаутон не были расположены любоваться его красотами. В моём плаще уже лежал небольшой сверток, который бравый моряк незаметно передал мне во время рукопожатия.

Можно было направляться к выходу. Ещё несколько слов, и мы увидимся через месяц. Но Хаутон не спешил прощаться.

— Я знаю здесь один паб, сэр, — торопливо заговорил он, шагая по лужам. — Там всегда держат прекрасный «Гиннес»…

— Рад был бы, но сегодня не смогу… Должен идти на доклад. (Чуть-чуть подчеркнуть доверие, которое я выказывал Хаутону, было совсем неплохо).

— А я хотел бы предложить вам кое-что… Мы можем присесть на минутку? Ну вот хотя бы здесь…

Скамейка была холодной и сырой.

— Ничего, — сказал Хаутон, — я быстро. В двух словах… Так вот, там, в этом свертке, есть один документ… оценка морских манёвров, которые проводились осенью в рамках НАТО… (Он так и сказал — «в рамках НАТО». Читая потом этот украшенный грифом «Совершенно секретно» документ, я понял, откуда почерпнул это выражение моряк).

— Может быть, он пригодится вам. Если пригодится, такие бумаги может доставать одна моя приятельница. Она — делопроизводитель. Имеет доступ к подобным материалам…

— Если можно, уточните: к каким именно?

— К таким же — всякие обзоры манёвров и испытаний в рамках НАТО. Оценка вашего военно-морского флота, которые дают господа из адмиралтейства. Новинки, которые присылают из других стран на портлендский полигон для испытаний…

— Вы давно знаете эту девушку?

— Более чем… «Банти» — так я её называю. Настоящее же её имя — Этель. Этель Джи думает, что я со временем буду её мужем, — хмыкнул Хаутон.

— Значит, близкая приятельница.

— Да вроде того… Вы не беспокойтесь — Банти не подведёт. Она с симпатией относится к вам, американцам.

Документ действительно стоил того, чтобы поинтересоваться Банти. Но я не хотел спешить. Всякое бывает.

Мудрые правила подполья учат ограничивать до минимума круг людей, связанных с разведчиком. К тому же нельзя было

поручиться, что Хаутона не могла использовать английская разведка, чтобы собирать сведения о мнимом помощнике военно-морского атташе. Как-то Хаутон явно некстати поинтересовался, где живет Алек Джонсон. В другой раз, встретившись со мной в Лондоне, он настоял на том, что проводит меня домой. Я был вынужден потом долго петлять по городу, чтобы убедиться, что за мной нет слежки.

Разведчик не должен рисковать попусту — придерживаюсь этого правила. Точнее, всякий риск должен оправдываться особыми обстоятельствами.

Время шло. Банти Джи просматривала все секретные документы, приходившие в её учреждение, и по просьбе Хаутона заказывала лишний экземпляр специально для меня, избавляя таким образом «американского атташе» от хлопот по пересъёмке. Пожалуй, Банти стоила того, чтобы встретиться с ней.

Где-то в конце осени я сказал Хаутону, что хотел бы познакомиться с его «невестой».

Мы встретились на рынке в Кингстоне. Я стоял чуть в стороне от места встречи, чтобы понаблюдать за подругой Хаутона, а заодно убедиться, не следят ли за ними.

Я увидел Хаутона, который что-то говорил женщине лет сорока, несколько полноватой и не очень красивой. Нет, Банти явно не придавала значения своей внешности: она носила старомодную слишком короткую стрижку, одевалась скромно — серая твидовая юбка и в тон ей «двойка». В руке — большая кожаная сумка. Типичная женщина из мелкой буржуазии, которой кажется, что «солидная» одежда сдержанных тонов, некоторая старомодность и чопорность в поведении придают респектабельный вид и свидетельствуют о её аристократизме.

Я подошёл к моряку.

— Это Этель, — сказал Хаутон, обрадованно заулыбавшись. — Она очень хотела с вами познакомиться. Зовите её просто Банти.

Я представился.

— Рада встретиться с вами, сэр, — сдержанно сказала Банти, — мне мой друг много о вас говорил…

У Банти был резкий простонародный акцент женщины из средних слоев. Тем не менее она произвела на меня хорошее впечатление. В ней чувствовалась сильная, может быть, даже незаурядная натура. Судя по всему, Банти не сомневалась, что помогает офицеру американского военно-морского флота. Первое впечатление меня не подвело. Банти была гораздо чистоплотнее и лучше своего друга. Она во всём стремилась к той «солидности», которую я сразу подметил в её манере одеваться, предпочитала

размеренный образ жизни. Очевидно, как и многие одинокие женщины, мечтала о семье.

Банти была женщина обеспеченная. Зарплата — не столь уж высока, но вполне прилична. Кроме того, она получила небольшое наследство после смерти тетки. На очереди был богатый дядюшка-полуинвалид, за которым она старательно ухаживала. Дядюшка обещал оставить приличное наследство — именно из-за этого Этель и не выходила замуж.

Она встречалась с Хаутоном обычно в среду: убирала его фургон, проводила с моряком часть уик-энда и оставалась на ночь. Так шли неделя за неделей.

Я не мог не задать себе вопрос: почему она решила помогать «Алеку Джонсону»? Ответ был один: женщина, видимо, боялась потерять Хаутона. Отставной моряк крепко пришёлся ей по душе.

Она обычно вела себя очень осторожно, старалась точно выполнять мои наставления, но иногда казалось, что она не понимает, насколько опасно то, чем она согласилась заниматься. В отличие от Хаутона она всегда старалась держаться с достоинством, изредка намекая, что хорошо знает, какой большой человек её новый знакомый.

Мне была несколько неприятна её жадность, но в том мире, где я действовал, это свойство не относилось к недостаткам. Скорее наоборот: щедрый, расточительный человек вызвал бы пренебрежение.

Работая с Хаутоном, я пытался хоть в какой-то мере повлиять на него. Обычно Хаутон весьма внимательно выслушивал мои доводы, поддакивал, благодарил за советы и… нередко поступал по-своему. Это было опасно, так как могло привлечь внимание полиции. Дело в том, что Хаутон явно жил не по средствам. Он зарабатывал в неделю около четырнадцати фунтов (вместе с флотской пенсией), а только в соседней винной лавке тратил не меньше двадцати! Джин, бутылка которого стоит около двух фунтов, у него не переводился. Хаутон имел обыкновение не реже двух раз в неделю посещать вместе с Джи «свою» пивную, где регулярно оставлял несколько фунтов. Рано или поздно это обязательно должно было привлечь внимание.

Когда Хаутон попал под подозрение и за ним было установлено наблюдение, полиция обнаружила, что отставной моряк имел привычку время от времени наведываться в Лондон вместе со своими подругами. В столице Британии отставной моряк располагался с удобствами: останавливался в лучших гостиницах, выдавая очередную «подругу» за жену.

Всё это вместе составляло то, что разведчики обычно называют «неконспиративностью». Но о похождениях Хаутона я

узнал, к сожалению, слишком поздно. Естественно, я подозревал, что Хаутон ведёт далеко не целомудренный образ жизни, и не раз пытался повлиять на него. Лучшим методом в данном случае было обращаться к здравому смыслу.

— Дорогой Хаутон, — говорил я, — вы, проживший такую бурную жизнь, должны лучше других понимать, что злоупотребление спиртным может привести к печальным последствиям. Я знаю случай, когда очень способный разведчик провалился из-за того, что хватил лишнего и попал в автомобильную катастрофу. Его машину обыскали и нашли компрометирующие материалы.

Хаутон, соглашаясь, кивал головой:

— Вы, безусловно, правы. Спиртное ещё никому не приносило пользы. Но ведь я и не пью. Так, рюмку другую для настроения. Кстати, не зайти ли нам в этот паб? Здесь подают прекрасное баварское пиво…

Я забеспокоился всерьёз, когда однажды Хаутон, подвыпив, перепутал условия встречи, и она была сорвана.

— Не скажу, что я больше в рот не возьму спиртного, — оправдывался тот, — но подобное никогда не повторится.

Приходилось верить. Я решил подступиться к нему с другого конца:

— Почему бы вам не жениться на Банти? — спросил я однажды полушутя, полусерьёзно. — Она вас любит. В вашем возрасте уже пора распроститься с холостяцкими привычками и перестать гоняться за каждой юбкой, которая попадает в поле вашего зрения.

И я привёл несколько примеров того, как жены или любовницы шли в полицию и из ревности доносили на своих неверных возлюбленных. Кстати, именно такой случай произошёл тогда в Западном Берлине. Пресса много об этом писала, и я показал газетные заметки Хаутону. Моряк их прочитал, в глазах мелькнула тревога.

— Нет! — решительно воскликнул он. — Моя Банти не такая!

Я тоже был убеждён в порядочности Банти, но тем не менее настаивал:

— Вот и прекрасно! Значит, вы сами видите, что Этель — превосходная женщина. Вот и решайтесь — женитесь на ней!

— Понимаете, — начинал мямлить Хаутон. — Я не убеждён, что Банти согласится. Она хочет прожить с дядей до его смерти, чтобы стать основной наследницей.

Я знал о намерениях Банти и привык к тому, что на Западе это норма поведения: племянница приносит себя в жертву, оставаясь старой девой и ухаживая за почтенным родственником,

а взамен лелеет надежду получить богатое наследство.

Увы, сват из меня не получился. И мои предположения, что Хаутон изменится к лучшему, были развеяны непривлекательными подробностями, всплывшими на поверхность во время процесса, широко освещавшегося в прессе. Вынужден был признаться самому себе, что все усилия оказались недостаточными. На Западе в моде термин «распад личности». Может быть, за время сотрудничества мне удалось в какой-то мере оттянуть распад личности Хаутона, но остановить этот процесс я не смог. Для этого нужно было и больше усилий, и больше времени.

Но зато учеником Хаутон оказался неплохим. Всякий раз, даже за несколько минут до встречи, он успевал схватить необходимые азы своей новой «профессии». Он научился пользоваться фотоаппаратом, и это значительно облегчило ряд заданий. Ко мне стали поступать копии тех материалов, которые Хаутон или Джи получали только на короткое время и не могли мне показать «в оригинале». Правда, качество съемки документов меня обычно приводило в уныние.

Чтобы облегчить вынос материалов с полигона, Хаутон приобрёл малолитражный автомобиль. Деньги на эту покупку он, естественно, получил от меня. Чуть позже бывший унтер-офицер расстался со своим «караваном» и приобрёл небольшой домик, который (не без помощи Джи) был обставлен уютно и комфортабельно. Я помог ему и в этом. Одним словом, у Хаутона не было оснований для обид и претензий. Как и обещал ему при первом знакомстве «помощник военно-морского атташе Алек Джонсон», его труды щедро вознаграждались.

Глава XX

День начался трудно. Я вернулся на рассвете, когда город уже гасил огни, и, припарковав машину в переулке неподалёку от «Белого дома», устало зашагал к себе, думая лишь о том, что до начала занятий мне уже не выспаться.

Я надел на руку часы-будильник, завёл их и, поставив стрелки на семь, повернулся лицом к стене, стараясь побыстрее заснуть.

Но, как это часто бывает после долгой езды за рулём, дорога тут же побежала мне навстречу, мигая фарами встречных машин.

До этого была многочасовая гонка на одном из шоссе Северной Англии, гонка, которую я старался выиграть у времени, ибо утром во что бы то ни стало должен был явиться на занятия.

В тот день намечался семинар, а пропускать его и особенно традиционный «круг» в силу известных причин не хотелось.

Накануне вечером в маленьком городке, старинный замок и парк которого обожают иностранные туристы, я встретился с одним из своих помощников и тот передал мне пухлый пакет с документами.

— Утром я должен вернуть всё это на место, — предупредил помощник.

Мы договорились встретиться через час.

За час я снял небольшой номер в первой попавшейся гостинице — в городке их было предостаточно — и, плотно закрыв дверь ванной комнаты, перефотографировал один за другим все документы.

Они действительно стоили такой гонки — чрезвычайно важны, актуальны, и их надлежало немедленно переправить в Центр.

Закончив съёмку, я вернул пакет и отправился в Лондон, обдумывая по дороге, как переправить кассеты с плёнкой по назначению.

Четкой связи с Центром в то время у меня ещё не было, и оставался только один путь — самому вылететь в маленькую западноевропейскую страну, где я мог передать кассету своему коллеге, обладавшему исключительно хорошей связью с Центром. Пожалуй, так и надо было сделать.

Я притормозил у первой попавшейся бензоколонки и, пока парень в белом комбинезоне ловко промывал губкой ветровое стекло машины и заливал в её бак «супер», успел просмотреть лежавший на столике в соседнем баре рекламный проспект БЕА, где было помещено расписание вылетов из лондонского

аэропорта.

Ближайший рейс приходится на субботу — через день.

«Вот и отлично, — решил я. — Субботу и воскресенье в дороге. Понедельник — на занятия. Если только погода не подведёт…»

Но погода была преотличная, ни дождей, ни туманов. Так что всё складывалось как будто бы удачно.

Я гнал машину в сухую, тёплую ночь, ощущая подъём, вызванный сознанием только что перенесённой опасности, и лёгкую усталость.

С каждым часом дорога становилась всё пустыннее. Теперь можно было сбавить скорость и позволить себе немного отдохнуть. Но тут же увидел свет нагонявшей меня машины и снова дал полный газ. Её водитель тоже «прибавил». Я погнал машину ещё быстрее, стрелка спидометра давно уже перешагнула цифру 80 миль, а человек, который шёл за мной, вовсе не собирался отставать, сидел «на хвосте», заливая ослепительным светом мою кабину.

Я резко притормозил, уступая дорогу своему преследователю. Но «хвост» тоже сбавил скорость, продолжая маячить сзади.

Все водители знают, что на шоссе часто попадаются любители висеть «на хвосте» впереди идущей машины. Я и сам часто практиковал такой способ езды, особенно в гололёд и туман, когда впереди идущая машина служит как бы индикатором состояния дороги и позволяет заранее снизить скорость на опасном участке.

Теперь предстояло выяснить: почему за мной «хвост» — наблюдает или просто шальной автолюбитель?

Ведь контрразведчики иногда умышленно ведут себя нагло — ну, кому придёт в голову предполагать, что они так открыто станут вести наблюдение за машиной?

Оставалось либо остановиться, либо свернуть на другую дорогу.

Заметив впереди ярко-красную рекламу ночного кафе, я резко остановил машину у его дверей. Не выключая мотора, несколько секунд ждал, что станет делать дальше «хвост». Остановится? Проедет мимо?

Черный «мерседес» со свистом промчался дальше. Рыжеволосая девица, сидевшая за рулем (я успел заметить, что, кроме неё, никого в машине не было), высунулась в окно и приветливо помахала мне рукой. «Явно под газом», — с облегчением подумал я.

Я не стал заходить в кафе, а постучав для вида по переднему баллону ботинком и сокрушённо при этом покачав головой, тут

же снова сел за руль и отправился дальше…

Еще два часа гонки, и я въехал в Лондон.

Прежде чем лечь спать, я вошёл в свою крохотную ванну и, быстро приготовив проявитель, обработал пленку. Снимки были четкими, нормальной плотности.

Я высушил плёнку и, сняв со стены висевший там китайский свиток, отвернул наконечник его палки и вложил плёнку в пустое пространство. Привернул наконечник на место, повесил свиток на стену.

Разбудил меня не будильник, а телефонный звонок. Но спросонок я долго смотрел на циферблат, не понимая, почему часы вдруг начали трезвонить в шесть, только потом потянулся к телефону.

— Простите, я, наверное, очень рано, — услышал я голос Вильсона. — Вы получили уже посылку из Абердина?

— Пока нет, — ответил я, чувствуя, как остатки сна покидают меня.

Повесил трубку и сразу начал одеваться.

Через десять минут после открытия крупнейшего лондонского универсального магазина «Селфриджес» я уже был там. Походив немного по залам первого этажа и купив какую-то мелочь, я увидел у одного из прилавков (тот, конечно, был заранее определен) Вильсона. Мы обменялись мимолетными взглядами, и Вильсон тотчас прошёл мимо, на ходу незаметно сунув в мой карман крошечный сверток.

Дома я развернул сверток — там была кассета с фотоплёнкой. Пожалев, что успел вылить проявитель, я снова начал готовить раствор, поглядывая на часы — опаздывать на занятия не стоило.

Я обработал плёнку, быстро высушил её и, заправив в увеличитель, прочитал подробную информацию о группе разведчиков из ФРГ, которые несколько дней назад прибыли в Англию.

Это было задание Центра — взять под наблюдение агентов западногерманской разведки, появившихся недавно в Англии. Особый интерес для Центра представлял сотрудник западногерманской разведки — БНД — Хейнрикс. В радиограмме сообщалась его кличка — Хирт («пастух» по-немецки) и то, что он, по-видимому, будет заниматься на каких-то курсах НАТО.

В группе лишь Вильсон обладал связями, которые позволяли быстро справиться с подобным заданием, и я поручил ему заняться «Пастухом» и его коллегами по геленовскому стаду.

Как следовало из сообщения, которое я сейчас просматривал, Хирт оказался сотрудником сугубо засекреченной службы

западногерманской разведки, носящей кодовое название «Архив». Её создали тайно от западных держав, и уже в 1955 году по личному указанию Гелена «Архив» приступил к разведывательной работе против союзников ФРГ по НАТО. Учёба Хирта в Англии прикрывала его шпионское задание: восстановить связи с некоторыми старыми агентами третьего рейха в Англии, которые были «законсервированы» после войны. Вильсон докладывал, что пока ещё не сумел выяснить, насколько Хирт преуспел в этом деле. Позже я узнал, что, вернувшись из Англии, Хирт работал в Штокдорфе под Мюнхеном, а затем в штаб-квартире БНД в Пуллахе. В 1958 году он был переведён на другую работу, и его след потерялся. (Можно предположить, что сейчас «Пастух» находится в одной из стран НАТО и по-прежнему «трудится» в «Архиве»).

Вложив плёнку в тот же китайский свиток, я зашагал в университет, чувствуя себя изрядно вымотанным.

«Если сегодня контрольная, я горю», — думал я, открывая массивную дверь в вестибюль. Контрольные устраивали довольно часто. Они заменяли и зачёты, и экзамены. Собственно, экзамен — это и была письменная контрольная работа, где рядом с вопросами заранее была проставлена их «цена» — 5, 10 и даже 20 баллов, в зависимости от трудности вопроса.

Но мне явно везло — контрольной на этот раз не было. Я послушал лекции и, не дожидаясь конца занятий, двинулся домой. Чемодан уже был собран. Я вызвал такси и отправился в аэропорт.

Оформив транзитный полёт с остановкой на несколько часов в Париже, я вылетел из Лондона и через час с небольшим приземлился на аэродроме Орли. Пассажиры направились в здание аэровокзала. Не успели они войти в зал ожидания, как радио, вдруг, прервав сообщение об очередном прилёте, объявило:

— Господин Лонсдейл, прибывший рейсом из Лондона. Вас просят подойти к окну иммиграционного чиновника… Ощущение опасности, спрятанное где-то в глубинах мозга, тут же заявило о себе. «Ловушка, — подумал я. — Плёнка в кармане… Куда её спрятать? Надо уходить».

— Господин Лонсдейл, подойдите, пожалуйста, к иммиграционному чиновнику, — повторило радио.

«Надо уходить!»

Но зал был отделён барьером от остальной части аэропорта. За барьером дежурили полицейские. Пока пассажиры не прошли паспортного и таможенного контроля, в город их не выпустят.

Чтобы выиграть время, я решил сделать вид, что ничего не

слышал. Довольно безучастно стоял я у витрины с сувенирами, разглядывая традиционные Эйфелевы башни и Триумфальные арки. В голове у меня вихрем мелькали разные мысли о том, как лучше выйти из этой странной ситуации. Но я тут же отвергал их как неосуществимые или поспешные.

Через минуту диктор снова попросил меня подойти к окошечку, на этот раз «срочно». К этому времени я уже принял решение: если вызовут ещё раз, подойду. Сохраняя внешне полное спокойствие, я заглянул в иммиграционное окошко. Не успел открыть рот, как ко мне подскочила хорошенькая стюардесса.

— Вы мосье Лонсдейл?

— Да, — ответил я. — В чём дело?

— Вы транзитный пассажир, — улыбнулась стюардесса. — Поэтому мы оформим вас вне очереди и доставим в город на автомобиле, а не на автобусе. «Эйр Франс» стремится сделать всё, чтобы даже транзитные пассажиры имели возможность хоть немного познакомиться с Парижем…

Опекаемый жизнерадостной стюардессой, я вне очереди прошёл паспортный и таможенный контроль и через несколько минут уже мчался в Париж в шикарном лимузине. Остальная часть моей поездки прошла без каких-либо осложнений. Спустя два дня весь материал был в Центре.

Глава XXI

Сидя за столом в своей крохотной комнате, я смотрел в окно, не видя ни синего вечера, ни зелёных ковров Риджент-Парка, а правая рука моя сама собой тихо отстукивала мелодию какого-то марша.

Узенькая исписанная цифрами ленточка папиросной бумаги, которая всё ещё лежала передо мной на полированной поверхности стола и которую надлежало сейчас же уничтожить, только что сообщила мне, что Центр считает необходимым моё присутствие на дебатах в парламенте по внешней политике правительства Её Величества.

Было время знаменитого «Суэцкого кризиса». Англия навсегда прощалась с Египтом, теряя заодно и Суэцкий канал. Британский лев грозно рычал, стараясь показать всему миру, что не собирается отдавать свою добычу. В воздухе попахивало войной. Оказаться в среде парламентариев в этой обстановке было крайне важно.

Дебаты должны были начаться на другой день. Времени оставалось в обрез.

Но как попасть в парламент?

Я перебрал в уме всех своих более или менее высокопоставленных знакомых и нашёл, что, пожалуй, надёжнее всего обратиться в лигу, к мисс Пауэлл. Несколько дней назад, вернувшись из короткой поездки в Париж, я преподнёс ей флакончик духов «Ша нуар» и блок американских сигарет.

Одинокая, стареющая женщина, воспитание которой, как это часто бывает с обедневшими аристократками, было значительно выше её сегодняшнего общественного положения, мисс Пауэлл безмерно радовалась всякому знаку внимания.

— Говорит Лонсдейл, — сказал я в трубку, услышав энергичный голос сотрудницы лиги.

— Узнаю, Гордон. Рада тебя слышать? Как дела?

— Спасибо, всё хорошо. А ты как, Элизабет?

— Как обычно. Полна оптимизма и положенной по должности энергии, — усмехнувшись, бодро ответила мисс Пауэлл. — Ты о чём-то собираешься меня просить, Гордон?

— Ты попала в самую точку.

— Тогда говори, а то мы скоро закрываем контору…

— Ты не могла бы помочь, — тут я сделал паузу, которая должна была подчеркнуть значительность просьбы, — попасть на дебаты в парламент?

— Только и всего?

— Разве мало?

— Решил стать политиком?

— Ну, знаешь, университет, Африка… Всегда полезно послушать такие вещи из первых уст…

— Когда дебаты?

— Завтра.

— Не вешай трубку, я поговорю по другому телефону. Тут же я услышал, как всемогущая мисс Пауэлл звонит активному деятелю лиги члену парламента сэру Джоселину Люкасу и любезнейшим голосом просит его устроить пригласительный билет на «скамью выдающихся посетителей» одному «чрезвычайно симпатичному канадцу по фамилии Лонсдейл».

— Гордон ты слышал наш разговор?

— Конечно.

— Сэр Джоселин говорит, что билет у тебя в кармане…

— Спасибо, Элизабет.

Сэр Джоселин не подвёл лигу: я назвал его имя одному из монументальных «бобби», дежуривших у входа в парламент. Тот вошёл в здание и скоро появился с молодым энергичным джентльменом.

— Я секретарь сэра Джоселина, — заученно улыбаясь, произнёс джентльмен. — Вот ваш пригласительный билет. Я провожу вас… — он протянул кусочек белого картона.

Энергичный молодой человек не без торжественности провёл меня на галерею палаты общин и усадил в одну из лож. Я осмотрелся. Я впервые попал в парламент и был поражён размерами зала, где заседал высший законодательный орган Великобритании. Зал оказался крохотным и даже по-своему уютным. Может быть, потому, что хранил на себе всегда для нас трогательную печать старины, может, просто был так спроектирован. При желании можно было свободно переговариваться с любым членом парламента — расстояние между противоположными сторонами составляло всего лишь несколько метров. Это было похоже скорее на студенческую аудиторию, нежели на торжественно-официальное помещение. Но оно и не предназначалось ни для каких церемоний.

Тут говорили. Обсуждали. Спорили, утверждая и укрепляя тот строй, которому верно служили господа в черных сюртуках, заполнившие крохотный зал.

В тот день палата общин была набита битком, некоторые парламентарии даже стояли в проходах, поскольку в английском парламенте нет постоянных мест, закреплённых за отдельными членами парламента, и скамеек всем не хватает. Лишь за членами правительства и «теневым кабинетом», то есть руководством

верноподданнической оппозиции Её Величества, закреплены передние лавки по обеим сторонам длинного стола, расположенного у возвышения, на котором восседает спикер палаты общин.

Обитатели передних скамей вели себя поразительно непринужденно — двое почти лежали на сиденье, чуть ли не положив ноги на стол. Одно место в первом ряду рядом с проходом от скамьи правительства оставалось свободным, и я не мог понять, почему его не занимал никто из стоящих в проходе. Неожиданно по залу пронесся какой-то шумок, и все взоры устремились ко входу в палату. Оттуда показалась полная старческая фигура, дрожащей походкой проковылявшая к этому единственно свободному в зале месту. Когда старец сел, я увидел его лицо и мгновенно узнал — это был Уинстон Черчилль — «самый великий из живущих ныне англичан», как его любили называть в прессе. С большим интересом я рассматривал человека, который в своё время призывал удушить Советскую власть в колыбели, но волею судьбы был вынужден стать нашим союзником во второй мировой войне.

Прения по внешней политике ещё не начинались. Какой-то провинциальный парламентарий нудно говорил о бюджетных нуждах своего округа. Его никто не слушал. Большинство парламентариев не очень тихо переговаривались между собой, высказывая самые разные оценки предстоящим дебатам. Мой сосед, явно скучавший и не знавший, как убить время, вступил со мной в беседу. Говорил он с сильным ирландским акцентом.

— Откуда вы приехали?

— Я — канадец.

— Федеральный или провинциальный?

Я не стал скрывать, что не понимаю, о чем идёт речь, и попросил объяснить, что, собственно, тот имеет в виду.

— Я спросил, какой парламент вы представляете — федеральный или какой-либо провинции?

Со вздохом сожаления я признался, что пока ещё не вхожу ни в один парламент, и спросил, почему мне задан такой вопрос.

— Потому что вы сидите на скамье для членов парламента британских доминионов. Кстати, я из Северной Ирландии…

Дебаты по «Суэцкому кризису» открыл Антони Иден. Я часто видел его в кино и по телевидению. Внешний вид «самого красивого премьера» поразил меня: тот заметно осунулся, постарел, несмотря на накаленную обстановку в палате, говорил очень вяло. Видимо, он уже сам осознал, что стал политическим трупом.

Иден пытался отражать атаки оппозиции, говорил, что

никакого антиегипетского сговора между Англией, Францией и Израилем нет. Депутаты саркастически улыбались, шумели, подавали реплики. Дверь в политическую кухню страны была открыта, и я получал возможность заглянуть туда, а значит, лучше понять скрытые пружины английской политики и лучше предугадывать события в будущем…

Это был отнюдь не последний мой визит в английский парламент.

Как-то мне неожиданно позвонила мисс Пауэлл и возбуждённым голосом предложила пойти на приём для членов лиги в палате общин. Я, конечно, с благодарностью принял приглашение.

Приём состоялся в погожий весенний день. Собралось около пятидесяти членов лиги. В основном это были, как всегда, австралийцы и новозеландцы. Их сопровождали в экскурсии по зданию видные члены парламента. Кто-то из них выступал в роли гида. Осмотр был очень интересным, гостей водили по таким уголкам парламента, куда обычных посетителей не пускают. Затем их угостили клубникой со сливками — в Англии это считается редкостным деликатесом, — и между парламентариями и членами лиги завязалась беседа.

В этот момент меня отыскал руководитель группы:

— Господин Лонсдейл, вы — единственный канадец в нашей группе, и я хотел бы познакомить вас с достопочтенным Беверли Бакстером. Он, как и вы, канадец. Однако поселился в Англии и стал теперь видным членом парламента.

До этого я никогда не слыхал о своем знаменитом «соотечественнике», тем не менее с готовностью согласился познакомиться с ним. Мы перешли на террасу. Был отлив, уровень воды в Темзе упал, и обнаружилось илистое дно, издававшее неприятный запах. Господа парламентарии, по-видимому, давно привыкли к нему и спокойно продолжали беседовать с членами лиги. Господин Бакстер любезно расспрашивал меня о житьё-бытье в Канаде, планах на будущее. Особенно он интересовался, как идут дела в Британской Колумбии в связи со строительством там крупных гидроэлектростанций и заводов. Взамен он потчевал меня всевозможными занятными историями из своего богатого прошлого. Пожимая на прощание мою руку, полный доверия, он посоветовал:

— Может быть, и вы решите остаться здесь и заняться политикой? Желаю успеха.

Глава XXII

— Слушай, Гордон, — как-то обратился ко мне Том Поуп перед лекциями. — Что ты скажешь, если сегодня я приглашу тебя на «парти»?

— Скажу «отлично», если, конечно, ты приглашаешь только меня, а не бутылку виски вместе со мной.

— Ну, этого можешь не опасаться, — несколько загадочно усмехнулся Поуп. — С виски всё будет в порядке. Я думаю собрать всех ребят.

— Во сколько?

— Восемь вечера.

— Идёт.

— Захвати с собой фотоаппарат. Сделаешь нам снимки на память.

Я видел, как в перерыве между лекциями Поуп старательно обошёл всех студентов и некоторых преподавателей, приглашая каждого на «парти» — своеобразный мальчишник.

Канадец жил на широкую ногу и снимал шикарную квартиру в популярном среди дипломатов районе к северу от Кенсингтонского дворца на улице Порчестер террас. Квартира занимала часть первого этажа особняка с садом. Основной её достопримечательностью был красивый полукруглый зал, выходивший в сад. Он был обставлен белой с золотом старинной мебелью. Белой с золотом была и лепка на потолке и стенах. Щедрые хозяева, получая не менее щедрую арендную плату, оставили Тому концертный «Бехштейн», выдержанный в тех же бело-золотых тонах. Для такой большой комнаты было, как это принято на Западе, сравнительно немного мебели, и это создавало впечатление ещё большего простора.

Как дипломат Том мог покупать вино и другие напитки с большой скидкой. И всё же я был поражён обилием спиртного. Бутылки стояли не только в баре, но и на полу, загромождая один из углов зала. Рядом возвышался открытый термос в виде небольшого бочонка со льдом. На специальных подставках выстроились бочонки с пивом и крепким сидром. Закуска, если не считать хрустящего картофеля, жареных орешков и соленой «соломки», практически отсутствовала.

Как водится, мы вначале стояли небольшими группами, разговаривали, потягивая «длинные» напитки — виски и джин, разбавленные содовой водой или апельсиновым соком. Постепенно, по мере поглощения спиртного, в зале стало шумно, а темы разговора более разнообразными — политика, женщины,

погода, предстоящие скачки и последний футбольный матч с участием Стенли Метьюза. Но больше всего делились воспоминаниями, ибо все участники «парти» уже успели объехать полсвета.

— Ты помнишь историю с этим старым индусом, который никак не хотел умирать? — слышал я за спиной. — Наши парни устроили маленькую аварию, когда тот полз на своем «додже», а он всё ещё был жив… И знаете, как его убрали? Чистый смех…

Что ж, это стоило запомнить.

На вечеринке у Тома были и двое преподавателей — Саймонс-младший и господин Лю — единственный китаец на факультете — он преподавал разговорный язык и китайскую философию. Хрупкий, миниатюрный человечек — типичный житель юга Китая.

Господин Лю весьма любил выпить и, дойдя до определённого состояния, петь бесчисленные арии из классических китайских опер. Память его была феноменальной, к тому же он умел петь разными голосами — от сопрано до баритона. «Под занавес» вечера все разместились на ковре у камина и с удовольствием слушали завывания маленького Лю.

Я чувствовал себя превосходно, всё складывалось как нельзя лучше.

— Гордон, — тронул меня за рукав хозяин, — тебе не скучно?

— Нисколько.

— Фотоаппарат взял?

— Да.

— Неси скорее…

Однокурсники уже знали, что фотографирование — моё страстное хобби, и никто не удивился, увидев у меня аппарат и электронную вспышку.

За тот весьма весёлый и далеко не последний вечер я сделал несколько десятков снимков, пообещав всем прислать фотографии. А так как было это в последний день семестра, то я записал адреса присутствующих.

Словом, это был тот невероятный случай, когда рыба сама прыгала на сковородку рыбака.

Со временем мои однокурсники всё реже и реже придерживались своих легенд, и постепенно удалось узнать их звания, специальные службы, к которым они принадлежали, и даже их предыдущую карьеру, чему во многом способствовал, сам того не подозревая, Том Поуп — он по-прежнему регулярно устраивал вечеринки. Иногда это были «мальчишники», иногда весёлые встречи, на которые приходили с жёнами. Таким образом, в моём альбоме (и, разумеется, в Центре) появились и

фотографии некоторых «разведдам».

Среди постоянных гостей Поупа был и капитан ВВС Харпер — пухленький шатен с серыми глазами, медлительный и в речи, и в движениях. Однажды он прихвастнул, что в начале 50-х годов работал помощником военно-воздушного атташе в Москве. Все заинтересовались, стали задавать Харперу вопросы. Я, естественно, с большим интересом слушал его ответы.

— Я хотел бы быть объективным, но на меня Москва не произвела приятного впечатления, — разглагольствовал Харпер. — Большой некрасивый город, где вымощены только центральные улицы. Сами москвичи дурно одеты, кожаной обуви у них нет, носят какую-то самодельную из ткани…

Видимо, Харпер имел в виду валенки.

— Говорят, там интересные музеи, богатая коллекция картин? — задали ему вопрос.

— Не сказал бы. Эрмитаж — так называется главный московский музей — произвёл на меня более чем унылое впечатление.

Словом, невежество Харпера было поразительным — он не знал толком даже центра Москвы, ленинградский Эрмитаж «переселил» в столицу, а то, что рассказывал о жизни советских людей, было такой чепухой, что я усомнился в самом факте его пребывания в Советском Союзе и запросил об этом Центр. Как ни странно, оказалось, что Харпер действительно проработал несколько лет в Москве.

Он любил хвастать знанием русского языка и на переменах с важным видом читал русские книги. Я как-то пригляделся к одной из них и с удивлением увидел, что это были адаптированные рассказы Чехова для начинающих изучать русский. А ведь до прихода в университет Харпер преподавал русский язык в разведывательной школе ВВС!

Китайский шёл у него исключительно туго.

— Зачем же ты пошёл изучать язык, если он тебе не нравится? — как-то спросил я у Харпера.

— Нужно было, иначе я бы умер капитаном!

Как оказалось, работая преподавателем в разведшколе, Харпер не мог получить очередного воинского звания, хотя по сроку службы давно уже должен был стать майором. Вот тогда он и решил пойти учиться — не важно чему — и стать майором, так как во время учёбы очередное звание присваивается независимо от должности. Я охотно помогал Харперу на контрольных работах в надежде, что английской армии удастся обогатиться столь блестящим майором.

В конце учебного года Том опять пригласил всех к себе. Один

из «чиновников» сказал, что уже позвал знакомого с женой и поэтому не сможет прийти. Гостеприимный Том тут же предложил ему прийти со своим знакомым, что тот и сделал. Познакомившись с этим человеком на вечеринке, я пришёл к выводу, что, судя по его поведению и связям, он скорее всего сотрудник какой-либо специальной службы, а посему на всякий случай сфотографировал и записал фамилию. Потом я совсем забыл и об этом случае, и о существовании господина Элтона. Каково же было моё изумление, когда впоследствии я неожиданно узнал, что именно Элтону контрразведка поручила вести дело Лонсдейла. Кстати, как выяснилось, тот даже не запомнил меня…

После выпускных экзаменов — как и все предыдущие, они были письменные — студенты по традиции устроили прощальный вечер. Был выбран большой китайский ресторан, принадлежавший известному в свое время боксеру Фредди Миллсу.

Заведение это помещалось в подвале и было оформлено в том псевдокитайском стиле — с драконами, завитушками и прочими атрибутами, — как представляют себе европейцы китайский интерьер. Кухня была под стать «декору» — весьма посредственной и лишь отдалённо напоминала китайскую. Но что делать — деньги были собраны заранее, ужин заказан. Все пришли с женами.

Маленький метрдотель-китаец, сиявший крахмальной манишкой, пробором и лаком туфель, проводил каждого в отгороженную ширмами заднюю часть зала. Там был накрыт стол в форме буквы Т, во главе его сидел Саймонс-старший.

Ужин был весьма обильным, шумным и пьяным. Всем хотелось говорить и показать себя — виделись мы, во всяком случае многие из нас, надо полагать, в последний раз. То и дело кто-нибудь поднимался, чтобы произнести очередной тост. Особенно длинный и малопонятный монолог в честь присутствующих здесь синологов сказал профессор Саймонс. Тост был явно заготовлен заранее и по идее должен был быть остроумным, но затянулся. Все с трудом дождались его окончания.

Тихо играла музыка, звенели бокалы. Вышколенные официанты-китайцы обносили экзотическими блюдами:

— Медуза…

— Бамбук…

— Акульи плавники…

Всё было острое, пряное, вкусное.

— Гордон, ваше здоровье, — поднял рюмку мой сосед Лестер

— армейский разведчик, как я установил два года назад.

— Ваше здоровье, капитан.

— Майор.

— О, поздравляю… Теперь в Китай?

— Да, на днях отправлюсь в Пекин…

«Что ж, давай, двигай. Тебя там уже ждут…» И снова тихо звенели бокалы, играла музыка, звучали тосты. А когда пришла пора встать из-за стола и все взаимные дружественные чувства уже были излиты, те, кто уезжал за границу, обменялись адресами с «лондонцами». Большинство не удержалось, чтобы не похвастаться новыми назначениями, поскольку почти все получили повышение.

Несколько человек направлялись в Пекин. Многие ехали в Гонконг. Американец Клейтон Бредт возвращался в США.

— А ты, Гордон? — спросил он меня.

— Пока поживу здесь, потом двинусь в Китай.

— Что ж, может быть, ещё увидимся.

— Вполне.

Бредт знал, что как американца его в группе недолюбливали, и поэтому общался главным образом со мной и Поупом — канадцы были как бы двоюродными братьями и англичанам, и американцам.

— Послушай, Гордон. Хочу поделиться с тобой открытием, — начал неожиданно он, чуть покачиваясь и стараясь глядеть мне прямо в глаза. — Только об этом — ни-ни…

— Хорошо… Слушаю тебя, Клейтон.

— Так вот, кроме нас с тобой все тут, в этой группе… Знаешь кто?

Он выдержал паузу, во время которой я старательно придавал своему лицу вопросительное выражение.

— Шпионы! Вот кто!

— Ты уверен в этом?

— Как в том, что сейчас со мной беседуешь ты, а не Мерилин Монро.

И он стал приводить различные, весьма небезынтересные мне доводы в подтверждение своего открытия.

— Повторяю, кроме нас с тобой здесь все из разведки. Гордон, посмотри внимательнее на эти мерзкие рожи…

Бредт, разумеется, был не совсем точен, однако я не мог сказать ему, в чём заключалась его ошибка. Бредт сам узнал об этом много лет спустя из газет. Тем не менее я был доволен, что этот, как оказалось, весьма наблюдательный человек ни в чём не подозревал меня. И уж если американец, который часто сталкивался с канадцами, без колебаний принимал меня за

канадского коммерсанта, прожившего много лет в США, то англичан можно было не опасаться.

Акклиматизация была закончена. Я стал истым лондонцем. Через несколько дней вместе с поздравлением по случаю успешного завершения Лондонского университета я получил из Центра новое задание.

Интервью с героем книги:

— Конон Трофимович, а нет ли возможности воспроизвести текст этого задания? Это, наверное, было что-то в таком роде: «Центр — Гордону Лонсдейлу. Вам поручается…»

— Для начала не будем фантазировать. Вы ведь пишете не «шпионскую» книгу и не детектив, поэтому не стоит путать жанры. Как и мне не следует рассказывать о методике, свойственной моей работе.

— Что же мы всё-таки пишем?

— Странный вопрос, когда половина работы уже сделана. По-моему, мы ясно уславливались: запись воспоминаний.

— Вы предлагаете «не фантазировать»… Согласны. Но ведь и мы не настолько наивны, чтобы не сообразить, что «вспоминаете» вы порою избирательно. Не так ли?

— Я не говорю только о том, о чём не следует говорить. Вообще у меня есть правило: лучше промолчать, нежели заниматься сочинительством. Но хочу подчеркнуть, что канва событий в целом восстанавливается реалистично.

— Позвольте усомниться… Полковник Молодый улыбнулся:

— Ваше право. Однако советовал бы больше доверять людям. Кстати, без разумного доверия к своим помощникам разведчику работать невозможно. Он долго не выдержит, если станет всех и вся подозревать…

— Ещё один вопрос. После окончания учёбы вам выдали диплом, свидетельство, словом, какой-то документ, что образование завершено.

— Естественно. И когда мне его вручали, я вспомнил свой диплом, тот, который получал в Москве…

Диплом

с отличием

Е № 103503

Предъявитель сего тов. Молодый Конон Трофимович в 1946 году поступил и в 1951 году окончил полный курс **Института Внешней Торговли** по специальности **юридической**

и решением Государственной экзаменационной Комиссии от 30 июня 1951 года ему присвоена квалификация юриста.

п/п Председатель Государственной экзаменационной Комиссии

подпись А. Кейлин

Директор

подпись И. Лебедев

Секретарь

подпись Богдан

Печать: Министерство Внешней Торговли СССР. Институт

город Москва 1951 год Регистрационный номер 1028

Глава XXIII

Яростный рёв, раздавшийся над самой моей головой, — густой и плотный до боли (были в нём и угроза, и дикая злость), снова заставил меня поморщиться и вздрогнуть. Ещё один тяжёлый бомбардировщик (третий по счету, интервал меньше двух минут!) прогрохотал над домиком майора Строу и растворился в сыром английском небе, где-то там, за высокой проволочной сеткой, окружавшей американскую базу.

— Э, Гордон, — засмеялся Строу, — привыкай. Теперь эта музыка будет до утра… Сменили старт.

Час назад я прибыл сюда, в Лейкенхит. Майор заранее предупредил дежурных на контрольно-пропускном пункте, и сержант, небрежно кивнувший в ответ на «Я к майору Строу. Вот мои документы» (я впервые переступал порог базы ВВС США), показал мне дорогу к домику лётчика.

Строу был парень что надо — именно таких штампует на своих лакированных плакатах управление пропаганды Пентагона: высок, сероглаз, бронзов от загара и до невозможности обаятелен. Стоило мне вчера произнести по телефону: «Дорогой майор, вас приветствует старый друг… Узнаёте?», и Строу тут же загрохотал:

— Как же, дорогой Гордон. Рад вас слышать… Вы откуда?

— Из Лондона? Как себя чувствует Мэри?

— Так какого черта вы кисните там, Гордон? Топайте сюда, в Лейкенхит, и вы убедитесь, что она вас не забыла.

И это была не просто фраза. И Реймонд, и его очаровательная Мэри действительно не забыли меня. Последовали неизменные в таких случаях воспоминания о городах, которые мы вместе посетили во время путешествия, о маленьких дорожных происшествиях, оставшихся в памяти.

Потом был обед. За ним — коктейль. И, конечно же, гости — друзья Строу, офицеры базы. Узнав, что я из Канады, американцы тут же приходили к естественному выводу, что меня можно считать «своим», и открыто болтали о служебных делах. Вначале меня удивляла такая беспечность, казалось, мне намеренно «подбрасывают» определённый набор сведений, чтобы проверить, но потом я убедился, что дело просто в служебной недисциплинированности.

— Знаешь, Гордон, оставайся у нас на воскресенье, — предложила Мэри.

Мне тут же постелили в маленькой комнате. Ночью я несколько раз просыпался — над крышей финского домика грохотали, отправляясь в вояж по Европе, бомбардировщики.

До этого мне никогда не приходилось бывать в среде американских офицеров, и, естественно, я с большим интересом присматривался к их быту и нравам.

Небольшой домик Строу, очевидно, славился гостеприимством. В воскресенье и праздничные дни гости шли сюда сплошным потоком. Американцы редко приглашают своих друзей на обед или ужин. И к Строу сослуживцы приходили обычно после восьми вечера. Мэри умело готовила виски или джин, разведённые содовой, соками. Гости неторопливо потягивали из высоких стаканов, закусывая орешками и хрустящим картофелем, и вели такой же неторопливый разговор.

О чём они говорили?

Среди офицеров постарше (не имею в виду возраст, конечно) основной темой было то заманчивое время, когда они выйдут на пенсию и приобретут какое-нибудь «дело». В этом смысле пилот Пауэрс был абсолютно типичен: ведь пределом и его мечтаний было стать владельцем бензоколонки.

Их не тревожило ничто, что выходило за пределы маленького мира чисто служебных отношений и продвижений по службе. Политические бури, проносившиеся над миром в те годы, американских офицеров заботили мало. Казалось, они сознательно уходили от мыслей о невероятно тяжёлой ответственности, которая ложилась на каждого из них, — именно с этой базы поднимались в воздух бомбардировщики с термоядерными бомбами на борту… Я присматривался к офицерам, думал: могут ли они, если поступит такой приказ, направить свои бомбардировщики на мирные города? И приходил к выводу: могут. Даже не задумаются.

Итак, бизнес был темой номер один. Тема номер два также не представляла никакого интереса для меня. Она возникала, когда офицерские дамы, собравшись вокруг Мэри, уходили в детскую, оставив мужчин одних. Такой темой были английские девушки.

По субботам у проходной военной базы обычно стояла толпа молоденьких англичанок. Это были удивительно похожие друг на друга девушки. У каждой — маленький чемоданчик в руках. У каждой стандартная прическа, стандартная из универсального магазина одежда. Девушки были неестественно веселы и, судя по всему, хорошо знали друг друга.

У проходной они поджидали своих «дружков». Потом, встретив их, они отправлялись в какую-нибудь дешевую гостиницу — возле каждой американской базы их много. Там они проведут ночь. В чемоданчиках были необходимые на этот случай предметы одежды, косметики.

Иностранец сделал бы ошибку, если бы посчитал их за

типичных англичанок. Но самое парадоксальное в том именно и заключается, что «главные иностранцы в Англии» — американцы именно по этим девушкам и составляли своё мнение о стране, на территории которой довольно непринуждённо и с удобствами расположились.

Между собой гости Строу называли их презрительно «квини» — «королевочки», вкладывая в кличку изрядную долю пренебрежения. Англичан, которые знали об этом, кличка доводила до бешенства, и я бывал свидетелем того, как обычно сдержанные и респектабельные люди буквально выходили из себя при упоминании о «квини».

Доблестные господа офицеры из американских ВВС, наоборот, любили, чтобы в рассказах о похождениях с «квини» преобладали подробности. Такие разговоры велись часами. Исключение составлял майор Строу, который слыл прекрасным отцом семейства.

Я был крайне удивлён, когда узнал, что большинство офицеров и их жены провели несколько лет в Англии, так и не побывав ни разу ни в одной настоящей английской семье. Отношение к английским «хозяевам дома» весьма напоминало отношение части англичан к иностранцам: «черномазые начинаются в Кале», то есть сразу же за Ла-Маншем.

Вечера в домике Строу много дали мне. И дело не только в тех сведениях, которые я почерпнул из бесед с американскими офицерами. У меня появились знакомые в этой, весьма нужной мне сфере. Я лучше понял психологию людей, которые в промежутках между разговорами о бензоколонках и «квини» вдруг бросали напыщенные фразы о великом значении американской цивилизации для Европы и особой миссии США в мире.

Господа офицеры были убежденными антикоммунистами, хотя их знания о коммунизме ограничивались сведениями из пропагандистских солдатских брошюр.

Они не терпели «черных» — уже одно упоминание о негритянских демонстрациях в Америке заставляло их сжимать кулаки.

Господа офицеры твёрдо верили, что их бомбардировщики охраняют «свободу».

…Не требовалось особой наблюдательности, чтобы заметить — Мэри взволнована. Как всегда, она была гостеприимна, как обычно, обрадовалась мне. Но радость её была не столь шумной и откровенной. И, накрывая на стол, она рассеянно думала о чём-то своем. «У вас что-то случилось, Мэри?» — хотел я спросить. Но решил: захочет — расскажет сама.

Прогрохотал над домиком бомбардировщик, заходя на посадку. Стёкла жалобно, тоненько ответили на его вой.

— По-моему, когда-нибудь они вылетят из окон, — заметил я, наблюдая, как огромная серебряная машина несётся к посадочной полосе.

— Если б только они, Гордон, — грустно усмехнулась Мэри. — Стёкла — это полбеды… На днях у нас случилась катастрофа… Погибли наши друзья… Сгорел самолёт.

Фраза за фразой. Слово за словом, и я узнал о том, что произошло.

А это было ужасно.

…Когда прозвучал сигнал боевой атомной тревоги, Мэри вместе с детьми согласно инструкции бросились на пол и укрылись простынями. Так она лежала с ребятишками на полу, каждую секунду ожидая атомного взрыва и не понимая, что случилось там, за окнами её домика, что с Реймондом?

Война?!

А над базой огненным смерчем уже нёсся американский бомбардировщик, потерпевший аварию в воздухе.

Он рухнул прямо на подземный склад атомных бомб. И пока бомбардировщик горел, никто — ни командир базы, ни сержант из охраны склада, в панике выскочивший из окна караульного помещения, — ни одна душа не могла сказать: взлетит на воздух склад или нет. Если бы он «взлетел», вместе с ним туда же отправилось бы пол-Англии.

Но ничего этого Мэри Строу в те минуты не знала. Она просто лежала вместе с ребятами под белыми простынями и только со страхом думала, где её Реймонд и что все это значит.

Конечно, английское население в районе аварии об опасности и её ужасных последствиях не было предупреждено. И впоследствии от англичан пытались всеми силами скрыть этот случай.

Я спросил:

— Ты не преувеличиваешь, Мэри? Может, самолет упал на склад обычных бомб? Почему ты решила, что там были именно атомные?

— Реймонд сказал об этом.

— Не думаю, что это так. Там наверняка были лишь обычные бомбы. А атомную тревогу объявили в целях тренировки, — успокаивал я взволнованную женщину. — Ведь это очень удачный повод для проверки специальной готовности базы.

— Ничего ты не знаешь, — возразила Мэри, — этот склад особенно тщательно охраняется. Охранное подразделение полностью изолировано от остального личного состава базы.

Мэри подошла к окну.

— Смотри, бомбардировщик упал вот там. Если бы ты только видел, как он горел! Это был какой-то кошмар!

Читатель, вероятно, помнит сообщения газет об авариях американских бомбардировщиков с ядерными боеголовками на борту. Мир должен знать о том, как близок он бывает к катастрофе.

Добыть эти сведения, как правило, нелегко. Мне просто повезло. И Центр вовремя узнал о происшествии на базе американских ВВС в Англии.

Когда семейство Строу бывало в Лондоне, а это случалось нередко, я принимал их у себя. Иногда мы вместе ужинали в клубе американских вооружённых сил, носившем претенциозное название «Колумбия». Этот клуб расположен в центральной части Лондона, напротив Гайд-Парка, в большом старинном особняке. Когда я впервые побывал там, то обратил внимание, что степенная атмосфера огромного викторианского особняка явно действует на его посетителей угнетающе. Те даже разговаривали тут вполголоса. Клуб явно отличался от аналогичных заведений на американских военных базах. Стены его зала были отделаны потемневшим от времени деревом. Бар скорее напоминал солидную английскую пивную, нежели сверкающий хромом, зеркалами и ярким светом обычный американский бар. Барменами были англичане — им можно было платить куда меньше.

Я решил (и справедливо!), что американцы лишь арендуют особняк. Иначе они давно бы переделали его по своему вкусу.

Вместе со Строу мы прошли в ресторан. Ужин был типично американским как по вкусу, так и по манере сервировки. Майор Строу старался быть гостеприимным, щедрым хозяином и заказал «изысканный», по его понятиям, набор блюд: креветок, суп из черепахи, индейку с фаршем и гарниром, мороженое с фруктами. Майору редко приходилось давать званые ужины в фешенебельных ресторанах, и в выборе меню он руководствовался лишь экзотическими названиями.

Рассчитывались специальными бонами, так называемыми «скрипами», которые в тот период платили американским военнослужащим за границей.

Года через два майора Строу перевели на базу в Техас. Я продолжал с ним изредка переписываться. Мне было бы неприятно, если бы я узнал, что принёс этим людям огорчение. Вместе мы провели немало весёлых и приятных часов. Я искренне дружил с их ребятишками. И иногда, затевая игры с детьми Строу, я невольно думал о своей дочурке, которую так давно не

видел…

Полковник Конон Молодый (запись беседы с авторами книги):

Нам придётся снова прервать рассказ, чтобы побеседовать с полковником К. Молодым. Мы встретимся с ним тихим и синим весенним вечером и будем стоять у окна в его трёхкомнатной квартире и глядеть на дома, на Москву-реку, набережную, зелёный парк напротив.

— Лондон тоже прекрасен, — промолвит он. — Но в сумерки, когда он зажигает огни, меня почему-то всегда сопровождало ощущение зыбкости и нереальности его бытия… Я мечтал о том дне, когда смогу пройтись по Москве. Пусть ноги несут куда угодно. Ужасно хотелось побродить по зимним арбатским переулкам — старые уютные домики, знавшие Пушкина и Герцена, тёплый свет из окон на сугробах… Снежок поскрипывает… Красота… А теперь иногда думаю о Лондоне. О его туманах, парках, людях… Шесть лет так вот из жизни не выбросишь…

— Лондон остался только в памяти или и «в сердце»?

— Думаю, что «в сердце» тоже… Город — это прежде всего люди. А там у меня было много друзей.

— Ваша профессия требует абсолютной уверенности в правоте дела, которым занимаешься. Так?

— Конечно. И я хочу совершенно определённо сказать: я никогда не считал, что моя работа направлена против интересов Великобритании. Я не делал и не собирался делать ничего, что могло бы нанести ущерб законным интересам Англии. В равной степени это относится и к людям, помогавшим мне. В своём подавляющем большинстве это — честные, сознательные люди. Он поняли угрозу, которую несёт их стране и всему человечеству не только фашизм, но и американский империализм, в какие бы «демократические» одежды он ни рядился.

— Вы могли бы сформулировать в двух словах свою главную работу как разведчика?

— Она была предельно ясной: информировать Центр обо всех агрессивных замыслах США и НАТО в целом. Совершенно ясно, что я не мог быть в курсе всех планов США и НАТО — при современной сложной структуре управления один разведчик не в состоянии добиться

этого. Я добывал часть нужной Центру информации, которая дополняла сведения из других источников.

Подобно элементам мозаики, она помогала делать более ясной общую картину.

— А Портон — какое он занимал место в этой «мозаике»?

— Портон как объект внимания представлял исключительный интерес. Что могло быть благороднее задачи — сорвать замыслы бактериологических маньяков? Очень важно учитывать следующее: я всегда был убеждён — и совершенно уверен в этом и сейчас, — что моя разведывательная работа в Англии не угрожала безопасности народа этой страны. Возможно, это звучит парадоксально, но это так. Ибо ни один здравомыслящий человек не может утверждать, что Советский Союз и социалистические страны хотят войны. Наоборот, сведения, которые я собирал об агрессивных планах Пентагона и всей организации НАТО, несомненно помогали предотвращать гибельную атомную войну.

То, что я вам говорю сейчас, — отнюдь не сугубо предвзятый взгляд профессионала. Всякий способный логически мыслить человек придёт к точно такому же выводу. Помню, в мае 1960 года в «Таймсе» было опубликовано письмо редактору, в котором говорилось: «Я считаю, что разведчик — это ценный, хотя и непризнанный, слуга общества. Он достоин восхваления за то, что помогает избегать неожиданности и даже предотвращать войны». Автор письма называл профессию разведчика «одной из самых древних и полезных» на земном шаре. Именно так я и рассматривал свою работу.

Парадоксально, конечно, что это письмо написал англичанин, а его основная мысль могла быть отнесена только к разведкам стран, стремящихся сохранить мир. К сожалению, на земле существуют не только миролюбивые страны, но и страны, перед секретными службами которых стоит задача не предотвращать войны, а, наоборот, собирать сведения о потенциальном противнике для подготовки сокрушительного и внезапного удара.

Словом, как видите, два качественно разных направления в деятельности разведки. А чтобы не быть голословным, я попытаюсь сейчас по памяти процитировать вам один секретный документ

английской разведки, с которым мне удалось ознакомиться еще в 1956 году.

Ко мне поступили сведения о том, что там (конечно, вместе с ЦРУ) разработали вопросники по сбору информации во всех странах мира. Источник, который сообщил эти сведения, в то время казался мне не очень надёжным, но всё же я включил их в очередное донесение Центру.

Тут вы должны знать, что в процессе своей работы разведчик часто добывает и передает в Центр сведения, не имеющие прямого отношения к его непосредственному заданию. Но иногда эти, пусть даже самые отрывочные данные оказываются очень полезными Центру, потому что позволяют точнее оценить информацию, поступившую из других источников. Центр, оценивая её, разумеется, не сообщает разведчику, как она используется, за исключением тех случаев, когда ему же поручается дальнейшая разработка этого вопроса.

Прошло несколько недель, и я решил, что Центр уже не вернётся к этой информации. Ведь всегда можно было предположить, что там уже полностью осведомлены об этих вопросниках. Однако неожиданно получил «молнию»: сведения о наличии вопросников подтвердились, Центр приказывал приложить максимальные усилия к тому, чтобы добыть их. Указывались наиболее реальные пути выполнения этого задания. В помощь выделялся неизвестный мне человек, который специально приехал для этого в Лондон.

Ещё не время рассказывать о том, как мы выполнили это задание. Скажу только, что нам удалось добыть подлинники вопросников не только по социалистическим странам, но и по всем остальным государствам, любопытно, что тут оказались вопросники и по союзникам Англии.

Вопросник по СССР состоял из трех разделов.

Первый раздел — он был озаглавлен «Сведения особой важности» — нацеливал английских агентов на сбор сведений о плане экономического развития СССР. Речь там, помню, шла прежде всего о военной промышленности и мероприятиях по координации экономики стран социалистического содружества. Затем английскую разведку интересовали наши авиационные дела — размеры производства и ресурсы, новые самолёты и авиационное оборудование, организация

воздушной обороны. По-моему, там подчеркивалось, что наши аэродромы с очень длинными взлётно-посадочными дорожками представляют особый интерес.

В этот же раздел были включены вопросы о составе Советских Вооружённых Сил; агентам поручалось выяснить их дислокацию, адреса, номера почтовых ящиков всех частей, сведения о призыве в армию. Ну, и, конечно же, вооружение и снаряжение Советской Армии — особенно где находятся стартовые площадки для ракет. Их интересовали и сведения о наших подводных лодках и обо всех исследованиях в области электронной техники и металлургии.

Второй раздел касался, как там говорилось, просто «важных сведений». В виду имелись любые признаки изменения внутренней организации и политики нашего правительства, сведения об экономических затруднениях и текущем положении в промышленности. Помню, английскую разведку очень интересовало всё, что касалось наших учёных — независимо от области науки. Агентам полагалось подробно охарактеризовать степень их подготовки и квалификации, дать сведения о прежней работе и работе, выполняемой сегодня, и, конечно же, выяснить личные человеческие качества этих учёных.

Третий раздел назывался «Выяснить по возможности». Из него стоит привести лишь один вопрос:

«Имена, должности, деятельность и личные качества офицеров в чине от майора и выше». Этот же пункт был включён в вопросники, составленные по остальным странам социалистического содружества.

Словом, все эти документы, добытые нашей разведкой, заставляли думать о том, что руководители страны, в которой я находился, готовятся к агрессии против СССР и других стран социалистического содружества. Опасные замыслы должны были быть сорваны. И мы делали всё, что было в наших силах.

В тайнике у меня находился крохотный передатчик, способный передать за один сеанс не более ста слов. Он нужен был для единственной и исключительной цели: в случае необходимости послать в Центр срочную информацию-молнию, скажем, о готовящемся атомном нападении на социалистические страны.

Если б я узнал об этом, мне полагалось немедленно воспользоваться этим замечательным аппаратом. И через

несколько минут страна могла бы принять необходимые меры обороны.

Как видите, правда о моей работе очень проста: доступными мне средствами, в меру моих сил и возможностей я боролся против военной угрозы нашей стране и миру.

Глава XXIV

Вильсон был парень что надо — работяга, смел, надёжен, вежлив и находчив, как герой современного детектива. Не было, казалось, такой ситуации, из которой он не нашёл бы выхода. Словом, на него можно было положиться буквально во всём.

И вдруг в октябре 1957 года помощнику пришлось срочно покинуть Англию.

Случилось это так. Помощник и радист выехали за город, чтобы провести очередной радиосеанс. Вообще-то радист мог сделать это и один, но было гораздо естественнее придать поездке вид загородного пикника. Кроме того, второй человек всегда мог пригодиться.

Сеанс прошёл нормально. Вильсон и радист доели свои бутерброды, запили их чаем из термоса, радуясь, что на этот раз можно было пить чай с лимоном, а не с молоком, как это принято в Англии. Затем собрали свои пожитки и отправились обратно. За рулём сидел радист — это была его машина.

По широкой шумной автостраде въехали в город. Пошли пригороды — грязноватые, серые улицы и переулки, мелкие лавки, расцвеченные рекламой.

Вильсон дремал рядом с водителем — он очень устал, в последние дни было много работы.

Было воскресенье, которое англичане предпочитают проводить на природе, — город в это время становится пустым и сонным.

Неожиданно на дорогу выскочил ребёнок. Это была девочка лет шести. Светлое платьице, смешные косички, большой разноцветный мяч, который она догоняла. Она не видела машины.

— Кеннет! — крикнул радист. Опытный водитель успел уже оценить обстановку — наезд неизбежен, но он не будет нести за него ответственность — ребёнок выскочил на проезжую часть улицы внезапно, почти перед бампером, когда машина шла на большой, но дозволенной правилами скорости…

Было ясно, что девочка погибнет.

— Кен! — это радист крикнул, чтобы Вильсон проснулся и приготовился хоть как-то к столкновению. А в следующую секунду он резко вывернул руль и машина врезалась в почтовую тумбу — массивное сооружение из бетона и металла.

Как это часто бывает, водитель пострадал меньше пассажира. Вильсон на мгновение потерял сознание.

Когда пришёл в себя, увидел, что радист уже вытащил его из

машины, рядом стоит чемоданчик с рацией.

— Машина твоя — ты должен остаться. Ехал ты один! — с трудом отдал приказ Вильсон.

Испуганная девочка громко плакала. Из окон близких домов выглядывали встревоженные люди. Вильсон, превозмогая невыносимую боль, сделал первый шаг…

Он понимал, что на месте происшествия скоро появится полиция и отправит пострадавших в больницу. Автомашину отвезут в ближайший полицейский участок. Там тщательно опишут всё найденное в машине имущество со всеми вытекающими отсюда последствиями…

Вильсон кое-как доковылял до угла и зашёл в будку телефона-автомата. Ему повезло. Я был дома.

— Здравствуй, Гордон, — услышал я, с трудом узнав голос Вильсона.

Я сразу понял, что случилось ЧП, так как Вильсон звонил в необусловленное время.

— Ты ведь говорил мне, что интересуешься небольшим домиком в районе Кингстона? — выдавил из себя Вильсон.

— Да, конечно, но я никак не найду ничего подходящего, — ответил я, хотя впервые в жизни узнал, что хотел бы стать домовладельцем.

— Тогда я советую тебе немедленно приехать сюда. Я буду ждать тебя в пивной «Зелёный человек»…

Расстояние было довольно большим, но час «пик» уже закончился, и уже через несколько минут я выехал на магистраль «Кингстонский объезд», по которой можно было двигаться с любой скоростью. Во время остановки у светофора я успел уточнить по атласу Лондона, который всегда лежал в автомобиле, где находится нужный перекресток. Примерно через двадцать минут я входил в пивную «Зелёный человек».

Пивная была средней руки, к счастью, особым вниманием лондонцев не пользовалась. В низком полуподвале «под старину» было разбросано несколько дубовых столиков. За одним сидел Вильсон.

Бармен с любопытством поглядывал на необычного посетителя: вошёл, не сняв плаща и шляпы, попросил кружку пива и сидит, уставившись в одну точку. «Видно, беднягу основательно трахнула леди-судьба по затылку…» — ясно читалось в глазах бармена. «Всё нормально. Для этого парня Вильсон — просто неудачник, с которым круто обошлась жизнь. Скажем, женщина… Да, любимая женщина…» И чемоданчик у стула («Рация», — узнал его я) подтверждал такой ход мыслей: «Бедняге, видимо, пришлось уйти из дома…»

— Два виски! — попросил нарочито бодро я и прошёл к столику Вильсона.

— Не надо отчаиваться, дорогой друг! — громко сказал я. — Всё ещё поправимо! Ну, ушла и ушла, одумается — вернётся…

Бармен вполне мог быть удовлетворен этой версией. Он равнодушно отвернулся — теперь можно не опасаться, что этот мрачный господин наделает глупостей прямо здесь, что повредило бы репутации «Зелёного человека».

— Выпей, это помогает! — протянул я рюмку Вильсону. Я не обращался к нему по имени — вряд ли это было целесообразно в данных обстоятельствах.

Пользуясь тем, что я загораживал его от бармена, Вильсон залпом выпил виски. Он был страшно бледен, из-под полей низко надвинутой шляпы лихорадочно блестели глаза, по щекам катились капли пота.

— Слушай меня внимательно… — Вильсон говорил с трудом. В двух словах он рассказал, что случилось, я понял, к каким последствиям могло привести происшествие.

— Восхищён твоим мужеством, — тихо сказал я.

— Не надо… — с искривленным от боли лицом тихо выдавил Вильсон, — бери скорее рацию и вези меня в больницу. У меня рана на голове. Если соскочит шляпа, весь буду в крови…

По плану Лондона я быстро отыскал ближайшую больницу. Вильсон наотрез отказался от того, чтобы я довёл его до приёмного покоя, и, пошатываясь, сам побрёл туда: «Скажу, что врезался на велосипеде в телеграфный столб и меня довёз до больницы незнакомый автомобилист». Мы договорились об условленной фразе, которую Вильсон попросит передать справляющемуся о его здоровье по телефону «господину Ньюмену». Эта фраза означала бы, что ему очень плохо и что «родственникам» следует его посетить.

К счастью, условная фраза не понадобилась. Вскоре Вильсон встал на ноги. А потом пришла пора расстаться. Мы попрощались в уединённом загородном ресторане в местечке Кобэм недалеко от Лондона. Кормили там по английским понятиям недурно, а в будние дни по вечерам бывало мало посетителей.

Мы проработали вместе больше двух лет.

— Ну, Кен, до встречи в Москве, — поднял я рюмку.

— До встречи, Гордон.

Два года в подполье — что-то значит. Расставаться было грустно. Но мы улыбались друг другу. Шутили. Я предложил:

— Увидимся дома, нацепим на грудь табличку с кодовым именем и всеми фамилиями, под которыми работали за рубежом.

— Боюсь, длинный список выйдет, — невесело усмехнулся

Вильсон. — Когда-то ещё будем вместе?

Обратно в город ехали молча. Я сидел за рулем, Вильсон вглядывался в дома лондонских окраин, как бы прощаясь с ними.

— Поищи что-нибудь, — попросил я, включая приемник.

Вильсон поймал джаз. «Сегодня мы с тобой расстаемся навсегда, — выводил низкий хрипловатый баритон. — Ты скажешь прощай, и нас проглотит вечность».

— Что за чертовщина! — усмехнулся Вильсон. Но тут в грустную мелодию вдруг ворвался голос диктора.

— Экстренное сообщение, — сказал он, и в голосе его не было обычной бесстрастной интонации. — Экстренное сообщение. Москва передает: в Советском Союзе запущен первый искусственный спутник Земли!

Слово «спутник» диктор произнес по-русски, старательно выговаривая незнакомое сочетание букв.

Тут же передали запись его сигналов: «бип, бип, бип».

— Притормози, — попросил Вильсон. Остановив машину, мы тихо сидели и слушали эти таинственные сигналы, показавшиеся нам самой замечательной музыкой на свете.

— Видишь, в английском языке появилось новое слово «спутник», — прервал молчание Вильсон.

Настроение у нас было прекрасное.

После отъезда Вильсона работы, естественно, стало значительно больше. В Центре решили помощника мне не присылать. А тут как назло вскоре стали хорошо идти коммерческие дела бизнесмена Лонсдейла, я был вынужден часто задерживаться на работе после пяти вечера, а также непрерывно колесить по стране.

В апреле 1958 года мне пришлось срочно выехать по коммерческим делам в Северный Уэльс, в небольшое местечко Святой Осаф. В этом живописном городке жил один из покупателей фирмы. Он приобрёл у нас двадцать торговых автоматов, но вскоре заболел и обслуживать их не смог. Безработные автоматы, естественно, не приносили владельцу никакого дохода. Тем не менее ему приходилось ежемесячно вносить очередные платежи, погашая задолженность. Случай был довольно заурядный — в погоне за призраком богатства многие оказывались в подобных ситуациях. Но тут дело осложнялось тем, что мой клиент вложил большую для него сумму ещё в одно дело и тут же оказался на грани банкротства. Ему грозили суд и опись имущества, и он решил спасти всё, что можно было спасти. Автоматы он скрыть не мог и хотел сбыть их побыстрее. После чего ему было бы значительно легче утаить деньги от специального суда по делам о банкротстве.

Когда незнакомый мне господин позвонил в Лондон и, не входя в объяснение причин, предложил купить у него почти уже оплаченные им автоматы меньше чем за 20 процентов их первоначальной стоимости, я легко сообразил, чем было вызвано столь выгодное предложение.

От Лондона до Святого Осафа по шоссе около трёхсот километров. Я отправился в путь в тот же вечер. Километров через двести остановился — уже была ночь — в небольшой гостинице, надеялся выехать оттуда утром. Однако глубокой ночью проснулся от невыносимой боли в пальце правой руки. Еще вечером палец начал побаливать, но я постарался не обращать на это внимания.

Боль была острой, о сне не приходилось и думать. Но уже в пять утра я был за рулём. По дороге в Святой Осаф остановился в так называемом «транспортном кафе» — такие обычно открыты круглые сутки. Позавтракал, стараясь провести за столом как можно больше времени.

В 8.30 утра — весьма необычное время для коммерческих сделок, но ждать я больше был не в силах — уже был у незадачливого покупателя.

«Наверное, мелкий лавочник, одержимый желанием побыстрее разбогатеть».

Но я ошибся. Банкрот жил в шикарном двухэтажном особняке на окраине города. Позади дома — большой фруктовый сад, раскинутый по склону холма. С террасы — замечательный вид на море. На покатых холмах, затянутых густой зелёной травой, стада овец. Во дворе — два новых автомобиля.

Вот тебе и лавочник!

— Чашку чая? — хозяин был любезен.

— Да, если можно…

Я с изумлением увидел, что в доме «банкрота» есть горничная. Заметив, что она говорит по-английски с немецким акцентом, я заговорил с ней по-немецки. Оказалось, что горничная и ещё одна немецкая девушка работают здесь практически бесплатно, только ради того, чтобы научиться хорошо говорить по-английски. Они обе хотели стать продавщицами у себя на родине и могли бы гораздо лучше устроиться, если бы хорошо знали английский язык. У меня не было времени выяснить, каким образом судьба занесла их в такое захолустье.

Когда «клиент» вышел отдать какие-то распоряжения по хозяйству, я сказал по-немецки горничной:

— Вам повезло — такой богатый дом. Тут, наверное, и работы немного, и кормят отлично…

— Работаем с утра до вечера, — ответила немка. — А что касается еды, то вы просто не поверите, как плохо здесь питаются.

— Но ведь он очень богатый человек!

— У него богатая жена. Все, что вы видите, принадлежит ей. Он несколько месяцев назад завёл роман, и жена больше не даёт ему денег.

— На что же он живёт? — с изумлением спросил я.

— Я слышала, он купил какие-то автоматы в рассрочку в надежде заработать много денег. Говорят, из этого ничего не получилось…

Всё стало ясно.

Вместе с хозяином мы отправились на склад, где уже были собраны злополучные автоматы. Бегло проверив их состояние, я проследил, чтобы их упаковали и отправили на товарную станцию. Мы подписали контракт, и я вручил бывшему владельцу чек на соответствующую сумму.

За всей этой возней я как-то забыл о боли в руке. Но когда в полдень освободился и попрощался с бывшим клиентом, мне стало так плохо, что, прежде чем ехать обратно, решил обратиться к врачу.

Как человеку приезжему, мне удалось пробиться на приём вне очереди. Врач сразу же поставил диагноз: сильное воспаление, возможно, даже заражение крови. Необходимо вскрыть опухоль, вынуть какое-то инородное тело и ввести антибиотики.

— Вскрывайте опухоль хоть сейчас, — ответил я. — Но смогу ли я сразу же после этого выехать на машине в Лондон?

— Ни в коем случае. Руке нужен покой в течение двух трех дней.

— Мне обязательно нужно быть сегодня в Лондоне. Прошу вас сделать укол, а я как-нибудь дотяну до Лондона. Мне предстоят важные финансовые дела.

Довод оказался неотразимым.

Дела у меня были действительно важные, хотя и не финансовые. В эту ночь должен был состояться очередной сеанс радиосвязи с Центром, и я не хотел впервые в своей практике сорвать его.

Не помню уж как и добрался до Лондона. Останавливался только один раз для заправки машины. Сразу же бросился в пункт неотложной помощи королевского медицинского института — он расположен в нескольких кварталах от «Белого дома».

Я впервые попал в это старинное заведение, куда можно было пробраться только через длинный тоннель, напоминавший наклонную штольню шахты. В конце тоннеля находился

огромный зал.

Дежурная медсестра записала мою фамилию и предложила пройти в один из отсеков — что-то вроде кабины для примерки одежды.

Я промучался ещё пять минут, пока в отсек не зашёл врач в сопровождении трёх студентов. Быстро осмотрев палец, он решил тут же вскрыть опухоль.

Операция продолжалась недолго и завершилась уколом пенициллина. Укол (его делали в ногу) оказался неожиданно болезненным. Как выяснилось, молодая медичка ухитрилась попасть в какой-то нерв, что никогда не удалось бы ей, если это поручили сделать специально.

Поблагодарив врача и его помощников, я заковылял к выходу. Правая рука была на перевязи, но я решил всё же попробовать доехать до дома на машине. Сел за руль, но убедился, что после укола левая нога фактически парализована. Пришлось оставить машину около клиники.

Всё в тот день было против меня! Всё же мне удалось поймать такси.

Поставив ручные часы-будильник на нужное время, я заснул как убитый. Точно в назначенный час услышал позывные передающего центра и начал записывать радиограмму. Но оказалось, что без большого пальца держать карандаш почти невозможно. Зажав его в кулак, я не поспевал за передачей. На счастье, радиограмма оказалась на редкость короткой. Она была повторена. Я записал большую её часть.

Текст с пробелами трудно поддавался расшифровке, но после нескольких часов усилий передо мной лежало примерно следующее:

ПОЗДРАВЛЯЕМ… 53 см… ЗДОРОВА… СЧАСТЛИВЫ… ТРОФИМОМ… и что-то ещё.

Дело было 23 или 24 апреля. Естественно получить в эти дни поздравления с майскими праздниками, хотя до них ещё должны были состояться три или четыре сеанса радиосвязи. С другой стороны, при чём тут 53 см? И что это за таинственный Трофим или Трофимов?

Два дня я безуспешно пытался отгадать головоломку. На счастье, как раз в это время состоялась встреча с одним из курьеров. Курьер — это была женщина — оказалась старой знакомой, и, обменявшись почтой, она задержалась на несколько минут, чтобы поговорить о делах на Родине, где курьер была всего лишь дней за десять до встречи. Как всегда, новости приятно волновали — интересна была каждая деталь,

мельчайшие подробности.

Уже расставаясь, я вспомнил странную телеграмму и спросил, не знает ли она, в чём тут дело.

— Только не говори ничего в Центре о моей руке, боль уже почти прошла, — попросил я.

Старая знакомая задумалась и вдруг спросила:

— Ты женат?

— Да, — ответил я.

— И вы ждёте ребенка?

— Ждём. Но при чём тут это?

— Чудак. 53 сантиметра — это нормальный рост новорожденного. У тебя родился сын. Жена назвала его Трофимом!

— Надо же: «загадка» оказалась настолько простой и радостной, что мне стало стыдно за свою несообразительность.

Расставаясь, мы договорились, что в этот вечер за ужином оба выпьем за маленького Трофима по бокалу шампанского. Чокнемся — мысленно, — ибо к этому времени она должна была уже быть в другой стране.

Глава XXV

Жизнь шла своим чередом. Фирма рекламировала автоматы, я посещал клиентов, точнее — всех, кто выказывал интерес к нашим товарам. Много времени уходило впустую — часто на фирму обращались люди, не имевшие ни пенни. Но и это было не так уж скверно — я мог изучать Лондон и его окрестности и заводил знакомства.

За редкими исключениями я приезжал к себе на фирму без чего-то девять — чуть раньше, чем начинался рабочий день. Тут же просматривал почту и отвечал на самые важные письма (конечно, печатал на машинке я сам). На остальные давал ответы, получив соответствующие указания, клерк, молоденький паренёк, отрастивший себе густую стариковскую бороду. У него было много обязанностей: отвечать по телефону, назначать встречи с клиентами, следить за отправкой проданных товаров, принимать посетителей, выделив из них тех, которых стоило провести к директору. Мой партнер — Эйрс обычно проводил в Лондоне два дня в неделю, не больше. Остальное время он находился в главной конторе фирмы, где была и наша мастерская. Основная база располагалась вне Лондона не случайно: там Эйрс арендовал сравнительно большое помещение за треть того, во что обошлось бы это в столице. Да и зарплата в провинции также была процентов на тридцать ниже, чем в Лондоне.

Часов с десяти я принимал клиентов и коммивояжеров. Если заключалась хорошая сделка, примерно в час дня приглашал клиентов на ленч. Его качество (завтрак — за счёт фирмы) зависело от размеров сделки. Во второй половине дня я, как правило, сам посещал клиентов, подыскивал места, где поставить новые автоматы, — коллеги должны были привыкать к моему отсутствию в это время дня: иногда этого требовали мои прямые обязанности — именно в это время нужно было поставить или проверить визуальный сигнал, изъять из тайника корреспонденцию, побывать на конспиративной встрече. Порой я умудрялся даже выехать из Лондона в нужный город и утром вернуться прямо на работу. К девяти, как обычно. Для этого я держал в автомашине электробритву, работавшую от аккумулятора, и возил в багажнике небольшой чемоданчик с туалетными принадлежностями и свежей белой сорочкой. Если ночь приходилось проводить вне дома, то во второй половине дня я обычно удалялся под каким-нибудь предлогом — нужно было отоспаться.

Я стремился быть свободным от работы по вечерам, но

изредка всё же приходилось видеться с клиентами и в это время, особенно с приезжими.

Я старался вести дело, фирма процветала, и Эйрс правильно рассудил, что теперь можно организовать и вторую фирму — она бы специализировалась на автоматах, продающих жевательную резинку. Тут как раз поступило заманчивое предложение от израильской фирмы «О Гирл» — фирма готова была практически бесплатно предоставить автоматы, если английские партнеры установят их у входа в мелкие лавочки.

Деловые переговоры завершились успешно. Израильские партнеры были заинтересованы в английском рынке и шли на максимальные уступки.

Я, угадывая причину этой заинтересованности, советовал Эйрсу не уступать.

— Гордон, но ведь они проигрывают на сделке! — не понимал компаньон.

— Нет, дорогой Эйрс, израильтяне рассчитывают на конечный результат. Вы помните, «О Гирл» требует, чтобы мы торговали только её жевательной резинкой.

— Конечно, что-то они на этом будут иметь.

— Немало. Прибыль «О Гирл» будет равна одной трети розничной цены резинки, которую сейчас ей девать некуда. Я располагаю некоторыми цифрами деятельности этой фирмы. Смотрите…

В моей записной книжке аккуратными столбиками выстроились цифры: производство, кредит, реализация продукции «О Гирл». Это подействовало.

— Вы правы, дорогой Гордон, израильтян надо прижать, — согласился Эйрс.

В целом на сделке мы выиграли, но чтобы сократить накладные расходы, пришлось самим разыскивать владельцев лавок, которые бы согласились установить у себя автоматы. Потом, опять же нам самим, полагалось прикрепить эти автоматы к стене около входа в лавку. Пришлось здорово повозиться, зато в нашей клиентуре прибавились сотни лавочников; с большинством были установлены приятельские отношения, и они всегда готовы были воспользоваться нашими услугами.

«О Гирл» получала свою долю прибыли, мы — свою. Всё шло отлично, пока не объявилась шайка взломщиков автоматов. К стене автоматы привинчивались весьма добротно, но иногда мелким воришкам удавалось оторвать их с помощью ломика или другого инструмента, оттащить затем в безопасное место и взломать. Если изымались только деньги, то мы знали, что это дело взрослых (американскую привычку жевать резинку в то

время усвоили только дети). Если же была взята и жевательная резинка, было ясно — орудовали ребятишки. Как правило, взломанные автоматы попадали в полицию, да и лавочники делали соответствующие заявления. Составлялся протокол, и после этого мы получали 12 фунтов — розничная цена автоматов, на которую их страховали, хотя фактически автоматы нам обходились лишь по пять фунтов каждый. Всё это нас и страховую компанию мало волновало — таких случаев было всего несколько.

Но однажды дело приняло совсем иной оборот. За одну ночь в Степни (это полутрущобный район лондонского Ист-Энда) украли десять автоматов. Все были оторваны от стены с огромной силой. Экспертиза показала, что никакие рычаги не применялись. Следующей ночью пропало ещё с полдюжины автоматов. Ворам явно понравился легкий источник доходов — каждый автомат содержал в среднем больше фунта наличными. Как это ни странно, меня такой оборот дела тоже устраивал: страховая компания выплачивала полную розничную цену, и на каждой краже я получал семь с лишним фунтов прибыли, как если бы машина была продана клиенту. Мало того, полиция возвращала покалеченные автоматы. Их легко было восстановить в своей мастерской, затратив не больше двух фунтов на запчасти и окраску — автоматы были белого цвета. После этого мы вновь привинчивали их к стене какого-нибудь магазина или возле автобусной остановки. И снова страховали. С точки зрения бизнесмена, нам здорово везло, что воры заинтересовались именно нашими автоматами.

Однако счастье не вечно. Вот как закончилась эта эпопея. Однажды утром зазвонил телефон:

— «Танет трейдинг компани»? — стараясь казаться вежливым, спросил грубоватый мужской голос.

— Да. У телефона мистер Лонсдейл, — ответил я.

— С вами говорят из полицейского участка, сэр. У нас есть для вас приятная новость.

— Превосходно. Но что именно?

— Больше ваши автоматы «О Гирл» не будут исчезать. Мы задержали преступников, — с торжеством в голосе продолжал собеседник.

Я с деланным восторгом воскликнул:

— Поздравляю вас, джентльмены! Как вам это удалось?

— Как говорится, они «откусили больше, чем смогли разжевать».

— А как это понять?

— Оказывается, они отрывали ваши ящики с помощью троса

и автомашины. Так вот, вчера ночью они подцепили одну из этих ваших штук — она была прикручена к стене ветхого деревянного домика, дали полный газ, и… половина передней стены отвалилась вместе с вашим автоматом. Надо сказать, что ваши ребята добросовестно закрепили его, — со смехом добавил полицейский.

— Ну, а что же дальше?

— А дальше поднялся такой грохот, когда они буксировали стену, что соседи проснулись, выглянули в окно и записали номер их машины. Остальное было делом техники. Оба парня уже бывали в заведениях Её Величества, так что меньше чем по тройке не схватят…

Осталось только поблагодарить полицейских за хорошую работу.

— Воры найдены, — позвонил я своему партнеру. — Они отрывали наши ящики автомашиной.

— О, чёрт, — вздохнул Эйрс. — Не повезло…

Питер Эйрс был истинный делец. Мелкий делец. Человек довольно ограниченный, он получил во время войны некоторую подготовку в области электроники. Когда я познакомился с ним, тот уже успел выбиться в небольшого коммерсанта. До этого несколько лет работал коммивояжером и накопил немного денег. Он и его жена, которая к тому времени была секретарем его же фирмы, отказывали себе во всем и «делали» деньги, что называется, от подъема до отбоя. Никаких других интересов у них не было. Наблюдая за Питером, я вспоминал персонажи Бальзака. Я почему-то был уверен, что писатель несколько сгустил краски, создавая образы людей, охваченных патологической жаждой наживы. Но, глядя на Питера, убедился, что был не прав. В мире гобсеков сколько угодно. Ирония здесь заключается в том, что подавляющее большинство их умирает без гроша, проведя всю жизнь за сизифовым трудом и так и не познав никаких её радостей.

Как-то я спросил Питера, что движет им в стремлении разбогатеть. К этому времени мы были партнерами, наши фирмы процветали. Вопрос серьёзно озадачил Эйрса. По-видимому, ему никогда не приходило в голову задуматься над этим.

— Как зачем? — недоумевающе спросил он. — Каждый хочет разбогатеть.

— Но ведь и теперь ты — далеко не бедняк. И потом — есть предел тому, что можно потратить на жизнь, а ты, по сути, не наслаждаешься своим богатством.

— Видишь ли, — начал после некоторого раздумья Питер, — в сердце каждого порядочного англичанина заложено стремление

принять участие в создании Империи. Теперь об этом, естественно, не может быть и речи. Остается строить империю в области коммерции…

Дальше разговор продолжать не стоило. Было очевидным, что сам Питер не сознавал, на что тратит жизнь.

Хотя коммерческая деятельность и отнимала у меня много сил, это не мешало заниматься основной работой — в лондонском отделении фирмы я был старшим и мог располагать временем по собственному усмотрению, лишь бы торговля шла нормально и клиенты не жаловались. Что касается этой — «главной» моей деятельности, то условно её можно было разделить на два вида: «регулярную работу» — всевозможные встречи, инструктажи, посещение тайников, систематическое добывание информации из постоянных источников и передача этой информации в Центр. Словом, это была та «серийная продукция», для которой создавалась наша группа. Но была ещё и «работа разовая» — отдельные и часто совершенно неожиданные задания Центра.

«Регулярная работа» быстро вошла в привычку и не отнимала слишком много времени. Каждый из группы знал свой манёвр, и все вместе действовали, как хорошо отлаженный механизм.

Иное дело, «разовые задания» — тут приходилось поломать голову.

…Текст очередной шифровки был, как всегда, предельно лаконичен. Центр интересовали связи бывших членов профашистской организации «Англо-Германское товарищество» с западногерманскими реваншистами. Это было то самое «Товарищество», которое сумело убедить Гитлера, что Англия ни при каких условиях не станет воевать против Германии. Понятно, после войны никто не стремился рекламировать свои старые пронацистские симпатии. Руководители организации были хорошо известны, большинство давно себя скомпрометировали и, конечно, не представляли интереса для Бонна. Многие уже были в преклонном возрасте, нигде не работали, большая политика их уже не волновала.

И всё же, видимо, у Центра были основания считать, что кое-кто из этих деятелей по-прежнему готов сотрудничать с германскими милитаристами и что возрождавшаяся тогда разведка ФРГ держит их на прицеле.

С чего начать?

Сославшись на какое-то деловое свидание, я пошёл в библиотеку. Комплект довоенных газет, который я листал до позднего вечера, ничего интересного не дал, и в тот же день я доложил Центру о первом затруднении. В ответ сообщили, что

могут передать полные списки членов «Товарищества» по состоянию на середину 1939 года. Получив списки (а на наиболее активных из членов «Товарищества» — и подробные характеристики), я должен был выяснить, спустя пятнадцать с лишним лет, кто из этих деятелей занимает такой пост в государственном аппарате, который представлял бы интерес для разведки ФРГ. Это была непростая работа — и по объёму, и по характеру, — ведь за справками в официальные учреждения никто из нашей группы обратиться не мог.

Наконец «отсев» был закончен, и у меня появился список из нескольких десятков имен. Пришлось досконально изучить всех этих людей, что также отняло много времени и потребовало больших усилий. В конце концов я остановился на трёх государственных служащих. Один из них, как удалось выяснить, неплохо владел немецким, я решил начать с него.

К тому времени мне было известно, что почти каждое воскресенье мой будущий знакомый любит прогуливаться по одному из пригородных парков. А поскольку некогда это был дремучий лес, в котором, по преданию, укрывался Робин Гуд, то парк часто посещали иностранные туристы.

Был разработан план, в соответствии с которым я, одетый как типичный турист из Западной Германии, «случайно» подошёл к члену «Товарищества» — худощавому высокому мужчине лет пятидесяти, с лица которого не сходило высокомерное выражение, и на ломаном английском спросил, как пройти в пивную «Робин Гуд». На груди у меня висел немецкий фотоаппарат с огромным объективом, а в руке был путеводитель по Лондону на немецком языке. Увидев, что «турист» не понимает его объяснений, собеседник спросил по-немецки:

— Если не ошибаюсь, вы немец?

— Да, да! — радостно ответил я. — Как вы догадались? Вы очень проницательны!

— Видите ли, — ответил польщённый англичанин, — до войны я год проучился в Гейдельберге и с тех пор легко узнаю немцев.

При этом он забыл упомянуть, что я говорил с немецким акцентом и держал в руках книгу на немецком языке.

На Западе любят говорить, что лесть ещё никогда никому не повредила, и поэтому я на всякий случай похвалил его немецкое произношение, которое, как и у большинства англичан, было отвратительным. Тут же спросил, не бывал ли тот в Германии после войны, в частности в Гейдельберге. Англичанин с удовольствием поделился впечатлениями о послевоенной Германии и посочувствовал, что страна разделена на две части. В

ответ я дал понять, что далеко не все немцы готовы мириться с этим.

Так мы незаметно добрались до пивной, и я пригласил собеседника зайти в «Робин Гуд». Тот не отказался, и мы выпили несколько кружек пива.

При расставании, как я и рассчитывал, англичанин пригласил меня встретиться ещё раз и осмотреть достопримечательности Лондона. Я с удовольствием согласился.

На следующей встрече бывший деятель «Товарищества» повёз меня в Виндзорский замок. Дорогой, в замке, в парке мы говорили о политике и особенно о послевоенном положении Западной Германии. Естественно, наши взгляды оказались одинаковыми, и в конце концов англичанин признался, что до войны принадлежал к «Англо-Германскому товариществу».

Это был именно тот момент, которого я ждал.

— Ну, вот видите, как совпадают по всем позициям наши взгляды, — начал я. — Вы, судя по всему, и после войны остались истинным другом Германии. Я рад знакомству с вами. Но не хотел бы, чтобы оно закончилось безрезультатно…

Тут я сделал многозначительную паузу и подчеркнуто церемонно продолжал:

— Видимо, я могу доверить вам, что сотрудничаю с одной из серьёзных служб ФРГ и, если вы согласитесь, хотел бы для пользы общего дела познакомить вас со своими друзьями в Западной Германии.

В ответ англичанин хмыкнул и высокомерно отрубил:

— Был убеждён, что немцы работают более чётко. Что у вас, в ФРГ, как и у нас, развелось слишком много спецслужб?..

Всё стало на свое место.

Мне оставалось только многозначительно посмотреть на него и пожелать всего хорошего. На этом мы расстались.

А дел в фирме всё прибавлялось.

Жадность Эйрса была неутолимой, и не успевали мы наладить одно дело, как партнёр предлагал начать что-то новое. В итоге это позволило расширить штат, и я стал заниматься в основном перепиской и «общим руководством» в лондонском отделении фирмы.

Я был вправе считать, что всё идёт нормально и «оптимум», обеспечивающий разумное сочетание двух моих «работ», найден. Некоторое время меня это даже радовало, но пришёл день, и я почувствовал: нужно создать такое прикрытие, которое, с одной стороны, укрепило бы моё общественное положение и с другой — требовало бы от меня меньше времени и сил. Короче говоря, мне было бы очень полезным ради интересов дела разбогатеть любым

законным способом.

Я долго искал подходящего случая и однажды даже заработал несколько сот фунтов на бирже. Вообще-то я никогда не увлекался азартными играми и в Англии ни разу не поставил ни одного шиллинга ни на лошадей, ни на собак, хотя там этим «болеют» почти все. Другое дело — игра на бирже. С биржей у меня произошло вот что: один знакомый обзавёлся приятельницей, которая была любовницей крупного биржевика, и я стал заранее узнавать от неё о предстоящем повышении некоторых акций. Покупал, а затем продавал, как только они повышались в цене. Это можно делать в кредит, и, если располагать надёжной информацией, риска никакого практически нет. Но всё это было не то, что требовалось, во всяком случае, до серьёзных денег было далеко. И я продолжал поиски «своего миллиона».

К середине 1959 года в фирме работало уже несколько десятков человек — одних коммивояжеров было пятнадцать. Как-то один из них, молодой парень по имени Томми Рурк, сказал, что у него есть серьёзное предложение к мистеру Лонсдейлу. Как истый «бизнесмен» я ответил, что готов рассмотреть любое предложение, сулящее выгоду. «Я хочу познакомить вас со своим отцом, — сказал Томми. — Он изобрёл одну стоящую штуку… Не сможете ли сегодня вечером прокатиться к нам?»

Ответив на последний телефонный звонок и прибрав бумаги на столе, я вышел в приемную. Томми уже ждал меня.

— Можем ехать, — я постарался приветливо улыбнуться, жалея в душе, что потеряю вечер.

Мы довольно долго тащились до одного из пригородов Лондона, где жил Рурк-папа.

— Ваш папа неплохо устроился, — заметил я, притормаживая у маленького зелёного коттеджа. — Во всяком случае, воздухом он обеспечен.

— Он честно заслужил себе на старость порцию чистого английского воздуха, — серьёзно ответил Томми. — Отец всю жизнь просидел в Бирме и сейчас навёрстывает упущенное. Деньги есть, может изобретать вволю.

Старик Рурк оказался занятным человеком, а прибор, который он изобрёл, стоящим того, чтобы им заинтересоваться.

Положив передо мной чёрную металлическую коробочку, он ловко снял с неё крышку и попросил заглянуть внутрь.

Внутри были разноцветные провода, жёлтые капельки канифольной пайки, транзисторы.

— Это сторож, — с гордостью сказал старик. — Автомобильный сторож. Охраняет машину не хуже своры овчарок,

но обходится без конуры и собачьих консервов.

— Не понимаю, — чистосердечно признался я, — как этот транзисторный приёмник может караулить автомашину?

— Очень просто. Вот этими клеммами, — палец старика скользнул вдоль коробочки, — вы соединяете прибор с системой зажигания и стартером. Теперь стартер не будет действовать до тех пор, пока вы не наберете вот этим диском несколько цифр — каких, известно только владельцу… Попробовать? Не верите?

Старик вывел из гаража потрепанный «остин» и торжественно предложил завести двигатель.

Я попробовал. Раздался оглушительный рёв, заставивший меня вздрогнуть. Судорожно замигали фары «остина».

Папа Рурк, довольный, захихикал:

— Похоже, я был прав… Видите, какой сторож…

— Вы запатентовали своё устройство? — поинтересовался я.

— Конечно. Есть и отзывы специалистов.

— Так в чём же дело?

Вместо ответа старик похлопал себя по карману.

— Понимаю… Дайте мне ещё раз посмотреть ваше устройство… Так… А что, если я возьму его с собой?

— Согласен.

— Пока ничего не обещаю. Но попробую заинтересовать партнёров с деньгами. Удастся — создадим фирму для производства и продажи этой вашей штуки.

Старик расцвёл и закивал:

— Это было бы великолепно, мистер Лонсдейл. Дело не такое уж сложное и абсолютно выигрышное.

Мне было уже ясно, что дело стоит того, чтобы им всерьёз заняться. Было нетрудно убедить четырёх знакомых коммерсантов вложить в реализацию идеи папы Рурка деньги. Фирма была создана, и вскоре первые образцы продукции поступили на рынок. Успех пришёл не сразу, но всё же дело постепенно развивалось, и я стал понемногу отделываться от автоматов.

Наконец, в марте 1960 года наступил «великий перелом». И я, как директор фирмы по сбыту, повёз электронного сторожа на международную выставку в Брюссель. К моему искреннему изумлению (которое я всячески пытался скрыть), сторож получил Большую золотую медаль «как лучший британский экспонат»!

У меня сохранилась фотография, на которой изображены изобретатель с медалью в футляре, его партнёры и я сам с дипломом в руке. Случайно два перекрещенных английских флага оказались как раз над моей головой. Прошло много времени, но и сейчас я не могу смотреть на фотографию без

улыбки.

После этого дела пошли совсем отлично. Одна солидная автомобильная компания даже пожелала купить нашу фирму за довольно крупную сумму. Мои компаньоны были склонны принять это предложение. Я же отговаривал их, рисуя радужные перспективы на самое недалёкое будущее. На самом деле я и думать не хотел, чтобы начинать всё сначала. Однако наш бизнес действительно процветал, прибыли росли, «сторож» шёл нарасхват, и мы стали мечтать о продаже фирмы примерно за 100 тысяч фунтов, что означало бы по 20 тысяч фунтов каждому компаньону! Но этому не суждено было сбыться, по крайней мере в отношении одного из них.

В начале января 1961 года я был вынужден прервать отнюдь не по зависящим от меня причинам свою коммерческую деятельность.

Диалог с героем книги

— Кажется, мы догадываемся о причинах…

— Увы, но всё, что имеет начало, имеет и конец. Пришёл день, когда мне стало ясно: работу в Англии придётся прервать. Я попал в поле зрения британской контрразведки. Случилось то, чего я постоянно ждал и к чему давно был внутренне подготовлен. В общем, неожиданностью это не было.

— Как это произошло? Если можно — подробнее.

— О том, что контрразведка «вышла» на меня, я понял в конце 1960 года. Два месяца меня не было в Англии. На следующий день после приезда — это было во второй половине октября — я отправился в отделение Мидлендского банка на Грейт-Портленд-Стрит, чтобы забрать хранившийся там портфель с деловыми бумагами. Как только я его открыл, сразу стало ясно: в бумагах кто-то рылся — об этом сообщила нехитрая ловушка, поставленная мною для любителей копаться в чужих вещах.

А надо сказать, что перед этим я нанёс традиционный визит управляющему. Тот был необычайно любезен, минут двадцать болтал со мной о всяких пустяках.

— Вы были знакомы с этим банковским деятелем?

— Когда-то я оказал ему небольшую услугу. Но особой теплоты в наших отношениях не было. Вот почему меня сразу насторожила любезность управляющего… Очевидно, его попросили задержать

меня минут на двадцать, чтобы контрразведчики успели установить слежку. Во время процесса я поручил своему защитнику задать вопрос об этом управляющему — тот выступал как свидетель обвинения.

— Ну, и…

— Управляющий очень неохотно признал, что дело обстояло именно так.

— Так… А что вы сделали, когда заметили, что в ваших бумагах рылись?

— Ничего.

— Ничего?

— В такой ситуации самое важное — не показать, что я «засёк» внимание контрразведчиков. Так можно было выиграть ещё немного времени. Я в тот день не сразу возвратился домой. Долго ездил по Лондону — проверялся. «Хвост» заметил быстро — контрразведчики работали грубо. Первое побуждение — отделаться от них, оторваться. Но так поступать нельзя: контрразведка знает теперь мой адрес, мои фирмы. Если я дам шпикам понять, что заметил слежку, они начнут действовать более осторожно, и тогда в нужный момент мне будет труднее от них избавиться.

— И вы решили…

— Строго придерживаться обычного для меня рабочего ритма. Следить за действиями противника. И принять меры для обеспечения безопасности товарищей, работавших со мной.

Глава XXVI

Через некоторое время обыску подверглась моя квартира в «Белом доме». Его, разумеется, производили незаконно, без ордера, а потому инсценировали кражу, причём довольно топорно. «Воры» унесли ручные часы-будильник, но не тронули очень дорогого фотоаппарата — он лежал в том же письменном столе, что и часы. «Воры» явно понимали нелогичность своего поведения, но ничего не могли поделать: фотоаппарату ещё предстояло фигурировать в качестве вещественного доказательства на суде. При первых признаках слежки я сообщил об этом Центру. Конечно, я не был уверен, что мной заинтересовалась именно контрразведка. Центр тоже, к сожалению, ещё не мог знать причины повышенного интереса ко мне. Тем не менее я получил указание немедленно свернуть работу, хотя ряд заданий носил крайне важный характер и не был ещё завершён. Как всегда, в Центре руководствовались стремлением вывести из-под удара людей и свести к минимуму возможные потери. Все другие соображения были отодвинуты на второй план.

Тогда мне особенно пригодилось, что в «Белом доме» было несколько выходов. Возвращаясь домой поздно вечером, я зажигал свет, включал магнитофон с записью своего голоса и выскальзывал из квартиры. Обычно в это время в коридорах не было ни души. Квартира располагалась рядом с лестницей одного из запасных выходов. По ней я переходил на другой этаж и по нему — в противоположное крыло. Спускался вниз в тёмный переулок позади «Белого дома». Автомашину я умышленно оставлял возле главного входа — пусть наблюдатели болтаются около неё. После этого немного блуждал по наиболее тёмным и запутанным переулкам и, наконец, выбирался на какую-нибудь магистраль, где можно было поймать такси. Оставив такси, я отправлялся дальше на метро или же звонил нужному человеку из телефона-автомата.

Начал я с радиста. Набрав номер его телефона, я услышал знакомый хрипловатый голос. Тем не менее разговор начался с определённых, для посторонних ничего не значивших фраз, подтверждающих, что беседуют именно те, кто называет себя, и что у них всё в порядке.

— У меня плохая новость для тебя, Эдди, — закончив положенный «ритуал», наконец сказал я.

— В чём дело? — голос на другом конце провода был безмятежно спокоен.

— Твоя мама немного нездорова и просит срочно навестить её. (Мама означала Центр).

— Ну, знаешь, я не могу бросить всё, — откровенно выпалил радист. — Может, обойдётся? Лучше я пошлю ей телеграмму. Она ведь часто болеет… Так меня могут уволить с работы.

— Я тебя понимаю, — жёстко сказал я. — Но ты сам знаешь, что просьба матери — приказ для настоящего сына.

Наконец-то радист понял, что ему приказывают немедленно бросить всё и уезжать из страны. Ясно, что он считал себя в безопасности, так как практически никогда не встречался со мной — мы пользовались почти исключительно безличной связью, и ему было трудно согласиться вот так, сразу, без объяснения причин свести на нет свои многолетние усилия.

— Ты меня понял? — переспросил я.

— Да… Когда нужно выехать?

— В течение суток… Передавай привет маме.

— Просьбу выполню. До встречи…

— До встречи.

Встреча состоялась через семь лет. «Эди» — его звали уже иначе — рассказал мне, что ему стоило огромных усилий воли выполнить этот приказ. Но уже через несколько дней он на всю жизнь убедился, что без строжайшей дисциплины разведка работать не может.

Так мне удалось в основном выполнить указание Центра. Были свернуты несколько операций.

Не все мои товарищи признавали нависшую угрозу провала. В ответ на указание немедленно покинуть страну они пытались убедить меня, что лично у них всё в порядке и они могут продолжать работать. Каждый подчёркивал, как трудно было ему проникнуть в страну, надёжно осесть там.

В эти дни мне пришлось работать как никогда много — дела фирмы требовали моего непременного участия. Ох, как хотелось плюнуть на своё «прикрытие», но этого-то как раз и нельзя было делать: контрразведке полагалось знать, что я по-прежнему ничего не подозреваю. Поэтому я продолжал ходить в свою контору, вёл переговоры с клиентами, виделся с друзьями. О том, чтобы уехать самому, не обеспечив полной безопасности товарищей по работе, не могло быть и мысли.

Многочисленные коллеги по бизнесу, знакомые ничего не замечали — я был, как всегда, общительным и жизнерадостным.

Обсудил со своими партнёрами план расширения фирм. Весело провёл вечер с бывшими сокурсниками. Договорился пойти в театр с приятельницей, которой давно обещал это.

Среди последних операций, которые мне предстояло

провести, была назначенная на 7 января 1961 года встреча с Хаутоном. Я должен был сообщить, что уезжаю на время из страны и извещу его по почте о следующей встрече.

Мы условились увидеться на улице Ватерлоо-Роуд, неподалёку от известного английского театра «Олд Вик». В этом районе нет жилых домов, и во второй половине дня по субботам там буквально ни души. Я заранее наметил тихий переулочек километрах в трёх от места встречи и, оставив там машину, зашагал в расположенный недалеко кинотеатр, так как до встречи оставался целый час и его надо было где-то убить. Это был последний час моей свободной жизни в Англии.

Программа шла непрерывно, войти в зал можно было в любое время. Как всегда, перед вестерном была хроника, потом мультфильм и рекламный ролик. Едва начался ковбойский фильм и герой, как это положено по канонам «лошадиной оперы» (так называют «вестерн» сами киношники), провёл свою первую и непременно неудачную стычку со злодеем, я тихо поднялся — пора было уходить. Прошёл по полупустому залу мимо дремавшей у входа билетерши, открыл дверь на улицу.

Там по-прежнему всё было тихо и спокойно.

Тот же хмурый, лишённый света и тени день. Набухшее дождём зимнее небо. Скучные лица редких прохожих. Забрызганные грязью автомашины.

Я сел за руль и не спеша двинулся поближе к месту встречи. Припарковался в нескольких кварталах от нужного перекрестка. Снова проверился — слежки не было.

И зашагал на Ватерлоо-Роуд.

Я был на месте за несколько секунд до назначенного времени. Мои часы были выверены по радиосигналу всего лишь за два часа до встречи: я придерживался правила никогда не опаздывать и никогда не приходить раньше времени ни на минуту.

Свернув за угол, я пошёл по Ватерлоо-Роуд в южном направлении. Вскоре увидел Хаутона и, к немалому удивлению, Банти Джи, которую на встречу не вызывал.

Они переходили дорогу прямо передо мной.

Ещё до выхода на встречу я решил закончить её как можно быстрее. Поздоровались.

— Хаутон, — сказал я. — Я уезжаю. Об очередной встрече извещу письмом…

Ещё две-три фразы, и мы стали прощаться.

Банти Джи сунула мне в руку хозяйственную сумку.

— Тут, — торопливо шепнула она, — всё, что вы просили принести Хаутона.

Я заметил в сумке какой-то бумажный свёрток.

И вдруг сзади, за самой спиной послышался скрежет автомобильных тормозов.

Я оглянулся.

У обочины остановились три автомобиля — обычные, ничем не примечательные с виду машины. Около десятка мужчин в традиционных для западных детективов макинтошах уже выскакивали из машин и бежали к нам. С пистолетами, торчавшими из-за пояса, они походили на сыщиков из дешёвого детективного фильма.

Нет, никто из них не сказал, как это утверждал на суде старший полицейский чин Смит: «Я — офицер полиции. Вы арестованы». Они просто набросились на меня и моих спутников, молча схватили за руки и втолкнули в машины. Меня запихнули на заднее сиденье первого автомобиля, продолжая крепко держать руки, хотя я и не вырывался. Машина сразу же помчалась. Её водитель передал по радио: «Схватили всех, возвращаемся в Скотленд-Ярд».

Сидя в машине, я думал не о себе и не о том, что провалился, а о том, почему Хаутон привёл с собой Джи. Правильно ответить на этот вопрос — сейчас было главное. Джи неохотно выходила на встречи и делала это только по моему настоянию. На этот раз я не просил об этом. Видимо, тут было лишь одно объяснение: контрразведка уговорила Хаутона привести с собой Джи, иначе её было бы очень трудно осудить. Хаутону, несомненно, обещали смягчить наказание. По наивности он поверил этим посулам…

Машина мчалась, не соблюдая никаких правил. Мы пересекли Вестминстерский мост, пронеслись мимо здания парламента (помню, я тогда подумал: «Вряд ли меня когда-нибудь снова пригласят сюда есть клубнику со сливками…») и повернули в сторону Скотленд-Ярда.

Несколько секунд я лихорадочно перебирал в уме все свои действия в последние дни, пытаясь догадаться, кого ещё могла схватить контрразведка. Радист уже благополучно покинул страну. Это же удалось сделать и некоторым другим коллегам, на которых мой арест мог отразиться самым пагубным образом. Я пришёл к выводу, что дела обстоят не так уж плохо.

Затем мои мысли обратились к предстоящей борьбе с английской контрразведкой. Условия явно были невыгодны для меня.

Беспорядок, даже суматоха, поднявшиеся в Скотленд-Ярде, когда туда привезли меня, улучшили моё настроение. Я уже догадывался, что следствие будут вести люди, умевшие допрашивать уголовников, но не представлявшие, как обращаться

с кадровым разведчиком. Они не могли предполагать, что по образованию я — юрист и, помимо прочего, потратил немало времени на изучение английского законодательства, касающегося моей деятельности.

Меня ввели в комнату для допросов. Я отметил стёртые, грязноватые полы — точно такие же, как в коридоре. Прямо напротив двери было большое окно, выходившее на набережную Темзы, слева от окна был стол, справа — второй. Типичный кабинет небольшого начальника.

Несколько минут я стоял посередине комнаты, окружённый молчаливыми сыщиками, которые продолжали крепко держать меня за руки. Всё это выглядело достаточно нелепо. Никто не проронил ни слова, пока не появился Смит.

Это была наша первая встреча лицом к лицу.

Мой противник оказался довольно грузным и невысоким человеком. Седые волосы с залысинами, роговые очки в толстой чёрной оправе придавали ему вид учителя. Я отметил про себя энергичный подбородок Смита и то, что он старается говорить с «правильным» оксфордским акцентом, хотя явно не бывал ни в Оксфорде, ни в частной средней школе. Впечатление, которое производил противник, явно укрепляло мою уверенность в себе.

Вот тут-то я впервые услышал, что арестован по подозрению в шпионаже.

Смит приказал раздеть меня и обыскать. Только тогда сыщики отпустили мои руки. По тому, как Смит ощупывал лацканы моего пиджака, я наконец понял, почему меня всё время держали за руки: детективы опасались, что в моей одежде зашита ампула с ядом, как это принято у западных разведок (при аресте разведчик может надкусить уголок лацкана и через несколько секунд умереть. На практике, однако, подобные случаи редки).

Обыск продолжался недолго. Содержимое всех моих карманов высыпали на стол. После этого мне возвратили одежду, за исключением галстука и шнурков. Разрешили одеться. Я понял, что Смит «арестовал» мой галстук и шнурки, чтобы не дать возможности удавиться у него на глазах. Но, как только меня повезли из Скотленд-Ярда, шнурки и галстук были возвращены; никто после этого их уже не отбирал. Когда и почему Смит решил, что я не стану вешаться, видимо, навсегда останется тайной Скотленд-Ярда. Скорее всего «супера» не волновало, что может произойти с арестованным за пределами его епархии.

Смит приказан сложить всё, что вынули из моих карманов, в большой пакет и уже собирался унести его, но я остановил полицейского:

— Пожалуйста, составьте опись имущества и посчитайте при

мне все деньги…

— Разве вы не знаете, сколько у вас было с собой? — наигранно спросил Смит.

— Конечно, знаю, — ответил я. — Но я хочу, чтобы вы знали, что я знаю это.

Я старался вести себя естественно и спокойно, шутил, с интересом разглядывал новую для меня обстановку Скотленд-Ярда. Было важно не выдать того внутреннего напряжения, в котором я находился. Изредка я как бы поглядывал на себя со стороны, контролируя свои действия — слова, жесты, словно это не я, а какой-то другой человек стоял сейчас перед суперинтендантом Смитом, и всякий раз убеждался, что всё идёт нормально. Никаких ошибок я, похоже, не допускаю.

Наконец опись имущества составили и показали мне. Я заметил, что одна из моих ручек была записана как «шариковая».

— Минуточку, — воскликнул я. — Это ведь не просто копеечный карандаш. Это дорогая вещь…

И я взял золотой «Паркер» в руки, случайно направив перо в сторону Смита.

— Не трогайте ручку! — крикнул Смит. Он, видимо, считал, что «Паркер» мог стрелять. С трудом удерживаясь от смеха, я сказал Смиту:

— Вы прочитали слишком много детективных романов…

При аресте у меня было с собой что-то около 350 фунтов стерлингов. Мне удалось заставить Смита указать точную сумму в описи изъятого имущества. Тем не менее адвокату пришлось потом потратить немало усилий, чтобы добиться возвращения денег.

Наконец обыск был закончен, список изъятого имущества составлен. Суперинтендант Смит уселся за письменный стол, предложив мне кресло. Начался допрос. Я не сомневался, что мой оппонент провёл не один час, пытаясь придумать наилучший метод заставить меня признаться, или, как принято говорить среди английских уголовников, «петь». С нетерпением я ждал первой фразы. Однако испытал чувство профессионального разочарования, когда она прозвучала:

— Нам всё известно, и в ваших интересах сделать чистосердечное признание. Поэтому я рекомендую вам рассказать всю правду.

Мне стоило большого труда удержаться от улыбки, когда Смит с предельной напыщенностью произнёс эту избитую тираду.

— Простите мою невежливость, — сказал я, внимательно наблюдая за физиономией Смита, — но я должен напомнить вам, что по английскому закону вы были обязаны предупредить меня о

том, что всё сказанное здесь мною будет запротоколировано и может быть использовано против меня на суде.

Краткое заявление произвело впечатление на суперинтенданта. Мне показалось даже, что тот на секунду смутился, если полицейские вообще могут смущаться.

— Ладно, — пробурчал Смит. — Я ведь, в сущности, ещё не допрашивал вас. Во всяком случае, мы знаем о вас всё. Нам известен каждый ваш шаг в течение тех шести месяцев, что вы находитесь в Англии…

Криминалистам известно, что, неумело задавая вопросы, неквалифицированный следователь часто выдаёт допрашиваемому важные для него сведения. Я сразу же сделал вывод, что противник знает обо мне что-то, произошедшее в течение последних шести месяцев. Мне стало ясно, какие последствия может иметь мой провал и как нужно себя вести, чтобы их предотвратить.

Я напомнил Смиту, что по английскому закону имею право сообщить своему адвокату об аресте. Вскочив из-за стола, Смит заявил, что должен выйти и что мистер Лонсдейл сможет позвонить адвокату, когда он вернётся.

Вернулся суперинтендант часов через семь — в три часа утра!

Пока Смит отсутствовал, при мне всё время дежурили три вооружённых детектива. Они часто сменялись. Некоторые пытались завязать со мной разговор. Кто стращал последствиями ареста, кто «сочувствовал». Другие давали какие-то советы. Короче, применялись достаточно известные мне, по существу стандартные, приёмы психологической обработки арестованного. Особенно старался один детектив, резко выделявшийся среди своих коллег одеждой и правильным оксфордским выговором. Он даже пытался завести со мной разговор на политические темы. Во время этого диалога мне удалось выяснить, что передо мной не детектив, а сотрудник контрразведки, маскирующийся под полицейского, и что полиции не было известно, что я учился на факультете востоковедения Лондонского университета.

Решив немного позабавиться, я спросил этого оксфордца, кто он такой.

— Сержант Особого управления, — ответил тот. Незаметно, но очень внимательно я следил в это время за двумя другими детективами, находившимися в комнате. Услышав ответ «оксфордца», они выразительно переглянулись. Тогда я сказал:

— Несколько дней назад я читал в газете, что сержантам полиции прибавили жалованье. Сколько же вам теперь платят?

Разумеется, я не читал ничего подобного. Но лжесержант клюнул на этот несложный приём. Смешавшись, он зашагал из

комнаты, бормоча что-то себе под нос. Больше я его не видел.

Полицейским детективам этот небольшой инцидент доставил явное удовольствие. Они тут же предложили принести мне чай. По-моему, я уже говорил, что в Англии чай пьют с молоком, что, на мой взгляд, делает его почти неприемлемым. Но было уже около полуночи, а я весь день ничего не ел.

Один из детективов принёс чашку чая и немного печенья. Чай, объяснил он, они готовят сами, собирая раз в неделю деньги на покупку заварки, сахара и молока… По традиции так делают во всех учреждениях Англии. Мне иногда казалось, что если бы чай вдруг исчез когда-нибудь, то жизнь в Англии застыла бы на мертвой точке.

Глава XXVII

«Супер» Смит появился так же неожиданно, как исчез.

Вошёл, потирая руки. Сел. Усмехнулся. Сообщил, что в квартире произведён обыск. Найдены шифры и деньги: «Вот так-то, милейший!»

— Будем тратить время на уговоры, или сами сознаетесь во всём?..

— Отказываюсь, — сказал я как можно более твёрдо, — я отказываюсь отвечать на ваши вопросы, пока не увижусь со своим адвокатом.

Но Смит, видимо, по-прежнему не понимал, что имеет дело с «преступником» иного рода, и по-прежнему решил испытывать на мне все традиционные приёмы, которые полиция Её Величества с блеском использует для запугивания уголовников. Наконец и он почувствовал, что даже суперинтендант Особого управления не может до бесконечности попирать закон, сдался и буркнул:

— Звоните адвокату…

Было семь утра. Адвокат жил за городом, но мне удалось разыскать его домашний телефон в одной из телефонных книг, оказавшихся в комнате для допросов. Подошла жена адвоката. Сонным голосом сообщила, что господин Хард спит: «Не можете ли вы позвонить попозже?» «Говорит клиент вашего мужа, — сказал я. — Адвокат нужен по исключительно срочному и важному делу».

Подходя к телефону, Хард ещё наполовину спал. Он мгновенно проснулся, когда услышал, что Лонсдейл находится в Скотленд-Ярде.

— Если вы арестованы, то почему вас держат в Скотленд-Ярде? — тут же сообразил он. — Туда являются только добровольно. Арестованных же должны содержать в камерах предварительного заключения в полицейском участке.

Я ответил, что также весьма удивлён тому беззаконию, которое полиция совершает с момента моего похищения на улице Ватерлоо-Роуд.

Я так и сказал — «похищения», отметив про себя выражение лица Смита. На нём появились некоторые признаки смущения.

Тут же мне предложили выйти из комнаты. Усадили в машину и отвезли в полицейский участок на Боу-Стрит. Я успел заметить, что Хаутона и Джи везли одновременно со мной, но в другой машине.

Рядом уселся какой-то сыщик, говоривший с сильным польским акцентом. Стараясь завязать разговор, он проявлял

сочувствие моему положению — фальшивое, конечно.

«Видимо, в Особом управлении Скотленд-Ярда работает не так уж много иностранцев, — думал я, слушая его болтовню, — вряд ли поляк появился в машине случайно. Подставлен на тот случай, если захочу рассказать что-то по секрету».

Неуклюжие приёмы, с которыми меня знакомили асы Скотленд-Ярда, заставляли думать, что дело обстояло именно так.

В полицейском участке на Боу-Стрит я снова увидел Хаутона. Это была наша первая после ареста встреча. Я подумал, что сейчас он станет меня винить во всех своих злоключениях. Но Хаутон держал себя довольно дружелюбно. Во всяком случае, отнюдь не враждебно. Почему он вёл себя не так, как ему «полагалось»?

Я бы ответил на этот вопрос так:

Всё очень просто.

Прежде всего, Хаутон был потрясён, увидев, что я оказался в том же положении, что и он. Он думал, что «Алек Джонсон» обладает дипломатической неприкосновенностью, она выручит его и он будет наказан разве что высылкой из страны… На него произвёл явное впечатление тот факт, что я шёл на такой же риск, как и он сам, причём делал это по собственной воле.

Затем — Хаутон был уверен, что его готовность признаться во всём и сотрудничать с полицией обеспечит ему небольшое наказание. На прогулках он говорил другим заключённым, что рассчитывает «заработать» не более трёх лет. Словом, он был уверен, что находится в гораздо лучшем положении, чем я, и это давало ему возможность смотреть на меня со снисходительным удовлетворением.

В конце процесса он едва не упал в обморок, услышав, что его приговаривают к пятнадцати годам тюрьмы.

Жестокий приговор оказался для него страшным и совершенно неожиданным ударом. Это окончательно убедило меня, что на каком-то этапе власти заверили его, что он отделается небольшим наказанием, если поможет захватить и осудить меня. Полиция и контрразведка явно одурачили Хаутона ещё до ареста. Но его нетрудно было запугать и заставить навести на мой след, особенно если запугивание перемежалось с обещаниями обеспечить ему снисходительность суда. Бедный Хаутон был безжалостно обманут. Вообще-то говоря, опыт показывает, что люди, которые не руководствуются твёрдыми принципами, а верят посулам и живут в надежде и тревоге, всегда легко могут быть обмануты…

«Супер» Смит потребовал, чтобы все мы дали отпечатки

пальцев. Хаутон и Джи согласились, я наотрез отказался.

— Нет, — твёрдо сказал я и тогда, когда передо мной положили список вещей, изъятых при аресте. — Подписывать это я не буду…

Просматривая опись, я обнаружил, что без моего согласия в неё включили содержимое хозяйственной сумки Джи. Поскольку сумка была вскрыта в моё отсутствие, я, естественно, отказался подтвердить верность описи. В то же время по профессиональной привычке я внимательно прочитал и запомнил список секретных документов, обнаруженных в сумке. Во время процесса я был поражён, что в обвинительном заключении фигурировала только часть этих документов. Неупомянутыми оказались именно те материалы, которые касались довольно неблаговидной американской деятельности, направленной против Англии и других союзников. Видимо, публикация подобных бумаг вызвала бы возмущение во всех странах НАТО.

Процедура формального предъявления обвинения закончилась. Нас снова отвели в камеры. Это было очень узкое, метра два шириной, помещение, с деревянной лавкой, устроенной вдоль одной из стен. Пахло хлоркой, мочой и дешёвыми духами. Уже потом я узнал, что здесь содержались в основном проститутки и алкоголики. Я обратил внимание на двери камеры — в каждой был небольшой люк для передачи пищи. Полиция любезно оставила люки открытыми и поместила всех нас рядом, видимо, ожидая, что мы будем переговариваться через коридор и разглашать свои секреты.

В одиннадцать часов утра в камеру вошёл адвокат. Дверь была специально оставлена открытой, а сопровождавший мистера Харда полицейский предупредительно удалился на почтительное расстояние. (Контрразведка, видимо, считала, что я никогда не слышал о микрофонах для подслушивания?)

Я уже несколько лет знал Харда, часто обращался к нему по делам своих фирм. Он был одним из партнёров хорошо известной в лондонском Сити адвокатской фирмы «Стэнли и Ко». Специалист по гражданским искам, он никогда до этого не бывал в камере предварительного заключения и был явно шокирован её антисанитарным состоянием. Брезгливо присев на край деревянной лавки, на которой предстояло мне спать, он спросил:

— В чём дело, Гордон? Расскажите, наконец, что случилось с вами…

Вместо ответа я передал ему копию обвинения, которое только что было мне вручено.

Хард прочитал обвинение несколько раз и при всей сдержанности не смог скрыть изумления: его знакомый,

удачливый бизнесмен, бывший студент Лондонского университета, член Королевской заморской лиги, который однажды даже приглашал его в королевскую ложу, — арестован по обвинению в шпионаже! Но всё это лишь отразилось на его лице. Вслух он ничего не сказал.

Помолчав несколько минут, Хард глубоко вздохнул и медленно произнёс:

— Всё это не так уж страшно. Вас обвиняют в шпионаже, но здесь нет никаких доказательств передачи государственных секретов потенциальному противнику. Поэтому по закону 1911 года о сохранении государственной тайны ваше дело должно рассматриваться по статье о незаконном сборе материалов, содержащих государственную тайну. Эта статья предусматривает от трех до пяти лет тюрьмы в отличие от 14 лет за шпионаж.

Я, конечно, был знаком с законом о сохранении государственной тайны и давно уже сам пришёл к тому же выводу, что и Хард. Но мне было важно знать, что и адвокат придерживается такого же мнения.

Я попросил Харда подыскать опытного защитника, и тот обещал это сделать.

Почему-то — видимо, из-за Джи — нас разместили в женском отделении. Ночью в соседних камерах появились пьяные проститутки. Им не спалось, и эти часы значительно обогатили мои познания некоторыми весьма своеобразными аспектами английской лексики.

Поскольку, как я отметил, это было женское отделение тюрьмы, там дежурили только полицейские-женщины. Утром я попросил одну из этих суровых дам вывести меня умыться, как это делалось накануне вечером.

— Я могу отпереть вашу камеру только в присутствии полицейского, — ответила дама. — В утренних газетах напечатано, кто вы такой…

Для меня это было прекрасной новостью: ведь газеты читала не одна она. Я искренне поблагодарил её за приятное сообщение.

В десять утра нас ввели в зал суда, расположенного в том же здании. «Супер» Смит объяснил судье, почему мы арестованы, и попросил дать указание содержать нас под стражей на время следствия. Я напряжённо слушал Смита и сразу же заметил, что нас обвиняют уже не в шпионаже, а в «тайном сговоре с целью нарушить закон о сохранении государственной тайны».

Итак — «тайный сговор».

Что же, я достаточно хорошо знал, что эта весьма и весьма растяжимая юридическая формула принадлежит к старинному

институту английского обычного права и зародилась много сот лет назад. По существу, это просто юридическая уловка, которая с успехом применялась английскими королями в их борьбе с крупными феодалами, ибо для того, чтобы суд нашёл обвиняемого виновным в «тайном сговоре», достаточно доказать лишь наличие намерения нарушить закон. По товару была и цена: в течение сотен лет максимальное наказание за тайный сговор составляло лишь один год лишения свободы! Но в начале пятидесятых годов некий судья, разбирая дело какого-то крупного контрабандиста, нашёл, что поскольку тайный сговор является институтом обычного права (т. е. основывается на судебных прецедентах, а не на законах, изданных парламентом), то судья может выносить приговор по такому делу по своему усмотрению. С тех пор принято считать, что за умысел (намерение) совершить преступление нельзя вынести более сурового приговора, чем тот, который предусматривается законом за само преступление. И это в общем-то вполне логично. Но в моём деле верховный судья Паркер счёл возможным и необходимым и нарушить эту традицию, и пренебречь логикой…

Отбарабанив свое заранее отрепетированное заявление, «супер» сел.

— Хорошо, — многозначительно сказал судья, не без любопытства разглядывая меня и уже собираясь удовлетворить просьбу «супера». Но тут вперёд вышел мой адвокат. По моему указанию он заявил ходатайство:

— Прошу, ваша милость, отпустить Гордона Лонсдейла на поруки под залог.

Нечего и говорить, что у меня не было даже одного шанса добиться этого. Но с помощью этой уловки я мог вытянуть из Смита нужную информацию.

И, действительно, судья тут же попросил Смита подробнее осветить дело, чтобы он мог принять решение по ходатайству адвоката. И Смиту, как он ни кривился, пришлось описать, как был произведён арест, его точное время, обстоятельства и тому подобное, а заодно рассказать, какие имеются против Лонсдейла доказательства. Для меня, да и не только для меня, получить в тот момент эти сведения было ох как важно!

Конечно же, судья отклонил просьбу адвоката. Его решение было мудрым: содержать задержанных под стражей семь дней.

Добавить к этой неделе хотя бы час он, увы, не мог: по английским законам обвиняемый не может находиться под стражей без предварительного слушания дела более семи дней.

Теоретически, конечно, не может, ибо, если б так оно и было на практике, английские следователи были бы достойны самого

искреннего восхищения: ну, кто ухитрится завершить следствие и добиться осуждения обвиняемого всего лишь за неделю!

Семь дней на следствие — это, конечно же, миф. И в Англии беззаконие ухитряются творить абсолютно «законно». Всё делается элементарно просто; раз в неделю обвиняемого приводят к тому же самому судье и просят продлить его содержание под стражей, так как следствие ещё не закончено. И так может тянуться месяцами, ибо никаких ограничений на сей счёт не существует.

Через несколько часов после суда нас вывели во двор и посадили в «Черную Мэри» (преступники называют её ещё более образно — «мясной фургон»). Каждого поместили в отдельной крохотной кабине и так, в полной темноте, повезли в следственную тюрьму. Разумеется, в Англии к названию этого учреждения добавляют: «Тюрьма Её Величества». Впервые я испытал «королевское гостеприимство» в следственной тюрьме Брикстон. Могу свидетельствовать: это была тюрьма королевы, но отнюдь не королевская тюрьма.

Как и полагалось в заведениях такого рода, знакомство с Брикстоном я начал с «приёмной», где нас троих немедленно рассовали по крошечным отсекам, которые можно было назвать и клетками — стены не доходят до потолка, сверху кабина обита проволочной сеткой. В каждой такой клетке размещались два-три человека. Меня и Хаутона предупредительно поместили в один отсек. К разочарованию контрразведки, «утончённый» приём снова не дал нужных результатов. Ей так и не удалось узнать из наших разговоров что-либо интересное ни тогда, ни позднее.

Потом нас обыскали, составили опись имущества, взвесили и погнали мыться. Душа не было, приходилось мыться в ванне. Как только один заключённый вылезал из неё, вода немедленно сливалась и ванна молниеносно заполнялась вновь. Никаких попыток хотя бы сполоснуть её при этом не делалось.

К счастью, руководили этой «гигиенической» процедурой заключённые. Сразу же выяснилось, что избежать её можно, вручив старшему из заключённых сигарету. Впрочем, достаточно было даже приличного окурка. После этого я уже больше не пользовался ванной, а принимал душ в центральном корпусе тюрьмы.

Первую ночь под крышей Брикстона мы провели в тюремном госпитале, куда помещают всех заключённых, обвинённых в серьёзных преступлениях. Нас определили в палату, в которой уже находилось десятка два человек (как выяснилось, шестнадцать из них обвинялись в убийстве. Надзиратели круглые сутки дежурили в палате, чтобы предотвратить попытку

покончить жизнь самоубийством).

Когда нас с Хаутоном ввели в камеру, было уже около одиннадцати вечера. Ужина в английской тюрьме не бывает, он считается ненужной формальностью. И мы тут же легли спать. Едва прикоснувшись головой к подушке, я сразу же заснул. Хаутон признался утром, что не спал ни минуты.

В тот же день меня перевели в обычную одиночную камеру. Хаутона за его сговорчивость оставили в госпитале.

К тому времени все газеты мира были уже заполнены сенсационными сообщениями об аресте Лонсдейла. Его имя и место заключения приобрели широкую известность. Уже на третий день мне было вручено письмо от какой-то религиозной секты. В письме говорилось, что в эту трудную минуту мне следует обратиться к религии, дабы именно в ней обрести душевный покой и моральные силы, и что лучше всего адресоваться к богу именно через эту секту

Прилагался небольшой сборник молитв, составленных специально для подобного случая.

Прочитав письмо, я улыбнулся.

Прошло несколько дней, и я перестал улыбаться, читая письма, — подобные послания потекли потоком. Я получал их даже из США, главным образом из Калифорнии и Техаса. Каждое письмо рекламировало одну секту или церковь, которая предлагала молиться именно своему покровителю.

Тогда вся эта груда предложений казалась мне просто комичной. Но, вспоминая о них впоследствии, я не мог не воздать должного руководителям этих церковных организаций, проявившим высокую оперативность и настойчивость в заботе о моей душе.

Глава XXVIII

Электрические стенания полицейских сирен возвестили утром 7 февраля 1961 года Лондону, что коммерсант Гордон Лонсдейл, чьи заслуги на ниве бизнеса были отмечены Гран-при на Всемирной Брюссельской выставке, проследовал под усиленной охраной на Боу-Стрит, где в суде первой инстанции, что напротив знаменитого оперного театра «Ковент-Гарден», должно было состояться предварительное слушание его дела.

Это была генеральная репетиция того пышного спектакля, который давался несколько позднее и который вошёл в историю британского правосудия, как судебное дело «Королева против Гордона Лонсдейла». Впрочем, предварительное слушание с таким же правом можно было сравнить с разведкой перед боем.

На этом судебном заседании решается лишь один вопрос — достаточно ли у обвинения доказательств, чтобы можно было передать дело суду присяжных. Редко, но бывает, что на этой стадии защита оказывается в состоянии опровергнуть обвинение, и дело прекращается.

Я на это не надеялся.

Что ж, репетиция так репетиция! Следовало лишь позаботиться о том, чтобы она действительно оказалась для меня полезной.

Я трезво прикинул свои шансы и пришёл к выводу, что фортуна, эта привередливая особа, сейчас не на моей стороне.

Приближался тот последний акт спектакля, в котором я участвовал. Оставалась лишь одна акция на английской земле, завершавшая длинную цепь нелёгких и опасных дней, которые я здесь провёл.

Но теперь мне предстояло сражаться в одиночку. Больше того — по законам моей профессии я не мог, не имел права даже сказать, кто есть на самом деле, хотя бы выдвинуть какие-то аргументы в защиту своей работы.

Против меня были: английская контрразведка плюс веками отработанный судебный механизм плюс пресса плюс так называемое общественное мнение.

Я же был один.

Один против всех.

Окружённый полицейскими, ослеплённый вспышками блицев — фоторепортёры стерегли момент, — я поднялся по лестнице в небольшую комнату, где мне полагалось находиться до начала суда.

Там уже было предостаточно полицейских и

контрразведчиков. Не без любопытства они присматривались ко мне — не каждый день видишь советского разведчика. Я старался держаться подчеркнуто невозмутимо. Словно бы ничего особого — во всяком случае, для меня — не произошло. Это был именно тот стиль поведения, который я избрал для себя ещё по дороге в Скотленд-Ярд.

Наконец мне предложили пройти в зал номер один. Через боковую дверь я шагнул в ярко освещённое («Кино, что ли, они снимают?») продолговатое помещение, забитое публикой, и на секунду остановился, чтобы осмотреться.

Процесс привлёк много журналистов — они представляли, пожалуй, все крупнейшие издания мира. Они воспользовались правом войти в зал первыми и заняли самые выгодные стратегические позиции — закон профессии: ничего не упустить, выплеснуть сенсацию на первые полосы!

Прямо перед собой я увидел возвышение, на котором прочно, будто врос, стоял стол («Для судей, наверное?..»). Справа от него и чуть впереди было свободное пространство («Место для дачи показаний», — решил я). Ещё я заметил простую деревянную лавку, обнесённую барьером («А это для меня»). Я направился к ней. Сел.

И тут же поднялся клерк, негромко и, уж во всяком случае, весьма буднично объявил: «Суд идёт!» (Мелкие чиновники иногда очень точно улавливают суть происходящих событий. И скучноватый голос клерка в этом случае тоже как бы предвосхитил ту унылую процедуру, в которую в конечном итоге и вылилось предварительное слушание).

Я обратил внимание на костюм судьи — добротный, хорошо сшитый костюм чиновника средней руки, каким тот и был на самом деле. И эта неожиданная обычность костюма — я готовился увидеть судью в щедро разукрашенной мантии (именно так и были потом одеты участники основного процесса) — тоже подчеркивала заурядность всего происходившего в зале номер один особняка на Боу-Стрит.

Выслушав обвинительное заключение, судья спросил:

— Вы признаёте себя виновным или нет?

— Нет! — ответил я.

После этого слово получил прокурор.

Обвинение поддерживал не кто иной, как сэр Реджинальд Мэннингхем-Буллер, сам генеральный прокурор. Пятидесятилетний, спортивного склада, розовощёкий, коренастый джентльмен, не расстававшийся с трубкой. Благородная седина в его черных волосах — англичане называют такую смесь «соль с перцем» — заставляла дам, находившихся в

зале, не без интереса поглядывать в его сторону.

В отличие от судьи генеральный прокурор тщательно продумал свой туалет. Он явился в особняк на Боу-Стрит в традиционной одежде английских джентльменов: котелок, чёрный пиджак, серые брюки в полоску, в руке — неизменный, туго скрученный зонтик. Таким его и запечатлели репортёры, и уже на следующий день английские читатели имели удовольствие лицезреть главного обвинителя на первых полосах газет.

Английская пресса не без фамильярности величала генерального прокурора «Сэром Устрашающим», обыгрывая фонетическое сходство его фамилии со словом «булли» — забияка.

Обычно на предварительном слушании обвинение кратко излагает суть имеющихся доказательств, а защита лишь выслушивает их, стараясь не задавать вопросов, дабы не раскрыть преждевременно свою тактику. Но сэр Реджинальд Мэннингхем-Буллер повёл себя иначе: он, что называется, с места ринулся в бой.

И для этого у него были весьма веские основания.

Дело в том, что, если исключить материалы, которые были захвачены при моём аресте, он не имел никаких доказательств моей разведывательной деятельности. А ведь ему предстояло доказать факт передачи секретных материалов потенциальному противнику. Иначе следовало предъявить обвинение в тайном сборе секретных сведений, за что законом предусмотрено наказание от трех до пяти лет.

Словом, генеральный прокурор находился в положении затруднительном.

Получилось же так потому, что английская контрразведка явно поторопилась, боялась, наверное, меня «потерять», и потому постаралась схватить при первом же удобном случае. Именно поэтому меня пришлось обвинять не в шпионаже, а лишь в тайном сговоре нарушить закон о государственной тайне, что по всем английским судебным канонам было весьма несолидно. Именно поэтому даже на предварительном слушании дела обвинение вёл сам генеральный прокурор.

На долю сэра Буллера выпала роль тяжёлой артиллерии, которая прикрывала допущенную контрразведкой ошибку.

Одной из ставок в этой игре было мнение прессы. Прокурор ещё до начала предварительного слушания дела постарался подбросить журналистам побольше сенсационных «фактов» и «разоблачений». Они должны были заранее убедить общественное мнение в виновности человека, именовавшего себя Гордоном

Лонсдейлом, английским бизнесменом.

И ещё они должны были увеличить популярность сэра Реджинальда Мэннингхема-Буллера — реклама нужна и королевским прокурорам.

И пресса действительно подняла невероятную шумиху. В день начала процесса все английские газеты поместили на первых полосах сообщения о предварительном слушании дела Лонсдейла. Крупные заголовки и не менее крупные снимки подогревали любопытство английского обывателя. «Дейли экспресс» через всю первую полосу протянула аншлаг: «Вызывает Москва! — Обвинение утверждает, что у шпионского кольца была прямая радиосвязь с Москвой!» Ниже была помещена фотография Лонсдейла на фоне нью-йоркских небоскрёбов. «Микрофильмы секретных документов Адмиралтейства!» — возвестила в тот же день на первой полосе «Дейли телеграф». Им вторила «Нью-Йорк таймс»: «Англичане утверждают, что разведка добывала планы борьбы с подводными лодками». Даже степенная «Таймс» заняла почти всю полосу сенсационным для неё материалом под заголовком: «Утверждают, что один из обвиняемых — русский!» «Нью-Йорк геральд трибюн» озабоченно сообщала: «Англичане уверяют, что у шпионского кольца была радиосвязь с Москвой». Репортёры подняли крик о «кольце шпионов», подрыве государственных устоев, тотальном шпионаже, коммунистической угрозе и т. д.

…Генеральный прокурор повёл атаку не торопясь. Никто не должен был упрекнуть его в предвзятости.

Первой мишенью для стрельбы он избрал вещественные доказательства, которыми располагала прокуратура. Я сразу почувствовал, что упор сэр Буллер делает при этом на обнаруженные в моей квартире шифрблокноты и оперативную технику. Само по себе это ещё ни о чём не говорило — хранение подобных предметов в Англии не есть преступление, особенно для бизнесмена. Всё же мы живем в век промышленного шпионажа…

Заканчивая обличительную речь, генеральный прокурор продемонстрировал — и не без эффекта — некоторые «вещдоки» — вещественные доказательства. При этом с одним из них — китайским свитком, в ручке которого я хранил отснятые плёнки, произошёл небольшой курьёз.

— Посмотрите на этот свиток! — не без патетики воскликнул прокурор. — Кажется, предмет украшения, не более того… Как бы не так! Это тайник, да, да, тайник!..

И, схватив свиток со стола, он начал открывать его секретное отделение. В зале наступила тишина, репортёры подняли

фотоаппараты. А свиток не открывался. Генеральный прокурор возился с ним, поворачивая и так и этак. Время тянулось мучительно медленно. Лицо и шею прокурора начала заливать густая краска… Выручил помощник — он нажал на деликатный механизм секретного отделения, и свиток наконец открылся.

Затем с показаниями выступил технический эксперт службы безопасности (так официально называется британская контрразведка). Этот весьма энергичный мужчина претендовал на исчерпывающие знания буквально во всех областях разведывательного дела. Он с большим апломбом отвечал на любые вопросы прокурора и судей, безразлично, касались ли они микроплёнок, шифров или пишущих машинок. Эксперт утверждал, например, что одна из захваченных шифровок была отпечатана на той самой машинке, которой я пользовался.

— Не могли бы вы ответить, как называется машинка, о которой вы говорите? — поинтересовался мой защитник.

Эксперт внезапно растерял весь свой пыл. Простой вопрос заставил его стушеваться. После паузы он промямлил:

— Я знаком не с машинками, а только с отпечатанными на них материалами.

Я внимательно фиксировал все промахи следствия. Правда, не я диктовал правила этой игры, но и из ошибок её участников следовало извлечь максимальную пользу.

Потом начался опрос свидетелей.

В своё время суперинтендант Смит уверял меня, что контрразведка знает обо мне буквально всё. Потому я искренне удивился, узнав, что обвинение намерено выставить против меня и привлечённых по моему делу лиц несколько десятков свидетелей. В Англии говорят: чем больше свидетелей, тем менее обосновано обвинение. И уже с первых вопросов прокурора и ответов свидетелей стало ясно, что это именно тот случай, когда количество не переходит в качество. Генеральный прокурор явно хотел потренировать свидетелей перед основным судебным процессом.

Само предварительное слушание не заслуживает подробного описания — как я уже отметил, это была скучная и однообразная процедура. Её унылый ритм нарушали только некоторые нелепые эпизоды, которые случались время от времени на радость журналистам.

Однажды оно даже проходило при закрытых дверях. Газеты намекали, что «за ними» контрразведка представила сногсшибательные доказательства виновности подсудимых, которые по соображениям государственной безопасности нельзя было предать гласности. На самом деле заседание проводилось

так, чтобы спасти от публичной компрометации одного из свидетелей обвинения.

Вот что было в действительности: обвинение представило некую географическую карту, найденную при обыске в доме Хаутона. Один из свидетелей — начальник отдела подводной войны Адмиралтейства капитан первого ранга Саймондс показал под присягой, что карта эта была бы весьма ценной для потенциального противника. Защитник Хаутона, естественно, хотел задать Саймондсу несколько вопросов. Но генеральный прокурор и сам Саймондс бурно протестовали. Карта, заявили они, настолько секретна, что обсуждать её на открытом заседании суда значило бы поставить под угрозу безопасность Великобритании. Журналисты и публика возбуждённо перешептывались, пытаясь хоть краем глаза увидеть документ.

Судья приказал констеблям очистить зал. Публику и журналистов оттеснили в коридор. Подсудимых отвели в камеры. Но минут через пятнадцать их снова пригласили в непривычно тихий и пустой зал: там находились лишь судья, генеральный прокурор, защитники и несколько контрразведчиков.

Тем временем защитник Хаутона тщательно осмотрел виновницу переполоха — карту, улыбнулся и вернул её Саймондсу. Я, внимательно за ним наблюдавший, понял, что Хаутон успел о чём-то предупредить защитника.

— Сэр, — наконец (не без торжественности) сказал адвокат, — вы по-прежнему настаиваете на исключительной секретности этого документа?

— Конечно! — Саймондс изобразил негодование.

— В таком случае, сэр, — с еле приметной иронией предложил защитник, — будьте добры, прочитайте, что написано в правом нижнем углу карты…

Саймондс склонился над картой. В зале повисла тишина. Капитан первого ранга побагровел.

— Я обязательно должен прочитать это вслух? — спросил он растерянно судью.

— Конечно, — сухо ответил судья. — Читайте. Саймондс процитировал:

— Отпечатано издательством Её Величества. Цена 4 шиллинга 6 пенсов…

Разумеется, больше об этой карте на суде не говорилось. Она была исключена из списка вещественных доказательств.

Эпизод этот удивил меня. Вначале контрразведка поторопилась. Но теперь-то у неё было достаточно времени. И всё же она допускала такие грубые ошибки.

Предварительное слушание продолжалось три дня. По утрам,

в одно и то же время, тщательно одетый, выбритый и причёсанный, я занимал своё место на скамье подсудимых. Со стороны могло показаться, что происходящее в зале меня мало волнует и что здесь я — только скучающий зритель. Посторонний, случайно попавший в этот кипящий зал. Внешняя невозмутимость — тот стиль поведения, как мне казалось, который был единственно приемлемым для данного случая.

На самом же деле я напряженно работал, так напряженно, что только ночью, в камере, мог расслабиться.

Прежде всего, надо было понять тактику прокурора. Проанализировать каждое его слово — наверняка на судебном процессе он будет действовать по той же схеме. Найти слабые звенья в цепи доказательств, представленных обвинением. Где неточности, натяжки, просто небрежность, как это было с картой Саймондса? Нащупать возможности парировать удары прокурора. Ведь окончательный приговор вынесут присяжные. Наконец, следовало избрать стиль личного поведения на процессе, который не дал бы повода журналистам для новых нападок.

Всё это предстояло решить до начала процесса. И с полуулыбкой разглядывая зал, я слушал, слушал и запоминал всё, что говорил прокурор, что показывали свидетели. А они мелькали один за другим. Большинство свидетелей были сотрудниками контрразведки, их фамилии не назывались. Чтобы не запутаться, судья называл их буквами: первый стал «мистером А», второй — «мистером Б», и так далее. Был использован едва ли не весь английский алфавит. Метод опроса свидетелей показался мне несколько необычным. Генеральный прокурор играл роль суфлёра-подсказчика. Он спрашивал очередного свидетеля:

— Видели ли вы такого-то числа в таком-то месте обвиняемого, которого теперь знаете как Лонсдейла?

— Да, сэр, — отвечал свидетель. — Такого-то числа и в таком-то месте я видел обвиняемого, которого теперь знаю как Лонсдейла.

— Подходил ли к нему Хаутон?

— Да, сэр, к нему подошёл Хаутон.

— Был ли в руках у Хаутона портфель?

— Да, сэр, в руках у Хаутона был портфель. Иногда от свидетеля требовалось более пространное объяснение. Тогда он вынимал из кармана блокнот и начинал читать по бумажке… Обвинение утверждало, что эти записи были сделаны на месте или сразу же после описываемого события. Никто так и не смог объяснить мне, сколько дней, часов или минут составляло это «сразу же».

Как и следовало ожидать, судья вынес решение о передаче

дела на рассмотрение в Центральный уголовный суд «Олд Бейли».

Защитник предупредил меня, что процесс начнется 7 марта и что председательствовать будет судья Хилберри. Однако за два дня до этой даты мне сообщили, что дело хочет рассматривать сам верховный судья лорд Паркер.

По существующей юридической традиции верховный судья занимается почти исключительно разбором апелляций. Для лорда Паркера процесс Гордона Лонсдейла должен был стать его первым уголовным делом с тех пор, как он был назначен на этот высокий пост.

Итак, против моей скромной персоны британское правосудие выдвигало двух самых высоких своих столпов…

Тут стоит сказать, что мой адвокат Хард — высокий, крупный, спортивного склада мужчина — был специалистом своего дела. Мы называли друг друга по имени, что в Англии равнозначно обращению на «ты». Кампания, поднятая прессой, не произвела на Харда никакого впечатления, во всяком случае, не изменила его отношения ко мне. Хард довольно быстро разобрался, какой стране я служу, и, сделав это открытие, подчёркнуто дружелюбно заметил:

— На войне как на войне. Вы честно выполняли свой долг, и я могу только уважать вас за мужество и восхищаться тем, как вы мастерски играли роль канадского бизнесмена…

У меня были все основания верить в искренность адвоката.

— Мне хотелось бы обсудить с вами одно важное коммерческое дело, — как-то сказал мне Хард.

Я подумал, что адвокат имеет в виду судьбу моих четырёх фирм. Но нет. Газеты обратились к Харду с заманчивым предложением — опубликовать мемуары Гордона Лонсдейла. Ему готовы уплатить бешеные деньги.

Я рассмеялся: нет, это не для меня.

— Дорогой друг, я благодарен за заботу, но давайте забудем предложения журналистов.

Хард был явно разочарован.

На другой день он снова пришёл ко мне. Газетчики решили, что я просто набиваю цену. В самом деле, разве Гордон Лонсдейл — деловой парень может поступить иначе? Конечно же, не торопится принимать первое предложение… Теперь уже мне предлагали баснословные деньги — десятки тысяч фунтов стерлингов буквально за несколько страниц.

— Вы можете хорошо заработать, — убеждал адвокат. — Вряд ли есть смысл отказываться от этого.

— Но мне не нужны деньги, — стараясь улыбкой смягчить

отказ, ответил я.

Если бы сделка состоялась, Хард получил бы от газет и от меня солидные комиссионные.

— Деньги нужны всем! Тем более такие большие… Знаете, что мне сказал редактор «Дейли мейл»? За мемуары герцогини Аргайльской они заплатили 75 тысяч фунтов стерлингов! «А Лонсдейл же может сам назначить гонорар за свои мемуары…» Вот что мне сказал редактор!

Газеты в то время из номера в номер публиковали истории скандальных развлечений экстравагантной герцогини.

— И все-таки, дорогой друг, — вполне искренне сказал я, — вы лучше других знаете, что деньги мне действительно не нужны. Куда они мне… Здесь я не могу купить ничего, кроме книг и журналов. Денег, которые сейчас у меня есть, хватит лет эдак на сто, а я не думаю, что приговор будет настолько суров.

Довод не произвёл на адвоката впечатления.

— Вам следует подумать и о будущем.

— Но я не желаю давать дополнительные материалы моим обвинителям, — привёл я последний аргумент. — Ведь они-то наверняка используют их.

Хард рассмеялся:

— Какой вы чудак. Да разве кто-нибудь рассчитывает, что вы напишете правду? Газете требуется лишь ваша подпись. Всё остальное они выдумают сами. Вы что, не знаете, как работает эта кухня?

В тот день мы так ни до чего и не договорились. Но Хард снова возвратился к этой теме.

— Гордон! — воскликнул он с дрожью в голосе на следующей встрече. — Я принёс вам великолепное предложение!

Оказалось, одна из газет готова платить 2500 фунтов за одно лишь право «первой руки», то есть за право сделать мне первое предложение в случае, если я всё-таки решу написать мемуары.

— Дорогой друг, я ведь уже говорил, что не собираюсь ничего писать, — пытался отбиться я. Меня забавляла горячность Харда, искренняя забота о том, чтобы я сколотил солидный капитал.

— Но примите хотя бы этот задаток, — взывал к моему благоразумию Хард. — Газета прекрасно знает, что идёт на немалый риск, но считает, что игра стоит свеч.

Я уступил. Предстояли огромные судебные издержки — по самым скромным подсчётам, только защита должна была обойтись в четыре тысячи фунтов стерлингов.

Интервью с героем книги:

— До суда остаётся месяц… Не так уж много. О чём

были ваши мысли?

— Конечно, я не питал никаких иллюзий в исходе процесса. Я знал законы своей профессии и предвидел, что может случиться и такое. И, конечно же, был готов к этому, примерно так же, как лётчик-испытатель, который, собираясь в полёт, прекрасно отдаёт себе отчёт, чем рискует. Но он также знает, насколько необходим этот риск во имя победы, совсем не малых целей, которые стоят сейчас и перед ним в том числе. Разведчик тоже рискует своей свободой, жизнью, наконец, и цели, которыми он руководствуется, тоже благородны и высоки. Скажем, не дать вспыхнуть новой войне, уберечь мир от ядерной катастрофы.

Итак, я знал, что исход процесса предрешён. Но оружия складывать не собирался. Одна из задач, которую я поставил перед собой, заключалась в том, чтобы заставить на процессе английскую контрразведку выложить как можно больше информации о себе. Это можно было сделать, если б удалось убедить защитника задавать совершенно конкретные вопросы некоторым из свидетелей… Я считал и считаю: разведчик должен оставаться разведчиком даже на скамье подсудимых. И в зале суда он продолжает работать… Я должен был создать такие ситуации, при которых английская контрразведка показала бы, что она знает действительно и чего вовсе не знает о нас. Это в значительной степени удалось.

Сошлюсь на свидетельство Джона Буллока — автора книги «МИ-5». Он писал, что в ходе расследования нашего дела *«…контрразведчики вынуждены были применить буквально всё, чем располагали в своём арсенале, и многое из того, что было сделано, пришлось раскрыть на суде. По-видимому, это был первый за всю историю МИ-5 случай, когда она полностью раскрывала методы своей работы»*.

Мне также хотелось своим поведением на суде дать понять тем друзьям на воле, что помогали мне в работе: вы можете не волноваться за свою судьбу и полностью положиться на разведчиков нашей страны. Это имело определённое нравственное, если хотите, значение.

Ну, и, наконец, надо было показать англичанам, как ведут себя в подобной ситуации коммунисты… Может быть, мои слова выглядят несколько декларативно, но, без рисовки, я действительно думал обо всём этом, хотя

и не в столь чётких и определённых формулировках.

Естественно, меня тревожили мысли о семье. Жена в то время ничего не знала об испытаниях, которые выпали на мою долю. Но я понимал, конечно, что Центр рано или поздно поставит её в известность. Мысли о ней, о переживаниях матери — самых близких мне людей — угнетали. С другой стороны, я знал, что товарищи по работе сейчас жадно ловят каждое слово обо мне, меня как бы оценивают заново: «А что ты за человек на самом деле?» Это придавало силы, помогало вести себя так, чтобы они могли сказать: «Да, мы не ошиблись в тебе».

* * *

Процесс над полковником Молодым начался 13 марта 1961 года.

Глава XXIX

И снова были зловещие вопли сирен, тесная камера на колёсах — «Чёрная Мэри», где я, сидя в крохотной кабине без окон, пытался по тому, как машина притормаживала, скрипела тормозами, делала правые или левые повороты, угадать, сколько километров мы проехали. Делал это я, скорее, по привычке — и так знал, куда едут, — но хотелось, чтобы всё это поскорее закончилось и можно было выбраться из душной клетки на воздух.

Первую остановку «Чёрная Мэри» сделала в одном из полицейских участков в центре города — это был «этап» на пути в Центральный суд. Здесь заключённых «сбивали» в группы по судебным участкам. Наша группа уже была в сборе. Полицейские чины нервничали, без толку торопили заключённых.

Наконец и это осталось позади.

В десять утра меня доставили в «Олд Бейли» — Центральный уголовный суд называют так по имени крохотного переулка, где расположено это внушительное, старинной постройки здание, на куполе которого восседает богиня правосудия Фемида, равнодушно прислушиваясь к шуршанию шин, в том числе и «Чёрных Мэри». Глаза у Фемиды, как и положено, прикрыты повязкой, в одной руке — весы, в другой — меч. Нет, весы были предназначены не для меня…

Двое полицейских повели меня в камеру. Я отметил, что переходы усиленно охраняются. За несколько минут до начала процесса всем нам предложили пройти в зал суда. Мы поднялись по тихой и абсолютно пустынной лестнице — если не считать полицейских и контрразведчиков, молча торчавших на её маршах. Каждый из нас думал, как я понимаю, о своём. Хаутон, видимо, ещё надеялся, что суд примет во внимание его готовность сотрудничать с обвинением и то, что он был усерден в даче показаний. Джи ещё верила, что досточтимые судьи учтут её глубокое раскаяние. Ну, а я просто прикидывал, на сколько дней может затянуться процесс, — надо было рассчитать силы, чтобы их хватило до конца. В том, что из присяжных выжмут для меня максимальный срок, я уже не сомневался.

Потом мы поднялись по крутой лестнице в «док» — так называют небольшую платформу с ограждением, на которой находятся обвиняемые во время процесса, — и полицейский указал каждому его место.

Теперь несколько минут я мог просто разглядывать зал. Просто смотреть.

Между «доком» и возвышением для судей — оно пока что пустовало — я увидел длинный стол, на зелёной скатерти которого в строгом порядке лежали разные знакомые мне вещи — фотоаппарат, шифрблокноты, злополучная сумка Джи. Там был и китайский свиток, в ручке которого я хранил плёнки, — «Этот милый серый кот…» Теперь все эти привычные для меня вещи были возведены в ранг вещественных доказательств. За столом уже торжественно восседали государственные чиновники, контрразведчики и полицейские — последние в штатском.

Слева возвышалась ложа присяжных заседателей. Дальше были места, которые традиционно занимает пресса, не всякая, конечно, а лишь представители самых влиятельных газет. И, наконец, справа от судьи — разместились защита и обвинение. Здесь же находились и почётные гости, многие попали благодаря «хорошим связям» — процесс обещал быть шумным. Среди них я заметил первого лорда Адмиралтейства. Почтенный джентльмен, видимо, хотел лично убедиться, что же происходило на одном из вверенных ему объектов. Над скамьями для почётной публики, как огромное ласточкино гнездо, навис балкон для публики попроще. Чтобы попасть туда, как я узнал потом, очередь занимали чуть ли не с ночи. И там тоже я увидел знакомые лица партнеров по бизнесу. По неофициальным правилам я мог просить пропуска для друзей. И потом, во время процесса, на балконе обязательно находился кто-нибудь из моих лондонских приятелей. А партнёры по бизнесу попали даже на скамью для особо почётных гостей. Они чувствовали себя именинниками, охотно давали интервью газетам. Суть их ответов сводилась к двум пунктам: «Гордон был хороший парень» и «Кто бы мог подумать?»

Заседание началось.

Торжественно прошествовали к своим местам трое судей. Благородными складками ниспадали с их фигур пурпурные, отделанные горностаем, мантии. Лица обрамляли старинные парики. Пышно разодеты были и защитники, и представители обвинения: длинные парики, чёрные мантии, широкие белые галстуки.

Сама история британского правосудия торжественно входила в зал «Олд Бейли».

Правда, это несколько напыщенное представление чуть портила фигура верховного судьи: затянутая в талии и расклешенная книзу мантия, покачивающаяся при каждом движении на сухопарых бёдрах, делала лорда Паркера несколько похожим на стареющую женщину. А генеральный прокурор в своей мантии и белом парике, по едкому замечанию одного

журналиста, напомнил ему тётку Чарлея…

Когда все участники театрализованного действа заняли отведённые им ритуалом места (судьи уселись под огромным «мечом правосудия», установленным на специальной подставке), в пространстве между «доком» и столом судей появился небольшого роста человечек в странном одеянии. Он развернул старинный свиток и начал выкрикивать высоким фальцетом на уже забытом всеми древне-кельтском языке какие-то длинные фразы…

Славные средние века пышно демонстрировали себя в главном суде современной Англии.

Я в своё время занимался исторической грамматикой английского языка, но не без труда разобрал: «Слушайте все! Слушайте все! Сегодня здесь будет творить правосудие Верховный судья лорд Паркер по делу «Королева против Гордона Лонсдейла, Харри Хаутона и Этель Джи», которые обвиняются в тайном сговоре с целью нарушить закон об охране государственной тайны…»

После некоторых осложнений с коллегией присяжных (один из защитников отклонил из состава коллегии присяжных заседателей всех женщин) двенадцать респектабельных джентльменов заняли свои места и приготовились творить правосудие. Каждый из них представлял именно тот класс, который правил в этом государстве, и каждый, не приступив ещё к своим обязанностям, уже был твёрдо убеждён, что человек, именуемый Гордоном Лонсдейлом, «виновен».

Клерк суда скороговоркой зачитал обвинительный акт: в такой-то период Лонсдейл, Хаутон, Джи, бубнил он, вступили в тайный сговор с целью нанести ущерб государству, передав другим лицам сведения, которые могли оказаться прямо или косвенно полезными врагу.

— Подсудимый Гордон Лонсдейл! — изрёк традиционную фразу главный судья Паркер. — Признаёте ли вы себя виновным в тайном сговоре нарушить закон об охране государственной тайны?

И после этого начал обвинительную речь генеральный прокурор. Для него это был большой день. Вскоре сэр Реджинальд Мэннингхем-Буллер был произведён в лорды-канцлеры — его заслуги оценили. Будущий лорд читал свою речь старательно и с выражением. Он громил, обличал, иронизировал и, воздев над головой руки так, что болтавшиеся при каждом его движении рукава чёрной мантии соскальзывали к плечам, взывал к патриотическим чувствам галерки. Где надо, он повышал голос почти до крика, где надо, понижал его до трагического шёпота.

Иногда заученным картинным жестом он поднимал со стола какое-нибудь вещественное доказательство и демонстрировал его суду. Я улыбнулся, заметив, что китайский свиток был подан прокурору уже вскрытым.

Хотя, как понимаете, в этот момент мне было не до эмоций: я старался не пропустить ни слова из речи прокурора. Именно из неё, а потом и из показаний свидетелей я мог выяснить, что же известно и что неизвестно о моей работе следствию. Естественно, я снова тут же обратил внимание, что обвинение в шпионаже было заменено обвинением в тайном сговоре. Из этого можно было сделать вывод, что английской контрразведке так и не удалось выявить каналов моей связи с Центром. Это было великолепным успехом, говорившим о высокой надёжности и конспиративности нашей работы.

Потом мне стало ясно, что контрразведка «вышла» на меня сравнительно недавно и не сумела нащупать другие, значительно более ценные связи. Это тоже радовало.

Я по возможности старался слушать генерального прокурора: не обращая внимания ни на его патетические вскрики, ни на трагические ноты, когда тот обращался к патриотическим чувствам присяжных заседателей и публики. Я и не надеялся, что на судебном процессе хоть кто-нибудь скажет правду о моей работе, о том, что она служила одной цели: предотвратить новую мировую — скорее всего ядерную, бактериологическую — войну. Было бы нелепостью рассчитывать на то, что кто-нибудь из этих респектабельных джентльменов вдруг встанет и бросит в зал:

— А ведь действительно то, что происходит в адской бактериологической кухне Портона и на американских базах, расположенных на английской земле, касается не только Англии, но и всего мира.

Судей, как я отметил, было трое. Двое — весь процесс молчали. Они только изредка согласно кивали, когда Верховный судья обращался к ним за поддержкой. Тон задавал лорд Паркер. Он восседал на своём месте с холодной, высокомерной улыбкой на бескровных, плотно сжатых губах. В его репликах, которые он щедро отпускал всем, особенно нам, обвиняемым, сквозило плохо скрытое презрение. Лорд Паркер не говорил, а изрекал. Ещё точнее — вещал… Я абсолютно уверен, что этот достойный представитель своего класса искренне считал всех, кто не состоит в одном с ним клане, людьми второго сорта. Не стоит обвинять меня в предвзятом отношении к досточтимому лорду. Его аристократический снобизм на процессе заметили и журналисты, и публика. И платили ему той же монетой — неприязнью…

Между тем процесс разворачивался по заведённому порядку.

После «Сэра Устрашающего» наступила очередь суперинтенданта Смита из Скотленд-Ярда. Я отметил происшедшую в суперинтенданте перемену. Голос звучал несколько робко и неуверенно. Он сильно смахивал на школьника, не успевшего вызубрить урок. Смиту вскоре предстояло уйти в отставку, и он надеялся заработать на сенсационном деле Орден Британской Империи и повышение до чина главного суперинтенданта. Однако этому не суждено было сбыться: на свою беду, он завалил «экзамен» и вскоре был уволен из полиции без награды и повышения. Центральными в показаниях Смита были свидетельства, относящиеся к моему аресту.

Прокурор. Вы видели, как Лонсдейл встретился с Хаутоном и Джи?

Смит. Да, сэр, я видел, как Лонсдейл встретился с Хаутоном и Джи.

Прокурор. Лонсдейл взял у Джи хозяйственную сумку?

Смит. Да, сэр.

Прокурор. Вы их догнали и сказали: «Я полицейский и арестовываю вас»?

Смит. Да, сэр.

Прокурор. Что сделали они?

Смит. Когда я сказал это, Джи сказала: «О-о-о», Хаутон сказал: «Что?», а Лонсдейл не произнёс ничего.

Прокурор. Затем с помощью других полицейских вы поместили их в машины?

Смит. Да, сэр. Каждого в отдельную машину.

(Вспомнив, как это было, я улыбнулся про себя: на каждого из нас приходилось по четыре полицейских, они буквально облепили меня, Хаутона и Джи, и каждый считал своим долгом развить бурную деятельность: покрикивал, подталкивал задержанных к машинам).

Прокурор. И что было дальше?

Смит. Мы привезли их в Скотленд-Ярд и поместили в разные комнаты.

Прокурор. В Скотленд-Ярде вы обследовали содержимое хозяйственной сумки Джи?

Смит. Да, сэр.

Прокурор. В ней было два свёртка?

Смит. Да, сэр.

Прокурор. В одном из свёртков были вот эти четыре отчёта государственных комиссий о результатах испытаний различных гидроакустических приборов?

Смит. Да, сэр. Я нашёл в этом свёртке эти четыре отчёта со схемами и диаграммами.

Прокурор. Во втором свёртке вы нашли вот эту банку с непроявленной плёнкой?

Смит. Да, сэр.

Прокурор. Затем в Скотленд-Ярде вы допросили Лонсдейла?

Смит. Да, сэр. Я спросил его фамилию и адрес, и он сказал: «На любой ваш вопрос мой ответ будет «нет», поэтому не задавайте их зря…»

И так до бесконечности. Прокурор подсказывал. Смит подтверждал. Всё, что изрекал прокурор. Временами в зале возникал глухой шумок: непосвящённые в тонкости судопроизводства уже изнемогали от скуки.

Мелькали серыми, безликими тенями свидетели, они дружно подтверждали всё, что сообщал им генеральный прокурор. Иногда он уступал своё место «младшему», как принято называть в английском суде помощников обвинителя. В роли такого «младшего» выступал известный юрист Гриффитс-Джонс. Незадолго до этого он прославился своим неудачным обвинением по делу одного из издательств в связи с попыткой запретить публикацию нашумевшей книги «Любовник леди Чаттерлей».

Был на суде и помощник «младшего», но он не проронил ни слова в течение всего процесса. Я так и не понял его функций: быть может, он готовил речи для обоих «старших»?

И странное дело — чем больше выступало свидетелей, чем больше задавал обвинитель вопросов, тем увереннее я себя чувствовал. На суде не привели ни одного серьёзного доказательства, что я или кто-либо другой из обвиняемых передал какие-то секретные сведения потенциальному противнику. Стало ясно, что обвинение просто решило давить на присяжных заседателей числом свидетелей, хотя часть их вообще не имела никакого отношения к делу.

На моей квартире нашли несколько кассет с плёнкой. Английский представитель фирмы, выпускавший эту фотоплёнку, был вызван в качестве «внезапного свидетеля», то есть такого, о котором не была заранее предупреждена защита. При умелом использовании такой манёвр обычно вызывает у защиты растерянность и неотразимо действует на присяжных. Здесь же произошло по-иному. Представитель фирмы показал, что, судя по номеру на коробке, плёнка не могла быть куплена в Англии до такого-то срока. Я тут же сообщил защитнику, что купил плёнку в Швейцарии примерно за шесть месяцев до даты, установленной свидетелем, и отнюдь не собираюсь этого скрывать. На плёнке вообще не было ничего заснято. Защитник спросил «внезапного свидетеля», когда можно было купить плёнку этой серии за пределами Великобритании. Свидетель сослался на то, что

располагает достоверными сведениями только в отношении Великобритании. Словом, всё это было довольно бессмысленным.

Даже газеты на следующий день выражали недоумение по поводу целей обвинения, пригласившего этому никому не нужного свидетеля.

А судьи? Лорд Паркер, которому вскоре предстояло удивить своих коллег небывалым в истории английского правосудия приговором, казалось, даже не слушал показания свидетелей. Лицо его не выражало ничего — ни любопытства, ни негодования. И иногда, очень, очень редко, он вмешивался в допрос, и всякий раз это делалось с одной целью — обратить внимание присяжных на какое-то (конечно же, выгодное для обвинения) обстоятельство. «Эта сумка, в которой были обнаружены секретные документы, в момент ареста находилась в руках у Лонсдейла?» — спрашивал он Хаутона. И этот призыв к двенадцати присяжным надо было понимать так: обратите внимание — факт, что Лонсдейлу были переданы секретные документы, доказан.

Тактика лорда Паркера оказалась куда более результативной, нежели бесчисленные вопросы прокурора. И всякий раз, когда надменный лорд открывал свои уста, присяжные уже знали, что им следует подумать над услышанным.

День проходил за днём, процесс медленно катился к финишу. Постепенно я привык к судебной процедуре и начал воспринимать её почти механически: вот выходит очередной свидетель. Торопливо кладёт руку на Библию, поднимает вверх правую ладонь, бубнит присягу: «Клянусь говорить правду, только правду и одну только правду», отвечает обвинителю, затем — защите.

Свидетели чётко делились на категории. Сначала выступали свидетели службы наружного наблюдения контрразведки — подробно и детально, с помощью схем улиц, они показали, где и когда видели меня вместе с Хаутоном. Но, кроме самого факта встреч, ничего по существу раскрыть они не смогли.

Потом пришла очередь полицейских, производивших обыск в моей квартире: один предъявил мой фотоаппарат, другой — различную фотоаппаратуру, третий — шифры, четвёртый — деньги и так далее. Большинство полицейских, как и на предварительном следствии, фигурировали не под фамилиями, а под псевдонимами: «господин А», «господин Б», «мисс К». Полицейских свидетелей было много. Очень много.

Я решил не давать никаких показаний — было ясно, что они не принесли бы никакой пользы. Да и не было у меня никакого желания подвергнуться перекрёстному допросу со стороны

генерального прокурора и его «младших» по всем аспектам своей деятельности в Англии в течение шести лет.

Хаутон давал показания полтора дня подряд, и чем больше он говорил, тем хуже оборачивалось дело для него самого. Он «на блюдечке» преподнёс следствию такой важный факт: отставной моряк знает Гордона значительно дольше, чем полгода, как это предполагало обвинение. Напрашивался элементарный вывод, который тут же был сформулирован прокурором: за более долгий срок Хаутон успел передать разведчику и больше секретных материалов. Следовательно, вина его ещё значительнее.

Когда Хаутон понял, к чему привело усердие, физиономия его стала растерянной и унылой, и такой она оставалась до конца процесса.

На вопрос защиты он вынужден был сказать, что предлагал Смиту свои услуги как «свидетеля королевы» — иначе говоря, хотел дать показания против остальных обвиняемых. Хаутон был не прочь спасти свою шкуру, выступая на процессе против Лонсдейла и своей возлюбленной Банти Джи.

Да, заявил Хаутон, я знал Гордона Лонсдейла как Алека Джонсона, капитана второго ранга американского военно-морского флота. А дальше отставной моряк понёс такую околесицу, что вызвал пренебрежительную гримасу и неочередную скептическую реплику даже у лорда Паркера. Хаутон красочно рассказывал, что стал передавать «Джонсону» материалы после зверского избиения его какими-то лондонскими громилами.

— Я опасался за свою жизнь и потому начал выполнять «просьбы» Джонсона, — закончил он свою нелепую импровизацию.

— Почему же вы не искали защиты у полиции? — логично спросил лорд Паркер.

Ответить Хаутону было нечего, он только уныло опустил голову. Видимо, нелепую эту версию подбросил ему защитник — молодой начинающий адвокат, нанятый одной из воскресных бульварных газет. Газета предложила Хаутону за право публикации мемуаров оплатить его защитника. Очевидно, заботясь о содержании будущих мемуаров, защитник и Хаутон и дали волю фантазии. «Мемуары» были опубликованы сразу после окончания процесса, я провёл несколько веселых минут, перечитывая эту липу.

Мисс Джи также решила давать показания. В качестве её защитника на процессе выступал молодой адвокат, тоже приглашённый газетой. Банти заранее прорепетировала с защитником всё, что должна была сказать судьям. Видимо, она

произвела на них достаточно приятное впечатление: честная, но недалёкая женщина, которая искренне любила Хаутона и ради этой любви, не понимая всей серьёзности своих поступков, позволяла брать у неё на короткий срок секретные документы.

Защитник ловко предоставил ей возможность рассказать свою нехитрую биографию. Публика сострадательно перешептывалась, когда Банти Джи со слезой в голосе повествовала о своей не очень счастливой судьбе. Вывод напрашивался сам собой — Банти подвела неискушенность и любовь к Хаутону. Она впервые узнала на суде, что человек, с которым её познакомил Хаутон, вовсе не Алек Джонсон, капитан второго ранга, а Гордон Лонсдейл. «А теперь ещё мистер Смит, — растерянно сказала Банти, — утверждает, что он совсем и не Гордон Лонсдейл… Я совсем запуталась?»

Присяжные вполне могли ей поверить — к тому времени они и сами уже во многом запутались, и только непоколебимая твёрдость лорда Паркера и сотни вопросов «Сэра Устрашающего» служили им компасом в изменчивом море судебного процесса.

Сохранилась стенографическая запись вопросов к Банти Джи и её ответов на них. Вот выдержки из этого документа.

Вопрос. Скажите, какое он произвёл на вас впечатление? Что вы заметили?

Ответ. М-м-м-м, я заметила у него перстень с красноватым камнем и непривычные для меня часы, кажется, они показывали не только время, но и дату и ещё что-то.

Вопрос. А ещё что? Кроме того, что он жевал жевательную резинку? С каким акцентом он говорил?

Ответ. Я бы сказала, что с типично американским…

Ответы должны были подтвердить версию о неискушённости Банти Джи: добрая, но несколько ограниченная женщина просто познакомилась с приятелем своего возлюбленного. Так ведь бывает довольно часто.

Всё вроде бы шло неплохо для Банти Джи. Казалось, её версия пришлась по вкусу судьям и прокурору. Уголки губ лорда резко опустились вниз, свидетельствуя о его презрении к туповатой женщине из простонародья, позволившей «одалживать» у себя секретные документы. Притих и «Сэр Устрашающий»: в его взоре можно было прочесть сожаление по поводу того, кому доверяют на важнейших объектах Адмиралтейства секретные документы.

Но прокурор пребывал в бездействии недолго. Начался перекрёстный допрос обвиняемой, который практически разрушил всё возводимое с таким старанием Банти и её адвокатом здание защиты.

Прокурор начал задавать свои вопросы вкрадчиво, тоном доброго учителя, разговаривающего с неразумным, впутавшимся не по своей воле в скверную историю учеником.

Вопрос. Что вы сказали на допросе в Скотленд-Ярде?

Ответ. Что вы имеете в виду?

Вопрос. Вы сказали: «Я не сделала ничего дурного»?

Ответ. Да.

Вопрос. Что вы хотели этим сказать?

Ответ. Тогда я не знала ничего из того, что услышала здесь, и была убеждена, что не делала ничего дурного.

Вопрос. Значит, до самого ареста вы не подозревали Алека Джонсона?

Ответ. Я только тогда поняла, что здесь что-то не так, когда узнала, что его зовут Гордон Лонсдейл…

Недремлющий лорд Паркер неожиданно задал вопрос: «Вы назвали его Алеком. Вы были с ним на «ты»?» От судьи к присяжным ушло своеобразное «указание»: обратите внимание на противоречия в показаниях этой мисс, едва знает какого-то американца, если судить по её словам, а уже на «ты», в Англии так не бывает.

Потом Джи должна была как-то объяснить, почему она передавала возлюбленному секретные документы.

Вопрос. Лонсдейл в вашем присутствии попросил Хаутона сфотографировать некоторые документы?

Джи попыталась увильнуть от ответа. Простовато глянув на «Сэра Устрашающего», она сказала, что не прислушивалась к разговору мужчин и не понимала, о чём, собственно, идёт речь.

Но «Сэра Устрашающего» не так-то просто было обвести вокруг пальца. Он вновь и вновь задавал этот вопрос и на основании показаний Банти всё-таки заставил её сказать: «Да».

Вопрос. Вы также знали, что Хаутон не имеет доступа к этим документам.

Ответ. Да.

Вопрос. И тогда вы согласились передать Хаутону документы для фотографирования?

Ответ. Да.

Вопрос. Другими словами, вы согласились на фотографирование секретных документов, касающихся флота Её Величества?

Ответ. Да…

В этот момент в допрос вмешался лорд Паркер. Он потребовал от Джи: «Говорите громче, вас не слышат господа присяжные». Джи повторила чуть громче, но всё так же еле слышно: «Да». Ради этого утверждения и велась вся предыдущая

часть допроса. Но прокурор уже приготовился к новой атаке на Джи.

Прокурор. И эти сфотографированные документы Хаутон должен был передать Лонсдейлу?

Ответ. Да.

Прокурор. Вы знали, что Лонсдейл является посторонним лицом? Лицом, которому не разрешен доступ к этим секретным документам?

Ответ. Я думала, что он офицер американского флота, то есть наш союзник…

Судья перебил Джи: «Отвечайте на вопрос!» Джи понимала, что от её ответа зависит многое, и не решалась сказать ни «да», ни «нет», молчала, бросая тревожные взгляды на своего защитника. Но в данной ситуации тот ничем ей не мог помочь. Лорд Паркер бросил стенографисту: «Прочтите последний вопрос генерального прокурора». Стенографист заглянул в свою тетрадку, торопливо прочёл: «Вы знали, что Лонсдейл является посторонним лицом? Лицом, которому не разрешен доступ к этим секретным документам?»

— Да, — еле прошептала несчастная, догадываясь, что ей уже не выпутаться из этой сети.

Темп вопросов нарастал, тон стал обличающим, а Джи всё сникала и сникала. Допрос длился несколько часов, и к его концу Джи безумно устала: взгляд её потерял ясность, на скулах выступили капельки пота, плечи безвольно опустились. Своими показаниями она топила и себя, и Хаутона.

Прокурор. Итак, в пятницу 6 января вы вынесли с территории полигона секретные документы?

Ответ. Да.

Прокурор. С тем, чтобы Хаутон сфотографировал их и передал фотографии или плёнку Лонсдейлу?

В словах прокурора уже не чувствовалось вопроса: он констатировал установленный факт. Но Джи не хотела сдаваться.

Ответ. Я не знала, будет ли он их фотографировать.

Прокурор. Скажем иначе: вы передали их Хаутону, чтобы он либо сфотографировал их, либо передал Лонсдейлу?

Ответ. Я не знала, что он будет делать.

Прокурор. Отвечайте на вопрос: «да» или «нет»!

Ответ. Да.

Прокурор. Вы знали, что Лонсдейл иностранец?

Ответ. Я думала, он американец.

Прокурор. Да или нет?

Ответ. Да.

Прокурор. Вы давали подписку о неразглашении

государственной тайны?

Ответ. Да…

Банти Джи ответила еле слышно. А прокурор почти закричал: «Так почему же в начале процесса вы заявили, что не признаёте себя виновной?» Это уже был вопрос не только к Джи: генеральному прокурору хотелось, чтобы его услышали все, кто присутствовал в зале, — и судьи, и присяжные заседатели, и журналисты.

Коротеньким «да» Джи подписывала себе приговор.

Прокурор поклонился судье и, не скрывая торжества, произнёс: «Ваша честь, у обвинения больше вопросов к подсудимой нет!» И лорд Паркер понимающе кивнул: вопросов больше и не требовалось.

Трогательная история Джи о том, как любовь к Хаутону и надежда, что он женится на ней, заставили её встать на преступный, как она теперь поняла, путь, не производила больше впечатления на присяжных.

Джи одержала единственную маленькую «победу». Ей удалось доказать, что акции и ценные бумаги, обнаруженные при обыске в её доме, она приобрела задолго до того, как узнала о существовании Алека Джонсона. Зная Хаутона, можно было предположить, что Джи говорит правду: вряд ли тот когда-либо давал ей деньги.

Человек, который решил бы, что Лонсдейл, с непроницаемым видом сидевший на скамье «дока», слушает показания Хаутона, Джи, свидетелей безучастно, глубоко ошибся бы. Напротив — я старался сохранить в памяти каждое слово, каждый жест, напряжённо анализировал всё, что происходило в чопорном зале «Олд Бейли». Нужно было выделить главное, о чём следовало посоветоваться с защитником. Что-то необходимо было просто запомнить.

За день до окончания процесса мне сообщили, что со мной хотел бы встретиться представитель газеты «Пипл». Я чертовски устал. Устал физически, устал душевно — всё время приходилось держать себя под контролем: за каждым жестом, выражением лица, глаз наблюдал весь зал.

— Журналист? — переспросил я Харда, сообщившего эту новость. — Как ему удалось добиться встречи со мной?

— «Пипл» выходит тиражом в пять миллионов. Влиятельна, богата. Перед ней открыты все двери. И тюремные тоже…

— Хорошо. Я встречусь с представителем газеты. Но редактор должен дать письменное обязательство — не разглашать содержание нашей беседы и даже сам факт встречи. Я не хочу, чтобы встреча с журналистом как-то повлияла на ход процесса.

Конечно же, я не имел ни малейшего желания встречаться с представителями прессы, мне просто не хотелось отказывать Харду, к посредничеству которого обратилась «Пипл», — адвокат показал себя в эти дни в высшей степени достойным человеком.

Редактор «Пипл» немедленно прислал письменное обязательство. Во время перерыва меня отвели на нижний этаж Центрального суда, в комнату для свиданий. Там было несколько выстроившихся вдоль стенок будок — вроде телефонных.

— Сюда, — показал мне полицейский. Я шагнул в будку, присел на скамейку. Прямо перед собой через окошко с армированным стеклом увидел точно такую же клетку. Она была пуста. Но тут же в ней появился мужчина, лицо которого показалось мне знакомым: а, сам Кен Гарднер. Фотография главного репортера «Пипл» регулярно появлялась на её полосах.

Встрече было отведено максимально возможное в этих условиях время — пять минут. Гарднер сразу перешёл к делу. Он задавал вопросы быстро, чётко. Все они были подготовлены заранее.

— Мистер Лонсдейл, вы намерены писать мемуары?

— Вряд ли, — ответил я.

— Мы заплатили бы большие деньги! Не стоит думать об отказе…

— В моём положении деньги не очень нужны… — улыбнулся я.

— Что вы! — энергично запротестовал Гарднер. — Ведь у вас есть семья, родственники. Мы доставим деньги — в любой валюте — в любую точку земного шара и передадим их любому лицу по вашему указанию…

Гарднер очень спешил. Время истекало.

— Позаботьтесь о своих детях! Мы вложим деньги в самые надёжные бумаги, и к выходу из тюрьмы вы будете очень богатым человеком, — торопливо уговаривал он.

Но доводы его не производили большого впечатления. Репортёр понял это и, взглянув на часы, сказал:

— Время истекает. Можно задать вам два вопроса?

— Пожалуйста, но только помните, что вы не имеете права публиковать мои ответы.

— Первый вопрос: сегодня присяжные заседатели вынесут свое решение. Как вы настроены — оптимистически или пессимистически?

— Ни так, ни эдак.

— А как же?

— Реалистически.

— А как это понять?

— Вы присутствовали на всех заседаниях суда. Понимайте, как хотите. — Мне не хотелось продолжать бесполезный разговор.

— Второй вопрос: ваша самая любимая женщина?

— Жена. Кто же ещё?

Гарднер разочарованно вздохнул. Ответ был явно не для «Пипл». Крупная воскресная газета потчевала читателей всевозможными сенсациями, Кен же был её главным «разгребателем грязи» — иначе говоря, поставлял на полосы сенсационные материалы: секс, убийства, коррупцию, бракоразводные процессы «звезд» и так далее. Целыми днями рыскал он в поиске нужных людей, кого надо угощал, кому надо платил, а вернувшись ночью в номер гостиницы, тут же садился за пишущую машинку, выколачивая к утру два десятка страниц. Работоспособность он поддерживал при помощи виски с содовой.

Наконец машина британского правосудия подкатила к заранее намеченному рубежу. Оставалась лишь маленькая «формальность»: вынести подсудимым приговор.

22 марта 1961 года газета «Дейли мэйл» в репортаже о седьмом дне процесса писала:

> «Затем он (Лонсдейл. — *Ред.*) обернулся к жюри, все члены которого были мужчины, и на безупречном английском языке с чётко выраженным американским акцентом зачитал свое заранее заготовленное заявление. Из этого заявления следовало, что никто из арестованных не находился с ним ни в какой преступной связи и что если суд на основании имеющихся у него улик посчитает обвинение доказанным, то виновным является (будет) только он, какие бы последствия для него это ни повлекло».

Впоследствии Конон Молодый, мотивируя такое заявление, говорил:

— Я вообще считал полезным укрепление морального состояния арестованных… и что на советских разведчиков всегда можно положиться, думал, что в конечном итоге мой поступок произведёт на общественное мнение положительное впечатление и покажет наше моральное превосходство…

23 марта Верховный судья лорд Паркер несколько часов кряду резюмировал ход процесса для присяжных заседателей, чтобы «помочь» им прийти к правильному решению. Он всячески подчёркивал всё, что говорило не в пользу обвиняемых, и искусно обходил слабости обвинения. Теперь он мог снять с себя маску беспристрастной Фемиды и обличать, обличать. Все, что свидетельствовало в пользу подсудимых, упоминалось им с

язвительной иронией. Малейший довод против них преподносился тоном столь зловещим, что присяжные заседатели уже могли не сомневаться: им предстоит решить судьбу людей, едва не погубивших Великобританию…

Наконец присяжные заседатели ушли совещаться. Публика освободила зал. Подсудимых отвели в камеры. Журналисты гадали в кулуарах, сколько каждому из них «влепят».

Я сидел в камере — один на один со своими мыслями. О чём я думал в эти минуты?

О том, что четырнадцать лет каторжной тюрьмы — такой срок полагался мне по всем канонам английского судопроизводства — вдали от Родины, семьи, близких людей, четырнадцать лет одиночки — это не сладко.

Теперь главным действующим лицом процесса были присяжные. Но, видимо, среди них возникли разногласия, потому что, вместо того чтобы вынести свое краткое: «Да, виновны», старшина присяжных попросил верховного судью разъяснить, можно ли при обвинении в сговоре принять решение, что один из обвиняемых невиновен. Лорд Паркер тут же дал «чёткий и краткий» ответ, продолжавшийся каких-нибудь полчаса.

Хотя у меня было юридическое образование и я не пропустил ни слова из пространной речи судьи, но так и не понял смысла ответа: то ли «да», то ли «нет». Я спросил об этом у Харда. Хард неопределённо пожал плечами:

— Это очень сложный вопрос…

— Что же могут понять присяжные, если даже юрист не понимает сути ответа Паркера?

— Да разве смог бы он стать верховным судьей, если б его ответы были вразумительными? — ответил Хард.

Подсудимых снова увели в камеры. «Значит, — подумал я, — мне присяжные уже вынесли приговор, а разногласия возникли по делу кого-то из других подсудимых…» Я не догадывался, что через несколько минут мне придётся пережить жестокий удар.

Снова нас повели в зал. Судья, исполненный важности и значительности момента, спросил старшину присяжных, пришли ли они к какому-либо решению. Старшина ответил: да, пришли и тут же зачитал протокол: все обвиняемые признаны виновными в тайном сговоре с целью нарушить закон о сохранении государственной тайны.

Затем в соответствии с правилами английского судопроизводства полагалось выступить суперинтенданту Смиту.

Каждому из обвиняемых он дал подробную характеристику. Обо мне он сказал следующее:

— Нам не удалось установить его подлинную личность. Но,

по-моему, он русский. Кадровый советский разведчик…

В доказательство своего умозаключения суперинтендант привёл тот единственный факт, что на допросе я не ответил ни на один вопрос. Он даже процитировал из протокола допроса заявление Гордона Лонсдейла: «Что бы вы ни спросили меня, моим ответом будет «нет», а поэтому не будем терять попусту время…»

Я действительно сказал это, но так и не смог понять, почему эти слова могут служить доказательством национальности человека и его профессии.

В списке подсудимых я был третьим. Но именно с меня начал приговор верховный судья лорд Паркер. Я заметил, что судья читал приговор по бумажке, хотя у него явно не было времени его подготовить, и счёл это благоприятным обстоятельством: очевидно, судья действительно остановился на четырнадцати годах заключения. Остальные подсудимые получат в таком случае лет по десять.

К сожалению, это было не так…

В Англии судьи не только отправляют правосудие, но и «творят» право, то есть создают новые прецеденты, которые автоматически становятся частью обычного права, если их не отменит апелляционный суд.

Лорд Паркер ловко и умело этим воспользовался.

Покончив со вступительной частью обвинения, он обратился ко мне:

— Вы, Лонсдейл, явно кадровый разведчик. Это опасная профессия, и человек, принадлежащий к ней, должен быть готовым, а вы, несомненно, готовы, серьёзно пострадать в случае обнаружения. Более того, я считаю, что в данном случае именно вы были руководителем всех обвиняемых…

В этом месте судья для вящей убедительности бросил многозначительный взгляд в зал.

— Вас нашли виновным в правонарушении по обычному праву, и в этих случаях нет установленного максимального наказания, однако никакое наказание не может быть чрезмерным для данных обстоятельств. Я убеждён, что данный тайный сговор длился много месяцев и материалы передавались несколько раз. Вы отправитесь в тюрьму на двадцать пять лет!

Зал ахнул.

Лорд Паркер торжествовал. Это были минуты его славы: вместе с Гордоном Лонсдейлом он входит в историю английского правосудия. И ещё он, видимо, сознавал себя спасителем Англии.

Ко мне подошёл защитник Хард:

— Гордон, не огорчайтесь слишком суровым приговором. Вы

должны гордиться тем, что стали прецедентом английского права, я вас поздравляю…

Никогда ещё суды Англии не приговаривали за умысел к большему сроку, чем предусмотрено законом за само преступление! Судья и генеральный прокурор ловко использовали то, что пресса настроила соответствующим образом общественное мнение. Теперь они были спасителями страны!

Выслушав решение судьи, я улыбнулся — что мне оставалось делать?! Спросил Харда, чем он объясняет столь суровый приговор.

— Видите ли, — ответил адвокат, — сейчас у нас во всём и везде наблюдается инфляция. Растут цены, повышаются сроки наказания… И я, и Хард расхохотались.

Хаутон и Джи получили по 15 лет тюрьмы.

«Ну, вот, — подумал я, когда меня вели в камеру. — Точка поставлена. Теперь можно «отдыхать»…» Но мне предстояло ещё раз оказаться в зале суда — верховный судья решил, что 55 лет троим подсудимым — не так уж и много. Он должен вынести ещё одно решение — возложить на них оплату судебных издержек и даже расходов обвинения по этому делу.

Лорд Паркер оказался не только мстительным, но и мелочным.

Хард прокомментировал:

— Вам везёт, Гордон, ещё один прецедент в делах подобного рода…

Лишь поздно вечером меня увезли в тюрьму «Уормвуд скрабс». Один из сопровождавших меня тюремщиков — с ним я хорошо познакомился за два с половиной месяца Брикстона — сказал, что все тюремщики держали пари, каким будет приговор. Большинство считало — 10 лет, некоторые — и того меньше: семь — восемь… Все настолько ошиблись, что пари было отменено, а ставки возвращены.

— Сожалею, что ничем не могу помочь, — ответил я, — видимо, Паркер прослышал о вашем пари…

Лишь поздно вечером я наконец оказался в своей одиночке. Свалился на откидную койку, успев только отметить, что жизнь здесь не столь «комфортабельна», как в Брикстоне….

Утром посмотрел на себя и на процесс со стороны — принесли газеты.

«Дело Лонсдейла» освещали 200 журналистов, представлявших все крупнейшие издания Англии, Канады, Соединённых Штатов и других стран. Приговор в 25 лет вызвал сенсацию. Газета с самым крупным в то время в Англии тиражом — «Дейли миррор» посвятила ему всю первую полосу.

Фотография — она сделана на Брюссельской международной выставке… — я улыбаюсь, за спиной — британский флаг… Подпись под снимком гласила: «Портрет мастера разведки на фоне британского флага. Фотография показывает красивого русского разведчика Гордона Арнольда Лонсдейла на выставке в Брюсселе, в которой он принимал участие в качестве директора одной из британских фирм. Вчера его приговорили к 25 годам тюремного заключения». В общей сложности газета уделяла подсудимым четыре полосы.

На первой странице «Дейли скетч» я сидел на скамейке в Гайд-Парке. Страницу пересекал набранный крупным шрифтом вопрос: «Но кто же он?» — стрела указывала на фотографию. В статье подчеркивалось, что контрразведчики убеждены лишь в одном, что человек на снимке — не Лонсдейл и только «человек, с невозмутимым спокойствием выслушавший приговор лорда Паркера — 25 лет тюрьмы, знает, кто он».

Более серьёзные газеты считали, что дело Лонсдейла — провал в работе английской контрразведки, и сообщали, что лидер оппозиции Гейтскелл требует начать официальное расследование. Гейтскелл в свою очередь давал интервью, где подчёркивал, что пришёл в ужас: оказывается, на протяжении многих лет «иностранная разведка с полной безнаказанностью могла действовать в Англии, и никто не знает, какую информацию и в каком объёме она добывала».

Из книги Дж. Буллока и Г. Миллера «Кольцо шпионов»:

«Лонсдейл после его ареста полностью отказался что-либо сказать. В тюрьме ещё до процесса его посетили некоторые партнёры по бизнесу. С ними он был готов разговаривать и помочь завершить его сложные финансовые сделки. Однако, когда его допрашивала полиция, уже с самого начала он сидел, откинувшись назад, и улыбался, не говоря ни слова. Он знал, что если будет отвечать на вопросы, то может в чём-то ошибиться, и это поможет полиции выйти на след других членов группы, которые ускользнули…»

«Приговор (25 лет) заставил ахнуть публику, заполнившую битком помещение суда. Даже самые максимальные предсказания, которые делали вовсю в течение нескольких дней, не превышали 14 лет заключения.

Лонсдейл же воспринял приговор с полуулыбкой и, чётко повернувшись, быстро спустился по ступенькам к

камерам, расположенным этажом ниже…»

Газета «Обсервер» о Кононе Молодом:

«В нём было что-то настолько профессиональное, что возникло лишь чувство восхищения. И если хоть один человек был патриотом и жил ради своего долга, то это — он».

18 месяцев спустя.

Когда на заседании Военной коллегии Верховного Суда СССР давал показания английский шпион Винн, газета «Ньюз оф ве уорлд» горестно сообщала: «Его (Винна) поведение на скамье подсудимых едва ли было таковым, как у невозмутимого профессионала. «Мои соотечественники подвели меня», — мычал он. Как далеко это было не похоже на Гордона Лонсдейла, так спокойно сидевшего в течение всего процесса в «Олд Бейли». У него даже веко не дрогнуло, когда его приговорили к 25 годам заключения».

Глава XXX

Все английские тюрьмы похожи одна на другую: от круглого центра, как спицы от ступицы колеса, расходятся четырёхэтажные корпуса. В каждом — три сотни камер. Это — снаружи. Внутри — они тоже близнецы. Правда, в одних — почище, в других — погрязнее. В этих кормят из рук вон плохо, в тех — просто плохо. Где работают по двенадцать часов в день, где вовсе не работают. Но суть их — везде одна и мир их одинаков — тупой, убивающий всё живое и думающее, такой же бессмысленный и бесчеловечный, как сама английская тюремная система, которая не имеет ничего общего с перевоспитанием человека, совершившего преступление.

Мне предстояло познакомиться и с тюремной «экономикой», в основе которой, как ни странно, лежит древний, как мир, примитивный принцип натурального хозяйства: в ткацких мастерских сами заключённые делают ткани для одежды (для производства сукна используется в основном тряпьё от старой тюремной одежды). В сапожных и швейных мастерских шьют одежду и обувь, на тюремных фермах выращивают капусту и картофель. В одной из тюрем варят мыло. В другой работает типография, публикующая тюремные правила и всевозможные предупреждения о грозных последствиях, которые ждут нарушителей тюремной дисциплины. Даже щётки для мытья параш делают тут же, в тюрьме.

О, эти параши — хитроумное проявление человеческой изобретательности, уходящее куда-то в глубь веков! Самая поразительная особенность английских тюрем — это полное отсутствие того, что и строители, и работники коммунальных служб деловито маскируют словечком «санузлы». Утро во всех тюрьмах, где я побывал, начиналось одинаково — с выплескивания параш — процедурой столь же ненавистной заключённым, сколь и тюремщикам.

После выплескивания можно было умыться. Для этого у каждого заключённого есть кувшин с холодной водой и таз. С помощью последнего моют всё, что поддаётся этой процедуре, — лицо, ноги и даже пол в камере.

Как-то на прогулке я обратил внимание, что стены тюрьмы перечеркнуты вертикальными полосами более светлого кирпича. Спросил надзирателя, чем это вызвано. Тот ответил: полвека назад какой-то гуманный министр внутренних дел, поглядев раз на «выплескивание», приказал оборудовать камеры унитазами и водопроводом. Что и было сделано. В порядке эксперимента. Но

почему-то «устройства» часто засорялись и доставляли немало хлопот тюремной администрации. При первом удобном случае тюремщики заявили, что эксперимент себя не оправдал. Камеры были возвращены в первозданное состояние. От нововведения там, где проходили трубы, остались лишь полосы «молодого» кирпича.

«Выплескивание» было операцией неприятной, но короткой. Гораздо более серьёзным испытанием оказался холод, который царит в английских тюрьмах вопреки искреннему мнению большинства англичан, считающих, что в их государстве никогда не бывает холодно. Впрочем, и статистика показывает, что в среднем раз в десять лет там случаются довольно сильные морозы. Но, повторяю, сами англичане почему-то не хотят считаться с этим и продолжают упорно строить дома с водопроводными и канализационными трубами, проходящими по внешней стене. Когда температура падает ниже нуля, трубы разрывает мороз. Тогда газеты бросаются печатать комментарии экспертов о том, что трубы должны проходить либо внутри стен, либо внутри зданий… Морозы длятся недолго, и вскоре всё возвращается «на круги своя».

Вообще-то трубы внутри, трубы снаружи — большинству англичан это, видимо, безразлично. Не безразлично другое — традиции. «Добрая» старая Англия намертво держится за свои традиции. Одна из них — таких всемирно известных английских традиций — камин. Бесспорно, это второй после костра «по экономичности» источник тепла, ибо строят камины с прямыми дымоходами, поэтому горячий воздух тут же вылетает в трубу. Как только камин гаснет, в комнате становится холодно. Я не раз интересовался у англичан, почему они упорно возводят дымоходы таким странным образом. Большинство просто не предполагало, что есть какие-то другие способы. Некоторые шутливо отвечали, что это делается для удобства Санта Клауса, который, как известно, проникает в дома через дымоход. Люди, настроенные более серьёзно, говорили, что в прошлом веке каменный уголь был настолько дешев, что не имело смысла его экономить.

Но, как правило, камины бывают только в гостиной. Отапливать спальни англичане считают вредным и поэтому спят в тёплом белье под множеством одеял, предварительно нагрев постель с помощью грелок. Как метко заметил мне один знакомый, Англия — единственная страна, где на ночь не раздеваются, а одеваются…

Тюремные правила упорно не учитывали того факта, что в Англии ежегодно бывает зима. Одни и те же куртки и брюки заключённым полагалось носить летом и зимой. Ни головного

убора, ни перчаток нам не выдавали. Пользоваться своими вещами не разрешалось. Поэтому зимой в тюремном дворе мы рысцой «гуляли» по кругу, непрерывно растирая руки и уши. Тут же перетаптывались съёжившиеся от холода тюремщики. Большинство было одето в плащи, ибо и они твёрдо уверовали, что в Англии зимы не бывает, и не хотели тратиться на форменные шинели. Я, естественно, переносил холод лучше других и за всё время пребывания в тюрьме ни разу не простудился. Но, будучи «гостем», не мог не удивляться странностям хозяев дома.

Впервые холод заявил о себе в декабре. Утром я сделал зарядку и немного разогрелся. Потом сел за книгу, но скоро почувствовал, что долго читать не смогу. Вызвал надзирателя, тот сказал, что тюрьму отапливают горячим воздухом, а его подают через отдушину над дверью камеры. Через вторую отдушину — во внешней стене — поступал свежий воздух. Я решил, что лучше всё же страдать от недостатка свежего воздуха, чем умереть от холода, и тут же заложил внешнюю отдушину куском картона, который нашёл во время прогулки. После этого я занялся отопительной отдушиной. Обнаружил её не без труда — высоко над дверью, когда, забравшись на стол, приставил к отдушине ладонь.

Чувствовалось чуть заметное движение воздуха.

Я поискал отверстия — они оказались микроскопическими, к тому же часть их была заткнута жгутами, свёрнутыми из бумаги, или заляпана многими слоями побелки. Расстелил на полу газету и принялся за чистку отдушины, надеясь, что теперь наконец потеплеет.

Сделал я это вечером и тут же лёг спать, но к утру большой разницы в температуре не заметил. Зато к вечеру в камере так потеплело, что я мог читать, сняв куртку. Правда, весной стало нестерпимо жарко, и мне пришлось завесить большую часть отдушины газетой. Когда меня переводили в другую камеру, я отмечал новоселье тем, что чистил отдушину, и жизнь становилась более сносной.

Но была область тюремного быта, усовершенствовать которую мне было не под силу. Тут уж я ничего поделать не мог. Областью этой была кухня, а она оказалась ужасной, ибо еда в тюрьме (Её Величества, конечно!) была под стать остальному и состояла лишь из овсянки, картошки и хлеба. Тех, кто провёл в тюрьме больше года, можно было узнать сразу — мертвенно-бледные руки, прозрачные уши. В тюрьме я потерял десять килограммов. Я не без интереса читал в камере отчёт о речи, которую произнёс в палате лордов председатель Совета по

тюремной реформе лорд Стонэм. Пытаясь потрясти каменные сердца своих высоких коллег, тот поведал им, что на питание одного заключённого тратится 12 шиллингов в неделю (примерно полтора рубля). Этой суммы не хватило бы, лорд сослался на свою жену, чтобы прокормить даже кошку…

Почтенный лорд неосторожно познакомился с вонючим гнусного коричневого цвета тюремным гуляшом — дохлятиной, пропущенной через мясорубку вместе с капустой, хлебом и всякими объедками. Блюдо это потрясло Стонэма.

Но дальше слов дело не пошло. Гуляш лучше не стал.

Не прибавилось калорий и в традиционной тюремной овсянке. На тюремную кухню по-прежнему привозили мешки с отрубями для свиней. Из этих-то отрубей нам и варили «овсянку». Справедливость требует упомянуть, что это были канадские отруби высшего качества.

Ну и, конечно же, пищу готовили так, словно задачей кухни было делать её как можно более несъедобной.

После женщин еда была самой популярной темой разговоров среди заключённых. Все опытные рецидивисты единодушно утверждали, что хуже всего кормят в манчестерской тюрьме Стренджуэйс (буквальный перевод — «Странные пути»). Попав туда, я был вынужден признать точность их оценки.

По тюремным правилам, Хаутон должен был бы остаться в Уормвуд Скрабс и дожидаться своей очереди для перевода в крыло долгосрочников, где условия были несколько лучше. Но после процесса Хаутона почему-то перевели в другую тюрьму, вне Лондона. Тюремщики и заключённые удивлялись, почему меня оставили в Лондоне. Недоумевал и я. Но через несколько дней мне стало ясно, что это результат закулисных действий контрразведки, которая всё ещё не теряла надежды «выжать» из меня хоть что-нибудь.

Но скоро пришло время отправиться из Лондона и мне.

Как-то утром в июне 1961 года сразу после завтрака меня неожиданно повели в приёмную.

— Лонсдейл, переодевайтесь, — приказал тюремщик. На стуле уже лежало гражданское платье. Когда я переоделся, тюремщик приковал наручниками мою правую руку к своей левой и повёл меня во двор. Там мы сели в небольшой автофургон без окон. Нас отвезли на вокзал, поезд уже стоял у платформы. Мы заняли отдельное купе. Оба соседних купе были также заняты. Больше в вагоне никого не было — до отхода поезда оставалось ещё полчаса.

Поезд тронулся, мы поехали на север. Куда — я не знал и не спрашивал. В конце концов мне было всё равно.

Через несколько часов мы прибыли в Манчестер. Подождали, пока все пассажиры вышли из вагона. Пересели точно в такой же автофургон, как в Лондоне, и через несколько минут были в тюрьме Стренджуэйс. Она пользовалась самой плохой репутацией у профессиональных преступников. И не только потому, что пища здесь была хуже, чем где-либо. Тюремщики оказались весьма грубыми и вульгарными людьми, вечно они выкрикивали всевозможные ругательства на ужасающем ланкаширском диалекте. Камера же была такой же, как везде. Только вместо столика в углу, у двери, была встроена толстая доска. Прямо над доской в стене была укреплена электрическая лампочка (в других тюрьмах она была на потолке). Поэтому свет для чтения был гораздо лучше. Выключатель был, естественно, в коридоре и пользоваться им мог только тюремщик.

Как-то осенью 1961 года я проснулся от суматохи, царившей в «Странных путях». В тюрьмах и ночью не бывает абсолютной тишины. Некоторые заключённые почему-то после отбоя начинают неистовствовать, испускают дикие вопли, иногда даже ломают всё, что можно сокрушить в камере. На этот раз возня была совершенно необычайной.

По всему зданию трещали звонки, беспрерывно хлопали тяжёлые двери камер, слышались крики, десятки людей бегали по металлической лестнице, проходившей около моей камеры. Такого ещё не бывало, и я терялся в догадках о причине суматохи.

Неожиданно дверь отворилась, в камеру вошёл человек в штатском. Это был тюремный врач.

— Как вы себя чувствуете? — встревоженно спросил он меня.

Естественный в других условиях вопрос этот поразил меня больше, чем если бы мне сообщили, что меня освобождают.

— Как вы себя чувствуете? — повторил врач.

— Нормально… Во всяком случае, настолько хорошо, насколько это возможно здесь, в Стренджуэйс, — ответил я.

— Нет ли у вас болей в желудке? — в голосе врача звучала тревога. — Я заметил, когда вошёл, вы не спали…

— Меня разбудил шум, и я как раз собирался снова уснуть.

— На всякий случай выпейте вот эту микстуру, — и врач протянул мне пластиковый стаканчик с зелёной жидкостью, которую налил из большой бутылки.

Я выпил микстуру и вскоре уснул. Утром, когда камеры открыли для «выплескивания», я узнал, что почти все 1600 заключённых манчестерской тюрьмы чем-то отравились. Около трёхсот человек оказались в столь тяжёлом состоянии, что им разрешили остаться в постели. Через несколько дней местная

вечерняя газета отвела пять строк сообщению, оповестив жителей, что в тюрьме была «желудочная эпидемия». На самом же деле заключённых просто отравили недоброкачественной пищей.

Вся тюремная медицина сводилась в основном к одному — принимать «аспириновую воду». Чем бы ни заболел заключённый, ему предписывали «аспириновую воду». Заключённые знали это и шли к лекарям лишь в крайнем случае. Чудодейственная «аспириновая вода», неизвестная медицине, была обычным аспирином, разведённым в воде. В условиях тюрьмы микстура, по мнению врачей, приобретала особую целительную силу. Я как-то спросил, почему разведённый аспирин действует лучше таблеток и почему этим средством не пользуются врачи вне тюрьмы, но вразумительного ответа так и не получил.

Поначалу казалось, что ко мне относятся так же, как ко всем остальным заключённым, осужденным на длительный срок. Но стоило мне обратиться с просьбой разрешить посещать тюремную школу (к чему активно поощряли остальных заключённых), и я убедился, что это совсем не так. Нет, никто из тюремной администрации не отклонил моей просьбы. Но, когда наступило время открыть камеру, чтобы выпустить меня на занятия, оказалось, что в списке допущенных к учёбе моего имени нет. Я обратился с жалобой к начальнику тюрьмы. Тот откровенно ответил, что он ни при чём, так как получил соответствующие указания на этот счёт из министерства внутренних дел. Находясь в четырёх английских тюрьмах, я бессчетное число раз обращался к начальникам тюрем по поводу ущемления моих прав. И каждый раз ответ был одним и тем же: «Я тут ни при чём, таково указание министерства».

Я, впрочем, и не рассчитывал почерпнуть на занятиях тюремной школы что-либо новое — уровень их был крайне низким. Но, присутствуя на них, я получил бы возможность общаться с другими заключёнными и с учителями, приходившими с воли. Такое общение было важно, чтобы сохранить нормальную психику.

Я много читал. Так много, как никогда. В каждой тюрьме обязательно была библиотека — обычно филиал городской. Время от времени её книжный фонд менялся, но всегда большая его часть была представлена детективными и ковбойскими романами, ибо именно их охотнее всего читает тюрьма. Встречались и наиболее популярные современные английские авторы. Попадались мемуары. Классиков, даже английских, почти не было.

Странное дело, но в тюрьме мне совершенно не хотелось читать художественную литературу. Возможно, потому, что речь

там шла о жизни на свободе. И я занялся мемуарами, главным образом о прошедшей войне, и книгами по истории. Как правило, я проглатывал четыре — пять книг в неделю. Где я брал их? Я внимательно следил за рецензиями на новые книги и заказывал их за свой счёт через книготорговца Фреда Снеллинга, о котором и сегодня вспоминаю с благодарностью за то, что тот доставал и присылал мне всю заказанную литературу. (Вернувшись домой, я привёз с собой два картонных ящика с книгами. Всё остальное моё имущество бесследно исчезло при активном участии полиции, контрразведки и некоторых «друзей» по фирмам).

Тюремные правила разрешали заключённым получать книги и в городской библиотеке. Исключение составляли лишь описания преступлений или книги, упоминавшие о деле самого заключённого…

Что ж, раз меня лишили возможности посещать школу, я решил попробовать себя в более интересном деле. Я ещё раз пробежал тюремные правила и пришёл к выводу, что мне наверняка удастся получить разрешение министерства внутренних дел переводить книги. Подана соответствующая петиция, и месяца через два пришёл ответ. Наконец-то мне разрешили приобрести необходимые словари и справочную литературу (разумеется, за свой счёт). В декабре 1961 года я начал переводить на русский книгу «Человек, которого не было».

Это был мой первый опыт в делах подобного рода, и я решил работать не спеша. Довольно скоро я стал переводить по десять страниц в неделю и придерживался этой нормы до самого освобождения. Моя первая книга была небольшой по объёму, я закончил её месяца за три.

Начальник тюрьмы выдавал мне по одной тюремной тетради с пронумерованными страницами — так предписало министерство внутренних дел. Исписав тетрадь, я шёл к начальнику тюрьмы и получал новую. Закончив первую книгу, я обратился за разрешением перевести книгу «Личная армия» — в ней было 500 страниц. Затем перевёл «За рекой Чиндвин», «Без плаща и без кинжала», «Лондон вызывает «Северный полюс»».

Вместе с последней тетрадью я передавал начальнику тюрьмы и книгу.

Когда я сдавал четвёртую книгу, главный надзиратель, который во время приёма заключённых всегда стоял рядом с письменным столом начальника тюрьмы, язвительно заметил:

— Если вам удастся опубликовать эти переводы, Лонсдейл, вы станете богатым человеком.

— Почему вы думаете, что и сейчас я не богатый человек? — отпарировал я с улыбкой.

Больше старший надзиратель уже никогда не отпускал саркастических замечаний в мой адрес. А рядовые тюремщики несколько дней подходили ко мне, справляясь, правда ли, что я «отбрил» Старого Чарли, как называли надзирателя за его спиной тюремщики и заключённые.

В тюрьмах, с которыми мне пришлось «познакомиться», были тюремщики, чьё мнение обо мне несколько отличалось от мнения их начальства. Кое-кто из них не боялся, разумеется тайком, показывать это на деле.

Именно поэтому у меня в камере стояла не обычная для английских тюрем металлическая рама, на которой спят заключённые, а настоящая пружинная кровать. Её «подарил» один дружелюбный тюремщик.

— Послушайте, Лонсдейл, — сказал он, зайдя однажды в мою камеру. — Хотите пружинную кровать? Правда, она из камеры смертников. Возьмете? — и он хитро прищурился, наблюдая за моим лицом.

— Конечно! — воскликнул я. — Давайте её сюда. Только без покойника.

Через несколько минут кровать стояла в моей камере. Оказывается, очередной смертник пытался покончить жизнь самоубийством и находился в очень тяжелом состоянии. Были приняты все меры, чтобы спасти его жизнь и потом повесить по всем правилам. Лечащий врач счёл необходимым поместить его на новую кровать. Так в тюрьме оказалось лишнее «роскошное» ложе.

В начале мая 1961 года была рассмотрена моя апелляция. Её, как и следовало ожидать, начисто отвергли. Не забудем, что меня судил сам верховный судья Англии, он же председатель апелляционного суда. На следующий вечер меня привели на вещевой склад.

— Меняйте форму, — бросил мне тюремщик.

— Почему? — удивился я.

— Понятия не имею…

На одежде, которую мне выдали, красовались квадратные заплаты белого цвета — одна на левой стороне груди, другая — на левой коленке, третья — в сгибе правого колена. Это означало, что меня поставили под «особый надзор». Обычно это делали с теми заключёнными, которые бежали или пытались бежать из тюрьмы.

Как состоящий под особым надзором, я был помещён в специальную камеру с дополнительными замками на двери и решётками на окне. Всю ночь в камере горел свет: каждые пятнадцать минут в глазок заглядывал тюремщик. На ночь у меня

отбирали всю одежду.

Пока я находился в Уормвуд Скрабс, меня ежедневно, кроме воскресенья, переводили в новую камеру. Последняя мера была не столь уж скверна. Вместо того чтобы сидеть в своих одиночках, «особонадзорные» с шумом и гамом менялись камерами, перенося с собой всё, в том числе и «мебель» (стул, подставку для кувшина, зеркало и матрац). Это вносило некоторое разнообразие в режим. Специально приставленный тюремщик сопровождал меня всюду. Даже в баню. В этом тоже было своё преимущество, так как вместо обычных двадцати минут я мог мыться сколько угодно: пока я натирал себя губкой, мой «телохранитель» спокойно сидел в предбаннике, попивая чай со старшим надзирателем бани. А как известно, для англичан чаепитие почти священный обряд, которому они могут предаваться сколько угодно долго.

Повсюду в тюрьме меня сопровождал «журнал учёта». Тюремщики расписывались в нём, передавая своего заключённого с рук на руки, а также после его возвращения в камеру. На прогулку «особонадзорных» водили отдельно от остальных заключённых.

Что ж, я и не рассчитывал на снисхождение. Но разработанные английской контрразведкой методы давления не действовали. Свет не только не мешал мне спать, но, наоборот, позволял читать и после «отбоя» — мне всегда хватало шести-семи часов сна в сутки. Но по характеру своему я — борец, несправедливость всегда мне была ненавистна, и здесь, в тюрьме, я вовсе не собирался мириться с незаконным переводом на особый режим и был намерен до конца бороться за свои, предусмотренные тюремными правилами, права. Мне бросили вызов — я принимал его. Противник даже не понимал, что предоставил мне высшее благо — теперь я мог снова действовать. Бороться!

Наутро после перевода под особый надзор я попросил записать меня на приём к начальнику тюрьмы. Через час меня вывели из камеры и доставили в кабинет начальника, или «губернатора», тюрьмы, как его называли в Англии.

— Почему со мной обращаются так же, как с заключёнными, внесёнными в список лиц, совершивших «попытку к бегству»? Есть ли у вас сведения о том, что я предпринимал подобные попытки? — спросил я подчеркнуто твёрдо.

— К сожалению, не могу ответить на ваш вопрос, — «губернатор» уходил от ответа. — Я только что вернулся с совещания начальников тюрем и сам не могу понять, почему вы, мистер Лонсдейл, оказались «в заплатах» (так называют особый режим на тюремном жаргоне)…

Мне пришлось не раз обращаться к «губернатору», пока тот наконец не сообщил, что Лонсдейла взяли «под особое наблюдение» по личному указанию министра внутренних дел, который это свое указание не мотивировал. Что ж, я посчитал это актом политической дискриминации и тут же энергично протестовал перед всеми, начиная от «своего» члена парламента (то есть парламентария от округа, в котором я жил в момент ареста) и кончая королевой.

Днём я работал — шил для почтового ведомства мешки из холста. Это была довольно сложная конструкция, так как в мешок вшивается квадратное дно, а в верхнюю часть вставляют металлические глазки, через которые пропускают верёвку, чтобы его туго затягивать. В таких мешках развозят почту по месту назначения после сортировки. Шов должен быть исключительно прочным. Поэтому мешки шили двойной суровой ниткой, навощенной варом. При этом нужно было делать восемь стежков на один дюйм. Для того чтобы заработать допустимый еженедельный максимум (чуть больше стоимости пачки сигарет), нужно было работать до изнеможения.

Однако стоило немного приноровиться, и эта работа выполнялась чисто механически, что позволяло мне мысленно уноситься совсем в иной мир. К тому же в тюрьме учётом продукции ведали заключённые, и было нетрудно договориться (дать немного табака или оказать какую-либо услугу) о «приписках». Так как заключённых время от времени переводили в другие тюрьмы, то у «учётчика» всегда был резерв — работа, выполненная заключённым, который отбыл в другое заведение или уже освобождён.

Скоро я пришёл к убеждению, что английское почтовое ведомство создало стараниями заключённых запас мешков, которого должно хватить до конца будущего столетия. Тем не менее в тюрьмах Её Величества до сих пор шьют тысячи новых парусиновых мешков. Зачем? Чтобы сломить двух заключённых? Вполне возможно. На меня это занятие не произвело особого воздействия. Я выполнял работу быстро и, как уже упомянул, автоматически.

Тюрьма Стренджуэйс расположена на горе, у подножия которой возведены окружающие её стены. Так что во время прогулок я мог видеть часть города, что в тюремных условиях было большим наслаждением. Как-то на прогулке я заметил, что городская ратуша украшена флагами и оттуда доносятся звуки духовой музыки. Я спросил тюремщика, что там происходит. Тот ответил, что в Манчестер приезжает советский космонавт Юрий Гагарин, который получит почётную медаль от профсоюза

металлоплавильщиков. Тюремщик обратил моё внимание на то, как гостеприимно англичане принимают иностранцев.

— Вы какие-то чудаки, — улыбнулся я. — Одному иностранцу даёте медаль. Другого сажаете на 25 лет!

О полёте Гагарина я узнал ещё 12 апреля в лондонской тюрьме. В тот день меня вывели на очередную прогулку по тюремному дворику. Апелляция ещё не была отклонена и я ещё не был «в заплатах» и гулял в общей массе заключённых.

Неожиданно ко мне подошёл один из «доверенных заключённых» (они носили особые повязки, и им разрешалось ходить по территории тюрьмы без сопровождения):

— Вы знаете, что сейчас передавали по радио? — возбуждённо спросил он.

— Конечно, нет.

— Русские запустили в космос человека! Я даже не дослушал это сообщение до конца и тут же побежал поздравить вас…

Это была новость! Потрясающая новость! В тот день стены тюрьмы не казались мне столь мрачными, небо столь серым, а лица тюремщиков столь угрюмыми. Родина делала великий шаг в Историю. И я, как и остальные 200 миллионов моих соотечественников, был причастен к этому шагу.

Кто же все-таки этот наш космонавт? Опустился ли благополучно на Землю? Прошли, однако, почти сутки, прежде чем я прочитал газету с первыми подробностями о полёте Гагарина.

За полгода «манчестерской жизни» я довольно близко познакомился с жителями Ланкашира, Йоркшира и всей северной части Англии. Большинство их говорит на местных диалектах, которые я поначалу почти не понимал. Только через несколько недель стал разбираться в местных акцентах. Всё это была неизвестная мне Англия. В Манчестере многие заключённые уверяли (и у меня не было оснований им не верить), что на следствии их били до тех пор, пока они не подписывали «признания». В Лондоне, по словам опытных преступников, физические меры воздействия применяются редко. В Бирмингеме, где я провёл потом больше двух лет, заключённые также говорили, что их избивали. Несколько крупных преступников рассказали мне, что некий сержант полиции сфабриковал улики против них. Они не стали держать язык за зубами. Началось расследование. Факты подтвердились, сержанта отстранили от работы.

Был досрочно освобождён и один из моих тюремных знакомых — Марк Блум. Отец Блума работал сторожем в банке. Упомянутый выше сержант посадил Блума в тюрьму на пять лет

за «тайный сговор» с целью ограбить банк. Блум пытался доказать, что это обвинение — фабрикация. После двухлетних усилий это ему удалось. Когда министра внутренних дел спросили, чем вызвано досрочное освобождение Блума и не следует ли в связи с этим передать дело его обвинителей в суд, министр отказался сообщить какие-либо подробности этого, по его словам, «совершенно исключительного» дела.

Правда, Блум тоже оказался хорош: сразу после освобождения опубликовал серию статей в журнале «Тит Битс» о тюремном знакомстве с Лонсдейлом. Многое напридумывал, но кое-что было правдой. Например, что я помогал заключённым (и Блуму тоже) писать петиции. Достаточно грамотных в тюрьме было мало. Большинство заключённых не могли самостоятельно составить такой документ. Кое-кто получал у меня юридические советы, кое-кому я разъяснял сложные тюремные правила, написанные столь сложным языком, что понять их человеку, не искушенному в подобной казуистике, было трудно. (Я изучал правила с того дня, как попал в тюрьму, при всяком удобном случае консультируясь у тюремщиков и опытных рецидивистов). Со временем я даже прослыл кем-то вроде эксперта в этих вопросах. Многие заключённые предлагали мне табак в обмен на советы и искренне удивлялись, почему я даю их даром.

Изучая тюремные правила и многочисленные инструкции, я обнаружил два весьма интересных обстоятельства. Первое касалось посылки подарков семье, второе — выписки газет. Оказалось, что заключённый имеет право выписывать любую ежедневную газету. В правилах также было оговорено, что нельзя подписаться более чем на одну газету. Я тут же попросился на приём к начальнику тюрьмы и, попав к нему в кабинет, заявил, что в соответствии с тюремными правилами хочу выписывать «Правду». «Губернатор» пытался убедить меня, что в правилах подразумевается любая газета на английском языке. Я напомнил, что в тюрьме находятся немцы и французы, выписывающие газеты и журналы своих стран. На это возразить было трудно, и «губернатор» пообещал переслать просьбу в министерство внутренних дел. И вот месяца через два мне сообщили, что я могу подписаться на «Правду», но в этом случае придётся прекратить выписывать «Таймс». Я так и поступил и вскоре начал получать номера «Правды». С волнением взял я в руки, впервые за много лет, «Правду» за 1 ноября 1962 года. Читал номер, как и все остальные потом, от корки до корки — от передовой и до расписания радио- и телевизионных передач.

Я выяснил также, что заключённые имеют право посылать за свой счёт посылки семье, и тут же принялся наводить справки,

как это лучше сделать. Как и все в тюрьме, это потребовало немало времени, что меня, впрочем, не беспокоило: торопиться вроде бы было некуда.

В конце концов оказалось, что посылки обычно отправляются через родственников. В Англии у меня их не было.

Но можно было написать в одну из фирм, торгующих по почте. Правда, для этого нужно было вести с ней долгую переписку, чего я не мог себе позволить: число писем из тюрьмы строго ограничено. Пытаясь найти выход, я решил обратиться за советом к тюремному священнику.

Хотя я и числился атеистом (у двери каждой камеры висела карточка, указывающая фамилию, возраст, срок заключения, вероисповедание и, конечно, номер заключённого), но капеллан всегда был исключительно приветлив со мной. Возможно, не терял надежды в конце концов обратить своего подопечного «на путь истинный».

— Я бы хотел просить вас об одной услуге, которую в этих условиях, видимо, можете оказать мне только вы… — начал я.

— Если это в моих силах, охотно выполню вашу просьбу, — обнадёжил капеллан. — Чем могу вам помочь?

Я объяснил.

Священник кивнул: да, он сделает всё, чтобы облегчить земные страдания мистера Лонсдейла, к которому испытывает искреннюю симпатию.

Через некоторое время я получил каталоги сразу нескольких фирм, торгующих по почте. С помощью священника я пересылал им свои заказы. С тех пор мои дети и жена регулярно получали небольшие подарки к праздникам и в дни рождения.

Я вполне справедливо считал, что после того, как меня приговорили к 25 годам тюрьмы, со мной должны были бы обращаться так же, как со всеми заключёнными, осужденными на столь длительный срок. Но этого, как уже было сказано, не случилось.

Со дня заключения и до самого освобождения я оставался для министерства внутренних дел Англии объектом дискриминации и преследования. Читатель уже знает, что мне запретили посещать вечерние занятия и тем самым общаться с другими заключёнными. Затем, в нарушение тюремных правил, меня перевели в тюрьму для рецидивистов в Манчестере — худшую во всей стране. Я не пытался бежать, но меня поместили под особое наблюдение. В разгар зимы меня перевели в камеру, где «забыли» вставить в окно стекло. Я потребовал застеклить окно. Этого не сделали. Тогда я раздобыл кусок картона и вставил его в раму. Но каждый раз, возвращаясь в камеру, обнаруживал, что картон

валяется на полу. Я спокойно вставлял его на место, и благодаря описанной выше манипуляции с отдушиной центрального отопления температура к вечеру становилась вполне терпимой. Наконец последовала команда отремонтировать окно. Я добился своего.

Использовался и другой довольно примитивный способ, который доводит некоторых заключённых до исступления: каждые несколько минут в камеру через глазок заглядывает тюремщик. Делается это с шумом, чтобы привлечь внимание. Если заключённый посмотрит в сторону глазка, тюремщик следит за ним две-три минуты. Как только я понял смысл этого манёвра, начал делать вид, будто ничего не замечаю, и продолжал заниматься своим делом. Через две недели «психические атаки» были прекращены.

К своему пребыванию в тюрьме я относился совершенно спокойно. Считал и всегда буду считать, что наша разведывательная работа приносит пользу всем людям, в том числе и тем, с которыми мне приходилось ежедневно встречаться в тюрьме, поскольку и они, естественно, заинтересованы в предотвращении войны. Я всегда помнил слова Ленина о том, что империалистические войны зарождаются в обстановке глубокой тайны, и считал, что мой долг — помогать раскрывать эти тайны.

Вечерами, когда я вытягивался на своей противной жесткой койке, хотелось думать о чём-нибудь приятном, и я размышлял о своей семье.

Известный советский разведчик Джордж Блейк о К. Молодом:

Лонсдейл переносил свою судьбу с замечательной стойкостью и неизменно пребывал в хорошем настроении… Я вспоминаю один наш разговор, который состоялся всего за несколько дней до того, как его внезапно перевели в другую тюрьму. «Ну что ж, — сказал он в своей обычной оптимистической манере, — я не знаю, что произойдёт, но в одном я уверен. Мы с вами будем в Москве на большом параде в день пятидесятой годовщины Октябрьской революции». Это звучало фантастично в то время, когда мы только начинали отбывать очень длинные сроки наказания, но оказалось, что он был прав.

Примечание авторов. Джордж Блейк написал эти строки после встречи с Кононом Молодым в английской тюрьме, где тоже отбывал наказание. Блейку удалось из тюрьмы бежать.

Глава XXXI

Тюремные правила не то чтобы не дают, но, во всяком случае, строго ограничивают возможность заключённого пожаловаться на администрацию. Я мог подать петицию министру внутренних дел, написать члену парламента и жаловаться устно специальной судейской комиссии, которая раз в месяц посещает тюрьмы. Таковы были те пути, которые британская демократия предоставляла мне для борьбы за свои права.

Но…

Я мог писать члену парламента, только получив «нет» на свою петицию от министра внутренних дел. Последний же мог тянуть с ответом сколь угодно долго. Я довольно скоро познакомился с тем, что британцы именуют «красной лентой» и что переводится на русский всего-навсего как бюрократическая волокита. Но лишь через два года заключения узнал, что существует неписаное правило: я могу писать члену парламента, минуя министра, сразу же после обращения к упомянутой выше судейской комиссии.

Довольно быстро я убедился, что апеллировать к этой комиссии дело бессмысленное и бесполезное. В её состав входят судьи первой инстанции, которых назначает министр внутренних дел. А так как судьи вдобавок и подчинены министру, то рассчитывать на их помощь просто неразумно.

Разобравшись в этих «процедурных» вопросах, я выработал свой стиль в общении с чиновниками. Свои устные заявления комиссии обычно заканчивал так:

— Я знаю, что вы не удовлетворите мою просьбу, и обращаюсь к вам только для того, чтобы иметь право писать члену парламента. Я ещё вчера написал ему письмо, в котором упоминаю, что безуспешно обращался к вам. И я отправлю это письмо, как только выйду из этой комнаты…

Подобные заявления, как я понимаю, крайне раздражали судей. Что не мешало им неизменно сообщать мне, что моё ходатайство удовлетворено не будет.

Получив в июле 1961 года отказ министра внутренних дел освободить меня от ограничений особого режима, я получил возможность жаловаться члену парламента. Теперь надо было решить, кому именно. Всезнающие газеты сообщали, что целых пять парламентариев проявляют интерес к условиям содержания заключённых и нередко помогают им — как-никак это способствовало популярности… Так как я собирался жаловаться на члена правительства консерваторов, разумнее было обратиться

к парламентарию-лейбористу.

В конце концов я решил написать известной лейбористке госпоже Барбаре Касл. Большинство опытных заключённых, с которыми я советовался, считали, что только у неё хватит смелости выступить в мою защиту.

Барбара Касл считалась одной из самых «левых» и входила в так называемый «теневой кабинет». Газеты восхваляли независимость её суждений и подробно расписывали, как госпожа Касл пришла на помощь нескольким неправильно осужденным. К тому же она была весьма фотогенична, и её портреты прекрасно смотрелись на газетных полосах…

Впрочем, у меня выбора не было. В глазах английского «общественного мнения» я был человеком, пытавшимся нанести ущерб национальным интересам страны, а посему большинство членов парламента просто не захотели бы связываться со мной, опасаясь подорвать репутацию. Здесь же была капля надежды: вдруг оппозиция захочет использовать материал по делу Гордона Лонсдейла для критики правительства?!

Оказалось, что я промахнулся. 14 июля 1961 года пришёл ответ от лейбористки:

> «Уважаемый господин Лонсдейл!
>
> Благодарю Вас за письмо. К сожалению, я получаю так много писем из тюрем Её Величества, что теперь могу заниматься делами лишь тех заключённых, которые раньше жили в моём избирательном округе. Поэтому я вынуждена просить Вас обратиться с Вашим делом к члену парламента Вашего округа.
>
> Искренне Ваша
>
> *Барбара Касл».*

Представитель тюремной администрации показал конверт — на его клапане чётко выделялся тиснёный светло-синий герб палаты общин. Я посмотрел дату на штемпеле — взять конверт в руки я, в соответствии с тюремными правилами, не мог.

Что ж, приходилось последовать совету госпожи Касл. Я попросил адвоката переслать письмо члену парламента того избирательного округа, где жил до ареста. Им оказался некий Джеффри Джонсон-Смит, консерватор и один из самых молодых парламентариев. 16 сентября я получил от Джонсона-Смита следующее послание:

> «Уважаемый господин Лонсдейл!
>
> Как только я получил Ваше письмо, пересланное мне

госпожой Барбарой Касл, и с целью избавить Вас от необходимости писать мне, поскольку мне известно, что Вам разрешено посылать ограниченное число писем, я сам написал господину Майклу Харду с просьбой подтвердить, состоите ли вы моим избирателем.

Господин Хард, который был в отъезде, сейчас сообщил мне, что Вы действительно мой избиратель. Настоящим письмом я хочу сообщить Вам, что займусь Вашим делом с властями.

Искренне Ваш

Джеффри Джонсон-Смит».

Письмо было написано от руки и в каждой строчке несло кучу синтаксических и орфографических ошибок. И всё же оно было великолепным! Ибо из текста выходило, что господин Джонсон-Смит — сама любезность и готов взять инициативу в свои руки… Может быть, он рассчитывал на то, что любое обращение к властям по делу Гордона Лонсдейла привлечёт к нему внимание прессы, что для парламентария, тем более молодого, всегда полезно…

Однако добрые намерения Джонсона-Смита быстро иссякли: его обращение к властям не принесло сколь-нибудь заметной пользы.

Не будем думать, что я питал иллюзии, будто мне удастся добиться каких-нибудь улучшений в моей тюремной жизни. Я прекрасно понимал, что все нарушения тюремных правил производились по указанию министра внутренних дел, а им в то время был Р. Баттлер, один из инициаторов позорного Мюнхенского соглашения. Переписка преследовала иные цели. Во-первых, я стремился документально зафиксировать, что по отношению ко мне проводится систематическое нарушение тюремных правил и инструкций. Во-вторых, считал, что ничто так не поддерживает моральный дух и силы человека, попавшего в трудное положение, как борьба с противником. Ну, и к тому же было просто интересно следить за увёртками властей и Джонсона-Смита. Это вносило разнообразие в унылое тюремное существование.

Я, если можно так выразиться применительно к этой ситуации, преследовал английские власти по трём направлениям.

Прежде всего, я выступал против незаконного перевода на особый режим и связанных с этим всевозможных ограничений.

Затем — протестовал против отказа властей перевести как долгосрочника (так полагалось по тюремным правилам) в одну из центральных тюрем с улучшенным режимом.

И, наконец, требовал отменить как незаконную конфискацию властями имущества, принадлежащего мне, а также вернуть присвоенные полицией (а может быть, и контрразведкой) деньги и ценные вещи.

Следующее письмо Джонсона-Смита извещало меня о том, что парламентарий уже получил соответствующее «разъяснение» в министерстве внутренних дел:

> «Ограничения, которые на Вас наложены, — это обычные ограничения, которым подвергаются лица, заносимые в список пытавшихся бежать. Однако, как я понял, вопрос о том, продолжать ли относить Вас к этой категории, будет пересматриваться в установленном порядке, но не ранее чем через несколько месяцев».

Словом, член парламента считал, что тут уж ничего поделать нельзя.

Включён в список пытавшихся бежать? Но ведь я не предпринимал никаких попыток к побегу. Я прекрасно знал, что у властей не было никаких оснований для таких обвинений. Я тщательно и долго работал над ответом. И всего лишь через месяц получил от Джонсона-Смита разъяснение, как получилось, что Лонсдейл оказался в пресловутом списке пытавшихся бежать.

> «Министерство внутренних дел сообщило мне, — писал парламентарий, — что Вы включены в список пытавшихся бежать в связи с тем, что Вас следует рассматривать, во всяком случае в течение какого-то времени, как человека, чрезвычайно опасного для безопасности государства».

Итак, сидя за решёткой, я был опасен для Англии! Я написал Джонсону-Смиту, что по горькому опыту знаю, как легко по английским законам посадить человека на 25 лет за одно лишь намерение совершить преступление. Но ведь для этого всё же потребовалось доказать в суде наличие этого самого намерения… В данном же случае мне без всяких доказательств приписывается намерение бежать…

Джонсон-Смит прислал ответ, в котором суховато сообщал, что ничего нового добавить не может.

Переписка продолжалась.

То член парламента извещал, что «ещё раз свяжется с министерством внутренних дел», то, четыре дня спустя, сообщал, что всё же «решил не писать в министерство внутренних дел». Переписка завершилась великолепным примером «гибкости»

английских властей — письмом Джонсону-Смиту от парламентского заместителя министра внутренних дел Чарльза Флетчера-Кука».

> «Занесение заключённого в список пытавшихся бежать, — писал парламентарию Флетчер-Кук, — не регулируется каким-то специальным правилом, а основывается на ответственности тюремной администрации за предотвращение побегов. Это — мера предосторожности; и министр внутренних дел обычно не вмешивается, когда её применяют по отношению к отдельным заключённым…»

Я имел все основания не согласиться с утверждением Флетчера-Кука о том, что «министр внутренних дел обычно не вмешивается…» Как помните, «губернатор» тюрьмы Уормвуд Скрабс признался, что меня внесли в злополучный список по прямому указанию министра внутренних дел.

Любопытно, что вскоре после этой переписки с самим Флетчером-Куком разыгрался предельно грязный скандал, подробности которого одно время заполняли все бульварные газеты. Флетчер-Кук уделял большое внимание местам заключения для малолетних преступников. Выяснилось, что интерес этот был не случайным.

В один далеко не прекрасный для него день в Лондоне был задержан за превышение скорости езды юноша, у которого не было водительских прав. Машина оказалась очень дорогой, со значком члена парламента на бампере. На вопросы полиции юноша ответил, что её ему одолжил близкий друг — Флетчер-Кук и что он сам в данное время живет у него в доме. Полиция посчитала всё это наглой выдумкой и арестовала подростка. Началось следствие. Оказалось, что юный автомобилист только-только вышел из тюрьмы и что он действительно поселился в доме Флетчера-Кука, с которым познакомился, когда заместитель министра инспектировал их тюрьму. Как сообщила пресса, юноша сделал письменное заявление о своих излишне близких отношениях с заместителем министра. На следующий день Флетчер-Кук подал в отставку, хотя и не сложил с себя полномочий члена парламента.

Потерпев неудачу, я тут же решил попробовать добиться перевода в одну из центральных тюрем, где условия были значительно лучше.

По существующим правилам «звёзд» содержат в местных тюрьмах до тех пор, пока не освободится место в одной из центральных.

Со мной же, как вы знаете, всё было наоборот. Сначала как житель Лондона я попал в центральную тюрьму Уормвуд Скрабс. Затем меня перевели в местную тюрьму в Манчестере, где объявили, что я зачислен «кандидатом» в центральную тюрьму. Однако время шло, и, когда в Лондон отправляли очередную партию заключённых, всегда оказывалось, что моя очередь ещё не подошла. После долгой и упорной переписки с Джонсоном-Смитом я наконец получил от него копию письма госпожи Мервин Пайк — нового парламентского заместителя министра внутренних дел.

Прочитав подпись нового заместителя министра, я улыбнулся: слово «пайк» в переводе на русский означает «щука». Мне не пришлось лично познакомиться с госпожой Пайк, но она всегда представлялась мне холодной, скользкой и зубастой щукой.

Вот что писала госпожа Пайк:

> «Вопрос о переводе Лонсдейла в центральную тюрьму постоянно рассматривается. Однако принято решение, по которому он должен находиться в Бирмингеме» (к этому времени меня успели уже перевести в бирмингемскую тюрьму Уинсон Грин).

Джонсон-Смит переслал мне копию этого письма. Это была не просто копия, а копия без каких-либо комментариев. Парламентарий давал понять, что уже утратил интерес к своему бывшему избирателю.

Значительно позже мне удалось установить, что, как только Джонсон-Смит начал переписываться со мной, контрразведка немедленно объяснила парламентарию, что особый режим для заключённого Лонсдейла введён, чтобы склонить его к сотрудничеству. Джонсону-Смиту посоветовали оставлять просьбы строптивого заключённого без ответа. В благодарность за это, намекнули руководители контрразведки, его не обойдут вниманием.

Политическая карьера, как известно, терниста и извилиста. Случилось так, что на выборах в октябре 1964 года Джонсон-Смит потерпел поражение в своем Лондонском избирательном округе. Но на первых же дополнительных выборах руководство консервативной партии утвердило его кандидатом в надёжном консервативном избирательном округе Восточный Гринстед. Вскоре Джонсон-Смит вновь украсил своим присутствием палату общин.

Завершив сражение за перевод в тюрьму для «звёзд», я решил, что теперь самое время заняться незаконно конфискованным (а

точнее — и просто украденным) во время ареста имуществом. У меня уже был кое-какой опыт по части возвращения присвоенных полицией денег. В Бирмингемской тюрьме в декабре 1961 года я познакомился с одним заключённым — бывшим музыкантом по имени Морис. Музыкант на старости лет ушёл на пенсию, денег было мало, и он начал искать пути для заработка. Каким-то образом Морис пришёл к идее открыть дома небольшой подпольный абортарий. Дела шли успешно, и он долго не попадал в поле зрения полиции, так как пользовал лишь клиенток из хорошо знакомого ему мира искусств. Старик приобрёл неплохой особнячок, автомашину и даже небольшой летний домик на берегу моря в Уэльсе. И тут он совершил роковую ошибку — женился на особе, лет на двадцать моложе себя. Расходы резко увеличились: молодая жена потребовала себе автомобиль, почти ежедневно устраивала званые обеды, приёмы гостей. Бедный Морис вынужден был значительно расширить масштабы своей деятельности.

В конце концов его арестовали. Он чистосердечно покаялся, и судья приговорил его к шести годам заключения. Оглашая приговор, он заметил, что обычно за такое преступление приговаривают к двум годам тюрьмы, но он прибавляет эти четыре года за то, что Морис так долго и прибыльно занимался этим делом.

В доме Мориса полиция нашла шкатулку с крупной суммой денег, которые тот, понятно, не хотел хранить в банке. Деньги были изъяты в качестве вещественного доказательства. Но после процесса полиция отказалась вернуть их, хотя суд и не выносил постановления о конфискации имущества обвиняемого.

Я посоветовал старику добиваться возвращения денег. Но, когда дело уже было подготовлено для передачи в суд, адвокат Мориса неожиданно отказался вести его — кто-то в нужное время на него нажал. Супруга Мориса нашла другого адвоката, видимо, более отважного.

Всё началось сначала. Наконец дело было назначено к слушанию, и в одно прекрасное утро Мориса повезли в суд. Я увиделся с ним только следующим утром на прогулке.

Старик сиял. Оказывается, за несколько минут до начала разбирательства его неожиданно известили, что адвокат не может явиться в суд и предлагает перенести слушание дела. Морис отказался и, в соответствии с английским процессуальным правом, решил вести дело сам. Так советовал ему я. Мы вдвоём успели проштудировать все законы и даже юридические учебники по этому вопросу.

Как только Морис заявил, что отказывается отложить

слушание дела, к нему подошёл представитель полиции и сказал, что полиция согласна вернуть деньги его жене, если он согласится на отсрочку. Морис «встал в позу» и потребовал немедленно вернуть деньги. Представитель полиции пытался увильнуть, но, увидев, что тот непреклонен, был вынужден сдаться. Через десять минут деньги были возвращены сияющей подруге жизни, и Морис прекратил дело.

Этот маленький эпизод внёс разнообразие в моё унылое тюремное существование.

Теперь войну с полицией начинал и я. Впрочем, война между нами уже шла давно: сразу же после судебного процесса я дал указание Харду добиться возврата моего имущества. Суперинтендант Смит ответил, что это невозможно до рассмотрения апелляции. Но время шло, апелляцию успели давно отклонить, а деньги и имущество, в том числе несколько очень дорогих фотоаппаратов, пишущие машинки и прочие вещи, оставались в полиции.

В очередном письме к Харду я дал указание передать дело в суд. Содержание письма стало известно Смиту ещё до того, как его получил адвокат. Поэтому, когда Хард позвонил Смиту и пригрозил, что делом займётся суд, суперинтендант ответил, что уже дал распоряжение вернуть всё имущество и деньги. Речь шла о тех самых вещественных доказательствах, что фигурировали на процессе. Что касается двух тысяч долларов, украденных у меня при обыске квартиры, то полиция утверждала, что и слыхом не слыхала про них. Мне в высшей степени были безразличны эти деньги — я жил в тюрьме за счёт королевской казны. Но сдаваться не хотел. Раз мне доверили значительную сумму, которую теперь нагло присваивала себе полиция, я просто должен был заставить полицейских вернуть деньги.

— Вам трудно рассчитывать на успех, — покачал головой прямолинейный Хард. — Полиция по «традиции» не возвращает предметы профессионального характера, такие, к примеру, как радиопередатчики. А наличие денег нигде не было зафиксировано…

— И всё-таки шансы есть, — не согласился я с адвокатом. — Один, и немаловажный, в том, что судья в спешке забыл вынести постановление о конфискации этих предметов. Почему бы вам не воспользоваться оплошностью лорда Паркера?

— Не знаю, не знаю… Всё это надо обдумать… Хард подумал и нашёл, что следует проконсультироваться с более сведущими в этих делах юристами.

— Если вам удастся вырвать из рук полиции вещественные доказательства, — сказал адвокат, — вы опять войдёте в историю

английского права. Это будет прецедент.

Но мои усилия натолкнулись на неожиданное препятствие. Хард был откровенен.

— Жизнь есть жизнь, дорогой Гордон, — несколько мрачновато заговорил он при следующем визите, — наша фирма ведёт много дел по поручению правительственных учреждений, и мы не можем себе позволить роскошь возбудить дело против властей. Сами понимаете, даже если оно будет выиграно, фирма окажется в трудном положении.

Я оценил такую прямоту. Это и впрямь был редкостный случай — английские адвокаты не часто балуют своих подопечных откровенностью.

— Кто мог бы взяться за моё дело? — спросил я. — Мне остаётся положиться на ваши рекомендации.

— Я попытаюсь отыскать солидную адвокатскую фирму в Бирмингеме и уговорить её выступить против полиции.

Через несколько недель я получил письмо от адвокатской фирмы «Хьюит и Уолтерс», там выражали готовность взять на себя ведение дела, и немедленно послал адвокатам приглашение навестить меня в тюрьме.

На следующий день меня вызвал начальник тюрьмы. Блюститель порядка был мрачен и раздражён.

— Ваше письмо задержано, — выдавил он, не отвечая на приветствие. — Для встречи с адвокатом необходимо разрешение министра внутренних дел.

— Вряд ли дело обстоит таким образом, — спокойно возразил я. — С адвокатом Хардом я встречался свободно и без разрешения министра. Вы не хуже меня знаете, что тюремные правила разрешают заключённым свидания с адвокатами для обсуждения дел, связанных с имущественными интересами.

— Вы нарушили правила уже тогда, когда попытались вызвать адвокатов, которые теперь добиваются свидания с вами.

— Ничего подобного. Я написал письмо адвокатской фирме с изложением сути дела и просьбой меня посетить. Никто меня такого права не лишал. Тем более что письмо было пропущено цензурой тюрьмы и цензурой в Лондоне.

Я намекал на британскую контрразведку, которая весьма добросовестно контролировала всю мою переписку.

Начальник тюрьмы вызвал старшего цензора. Тот принёс книгу, в которой регистрировались письма заключённых. В книге имелась соответствующая запись. «Губернатор» тут же сделал строгий выговор чиновнику и вновь заявил, что встречу с адвокатом можно провести только с разрешения министра внутренних дел.

Итак, ещё одна петиция министру. Что ж, я напишу и её. И буду терпеливо ждать ответа. Свободного времени у меня предостаточно — в тюрьмах Её Величества оно ползёт неторопливо.

Месяц проходил за месяцем, а министерство внутренних дел сурово хранило молчание. У меня уже вошло в привычку справляться у начальника тюрьмы, когда же наконец поступит ответ. Начальник тюрьмы вызывал цензора. Появлялся чиновник с толстой книгой, отыскивал нужную запись: «Получили письмо Лонсдейла тогда-то, отправили в Лондон в тот же день…» С администрации вина снималась, а больше тюремное начальство ничто не беспокоило.

Я понимал, что «игру» может внезапно прервать ссылка на тюремные правила и инструкции: «Вы нарушили такой-то пункт инструкции, запрещающий то-то и то-то, а посему…» Поэтому я с особой тщательностью следил за тем, чтобы не дать никаких козырей в руки противника.

Что ж, приходилось снова пускать в ход достопочтенного члена парламента. Месяца через четыре после петиции в министерство я послал письмо Джонсону-Смиту: «Прошу Вас, уважаемый господин депутат, справиться в министерстве внутренних дел, когда там собираются дать ответ мне…»

Джонсон-Смит, как и полагалось квалифицированному парламентарию, попытался увильнуть от прямого ответа. Начиналось его письмо как обычно.

> *«Мистеру Гордону Лонсдейлу (№ 5399)*
> *Тюрьма Её Величества,*
> *Уинсон Грин,*
> *Бирмингем.*
> *Уважаемый мистер Лонсдейл, я получил Ваше письмо от…»* А между трафаретным началом и такой же трафаретной концовкой: «С уважением. Джонсон-Смит», — член парламента просил сообщить адрес бирмингемского адвоката Лонсдейла и указать, по какому вопросу направлялся запрос в министерство внутренних дел… И ещё там была такая фраза: *«Что касается последнего вопроса в Вашем письме с требованием привилегий…»* (я требовал не привилегий, а только того, что мне как заключённому-долгосрочнику полагалось в полном соответствии с тюремными правилами).

Стало ясно, что будущее светило английского политического небосвода явно не решится беспокоить министра. Я счёл, что пора

нанести удар по самодовольству члена парламента. И набросал едкое письмо, в котором откровенно высказал своё мнение по поводу тактики увиливания, к которой постоянно прибегает уважаемый член парламента. Удар достиг цели: Джонсон-Смит тут же ответил:

> «Уважаемый господин Лонсдейл,
>
> мне кажется, Вам следовало бы знать, что я сам решаю, как мне действовать, если сочту это необходимым, в отношении дел моих избирателей (это общепринятая практика среди членов парламента в нашей стране).
>
> Я переписывался с Вашими адвокатами, как Вы это знаете, чтобы выяснить их мнение по поводу наличия юридических оснований в Вашем требовании вернуть Ваши вещи, что оправдало бы моё обращение к министру внутренних дел. Если такие основания имелись, то я хотел узнать, на каком основании Вам могли бы отказать в разрешении возбудить дело в суде.
>
> У меня нет при себе папки с нашей перепиской, и я пишу по памяти. Кажется, одни адвокаты отослали меня к другим, я уже не помню, кто отослал меня к кому. Но, во всяком случае, я обращался к обеим адвокатским фирмам, указанным в Вашем письме, по причине, приведённой выше.
>
> Когда я вернусь в Лондон, я просмотрю папку с нашей перепиской и тогда решу, что мне следует сделать…» И так далее в таком же маловразумительном стиле.

Письмо было написано от руки. Великое множество орфографических и синтаксических ошибок — увы, их невозможно сохранить в переводе — тут же оповестили меня, что я удачно наступил на «любимую мозоль» господина Джонсона-Смита.

К несчастью для члена парламента, тюремный режим предоставлял мне слишком много свободного времени. В тот же день я отправил Джонсону-Смиту ещё одно письмо:

> *«Прежде всего, я хотел бы поблагодарить Вас за чрезвычайно интересное для меня сообщение о том, что в Англии члены парламента сами решают, что им следует или не следует делать. В свою очередь я мог бы сообщить, что в других странах, как это мне хорошо известно по личному опыту, нет необходимости быть членом*

парламента для того, чтобы принимать подобные решения…»

Видимо, Джонсон-Смит решил, что с него достаточно, так как больше никогда не пытался читать (или, вернее, писать) мне нравоучений, хотя наша переписка продолжалась ещё не один год.

Больше того, подхлёстнутый едким письмом, самодовольный парламентарий наконец решился потревожить министерство внутренних дел и на этот раз добился результатов. 26 сентября — почти через восемь месяцев после подачи петиции — начальник тюрьмы вызвал меня и зачитал ответ министра (в английских тюрьмах заключённым не разрешают дотронуться до листа бумаги, подписанной «самим» министром внутренних дел). Ответ был стандартным: «Министр внутренних дел внимательно изучил Вашу просьбу и решил отказать Вам». Отказ, как обычно, ничем не мотивировался.

Всё это находилось в противоречии с английскими законами и удивило меня. Но я был поражён ещё сильнее, когда через несколько дней Джонсон-Смит прислал копию письма уже упоминавшегося выше Флетчера-Кука:

> «4 сентября вы писали министру внутренних дел о Гордоне Лонсдейле, заключённом в Бирмингемской тюрьме, который направил прошение с просьбой разрешить ему возбудить дело о возвращении имущества, которое, по его утверждению, принадлежит ему.
>
> После тщательного рассмотрения вопроса министр внутренних дел решил, что не может разрешить этого Лонсдейлу. Заключённому и его адвокатам сообщили о его решении.
>
> Должен добавить, что, насколько мне известно, все деньги, которые были изъяты у Лонсдейла, или же их эквивалент в фунтах стерлингов, которые находились в руках полиции, были возвращены его адвокатам, так же как и большое количество другого принадлежащего ему имущества».

Получив отказ министра, я дал указание своим адвокатам выяснить у сведущего правоведа, насколько юридически он обоснован. Я прекрасно знал, что решение было незаконным, так как теоретически английские заключённые сохраняют некоторые гражданские права, включая право принимать все необходимые меры для защиты своего имущества. В данном случае, поскольку

я был осуждён за нарушение обычного права, а не за уголовное преступление, то даже «сохранил право» выставить свою кандидатуру на выборах в парламент, о чём и упомянул в одном из писем Джонсону-Смиту, одновременно заверив, что пока у меня нет подобных намерений. «Что касается будущего — то кто знает?..»

Прошло с полгода. Наконец в мае пришло запрошенное мною юридическое заключение. Оно было тут же перехвачено министерством внутренних дел (по тюремным правилам, заключённого должны извещать, что на его имя пришло такое-то письмо, но оно не будет выдано ему по таким-то причинам). Я узнал об этом документе, который, кстати, обошёлся мне в уйму денег, совершенно случайно. В начале июля меня посетил адвокат Хард. Во время беседы он спросил, что я думаю по поводу юридического заключения, посланного бирмингемскими адвокатами в начале мая. Бедный Хард, воспитанный на уважении к законности и искренне убеждённый в том, что Англия не только колыбель, но и цитадель правопорядка, не мог поверить, что его подопечный не получил этого важного юридического документа.

— Ничего не могу понять, — разводил он растерянно руками, — у вас ведь было официальное разрешение на получение этого документа?

— Да. — Я иронически улыбался.

— Вы заплатили за него, и, следовательно, документ стал вашей собственностью?

— Абсолютно точно, дорогой Майкл.

— И вас даже не известили о конфискации этого документа властями?

— Не известили, дорогой Майкл, — меня забавляла наивность адвоката.

— Но ведь это же незаконно! — наконец пришёл к «кощунственному» выводу адвокат.

— Вот об этом я и говорю!

Месяцы тюрьмы не убили во мне чувства юмора. Я всё же предпочитал, если хотите, с улыбкой относиться к своей «войне» с английскими законниками и видеть в ней не мелкую юридическую возню за имущественные права, я средство поддерживать боевое настроение и не терять форму даже в тюрьме.

— Как они могли, как могли! — возмущался Хард. Утром, перед выходом на работу, в мою камеру как обычно заглянул дежурный надзиратель. Скучным голосом спросил:

— Просьбы есть?

Надзиратель уже привык, что у заключённых всегда куча просьб. То хотят побывать в медпункте, то вдруг их обуревает желание облегчить душу беседой с капелланом, то просят организовать встречу с представителями специальной службы, оказывающей помощь семьям заключённых. И всё это, по мнению тюремщиков, только для того, чтобы отвертеться от работы.

У заключенного № 5399 тоже была просьба:

— Хочу попасть на приём к начальнику тюрьмы. Надзиратель поморщился, но аккуратно вписал эту просьбу в специальную тетрадь.

Днём меня повели в приёмную начальника тюрьмы. Кабинет был специально приспособлен для приёма заключённых: голые стены, стол, кресло. Между мной и начальником находились два тюремщика, ещё один торчал у меня за спиной, а рядом с шефом каменной глыбой возвышался главный надзиратель тюрьмы.

Я представился по всем правилам внутреннего распорядка:

— Заключённый Гордон Лонсдейл, № 5399. Хочу узнать, что случилось с юридическим документом, отправленным мне 2 мая юридической фирмой «Хьюит и Уолтерс».

Начальник тюрьмы не подал виду, что знает, о чём идёт речь, и приказал позвать цензора. Тот подтвердил: да, такое письмо поступило на имя Лонсдейла 3 мая. Как и все письма этого заключённого, оно было переслано в министерство внутренних дел.

Начальник тюрьмы не скрывал радости:

— Ну, вот — ваше письмо задержано министерством. Я здесь ни при чём…

— В таком случае прошу разрешения предстать перед судейской комиссией!

— Ваше право, — пожал плечами начальник тюрьмы. — Вряд ли только вы чего-нибудь добьётесь.

Судейская комиссия помочь отказалась.

В почтовый ящик пошло ещё одно письмо Джонсону-Смиту. Член парламента вскоре сообщил следующее: как разъяснила ему госпожа Пайк, документ был задержан, так как я якобы ухитрился каким-то образом тайком дать указание своим адвокатам получить его.

Госпожу недаром звали «Щукой».

Я немедленно выслал Джонсону-Смиту копию письма адвокату, а также копию его ответа. При этом указал, что письма были отправлены через тюремную цензуру и что господину члену парламента, видимо, небезынтересно будет знать, что вся его корреспонденция негласно проверяется контрразведкой и министерством внутренних дел.

И тут Джонсон-Смит «прозрел». До него наконец каким-то образом дошло, что заключённый Лонсдейл может отсидеть только часть своего срока — не исключено его досрочное освобождение.

Что же будет, если он выйдет на волю и расскажет прессе о волоките, которую затеял член парламента, призванный стоять на страже прав избирателей? Публичного скандала не избежать…

Теперь Джонсон-Смит действовал с необычной для него напористостью. Вскоре он сообщил очередное «разъяснение» госпожи «Щуки»: полицейская матрона утверждала, что господин Лонсдейл будто бы действительно дал указание своему адвокату возбудить дело против полиции. Вот почему этот документ ему и не выдали. (На самом же деле, как мы помним, речь шла о том, имелись ли у министра законные основания отказать заключённому Лонсдейлу в разрешении возбудить судебное дело).

Словом, министр внутренних дел разрешал полиции выступать в роли судьи в деле, по которому сама полиция была ответчиком. Мне же фактически запрещалось возбудить против полиции дело, в ходе которого я мог легко доказать, что даже среди видных полицейских и контрразведчиков есть мелкие воришки.

Удалось ли мне все-таки заполучить эту бумагу?

Нет, не удалось. Выйдя из тюрьмы, я написал своим бирмингемским адвокатам и попросил прислать копию юридического заключения и остаток денег, которые я в свое время заплатил этой уважаемой фирме авансом. До сих пор не получил ответа. Английские адвокаты не очень-то любят расставаться с деньгами своих клиентов.

«Битва за права» продолжалась. Получив отказ министра, я тут же подал другую петицию. В ней речь шла сразу о трёх вещах: о переводе в центральную тюрьму, о посещении вечерних классов и о возбуждении судебного дела против полиции. Я довольно резко писал министру, что считаю его решение незаконным и даже более того: *«Ваша попытка, господин министр, отвести удар от воров, похитивших принадлежавшие мне деньги и имущество, превращает вас в соучастника преступников. А по английскому праву укрыватель преступника может быть привлечён к ответственности как соучастник преступления…»* И так далее, в таком же тоне.

Копию письма я отправил Джонсону-Смиту, которого решил держать в курсе всех этих дел.

Через несколько часов после того, как я опустил в ящик письмо Джонсону-Смиту, меня вызвали к начальнику тюрьмы.

Потрясая каким-то листком бумаги и с трудом владея собой, тот, едва я показался на пороге, крикнул:

— Кто дал вам право писать подобные вещи о министре внутренних дел?

— Статья 249-а тюремных правил, — сухо ответил я. — Позвольте процитировать её вам: «Все жалобы будут рассмотрены, и если будет установлено, что они не обоснованы, то податель жалобы будет наказан. Не разрешается забирать жалобы назад».

Как видите, господин начальник тюрьмы, моя жалоба подана в полном соответствии с тюремными правилами, и я с нетерпением жду её рассмотрения. Каждое слово, написанное в ней, — правда. К тому же я уже не имею права взять её обратно. И теперь мне остается только ждать…

Я отлично изучил «Основы тюремных правил» — «конституцию» тюремной жизни, принятую парламентом и дополненную тюремным ведомством. Ох, уж эти правила! Заключённый может их получить и при желании заучить сотни их пунктов и подпунктов на память. Но он не знает главного: из его экземпляра начисто вымараны те пункты, которые предоставляют ему хоть какие-то права. Кроме этого, существуют ещё и неписаные правила. Например: ответы министра внутренних дел только зачитываются заключённым, и мало кто из них знает, что может потребовать копию «сиятельного» документа в письменном виде. Или что можно написать члену парламента, минуя министра.

Начальник тюрьмы быстро понял: человек, который спокойно стоит перед ним и даже где-то там внутри посмеивается, глядя ему в глаза, твёрдо знает свои права и его, начальника тюрьмы, обязанности.

— Значит, вы хотите, чтобы мы отправили письмо? — тон уже был помягче.

— Очень хочу, — простодушно подтвердил я.

— И не желаете взять его обратно?

— В соответствии с «Основами тюремных правил» я не имею на это права!

— Что ж, будь по-вашему…

Наверное, в эту минуту начальник тюрьмы уже тоскливо думал о том, когда же наконец уберут этого беспокойного заключённого, решившего отравить ему жизнь бесконечными просьбами и петициями…

Нет, наказан я не был. Что же касается моей переписки с членом парламента, то она успешно продолжалась. 20 ноября я направил ему очередное письмо, в котором попросил высказать

мнение по поводу дискриминации, осуществляемой министром внутренних дел. В ответе, датированном 23 ноября, Джонсон-Смит снова ухитрился обойти все поставленные вопросы. Он просил заключённого дать указание своим адвокатам ознакомить его с документами, связанными с жалобой. Власти прибегли к новой уловке. Они продержали письмо члена парламента более сорока дней и выдали его мне лишь второго января 1963 года. Вручая это письмо, начальник тюрьмы зачитал резолюцию министра, запрещавшую мне дать указание адвокатам о передаче Джонсону-Смиту необходимых сведений. Это новое запрещение было, конечно, тоже незаконным.

Раунд продолжался. Мне явно полагались очки за активность.

«Заключённый № 5399» немедленно подал жалобу на преднамеренную задержку письма Джонсона-Смита. Ответ на жалобу «по поводу задержки» был задержан на несколько месяцев. Я вновь призвал на помощь Джонсона-Смита, стремясь сыграть на его самолюбии: «На этот раз нарушение правил касается лично Вас, господин парламентарий». После нескольких месяцев активной переписки Джонсон-Смит прислал мне копию письма госпожи «Щуки», в котором содержалось обещание «проследить, чтобы подобные инциденты больше не повторялись». Но и это письмо было задержано на 36 дней!

8 марта 1963 года я получил ответ на свою октябрьскую петицию. Это был отказ по всем пунктам. Однако, как бы вскользь, было упомянуто, что вопрос о переводе в центральную тюрьму и разрешении посещать вечерние занятия «находится на рассмотрении». В конце ответа министр сообщал, что разрешает подать на него жалобу королеве. Пусть в Букингемском дворце обратят внимание на рвение, которое проявляет господин министр на своём трудном посту!

Итак, 10 марта я в своей камере-одиночке положил перед собой на узкий тюремный столик лист бумаги и написал: *«Ваше Величество! Прошу Вас дать указание Вашему министру внутренних дел вернуть мне украденное у меня полицией и службой безопасности имущество, а именно: радиоприёмник и другие предметы…»* В заключение я деловито обращал внимание Её Величества на то обстоятельство, что суд не вынес постановления о конфискации моего имущества и, следовательно, все вышеперечисленные предметы являются моей собственностью. Я также обвинял министра внутренних дел в укрывательстве преступников, укравших у меня деньги и вещи. Ответ королевы был необычайно быстрым — прошло всего лишь 38 дней — и гласил:

«Ваша жалоба была изложена королеве, но поскольку министр внутренних дел не сделал никаких рекомендаций, королева не дала никаких указаний».

Дворцовый круг замкнулся — жалоба на министра внутренних дел не дала никаких результатов, так как министр ничего не посоветовал королеве в отношении жалобы на него самого…

А в это время к господину министру внутренних дел Англии уже шло письмо от моей жены с просьбой разрешить переслать мне продовольственную посылку (при этом она ссылалась на долгий срок заключения мужа и недостаток витаминов и жиров в тюремном питании). Министр остался глух к мотивам, изложенным в письме, и верен традициям своего министерства. Пять месяцев жена терпеливо ждала ответа, а я тем временем бомбардировал Джонсона-Смита просьбами заставить министра внутренних дел дать какой-либо ответ на моё письмо. Убедившись, что министр не собирается отвечать, жена решила взять быка за рога сама и отправила мне посылку.

Появление посылки вызвало в тюрьме переполох, о котором я узнал тут же.

Прошла неделя. Меня вызвал начальник тюрьмы.

— На ваше имя пришла продовольственная посылка, но министр не разрешает её выдавать, — сообщил он то, что мне было уже давно известно.

Я промолчал. Молчал и начальник тюрьмы — ему было предписано наблюдать за реакцией Лонсдейла и детально информировать об этом контрразведку. Там всё ещё надеялись «сломить» упрямого заключённого.

— Скажите, как мне с нею поступить, — наконец не выдержал начальник. — Я её должен куда-то деть…

— Пошлите её Фреду Снеллингу, — равнодушно ответил я.

Фред Снеллинг стоил того, чтобы познакомиться с московской гастрономией. Он работал в аукционе, специализировался на продаже букинистических книг и был большим специалистом в своём деле. Я поддерживал с ним дружеские отношения, так как Фред охотно поставлял мне нужные книги. Да и сам Фред внушал уважение; у него были определённые принципы, которых он твёрдо придерживался. Снеллинг написал несколько книг о спорте, но потом удивил всех, опубликовав в 1964 году сенсационный боевик «007, Джеймс Бонд: отчёт». Ловкий издатель оформил книгу «под подлинного» Джеймса Бонда. Пока читатели разобрались, что к чему, только в США было продано свыше миллиона экземпляров. Снеллинг

прислал мне первое английское издание с посвящением, и я с интересом листал книгу, в которой весьма юмористически рассказывалось о знаменитом супермене. Главы назывались претенциозно: «Его предшественники», «Его образ», «Его женщины», «Его противники», «Его будущее».

Через неделю Фред сообщил мне, что получил посылку и благодарит за неё.

Уже после освобождения я спросил у жены, что именно она посылала в тюрьму. Жена перечислила всё. Вспомнила, что положила туда чёрную икру.

Тогда же я встретился и с Фредом.

— Ну, как, дружище, — поинтересовался я после взаимных приветствий. — Понравилась тебе чёрная икра?

Я был уверен, что Фред икры до этого никогда не пробовал.

— В посылке не было никакой икры, — не без удивления ответил Фред.

Английские власти остались верными себе. Видимо, я так и не узнаю никогда, чей стол украсил предназначенный мне деликатес.

В августе 1963 года жизнь снова предоставила мне возможность выйти на ринг: Фред Снеллинг сообщил, что в Англии снимают фильм «Сеть шпионов» и что в его основу положено дело Лонсдейла. В ближайшее время фильм должен выйти на экран, а пока широко рекламируется прессой. Я легко представил, что это будет за лента, и решил помешать её выходу на экран.

Формально в Англии для выпуска фильма о живом человеке требуется его разрешение. На заключённых это правило распространяется лишь теоретически, особенно если у них нет родственников на воле.

На следующий же день я подал петицию с просьбой разрешить проконсультироваться по этому вопросу с бирмингемским адвокатом. Указывая, что выпуск фильма ожидается в самом ближайшем будущем, я просил не тянуть с ответом. Прождав две недели, написал Джонсону-Смиту, чтоб тот подтолкнул министра. Прошло ещё три недели. Мой депутат молчал, и я начал думать, что получу ответ уже после выхода фильма. Поэтому решил обратиться к своим адвокатам. Письмо было задержано: необходимо, сказали мне, дождаться ответа на предыдущую петицию. Наконец в октябре пришёл ответ: мне отказывали в свидании с адвокатами. Но одновременно мне разрешали послать письмо в киностудию.

Я немедленно направил адвокату и в киностудию решительный протест против того, чтобы кто-либо изображал

меня в фильме и использовал моё имя в сенсационных целях. В заключение я пригрозил передать дело в суд.

Как это ни странно, хотя, быть может, это было вполне закономерно, первым пришёл ответ от адвокатской фирмы, представляющей интересы кинокомпании:

> «Наши клиенты действительно сняли фильм, рассказывающий о событиях, связанных с Вашим судебным процессом… События, которые касаются конкретных лиц, во всех своих существенных деталях основываются на неопровержимых фактах…»

К этому времени в газетах уже появились сообщения о том, что фильм выйдет на экран в конце октября (но фактически он появился лишь спустя шесть месяцев. Как оказалось, после моего письма студия была вынуждена подвергнуть фильм «чистке», он был сокращён на 15 минут. Все вырезанные сцены в основном касались вымышленных эпизодов из личной жизни разведчика. Это, конечно, в какой-то степени снизило интерес зрителей, которые привыкли видеть на экране «клубничку»). Многие мои знакомые, видевшие фильм, были единодушны: он поразил их лишь низким качеством. *«Нужно обладать огромным талантом,* — писала одна из газет, — *чтобы ухитриться выпустить столь скучный фильм о столь интересном деле»*.

О чём шла речь в фильме? «Сеть шпионов» в псевдодокументальной манере рассказывала о так называемом Портлендском деле. Сценарий был основан на материалах судебного процесса и поэтому далёк от истины. Показания Джи и Хаутона авторы приняли за чистую монету. Все действие разворачивалось в течение трех недель: от «начала» работы Хаутона до ареста. Британские налогоплательщики должны были убедиться, как здорово действует их служба безопасности. В заключительных кадрах были выражены все идеи, вдохновившие авторов и постановщика: купол «Олд Бейли», статуя Фемиды и мрачный голос за кадром: «Кто знает, быть может, такой же опасный шпион находится среди нас, в этом самом зале и даже в вашем ряду!» «Сеть шпионов» была вкладом определённых английских кругов в атмосферу шпиономании, которую после моего ареста старались раздуть в стране.

Покончив с кино, я принялся за прессу. 10 ноября 1963 года в газете «Санди экспресс» я с изумлением прочитал, что якобы написал своей жене, что буду дома значительно раньше, чем через четверть века. В частности, в газете говорилось: *«В письме из Бирмингемской тюрьмы человек, который возглавлял портлендскую шпионскую группу… советовал своей жене не*

терять надежды, так как переговоры о его освобождении уже ведутся».

Конечно, я знал, что такое возможно, и не терял надежды на то, что обстоятельства могут сложиться в мою пользу. Я не сомневался, что на Родине обо мне помнят, думают, делают всё возможное, чтобы вызволить из неволи. И неколебимая вера эта помогала переносить испытания, выпавшие на мою долю. Но я никогда не затрагивал этой темы в письмах к жене или кому-либо иному.

Между тем статья называлась крикливо: «Лонсдейл пишет жене: скоро буду дома». Помещена она была под крупным заголовком на центральной, самой «почётной» полосе толстой воскресной газеты, где обычно отводится место самым интересным материалам.

Сочинения, опубликованные в «Санди экспресс», легко опровергались, поскольку переписка с женой проходила через тройную цензуру. И всё же, тщательно взвесив все обстоятельства, я решил прежде всего заручиться поддержкой так называемого Совета по делам прессы, в функции которого входит следить за «моральным обликом» английской печати. В письме в Совет я попросил ответить на два вопроса:

— Могут ли английские газеты публиковать содержание частных писем без согласия их авторов?

— Могут ли английские газеты фабриковать содержание личных писем?

После обычных проволочек, к которым к тому времени я уже почти привык, я получил ответ от секретаря Совета по делам прессы полковника Клиссита (тот факт, что в секретарях Совета состоит полковник, отнюдь не означает, что Совет — военная организация. В Англии отставных офицеров принято называть по их званию — но только от капитана и выше — до конца жизни).

Письмо было кратким и конкретным — лучшего я и желать не мог. Полковник писал:

> «Частные письма или их содержание не могут публиковаться без согласия их авторов (основание — закон об авторском праве 1956 года).
>
> Публикуя фабрикацию, владельцы газеты будут вынуждены выплатить компенсацию в соответствии с решением суда».

Таким образом, получалось, что если б «Санди экспресс» продолжала настаивать, что она опубликовала выдержку из подлинного письма Лонсдейла, то она была бы вынуждена выплатить компенсацию на основании пункта первого.

Если же она признает, что письмо сфабриковано, то она будет отвечать за это в соответствии с пунктом вторым. Как говорится, куда ни кинь, везде клин.

Передав необходимые документы адвокату, я поручил ему заняться этим делом. Случайно или умышленно, адвокат не понял его и повёл дело так, что дал возможность «Санди экспресс» затянуть иск. Вскоре обстоятельства сложились таким образом, что я должен был заняться иными, более приятными делами, и адвокат, не дожидаясь новых указаний, прекратил атаку. А жаль: были все основания притянуть «Санди экспресс» к ответу.

Из письма англичанина Бриага Марриринера Галине Молодой:

С 1962 по 1965 год я отбывал пятилетнее наказание за грабёж с применением насилия. Думая недавно о пережитом в тюрьме, я вспомнил Гордона Лонсдейла, с которым соприкоснулся в тюрьме Винсон Грин в Бирмингеме. Я провёл много часов, беседуя с Гордоном на прогулках, и нашёл, что он выдающийся человек, очень смелый и приятный, хотя, к моему изумлению, убеждённый приверженец коммунистической системы…

Истинная причина моего письма заключается в следующем: я вспомнил, что Гордон рассказал мне о том, что у него в России есть жена и дети. Я никогда о них не думал и даже не знаю, жива ли ещё его жена. Если она жива, наверное, она рада будет прочитать о той дани уважения, отдаваемой иностранцем, который знал её мужа в наихудших из всех возможных обстоятельствах — в британской тюрьме, отбывающим наказание в 25 лет. Тем не менее он никогда не переставал улыбаться. Он всегда был приветлив…

Лучше всего я помню его по одному эпизоду. Мы работали в «Звёздной» мастерской, изготовляя кисти для красок. Было очень жарко, и мы были скучены в тесном помещении. Все были раздражены. Работавший напротив меня человек действовал мне на нервы своими саркастическими замечаниями. В конце концов я не выдержал и вскочил, чтобы ударить его. (За это я был бы посажен на хлеб и воду). Я — крупный мужчина ростом 6 футов 4 дюйма и весом 102 кг; однако Гордон тут же оказался между нами и заявил: «Не будьте дураками. Не давайте тюремщикам повода для удовлетворения». Мы оба сели на место.

Гордон тихо, уверенно, без лишнего шума разрядил обстановку. Своим поступком он ничего не выгадывал, а фактически рисковал сам.

Госпожа Лонсдейл! Ваш муж — настоящий, хороший, храбрый человек…

Глава XXXII

Английская контрразведка незримо присутствовала в каждой тюрьме, в которой я побывал. Шаг за шагом МИ-5 преследовала меня, стараясь заставить сдаться. Особый режим, самые скверные тюрьмы, дискриминация, психологическая обработка…

Борьба продолжалась.

Она шла теперь в условиях, неблагоприятных для меня. Я был один. Один против мощного, освящённого веками тайной работы аппарата МИ-5.

Контрразведчики уже поняли, что поторопились с моим арестом и упустили возможность раскрыть действительный объём моей деятельности. Теперь они старались исправить ошибку. Но, увы, человек, начинённый секретными сведениями, которых просто жаждала МИ-5, хотя и находился в её руках, по-прежнему ничего не говорил.

Вначале был период выжидания — ко мне присматривались и «подбирали ключи». Потом резко «закрутили гайки» — ухудшили режим и тут же стали проверять моё настроение. Авось что-нибудь да выйдет. Делалось это крайне примитивно. Вдруг среди тюремщиков попадался некий сердобольный, располагавший к себе дядя. Дядя будто невзначай заводил со мной беседу, бросал: «Жаль мне вас, через 16 лет я уйду на пенсию, а вы всё ещё будете гостем Её Величества…» — и пытливо присматривался, как я на это реагирую.

Потом мне стали подставлять других заключённых — у каждого из них был свой заманчивый план побега. Загвоздка всегда была в одной мелочи: я должен был сообщить адрес человека, у которого можно было спрятаться после побега…

Сначала всё это не слишком раздражало: тюремная жизнь скучна и монотонна. А в этих, пусть даже весьма примитивных, приёмах, с которыми пытались «подойти» ко мне, было своё разнообразие. Но потом я справедливо посчитал топорность этих попыток явным неуважением к своей профессиональной квалификации. Методы МИ-5 свидетельствовали о негибкости и тенденции к шаблону и стереотипу. Главным средством считались деньги — западные специальные службы почему-то свято убеждены в том, что деньги купят всё. Конечно, мне были известны случаи, когда такой подход позволял английской контрразведке добиваться успеха. Но это вовсе не давало оснований делать вывод, что найден какой-то универсальный, безотказный метод. Первый ход контрразведка сделала через месяц после процесса. В одну из суббот апреля 1961 года меня

посетила госпожа Бейкер. Само собой разумеется, миловидная Молли Бейкер не работала на МИ-5. Она была моим партнёром по фирме, торговавшей «электронным сторожем». Это был «молчаливый», или, как ещё говорят в Англии, «спящий», партнёр, что означало: госпожа Бейкер вложила определённую сумму денег, но активной роли в делах фирмы не играет, а лишь принимает участие в заседаниях правления наравне с другими пятью партнёрами. Фирма не платила ей жалованья, гарантируя равную долю прибыли.

При милой внешности эта приятная женщина лет сорока обладала деловым складом ума. Это был её второй визит в тюрьму, и, как и первый, он был связан с моим выходом из фирмы.

— Куда мы идём? — поинтересовался я у тюремщика, сопровождавшего меня.

— В зал, — лаконично ответил тот.

Как ни странно, но в английских тюрьмах есть залы свиданий. Есть залы «люкс», где посетители могут проводить время со своим знакомым или родственником за отдельным столиком. Те приносят с собой чай, печенье, съёстное, хорошие сигареты. Всю еду заключённый должен тут же съесть, так как проносить с собой в «зону» не имеет права. Есть «кабины» — вроде той, в которой я встречался с Гарднером. Как правило, мои свидания происходили именно в них. Но бывало и так, что тюремная администрация распоряжалась выделить для свиданий заключённого № 5399 отдельную комнату, в которой меня уже поджидал Хард. Адвокат сидел за столиком, я занимал стул напротив, а между нами устраивался надзиратель, скучавший (во всяком случае, он подчёркивал это своим видом) до конца встречи.

Первое свидание с госпожой Бейкер тоже проходило в отдельной комнате в присутствии тюремщика. А вот второе…

На этот раз меня провели в зал, где происходила встреча нескольких десятков заключённых с родственниками и друзьями. «Случайно» моей экс-партнерше удалось занять скамейку в стороне от всей этой массы одновременно говоривших и жестикулировавших людей.

Мы быстро обсудили общие коммерческие дела, и тогда госпожа Бейкер сказала, что хотела бы потолковать по очень важному вопросу.

— Пожалуйста.

— Несколько дней назад я получила извещение из министерства обороны. Меня просили зайти туда в определённый день и час, позвонив предварительно по телефону.

— Видимо, это касается меня, — сказал я, — иначе вы не стали бы рассказывать это.

— Совершенно правильно. Меня провели в кабинет к джентльмену в штатском, который назвался Элтоном. Представившись сотрудником контрразведки, он попросил рассказать всё, что говорили вы мне во время нашего предыдущего свидания в тюрьме…

— Вы, видимо, заметили, что наше прошлое свидание длилось почти час вместо положенных двадцати минут, — перебил я собеседницу. — Поблагодарите за это Элтона.

Госпожа Бейкер сказала, что она была возмущена столь гнусным предложением и заявила Элтону, что намерена рассказать об этом происшествии Лонсдейлу. Элтон, к её безграничному удивлению, отнюдь не возражал и даже попросил передать мне, что у него есть заманчивые предложения, которые могут сделать меня богатым человеком.

— А почему бы и не поговорить с ним? — ответил я. — Я всегда готов обсудить заманчивые предложения. Пусть только он не думает, что я соглашусь выдать кого-либо. Что касается денег, то я в них не нуждаюсь.

Мы расстались. Дня через два меня посетил адвокат Хард — он тоже был знаком с госпожой Бейкер. Хард спросил:

— Что вы думаете о предложениях контрразведки?

— Ничего не думаю, — ответил я. — Я ещё о них ничего толком не слышал. Главное, чего я хочу, это чтобы госпожа Бейкер ясно дала понять Элтону, что я не собираюсь покупать свою свободу ценою измены. Если же у Элтона есть другие предложения, готов их обсудить.

Прошло несколько недель. Элтон не появлялся. По-видимому, это входило в план «психологической подготовки» заключённого. Меня явно пытались «размягчить». Но вот как-то утром меня вызвал заместитель начальника тюрьмы. Он сообщил:

— Вас хочет видеть джентльмен из службы безопасности.

В крыле для свиданий с адвокатами царила суматоха. Хлопали двери, входили и выходили какие-то люди, отдавались распоряжения. Сам главный надзиратель следил за тем, как будет приготовлено место для встречи Лонсдейла с человеком из МИ-5. Окна и стеклянные двери были завешены плотной бумагой. Словом, было сделано всё (хотя, видимо, и неумышленно), чтобы привлечь к этой «тайной» встрече внимание всех — и тюремщиков, и заключённых.

По моей просьбе на встрече присутствовала госпожа Бейкер. Мне был нужен свидетель, способный удостоверить, что подобная встреча действительно произошла. Не успел я обменяться

несколькими словами с Молли, как дверь торжественно распахнулась. В комнату вошёл типичный английский чиновник. Котелок, чёрный пиджак, брюки в полоску, туго свернутый зонтик. И самая бессмысленная улыбка, которую мне когда-либо приходилось видеть. Взглянув на лицо господина из МИ-5, я едва скрыл изумление: передо мной стоял собственной персоной тот самый Элтон, с которым я однажды познакомился на вечеринке у Тома Поупа во время учебы в Лондонском университете. Когда госпожа Бейкер упомянула ещё в апреле его фамилию, мне и в голову не пришло, что я уже встречался с ним.

Представив нас друг другу, госпожа Бейкер сразу же ушла, оставив меня наедине с зонтиком и его обладателем. Последний раскрыл чёрный служебный портфель с вытисненной короной и буквой Е с цифрой II (Елизавета II), вынул из портфеля какой-то снимок и книгу.

— Фотография, — сказал он, передавая её мне. — Найдена у вас на квартире.

На снимке Элтон красовался со своей женой.

— Скажите, пожалуйста, откуда она взялась у вас?

— Я сфотографировал вас и вашу жену в начале июля 1956 года, когда вы были в гостях у Тома Поупа.

— А что вы сделали с этим снимком?

— Как что? Увидев вас в компании с политическими разведчиками и поговорив с вами, я понял, что вы отнюдь не простой государственный служащий, и направил эту фотографию со всеми вашими данными туда же, куда я направил все остальные фотографии, снятые в тот вечер.

— От меня требовали объяснений, каким образом этот снимок оказался у вас на квартире. Теперь я смогу наконец объяснить это.

Криво усмехнувшись, Элтон пожал плечами. Нелегко было ему забыть этот неприятный эпизод, беседа еле вязалась. Поговорили об общих знакомых, присутствовавших на вечеринке у Поупа. Затем Элтон передал мне книгу Буллока и Миллера «Кольцо шпионов» и широко и доверительно улыбнулся:

— Поздравляю, мистер Лонсдейл. Ваше имя отныне вошло в историю разведки.

— Спасибо, я прочитаю книгу с интересом, — любезно заверил я, отметив для себя доверительный тон Элтона. Видимо, именно такой тон был избран его шефами для нашей встречи.

Тюремные правила не разрешают заключённым читать книги, в которых упоминаются их имена. По-видимому, власти опасаются, как бы подопечные не возомнили слишком много о себе. В данном случае мне предоставлялась особая привилегия в

надежде, видимо, на то, что, увидев своё имя напечатанным чёрным по белому в книге, я приду в восторг и стану сговорчивее.

После вежливой вступительной болтовни Элтон наконец перешёл к делу.

— Скажите, пожалуйста, господин Лонсдейл, вы готовы договориться с нами о чём-либо?

— Конечно, — ответил я. — Если ваши предложения окажутся приемлемыми. Я готов отвечать на вопросы, которые касаются только меня самого, и ни на какие другие. Кстати, никаких денег мне не надо…

Элтон принялся объяснять, что когда он говорил госпоже Бейкер о деньгах, то имел в виду какую-нибудь пенсию, которая избавила бы Гордона от финансовых затруднений в будущем.

— К чему мне пенсия? Я не собираюсь оканчивать свои дни на Западе.

— Всё-таки советую вам подумать о будущем, — настаивал Элтон.

— Знаете что? — я довольно невежливо перебил его. — Я в свою очередь советую вам позаботиться о собственной пенсии. Обо мне же прошу не тревожиться.

— Вы всерьёз сказали, будто не собираетесь оставаться на Западе? — на лице Элтона была видна напряженная работа мысли.

— Конечно!

— Боже мой! — воскликнул Элтон. — Неужели вы намерены вернуться домой? Да ведь вас немедленно отправят в соляные копи!

Он говорил искренне и, видимо, сам верил этому.

— Вот что, — предложил я. — Давайте закончим это бессмысленное препирательство. И не заботьтесь обо мне — вам хватит и своих тревог.

— Удивляюсь вашему легкомыслию! — простодушно воскликнул Элтон. — Стоит ли вот так, сразу, даже не подумав, отказываться от возможности обеспечить свою старость?

— Да поймите, наконец, — чувствуя, что уже начинаю раздражаться, сказал я. — Если бы меня интересовали деньги, я заработал бы их гораздо больше, чем может предложить ваша служба. И, учтите, для этого мне совсем не надо становиться изменником. Английские газеты заплатят мне любые суммы за мемуары, которые я им предложу. Вы ведь должны знать: они меня буквально осаждают такими просьбами!

— Да, это так, — признал Элтон.

(Как-то потом Элтон рассказал мне, что у него четверо детей и приходится как-то выкручиваться, чтобы свести концы с

концами. Правда, родители оставили небольшое состояние, но это капля в море. Бедняга Элтон, видимо, никак не мог взять в толк, как может человек добровольно отказаться от денег).

Беседа продолжалась в том же тоне, в котором и началась. Я старался найти какую-то приемлемую точку соприкосновения, чтобы провести то, что уже назвал про себя «операцией Элтон». Смысл её был в том, чтобы выяснить, какими методами пользуется английская контрразведка в подобных обстоятельствах, получить какую-то информацию о её приёмах. Припертый к стенке, Элтон был вынужден признать, что не может обсуждать никаких конкретных предложений. Тогда я прервал беседу: «Давайте встретимся, когда у вас будет что обсуждать».

Много позже я сказал Элтону:

— А знаете, избранная вами тогда тактика была стара как мир.

Элтон и не собирался отрицать этого. Он объяснил:

— Когда я и моё руководство вырабатывали линию поведения с вами, мистер Лонсдейл, мы пришли к выводу, что попытки угрожать явно ничего не дадут, — тут достаточно было почитать протоколы допросов, проведённых суперинтендантом Смитом…

Иногда Элтон охотно рассказывал о себе, видимо, это тоже входило в определённую начальством линию его поведения. Во время войны контрразведчик служил во флоте, был захвачен в плен и пробыл в лагере для военнопленных до конца войны. По его словам, он перевёл там с испанского какую-то книгу, но потерял рукопись при освобождении (кстати, именно это навело меня на мысль самому заняться переводами).

…Вернувшись в камеру, я открыл книгу, которую принёс Элтон. «Кольцо шпионов» оказалось типичным образцом оперативной журналистской работы, когда книга пишется за несколько недель. Рецепты изготовления таких скороспелок просты: собрать все описанные прессой факты, дополнить их интервью с нужными людьми. Достоверность никого не волнует, лишь бы весь этот винегрет был съедобен. Когда фактов не хватает, придумывают всё, что угодно. Причём домыслам придаётся вид предположений, сделанных неким надёжным источником.

Недели через две после первой беседы с «человеком МИ-5» меня перевели в манчестерскую тюрьму. Прошёл ещё месяц, и Элтон появился снова. И на этот раз принёс книгу, посвящённую мне. У нового, также наспех состряпанного труда с неоригинальным названием «Советская шпионская сеть» был один автор, видимо, потому-то он и пришёл к финишу вторым. Книжка была издана в виде яркого пёстрого «покет-бука»,

который удобно читать в дороге и носить в кармане. Содержание было примерно таким же, что у предыдущей книжки, — автору удалось взять интервью ещё у нескольких моих знакомых.

Выяснилось, что Элтон считал появление этой книги достаточным поводом для поездки в Манчестер, ибо ничего нового он так и не сказал. Возможно, просто рассчитывал, что тюремная жизнь уже настолько осточертела мне, что я сам начну о чём-то просить.

— Где же ваши предложения, дорогой Элтон? — поинтересовался я. — Или оставили их в Лондоне вместе с зонтиком?

Тот смущённо забормотал что-то о необходимости обсудить этот вопрос не только с министром внутренних дел, но и генеральным прокурором, верховным судьёй и чуть ли не с королевой.

Усмехнувшись, я посоветовал Элтону прочитать тюремные правила, в которых говорится, что министр внутренних дел имеет право в любое время освободить любого заключённого. Элтон в ответ промямлил:

— На моей работе этого никто не знает…

Осенью он вновь появился в Манчестере. И снова с очередной книгой о Гордоне Лонсдейле — «Война изнутри» Комера Кларка. Это был тоже «покет-бук». По чёрному фону обложки ярко-желтое название. В середине — белая прорезь, из которой глядят два горящих глаза.

«Мои?» — не без иронии спросил я.

Элтон промолчал. Раскрыв книгу наугад, я обнаружил, что Кларк описывает там кулаков. Причём, по мнению автора, это была некая «раса». Невежество автора оказалось потрясающим. В одном месте Кларк, например, уверял, что советская разведка ежегодно расходует «колоссальную сумму в 60 миллионов фунтов стерлингов» (!). А несколькими абзацами ниже заявлял, что на советскую разведку работает четверть миллиона агентов. Достаточно было сопоставить только эти две цифры — 60 миллионов фунтов и 250.000 агентов, чтобы сделать вывод: на такую в общем-то мизерную сумму такую тьму агентов просто не прокормишь… Но как справедливо сказал английский профессор: «Думать слишком утомительно». Особенно когда сочиняешь сенсации.

И на этот раз Элтон не привёз ничего стоящего. «Что ж, пусть выкладывают карты», — решил я.

— Пока что, дорогой Элтон, вы выполняете функции рассыльного книжного магазина, — заметил я. — Думаю, что со мной бесполезно разговаривать, раз у контрразведки нет каких-то

конкретных предложений.

— Ну, зачем так резко, — ответил тот. — Предложения есть. Важные предложения. О чём вы можете судить хотя бы по тому, что они всё ещё согласовываются в высших сферах. Цель моего визита? Просто я не хотел бы, чтобы вы думали, что я бездействую… Да, кстати, Гордон, это вам будет интересно: наша служба долго билась над расшифровкой каких-то таинственных записей в вашем блокноте. Ну, вы знаете о чём речь — этот сложный набор цифр и китайских иероглифов. Мы привлекли к расшифровке профессоров математики, синологов и криптографов. В общем, вы обеспечили их работой на десять месяцев, Гордон…

— Очень интересно, — сказал я. — Продолжим, Элтон. Ну и, после десяти месяцев работы, те сумели подобрать ключ к нашему шифру?

— Служба, — сказал многозначительно Элтон, не обращая внимания на мой иронический тон, — использовала полученные таким образом данные. Всё прекрасно сработало.

Это был намёк на то, что контрразведка сумела установить связь с кем-то из моих коллег. При этом Элтон внимательно следил за моими глазами, ожидая увидеть в них растерянность.

Это уже был ход. Ход, который наводил на мысль, что главная цель визитов Элтона в тюрьму — выведать что-нибудь у меня. Контрразведка была крайне раздосадована, не найдя на моей квартире никаких полезных для неё адресов, фамилий, мест и условий встреч, которые могли навести на чей-то след. Вот Элтон и пытался создать впечатление, что благодаря моей небрежности им удалось обнаружить кого-то из моих товарищей. Расчёт был такой: известие об этом меня напугает, и я побоюсь возвращаться домой.

Можно было лишь улыбнуться в ответ на все эти «ужасы». Ведь люди, которых имел в виду Элтон, тоже читали газеты и после провала приняли все необходимые меры. К тому же я был убеждён, что никакие эксперты не могли решить головоломку, которую я преподнёс МИ-5: я пользовался произвольной системой кодирования записей. Расставаясь с Элтоном, я повторил, что нам не о чем говорить до тех пор, пока тот не привезёт конкретные предложения.

В начале декабря в жизни Элтона наконец-то настал великий день. На встрече он приветствовал меня самой широкой, самой своей радостной улыбкой. Как только закрылась дверь (тюремщик всегда дежурил за дверью), Элтон воскликнул:

— Наконец-то я добился результатов!

И торжественно протянул красную папку, прошитую голубой

шелковой лентой. Я раскрыл её. Три страницы отпечатанного на машинке текста. Бумага высшего качества, светло-голубого цвета. Всё сделано исключительно красиво.

— Что это? — спросил я продолжавшего сиять Элтона.

— Наши конкретные предложения… Уверен, вы будете довольны… Поверьте, добиться этого было нелегко…

В глаза мне бросились трёхсантиметровые буквы поставленного в правом углу первой страницы красного штемпеля: «СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО».

«Чёрт возьми, — подумал я. — Это прогресс. Наконец-то противник сам вручает мне секретные документы!»

Я не спеша прочитал «исторический» документ. В нём было сказано, что соответствующие инстанции согласились сократить срок моего заключения до пятнадцати лет при условии, если Гордон Лонсдейл «подробно и правдиво» ответит на все вопросы, перечисленные в этом документе. Можно ли считать ответы полными и правдивыми — это будет решать служба безопасности.

Я тщательно прошёлся по вопросам. Постарался уложить их в памяти и отметил про себя, что их составитель или составители имели весьма нечёткое представление о моей разведывательной работе. Это меня обрадовало.

Чувствовалось, что, составляя вопросник, начальство Элтона не захотело проконсультироваться со специалистами из «Интеллидженс сервис», дабы не делить с ними лавры, которые им уже грезились.

Документ был изучен. Я вернул папку.

— Так дело не пойдёт, старина, — сказал я доверительно. — Ваши предложения я считаю глупыми и даже оскорбительными. Во-первых, смешно предполагать, что я выдам какие-либо служебные тайны. Ведь с самого начала я сказал, что буду отвечать только на вопросы о самом себе. Во-вторых, я рассчитываю быть на свободе гораздо раньше, чем через двадцать пять или пятнадцать лет.

— Чего же вы хотите? — воскликнул Элтон.

— Уж во всяком случае, не сидеть так долго в этой грязной дыре.

— Сейчас наше правительство не может ни освободить, ни обменять вас, — сказал Элтон. — Американцы поднимут вой, что мы заигрываем с коммунистами, а этого наше правительство не в состоянии себе позволить.

— Ерунда. Пройдёт немного времени, и они сами обменяют полковника Абеля на Пауэрса.

— Нет, этого не произойдёт. — Элтон был упорен в своих суждениях: поведение Пауэрса с точки зрения Центрального

разведывательного управления было отнюдь не безупречным. Он разболтал всё, что знал. Я не спорил, хотя мне ещё до ареста стало известно, что первые шаги в организации этого обмена уже предпринимались. (Примерно через год после разговора с Элтоном рано утром, ещё до подъёма, тюремщик отворил мою камеру и сообщил, что только что слышал по радио сообщение об обмене полковника Абеля на Пауэрса. Мне очень хотелось послать Абелю поздравительную телеграмму…)

Наконец Элтон неожиданно спросил:

— А вы согласились бы встретиться с представителями ЦРУ? Это было бы в ваших интересах.

По-видимому, он хотел вовлечь ЦРУ в сделку между английской контрразведкой и мной.

— Если б в ЦРУ оказались довольны полученными сведениями, английское правительство согласилось бы освободить вас. Ведь известно, что ваша деятельность была направлена главным образом против США, а не против Англии.

Это уже было что-то новое. Для чего я понадобился ЦРУ?

По сей день мне не ясно, действовал ли Элтон тогда в соответствии с полученными им указаниями или же импровизировал на ходу. Он явно не ожидал, что я так вот, сразу отклоню все предложения его службы. Моё полное равнодушие к выдвинутой идее переговоров с ЦРУ поставило Элтона в тупик. Стало ясно — ему поручено попытаться добыть сведения не только о моей работе в Англии, но и в США. На предложение встретиться с представителями ЦРУ я ответил немедленным и самым категорическим отказом.

Элтон понял, что я настроен решительно, и надумал меня припугнуть. Приняв самый мрачный вид, он сказал:

— Американцы, возможно, потребуют выдать вас и предъявят обвинение в шпионаже. Ведь до переезда в Англию вы жили в США. — Он подумал и добавил: — Во всяком случае, после того, как вы отбудете свой срок заключения в Англии, вас передадут американцам. Вам было бы гораздо лучше отбывать оба наказания сразу…

— Вполне возможно, что вы и правы, — улыбнулся я. — Но вы забыли такой немаловажный факт: в США разведчика могут посадить на электрический стул даже в мирное время. А это явно помешает мне полностью отбыть приговор, вынесенный судом Её Величества… Так что, Элтон, я предпочитаю отбывать приговоры не торопясь. Один за другим.

Мы расстались.

Операция «Элтон» не удалась её инициаторам. Мне же удалось узнать кое-что важное о причинах своего провала, а

также о том, насколько осведомлён противник о работе всей моей группы… Знала британская контрразведка потрясающе мало.

Когда меня арестовали, газеты были напичканы всевозможными «просочившимися к нам абсолютно достоверными сведениями» о том, как контрразведке удалось напасть на мой след. Все дружно писали о том, что первым сигналом оказалось пьянство Хаутона, показавшее, что тот живёт не по средствам и что будто бы местная полиция заинтересовалась им случайно, расследуя какие-то анонимные письма, к которым Хаутон не имел никакого отношения. Газеты печатали интервью с каким-то придурковатым полицейским из провинции, который якобы первым заподозрил неладное и дал сигнал в контрразведку. А та за несколько месяцев распутала всё дело. Словом, в прессе всё это выглядело недурно. Контрразведка была представлена в наилучшем свете. Даже верховный судья счёл необходимым в конце процесса поздравить службу безопасности с «блестящей работой».

На самом же деле контрразведка сама «просочила» в прессу все эти «абсолютно достоверные сведения».

Всё было иначе. Я без помех проработал в Англии шесть лет. Хвалёная английская контрразведка так ничего и не знала бы обо мне. Все сведения она получила от предателя. Никакой «блестящей работы» не было и в помине.

В тюрьмах Её Величества я сделал для себя одно странное открытие: время идёт тем быстрее, чем однообразнее, похожее дни, составляющие его. Каждый тюремный день тянулся бесконечно долго, но все они были настолько одинаковы, столь мало разнились друг от друга, что я всегда удивлялся, когда внезапно оказывалось, что уже воскресенье. Дни еле тащились, недели шли быстро, месяцы — те просто летели — парадокс, видимо, имеет какое-то психологическое объяснение.

Самым ярким, самым сильным в этой однообразной череде был, конечно, час прогулки.

Прогулку заключённые ждут с нетерпением. Прогулка — это всё. Это возможность получить информацию, без чего человек двадцатого века существовать не может. Это добрый и точный совет, который тебе дадут весьма компетентные лица. Это, наконец, встречи со знакомыми: «Как дела, Билл?» — «Ничего. Вчера получил от старухи письмо. Пишет, что готовит мне к Рождеству подарок».

В хорошую погоду гуляют во дворе. По овальной асфальтированной дорожке неторопливо вышагивают пары. «Пары» можно менять — поговорил с одним, с другим… Постепенно складывается свой ритуал прогулок, выявляются

симпатии и антипатии.

Ко мне заключённые относились дружелюбно. Старались пристроиться в «пару» рядом со мной, чтобы посоветоваться — среди них я завоевал прочную славу знатока законов. На прогулке можно было курить — нечего и говорить, что заядлые курильщики с нетерпением ожидали этих тридцати минут, которые «дарило» им тюремное начальство дважды в день. И уже с утра многие выясняли, какая погода стоит на дворе: если ненастье, то придётся вышагивать внутри тюрьмы, что обычно не очень нравилось.

В Бирмингемской тюрьме заключённые, находившиеся на особом режиме, гуляли вместе с остальными — это позволяло мне общаться с теми, с кем хотел. Обычно я шёл в паре с Доналом Мэрфи, членом Ирландской республиканской армии. Мэрфи приговорили к пожизненному заключению за участие в налёте на военный арсенал в районе Лондона.

В своё время это было нашумевшее дело. Командование Ирландской республиканской армии (ИРА) внедрило в охрану арсенала своего человека. Группа захвата прибыла в арсенал в форме английских солдат и сержантов. С помощью своего человека они легко обезвредили часового, а затем, под видом проверки караула, и все остальные посты. Ирландцы ворвались в караульное помещение и связали два десятка солдат охраны. Обрезали телефонные провода, загрузили два грузовика оружием, взрывчаткой и другим военным снаряжением. Но по неопытности — перестарались. Груза было столько, что у машины Мэрфи сели рессоры и они могли ехать лишь на небольшой скорости.

Дело было на рассвете. Такая перегрузка показалась подозрительной дежурному полицейскому патрулю, он догнал машину и остановил её. У Мэрфи было указание командования не применять огнестрельное оружие. Как только полицейские заглянули в крытый кузов автомашины, всё было кончено.

При налёте на арсенал никто не был ни убит, ни ранен. Почему Мэрфи и двух его друзей приговорили к пожизненному заключению — остаётся непостижимой тайной британского правосудия.

Английские власти уверяют, что в их тюрьмах нет политических заключённых. Я не мог не заметить, что английский суд всегда выносит чрезмерно строгие наказания по делам, которые в других странах мира назывались бы политическими.

Как и всех ирландцев, а их в тюрьме было очень много, Донала Мэрфи все звали Пэдди. В заключении он находился уже седьмой год. Ему едва исполнилось тридцать, но волосы у него

поседели. Он потерял все зубы и успел нажить язву желудка, но держался молодцом, его уважали все заключённые и тюремщики.

Когда Пэдди отбыл три года, ему разрешили, в соответствии с тюремными правилами, приобрести батарейный радиоприёмник. (Мне в этом, конечно же, отказали). Во время прогулок мы обычно обсуждали радиопередачи, которые Пэдди слышал накануне, обменивались книгами, журналами, газетами. Ирландца не ограничивали, как меня, одной газетой в день.

Мимо меня в тюрьме прошло много интересных людей. Среди них были и известные всей Англии профессиональные преступники. Одно время моим соседом по тюремному коридору был Чарльз Вильсон, один из руководителей знаменитого ограбления почтового поезда в августе 1963 года. Процесс над участниками ограбления, или, вернее, над теми из них, кого удалось поймать полиции, закончился лишь в апреле 1964 года. Судили их не за вооружённое ограбление, за которое законом предусмотрено максимальное наказание в 14 лет тюремного заключения. Власти решили воспользоваться прецедентом по делу Лонсдейла и обвинили участников налёта на поезд в тайном сговоре совершить вооружённое ограбление.

Казалось бы, о каком сговоре могла идти речь, когда уже было совершено само ограбление? Но, используя это юридическое шулерство, суд приговорил большинство участников ограбления к 30 годам тюрьмы.

Вильсону сразу же установили особый режим. Даже прогулки он совершал отдельно от других. Держался он исключительно мужественно, был не похожим на своих собратьев по профессии — многие уголовники теряли человеческий облик, едва их приговаривали к нескольким годам тюрьмы. Узнав его, я подумал, что Вильсон мог бы добиться многого, избери он иной жизненный путь.

Изучив хорошо тюремные порядки, я знал, что пройдёт несколько дней, пока «новичку» принесут газеты. Поэтому я собирал для него газеты с откликами на приговор суда по их делу. Мне удалось передать их Вильсону. Тот уже успел откуда-то узнать, кто такой Гордон Лонсдейл.

— Слушай, — спросил он, — тяжело отбывать такой безумный срок, как 25 лет?

— Ты в тюрьме не первый раз, — ответил я, — и прекрасно знаешь, как здесь гнусно! Однако терпеть можно. А о сроке я стараюсь не думать… К тому же — ведь всякое может случиться!..

Вильсон согласился. На другой день меня повезли в Западный Берлин, а в начале августа того же года из тюрьмы исчез Вильсон. Он был обнаружен лишь в 1968 году, арестован в

Канаде, а затем возвращён в Англию. Да, в тюрьме случалось всякое…

Пожалуй, самым удивительным заключённым из всех, кого я встретил в английских тюрьмах, был некто Гордон Макриди. Его арестовали за попытку организовать побег из тюрьмы Рэмптон, где он служил надзирателем. Дело получило широкую огласку в прессе, что в общем-то было неудивительно: Рэмптон — особая тюрьма для психически неполноценных заключённых, которых, однако, экспертиза душевнобольными не признала (это, впрочем, не мешает не выпускать отсюда на свободу многих заключённых, даже если они отбыли свой срок. Окончательное слово принадлежит медицинской экспертизе).

Работая надзирателем, Макриди близко познакомился с одним молодым парнем, которого осудили по настоянию родителей в 14 лет за кражу мелочи у матери. Прошло десять лет, а экспертиза всё не признавала его годным для освобождения.

Макриди убедился, что это совершенно нормальный человек, хотя десять лет в тюрьме среди психически неполноценных людей, естественно, оставили на нём след. И вот надзиратель, человек весьма неуравновешенный и импульсивный, решает помочь ему бежать и доказать на воле, что тот совершенно нормален. (К этому времени молодой человек уже научился делать отмычки и несколько раз пытался бежать. Однако всякий раз его быстро ловили и возвращали в тюрьму).

Побег состоялся, когда Макриди находился дома. В определённый час он должен был приехать на автомашине к стогу сена, расположенному недалеко от тюрьмы, подобрать своего друга и спрятать его в багажнике. Однако в последнюю минуту Макриди не смог завести автомобиль и вывезти в безопасное место приятеля.

К несчастью для надзирателя, парень вдруг поделился планами побега с другим заключённым. Макриди был сразу же арестован.

И тут неожиданно выяснилось, что сам Макриди был когда-то приговорён к тюремному заключению и, следовательно, не имел права работать в тюрьме. Поступая на работу, он представил фальшивые документы демобилизованного офицера английских королевских военно-воздушных сил, которые изготовил на небольшом типографском станке. К тому же Макриди заплатил за станок «липовым» чеком, а документ сфабриковал по совершенно произвольной форме, так как никогда не служил в ВВС.

Но и это ещё не всё. В сарайчике при «караване», в котором он жил с женой, обнаружили полицейскую рацию и крупномасштабную карту графства Ланкашир. Оказалось,

Макриди, кроме всего прочего, был ещё и таинственным «призраком Ланкашира», как его прозвали в газетах. В свободное время он включал рацию и слушал переговоры полицейских машин. Когда полиция гналась за кем-то, он внимательно следил за ходом погони, расставляя на карте значки, показывающие, где находятся полицейские машины. В решающую минуту он включался в погоню, сообщая ложные данные о местонахождении преследуемой автомашины. Все полицейские автомобили кидались по неверному следу, и на этом погоня заканчивалась. В конце концов полиция поняла, что кто-то умышленно срывает их операции, но так и не сумела отыскать этот «призрак».

Я спросил Макриди, зачем он это делал, поскольку подобные «шутки» могли привести к серьёзным последствиям. Ничего вразумительного тот ответить не мог.

Дальше — больше: выяснилось, что «караван» Макриди был куплен в рассрочку, а задаток уплачен «липовым» чеком. Покупая «караван», Макриди дал вымышленный адрес и фамилию и не произвёл за него ни одного платежа. Его автомобиль оказался взятым напрокат. Задаток, естественно, тоже был оплачен «липовым» чеком. Макриди не вернул автомобиля, а сменил лишь номерные знаки и спокойно разъезжал на нём несколько месяцев. Даже его права на вождение автомобиля оказались самодельными — он отпечатал их сам.

Короче говоря, у Макриди было какое-то патологическое стремление совершать преступления, часто бесцельные, во всяком случае не приносившие ему никакой выгоды. Как-то он признался мне, что получает удовольствие, доказывая своё превосходство над полицией. Конечный результат он считал второстепенным делом.

В начале ноября 1962 года газеты напечатали сообщение, которое сыграло важную роль в моей дальнейшей судьбе. Это была короткая заметка об аресте по обвинению в шпионаже коммерсанта Гревилла Винна — тот часто ездил в социалистические страны. Английские газеты писали очень скупо об этом событии, поэтому трудно было понять, что же произошло на самом деле. Только прочитав «Правду», я получил ясное представление об этом. Сразу мелькнула мысль: «Может быть, меня обменяют теперь на Винна?» Мне было ясно, что коммерсант работал на «Интеллидженс сервис».

Марк Блум — имя, знакомое читателю этой книги, — в своих статьях о Гордоне Лонсдейле уверял, будто бы я заявил ему, что стою трех Виннов и никак не меньше и, следовательно, мне, «мастеру шпионажа», неудобно быть обменённым на такую мелкую сошку. Это, мол, подорвёт моё реноме. Обсуждая

возможность подобного обмена, английские газеты писали, что не в интересах Англии отдавать «красную акулу» за «кильку», «кита» за «пескаря» и т. д. Словом, кое-кто в Англии хотел бы открыть торг, как на аукционе.

Я же с самого начала решительно отказался обсуждать с английской спецслужбой возможности обмена. Это было делом Центра. Как он сочтёт необходимым, так и поступит. Конечно, положительное решение полностью соответствовало бы и моим интересам.

Английские газеты заблуждались, называя Винна пескарём. Это была по меньшей мере щука — да простит мне такое сравнение мисс Пайк. А писания Блума меня просто удивили. Я хорошо его помню — Блум часто советовался со мной по поводу своих бесчисленных петиций. Во время заключения он начал писать книгу о тюремной жизни и по частям переправлял её матери. Из всего, что он написал обо мне, достоверным было только одно: то, что он со мной общался. Всё остальное — выдумка от начала и до конца. В частности, сочинённая им история о том, что я поделился с ним планом побега и предложил огромную сумму за помощь, никогда не имела места в действительности.

Что же касается моего имени… Моё реноме на Западе меня совершенно не волновало. Я считал, что речь идёт об обмене двух человек, к которым никак не применимы рыночные категории «дороже» — «дешевле». Было совершенно ясно: если английская разведка сумеет убедить своё правительство в необходимости выручить Винна, то обмен будет произведён. Но было ясно и другое: контрразведчики попытаются подсунуть мне обмен как приманку, чтобы в последнюю минуту выудить у меня нужные сведения (знаете, как это обычно делается? «Мы охотно обменяем вас, при условии, что…» и так далее).

Итак, следовало ждать. Ждать очередного хода противника. Я уже несколько лет вёл «партию» с контрразведкой и достаточно хорошо изучил её манеру игры и почерк. Рано или поздно — я не сомневался в этом — нужный мне ход будет сделан.

Теперь появилась надежда — неясная, но основанная на строгом, сугубо реальном анализе, что я смогу быть дома гораздо раньше 1986 года. Где-то глубоко я уже прятал радость, так как знал, как легко в такие дни неожиданных перемен к лучшему потерять бдительность. «Никакой спешки! Быть таким, как всегда», — приказывал я себе.

15 января 1963 года меня вызвал начальник тюрьмы.

— Лонсдейл, — начал он, — мне только что звонили из Лондона. С вами хотят увидеться некие высокопоставленные

джентльмены с Уайтхолла.

Похоже, что именно это и было началом того последнего хода, который я так ждал.

Что ж, я готов к нему. Интересно, однако, что последует за этим?

— Мне поручили узнать у вас, хотите ли вы с ними повидаться? — продолжал начальник тюрьмы. — Что мне им передать?

— Благодарю вас, — ответил я, — но у меня нет никакого желания видеть джентльменов, которые либо сами обворовали меня, либо покрывают мелких воришек…

Разговор, таким образом, закончился, едва успев начаться.

Через день утром меня вновь вызвали к начальнику тюрьмы. На этот раз меня не ввели в кабинет начальника — тот сам вышел в коридор. В открытую дверь я успел заметить штатское пальто, котелок и неизменный чёрный зонтик — всё лежало в кресле в кабинете.

— Джентльмены прибыли, — сказал начальник тюрьмы. — Они просят передать, что в ваших интересах увидеться с ними.

— Я уже ответил, что не хочу видеть ни мелких воришек, ни их покровителей.

— Подождите меня здесь, я ещё раз поговорю с ними, — сказал начальник, открывая дверь кабинета.

Уйти я не мог: на почтительном расстоянии стояли два тюремщика. Видимо, им приказали держаться подальше, чтобы они не слышали, что говорит начальник тюрьмы.

Прошло минут десять. Вероятно, по мнению «джентльменов», этого было достаточно, чтобы я успел одуматься. Начальник тюрьмы снова вышел в коридор.

— Лонсдейл, — начал он, — это очень важные люди. Они приехали сюда из Лондона специально, чтобы поговорить с вами. Они просили передать, что хотят сказать нечто крайне важное для вас.

— Они могут ездить, куда им заблагорассудится. Им за это платят. Я не намерен видеться с ними.

Позиция была ясна. Я делал ходы с быстротой шахматного гроссмейстера, демонстрирующего третьеразрядникам сеанс одновременной игры.

В полдень меня повели за обедом. В английских тюрьмах — система самообслуживания. Заключённые идут на кухню, где получают обед в глубоких металлических подносах, разделённых переборками на три части. Обед забирают в камеры. После обеда камеры отпираются: подносы выставляют прямо на пол за дверью.

По дороге меня перехватил главный надзиратель.

— Вас срочно хочет видеть «губернатор», — крикнул он.

— А куда мне деть поднос с обедом? — спросил я.

— Отдайте его надзирателю, — ответил «Старый Чарли». — Потом получите новый.

На этот раз меня провели в другую комнату, где уже находился начальник тюрьмы. Лондонские посетители, несомненно, всё ещё торчали в кабинете.

— Джентльмены всё же надеются увидеться с вами, — сказал «губернатор». — Вы не передумали?

— Нет, — ответил я. Мне действительно не о чем было с ними разговаривать.

— Тогда они просят вас принять их письмо. Его содержание мне неизвестно. Вы возьмёте его?

— Давайте!

Письмо было кратким и конкретным: *«Уважаемый мистер Лонсдейл! Мы хотели бы обсудить с Вами:*

а) Возможность Вашего освобождения в будущем году;

б) Ваш возможный обмен на британского подданного. Заинтересованы ли вы в том, чтобы обсудить с нами эти вопросы?»

Подпись была неразборчивой, видимо, не без умысла.

Вот она — первая ласточка, предупреждавшая меня: весна идёт! Готовься… Но, смотри, не ошибись ни в чём…

Подавив волнение, я как можно спокойнее попросил «губернатора» передать джентльменам, что готов обсудить упомянутые ими вопросы, но только в присутствии господина Харда, адвоката. Я понимал, как мне важно вести этот разговор при свидетеле.

Но нет, «джентльмены» с Уайтхолла не захотели разговаривать со мной при постороннем, хотя тот и был англичанином и к тому же адвокатом. Видимо, характер предложений «джентльменов» был таков, что они не нуждались в свидетеле.

Это была последняя попытка противника выудить у меня какие-то сведения о моей работе.

А время шло, и никаких предложений ко мне больше не поступало, и никто не заводил разговор о возможности обмена. Так прошло ещё несколько месяцев. И вот письмо. Московский штемпель. Жена сообщает, что направила Советскому правительству просьбу обменять Гревилла Винна на меня и что она уверена, просьба будет удовлетворена.

Я ещё не знал, что просьба уже удовлетворена. Советское правительство дало согласие на обмен. Теперь дело за правительством Её Величества.

Где-то в багажных отсеках самолёта уже летит в Англию письмо, адресованное госпоже Винн. Это моя жена просит её обратиться к своему правительству и обменять Винна на человека, носящего имя Лонсдейл…

Не знаю, какие шаги предприняла госпожа Винн, какую роль тут сыграли советы, которые дал ей муж, когда она посетила его в Москве в марте 1964 года.

Несколько месяцев напряжённого, изнурительного ожидания…

9 апреля 1964 года я понял: решение об обмене принято — я настолько изучил тюремные власти, что сделал этот вывод, наблюдая за их поведением. Точнее — за тем, как оно менялось.

В тот день, сразу после обеда, меня неожиданно повели к начальнику медицинской службы тюрьмы. Я ни на что не жаловался и не мог понять, почему «высокопоставленный» эскулап решил лично осмотреть мою персону. Это был первый с момента ареста медицинский осмотр. Он продолжался больше часа и вёлся с предельной тщательностью. Закончив осмотр, начальник медчасти начал задавать мне вопросы. По их характеру я понял, что врач пытается определить состояние моей психики. Врач неожиданно попросил меня сказать, который сейчас час. Подумав несколько секунд, я ответил: «Половина третьего». Лицо врача выразило крайнее удивление, когда он посмотрел на свои часы: заключённый ошибся меньше чем на две минуты. Не так уж много, если учесть, что я жил без часов больше трёх лет…

Я тоже был удивлён: опытный тюремный врач не знал, что большинство заключённых могут точно определять время по тюремным шумам — они повторяются изо дня в день в один и тот же час.

— Почему меня подвергли вдруг столь тщательному медицинскому осмотру? — неожиданно спросил я. («Попробуем теперь выяснить, зачем я ему понадобился…»)

Врач явно не ожидал вопроса, поколебавшись, промямлил, что решил осмотреть всех осужденных на длительный срок. Таких в Бирмингемской тюрьме было лишь несколько, и я знал всех. День ещё не кончился, а я уже установил, что, кроме меня, никого к врачу не вызывали.

Видимо, пришла пора складывать вещи и готовиться в путь — только так можно было истолковать этот неожиданный осмотр.

Конон Молодый — жене Галине (письмо ему удалось переправить из тюрьмы в феврале 1963 года):

«Тебе известно, что я неисправимый оптимист, и не только по натуре. Сама наша идеология основывается на

оптимизме и вере в славное будущее всего человечества. Оставим пессимизм нашим классовым врагам — у них есть достаточно оснований для этого. Признаюсь, что в октябре прошлого года я сам ожидал, что этот остров взлетит на воздух. Но вернёмся к теме оптимизма. Ты должна учесть, что лично я не считаю свои теперешние обстоятельства чрезвычайно трудными, невыносимыми или что-то в этом роде. Я, право, далёк от этого. Это лишь довольно неприятное испытание твёрдости человека и его убеждений. Насчёт этого ты не беспокойся. Рано или поздно мы снова будем вместе».

Глава XXXIII

Теперь можно было считать дни.

Но считать пришлось недолго. Утром 21 апреля 1964 года заключённого номер 5399 отвели в баню. Едва я успел раздеться и намылить своё белое, уже три года не видевшее солнца, изрядно отощавшее тело, как появился старший тюремщик Берджес — сухопарый, весьма корректный надзиратель. Он заведовал тюремной «приёмной», его дело было — оформить заключённых, поступивших в тюрьму или покидавших её. Словом, появление Берджеса в бане было явлением совершенно необычным и не укладывалось в рамки тюремного распорядка.

Берджес поискал меня глазами и с присущей ему лаконичностью бросил: «Лонсдейл, к «губернатору». Срочно!»

— Зачем? — как можно спокойнее спросил я, продолжая намыливаться.

— Не знаю, кажется, вас отсюда увозят, — Берджес был осторожен.

Я быстро оделся. Я сделал это почти машинально, все мысли были сосредоточены на словах Берджеса. «А вдруг свершилось?» — мелькнуло у меня. Но особенно раздумывать было некогда. Берджес поторапливал.

— Я готов.

— Сначала в камеру, — открыл дверь Берджес. — Там соберёте все свои вещи… Быстро…

Мы вместе вошли в камеру, и Берджес присвистнул: у меня скопилось порядочно вещей — в основном книги. К тому же ещё двести томов были сданы на хранение в кладовую «приёмной».

— Ого! — сказал Берджес.

Здесь была великолепная библиотека о деятельности английской разведывательно-диверсионной службы, так называемого «Управления специальных операций» на территории оккупированной Европы во время войны. Я вынашивал замысел написать специальное исследование о работе УСО.

— Вам, пожалуй, всё это не уложить. Сейчас я прикажу принести картонный ящик, — любезно предложил Берджес.

— Спасибо, не надо, — ответил я и жестом циркового иллюзиониста извлёк из-под кровати картонный ящик, который припас сразу же после медицинского осмотра. На лице Берджеса мелькнуло удивление.

В «приёмной» меня уже ждала одежда, в которой я был арестован: тёмный плащ, серый с зелёным отливом костюм, чёрные ботинки, белая сорочка, галстук.

— Одевайтесь, — предложил Берджес.

Я переоделся, испытывая при этом неимоверное счастье. Как можно тщательнее перевязал свои вещи. При этом улыбался («Сияю, наверное, как медный самовар… Ну, да ладно. Вроде бы — всё…»)

Мне выдали «ценности». Получение их я засвидетельствовал своей подписью («Всё-таки правильно сделал, что проследил, чтобы всё это было точно записано»). Теперь все эти вещи были дороги как память о трудных годах моей работы.

— Идёмте, — наконец произнёс Берджес, и мы отправились в кабинет начальника тюрьмы.

Там кроме «губернатора» были ещё двое. Оба в штатском. Одного я видел за пару дней до этого — словно невзначай тот прошёл мимо меня во время прогулки, высокий, седой. Он явно принадлежал к полицейскому ведомству — выдавали выправка и манера вести себя. Другой, моложавый, ниже среднего роста, видимо, формы не носил, обыкновенный штатский костюм сидел на нём привычно и легко.

— Доброе утро, мистер Лонсдейл, — сказал начальник тюрьмы и протянул мне руку. Мне! Руку!

Впервые тюремная администрация пожимала мне руку. Так начальник тюрьмы мог поздороваться только с заключённым, которого ждала свобода.

— Доброе утро, — ответил я, старательно сдерживая радость.

— Я хочу представить вас этим джентльменам. Мистер… — он назвал «моложавого» мистера. Последовало рукопожатие, — начальник канцелярии министра внутренних дел.

Начальник канцелярии министра приветливо улыбался.

— А этот джентльмен — старший инспектор из управления полиции Бирмингема.

Старший инспектор тоже весьма радушно улыбнулся, протянул руку.

Затем все уселись в глубокие кресла у горящего камина. Представитель министерства внутренних дел сказал, что привёз пакет, который должен быть вскрыт только в присутствии мистера Лонсдейла. Он достал из кармана большой конверт и показал сургучные печати. Сломал их. Внутри был другой конверт, поменьше, который он передал начальнику тюрьмы. Начальник тоже показал печати и только после этого вскрыл конверт. Затем он принялся читать довольно длинный документ.

Текст был написан на принятом в Англии официальном жаргоне, о котором сами англичане говорят: «К чему писать одно слово, когда его можно заменить пятью». Содержание сводилось примерно к следующему: в соответствии с тюремными правилами

от марта 1964 года вам предоставляется временное освобождение. Вас доставят на базу королевских военно-воздушных сил в Западном Берлине и обменяют на британского подданного. Если по какой-либо причине обмен не состоится, вас доставят обратно в Соединенное Королевство и вы отдадите себя в руки тюремных властей.

Закончив читать, «губернатор» подал документ мне, указательный палец его при этом был нацелен на подпись заместителя министра внутренних дел.

Я и не сомневался в подлинности бумаги.

— Я счастлив поздравить вас, мистер Лонсдейл, с освобождением, — произнёс «губернатор», — и желаю вам удачи.

Остальные два джентльмена кивнули, присоединяясь к нему. Пока читался документ, я ничем не выражал своих чувств. Теперь же снова позволил себе улыбнуться. Особого волнения я не испытывал: после медицинского осмотра я ожидал этого события со дня на день и подготовился к нему.

Затем начальник тюрьмы — мистер Харрис предложил получить деньги, хранившиеся в тюрьме. Их было что-то около ста фунтов. Я расписался в получении.

— Я хотел бы напомнить вам о своих рукописях с переводами… Могу ли я взять их с собой?..

— К сожалению, я этого не могу сейчас разрешить. Я получил указание предварительно направить их на цензуру.

Тогда я сказал, что оставляю на их пересылку деньги, скопленные из мизерного тюремного заработка, которые числились за мной в тюремной лавке (около двух с половиной фунтов).

Харрис был явно поражён объемом переводов, сделанных мною в тюрьме. Ко дню освобождения я исписал около двух тысяч страниц!

Как только я вернулся на Родину, написал Харрису и попросил скорее переслать переводы. Последовал ответ: по этому вопросу следует обращаться в министерство внутренних дел. Оттуда я вообще не получил ответа. Прождал месяцев шесть и обратился с жалобой к лорду Стонэму. Как бывший заключённый, я просил лорда помочь получить рукописи. Буквально через неделю пришёл ответ с обещанием разобраться с этим делом. Недели через две рукописи прибыли.

Харрис получил назначение в Бирмингемскую тюрьму лишь за несколько месяцев до моего освобождения. Он был значительно умнее и культурнее своего предшественника, который «дорос» до своего поста из рядовых надзирателей. Новый начальник тюрьмы слыл просвещённым либералом. Он серьёзно

задумывался над проблемами перевоспитания и духовного возрождения своих подопечных. Я даже сочувствовал ему, видя бесплодность его попыток преодолеть косность. Харрис считал моё освобождение естественным и правомерным. Расставаясь, он неожиданно сказал по-русски: «До свидания!»

— До свидания, — ответил я и рассмеялся. — Я заметил, что вы, мистер Харрис, с большой неохотой применяли против меня различные дискриминационные меры, предписывавшиеся министром внутренних дел… (Взгляд в сторону начальника канцелярии…)

Будучи умным человеком, Харрис промолчал в ответ и лишь вновь пожелал мне счастливого пути…

Так я начинал путь к свободе. Старший полицейский чин, который должен был сопровождать меня до самолёта, извиняющимся голосом сообщил, что приказано надеть на меня наручники, хотя при данных обстоятельствах он сам не видит никакой необходимости в этом…

— Приказ есть приказ, — мрачно промолвил полицейский, защёлкивая наручники.

Видимо, кто-то из министерства внутренних дел решил, что я надумаю бежать по дороге на Родину…

Во дворе тюрьмы меня посадили на заднее сиденье машины. Справа и слева сели полицейские в штатском — старший чин и молодой сыщик, к которому я был прикован наручниками. Рядом с шофёром разместился какой-то неизвестный. Как оказалось потом — один из руководящих работников английской контрразведки.

Машина выехала через тюремные ворота. Никто из тюремщиков её не сопровождал. Я машинально отметил это нарушение тюремных правил: осужденных при переводе из одной тюрьмы в другую всегда сопровождали тюремщики. Оплошность сразу же показала дежурившим в воротах охранникам, что Лонсдейла не просто переводят в другую тюрьму… Не прошло и часа, как обо всём узнали газетчики. Дело в том, что газеты платят тюремщикам от 5 до 15 фунтов за каждую «интересную» новость. И хотя английские власти стремились сохранить подготовку к обмену в тайне, невнимание к «мелочам» позволило всем газетам узнать о том, что происходит с Лонсдейлом.

За воротами тюрьмы к нам присоединилась вторая машина. Заметив это, я не выдержал и спросил старшего полицейского:

— Неужели вы действительно думаете, что я брошусь назад и попытаюсь ворваться в вашу тюрьму?

— Я этого не думаю, — ответил он. — Вторая машина сопровождает нас на тот случай, если автомобиль сломается. Мы

должны прибыть на аэродром точно в назначенное время.

Вот она, свобода… Небо, весеннее солнце. И люди, люди, люди… Сколько же их! Знакомые улицы Бирмингема… В тюрьме я иногда позволял себе подумать об этой первой минуте встречи с остальным миром. Не ударит ли меня резкая смена обстановки? Некоторые заключённые, пробыв много лет в тюрьме, с трудом переносят внезапный выход на волю… Но нет, я реагировал на эту приятную перемену в своей жизни вполне спокойно. Мне показалось, что ничего особенно даже и не изменилось. Витрины магазинов выглядели как и раньше. Рекламировались те же сорта виски и сигарет. Тротуары были забиты пешеходами. Бросились в глаза только перемены в модах: юбки стали короче, причёски выше, обувь ещё уже. Обратили на себя внимание и новые модели автомобилей.

Мы выехали на автостраду и помчались в сторону Лондона. Мимо проносились бесчисленные автомобили. Мелькали указатели поворотов к знакомым городам. Когда проезжали мимо одного из расположенных на автостраде ресторанов, я почувствовал острый приступ голода, вдруг захотелось поскорее — сейчас же! — съесть что-нибудь приличное! Но, конечно, конвоиры не согласились бы ввести меня, прикованного к сыщику, в ресторан.

Долго ехать молча мы не могли: я интересовал их, а они — меня. Постепенно завязался разговор. Оба полицейских дружно расспрашивали о моих впечатлениях от Бирмингемской тюрьмы и её заключённых. Выяснилось, что у нас много общих знакомых из светил бирмингемского преступного мира, хотя я и полицейские встречались с ними при совершенно разных обстоятельствах. Я воспользовался случаем, чтобы рассказать, о чём говорили между собой многие заключённые: их дела были сфабрикованы неким сержантом из бирмингемского уголовного розыска. Всегда упоминали одного и того же человека. Я считал, что они говорят правду…

— Да, мы знаем это, — заметил один из полицейских. — К нам тоже поступали такие сигналы, сейчас это дело расследуется…

Позднее я прочитал в газетах, что следствие не дало результатов и сержанта восстановили в должности. Подобным образом кончаются обычно все дела этого рода, ибо, как правило, министр внутренних дел поручает проверку жалоб тому же самому полицейскому управлению, на которое они поступили.

Под конец заговорил и сидевший впереди представитель контрразведки. Этот предпочитал отвлечённые темы. Но и он не удержался от воспоминаний о том, с каким удовольствием у них в

управлении читали мою переписку с членом парламента Джонсоном-Смитом… По словам контрразведчика, все сотрудники сочувствовали бедному Джонсону-Смиту, которому всё время приходилось уходить от конкретных ответов, и в то же время смеялись над ним…

…До чего же это приятно — первая зелень, пёстрые плакаты реклам вдоль дороги… яркие цвета автомобилей… Ласково шуршат шины, чуть покачивает.

Свобода — вот она, совсем рядом.

Трасса была хорошо знакома. Когда съехали с автострады, я понял, что направляемся на военный аэродром Нортхолт. Мы были уже совсем близко от аэродрома, но контрразведчик, взглянув на часы, сказал, что мы опережаем график. Чтобы оттянуть время, он приказал водителю сделать крюк.

На аэродром въехали через специальные ворота с надписью: «Для особо важных лиц». Часовой, стоявший на посту, взял на караул. Мне показалось занятным, что из Англии меня вывозят именно через эти ворота. Машина покатила прямо к ожидавшему её самолету военной транспортной авиации. Моторы уже были запущены и работали на малых оборотах. Это был двухмоторный самолёт, и я почему-то подумал, что полковника Абеля привезли в Берлин на четырёхмоторном самолёте…

Мы притормозили у трапа. Водитель достал из багажника ящики с книгами, отнёс их в самолёт. Я попрощался со всеми, пожал руки обоим полицейским.

В салоне меня ждали новые телохранители — два здоровенных верзилы в штатском, которых про себя я тут же назвал «гориллами». Контрразведчик передал меня с рук на руки и вышел. Дверь самолёта закрыл полковник королевских военно-воздушных сил.

Откатили трап, моторы взвыли, и самолёт стал выруливать на взлетную дорожку. В салоне появился полковник. Встав по стойке «смирно», он отрапортовал мне о маршруте и продолжительности полёта, а также об ожидавшейся в пути погоде. По-видимому, он ничего не знал и искренне думал, что я действительно «особо важное лицо». Один из телохранителей принялся украдкой махать ему рукой, пытаясь остановить его вдохновенную речь. Но напрасно. Полковник отрапортовал до конца, предложил пассажирам выпить кофе, пока будет приготовлен обед.

О, что это был за кофе — крепкий, настоящий. Первый кофе за три года. Потом был первый за три года человеческий обед.

Полковник принёс его на подносе: томатный суп, лангет с жареной картошкой и мороженое. Выходило это у него ловко, как у стюардессы высокой квалификации.

За обедом я впервые за много лет держал в руках вилку и нож. Я отметил для себя, что стоило мне взять нож в руки, как телохранителей охватило сверхъестественное напряжение. Не сводя глаз, следили они за моей рукой. «Чёрт побери, наверное, я разучился правильно пользоваться ножом?..» Но нет, дело было не в манерах — они просто боялись, что я вдруг решу покончить жизнь самоубийством! Когда мне понадобилось посетить туалет, в тесную кабину попытались втиснуться и оба телохранителя… М-да…

До Берлина оставалось километров сто, не больше. В салоне неожиданно появился один из членов экипажа и поспешно затянул шторки на окнах. Я успел заметить вдали звено истребителей, летевших параллельным курсом! На фюзеляжах были яркие красные звезды!

Свобода была уже совсем рядом.

Мы приземлились на авиабазе Гатов в английском секторе Западного Берлина. «Гориллы» нервничали всё больше и больше. Старший предупредил меня:

— Мы вооружены и имеем приказ стрелять, если вы попытаетесь бежать…

Оказывается, им было поручено не только предотвратить самоубийство, но и не допустить, чтобы я попробовал бежать накануне своего освобождения и возвращения домой. Бормоча что-то о том, что приказ есть приказ, старший телохранитель защёлкнул на моих руках наручники. В это время появился полковник. У «чиновной стюардессы» отвисла челюсть от изумления: он прислуживал заключённому! Служащие аэродрома также открыли рты, когда увидели, что из самолёта «для особо важных лиц» выходит штатский в наручниках. Подобного здесь не бывало.

По базе разнеслись слухи о странном событии.

У трапа меня и «горилл» ждала машина, хотя до гауптвахты было всего несколько сот метров. Возле самолёта толпились какие-то солдаты. И несколько типов в штатском.

Местные журналисты, немедленно оповещённые о происходящем (за соответствующее вознаграждение, конечно), мигом сообразили, в чём дело. Выезд Лонсдейла из тюрьмы в сопровождении полиции и прибытие загадочного «особо важного лица» в Гатов в наручниках могли означать только одно. Журналисты тут же бросились к месту, на котором два года назад советский разведчик полковник Абель был обменён на Пауэрса.

Догадка была верна только наполовину. В Берлин, действительно, прилетел Лонсдейл. Но корреспонденты ошиблись насчёт места предстоящего обмена.

На гауптвахте базы не было ни души. Я шутил впоследствии, что, видимо, в связи с моим приездом была объявлена специальная амнистия. Меня поместили в одну из камер и разрешили, на этот раз одному, посетить туалет. Телохранители уже успели убедиться в том, что я не собираюсь бежать или убивать себя.

Из офицерской столовой принесли ужин, который мне показался даже более чем приличным. Пока я поглощал его, один из телохранителей находился в камере. Мне пришла в голову мысль заменить картонные ящики, в которых было упаковано моё нехитрое имущество, да сумки с молнией. Я сказал об этом «горилле». Через несколько минут тот вернулся и сообщил, что военная лавка базы уже закрыта.

— Неужели её нельзя открыть? — спросил я. — Сходите, пожалуйста, к офицеру безопасности базы и передайте мою просьбу. Заодно попросите прихватить какой-нибудь приличный транзисторный приёмник. Неизвестно, сколько дней я пробуду здесь.

Минут через двадцать появился подтянутый молодой человек с двумя чемоданами в руках. В лавке, сказал он, нет больших сумок, придётся купить чемоданы. Я согласился. В одном из чемоданов было три приёмника: я выбрал один и за всё расплатился.

Камера была набита моими книгами. Часть я ещё не прочитал. Я разыскал томик, в котором был помещён документальный рассказ о том, как происходил обмен полковника Абеля. Пролистал эти страницы.

Потом попробовал приёмник. Транзистор работал отлично. Музыка… Впервые за три года… Покрутив настройку, поймал Москву. «Последние известия». Чертовски приятно слышать родную речь! Тоже как музыка…

Разбудили меня в четыре часа утра. Телохранители были уже на ногах. Один из них предложил готовиться к отъезду.

— А как же завтрак? — спросил я.

— Неужели вы способны сейчас есть? — изумился старший телохранитель.

— Я голодал у вас больше трёх лет, — ответил я. — Дайте же мне поскорее подкрепиться…

Потом я брился, завтракал и слышал, как машины прогревали моторы и выезжали из гаража, расположенного рядом с гауптвахтой. В пять утра телохранители отвели меня к чёрному

«мерседесу». Местный представитель английских спецслужб уже поджидал нас. Он уселся рядом с водителем. Как только выехали с территории авиабазы, я узнал, где мы находимся и куда едем. Занимался серый рассвет, было по-утреннему свежо и сыро. По ложбинкам стелилась дымка.

«Похоже на кино, — подумал я, — машина с контрразведчиками, сырой утренний туман… Эффектно…»

Ехали медленно, хотя на улицах никакого движения не было. Лишь одна машина то обгоняла нас, то останавливалась у обочины, пропуская вперёд. И всякий раз из неё выскакивал человек в белом плаще, который фотографировал «мерседес» и его пассажиров. Руководителю операции, сидевшему рядом с шофёром, явно не нравилась эта процедура; он прятал лицо от фотоаппарата. Он был настоящий конспиратор: не проронил ни слова, даже чтобы поздороваться, когда я и «гориллы» подошли к автомашине в Гатове. Возможно, он боялся, что я запомню его голос. Впрочем, и я тоже был недоволен нахальством неизвестного фотографа. Сперва я думал, что это сверхпронырливый фоторепортёр, пронюхавший, где будет происходить обмен. Но это мог быть и западногерманский полицейский шпик, который вёл демонстративное наблюдение за работой английских контрразведчиков.

Наконец мы выбрались на шоссе, ведущее в Гамбург. Водитель удивился, что на этой, обычно оживлённой трассе нет ни одной машины. Я невольно улыбнулся его наивности: было совершенно ясно, что на время операции по обмену движение приостановлено с обеих сторон. Вдали показался западноберлинский пограничный контрольный пункт. Рядом стояли несколько фоторепортёров. Это были «запасные», выставленные здесь на всякий случай. «Асы» пера и объектива дежурили в американском секторе — там, где полковника Абеля обменяли на Пауэрса. Вовремя заметив фотоаппараты, я успел отвернуться. Вот почему пресса в то утро не сумела получить моих снимков.

Миновали западноберлинский контрольный пропускной пункт, не останавливаясь, въехали в нейтральную зону. Было 5 часов 25 минут утра. Значит, обмен назначен на 5.30. «Мерседес» прибыл на пять минут раньше срока. Приходилось ждать. Дымка рассеивалась. После долгих лет я впервые слышал пение птиц.

Ровно за 30 секунд до назначенного времени на стороне Германской Демократической Республики поднялся шлагбаум. Оттуда выехала автомашина. Она резко развернулась и остановилась на левой половине шоссе мотором к шлагбауму.

Как я узнал позднее, с англичанами договорились считать

середину шоссе условной границей. Там даже была проведена белая линия длиной в несколько метров. Из машины вышел человек. Я сразу узнал его — это был старый друг и коллега.

Он приблизился к «мерседесу» и улыбнулся.

Я тоже улыбнулся в ответ.

Мы не сказали друг другу ни слова.

Подозрительный тип с фотоаппаратом, несколько раз фотографировавший меня в пути, направился к автомашине с Винном. Он осмотрел Винна, всё ещё сидевшего внутри, и вернулся на английскую часть дороги. Субъект в белом макинтоше убедился: в машине действительно сидел Винн. Я понял, что ошибся и принял за фоторепортёра сотрудника английской разведки, ответственного за всю эту операцию.

Из «той» машины вышли четыре человека. Среди них был и Винн. Он выглядел испуганным и жалким, совершенно не похожим на его подретушированные фотографии, которые печатали газеты. Двое мужчин, стоявших по бокам, слегка поддерживали его. Казалось, отпусти они руки — и он рухнет прямо на шоссе. Увидев всё это, я забеспокоился.

— Надеюсь, — сказал я своему старшему телохранителю, — что этот парень не протянет ноги до того, как нас обменяют…

Телохранители прыснули со смеха. Но они тут же замолкли, когда их окинул испепеляющим взглядом начальник.

Участники обмена построились лицом друг к другу вдоль осевой линии шоссе. Советский консул произнёс слово «обмен» на русском и английском языках, и я даже не понял, как оказался в машине.

В «своей» машине.

Среди своих.

Наконец среди своих.

Машина тронулась с места.

Миновали домик пограничного контрольного пункта, остановились. Друзья продолжали обнимать меня. Затем из багажника вынули чемоданы Винна и отнесли за шлагбаум (когда тот узнал, что его везут менять и возвращают деньги, то сказал: «Зачем они мне? Ведь я поеду без таможенного досмотра. Купите на всю сумму чёрной икры. Она у вас раз в десять дешевле, чем в Англии». Просьба была выполнена).

Пока передавались вещи, я спросил у товарищей, почему Винн выглядит так странно: жалкий, убогий вид?

— Как только он узнал о предстоящем обмене, — ответили мне, — перестал бриться.

Да, Винну имело смысл выглядеть как можно более «пострадавшим». Это была не только игра «на публику». Ему

крайне необходимо было вызвать к себе жалость: лежачего не бьют. А руководители английской разведки могли предъявить ему кое-какие претензии. На следствии и суде в Москве он публично, в присутствии множества иностранных корреспондентов, подробно, в деталях, рассказывал всё, что знал. Винн проклинал британскую разведку за то, что она его погубила, и обещал никогда, никогда больше с нею не знаться.

Оказавшись на своей стороне, Винн долго позировал перед фоторепортёрами. На вопросы корреспондентов он томно отвечал:

— Я чувствую себя так, как выгляжу.

Выглядел он действительно скверно. Тем не менее я подумал, что испытываю к нему даже нечто вроде признательности. Не попадись Винн, моё пребывание в гостях у Её Величества могло бы затянуться…

Вот теперь-то я был счастлив по-настоящему, меня окружали товарищи. Один сказал:

— Ты не можешь себе представить, как мы рады видеть тебя.

При этом он слегка отвернулся в сторону — разведчики ведь не очень сентиментальны.

— Это ты уж брось, — ответил я. — Я наверняка рад больше!

…Потом был город, где я родился и рос. Родной дом, где меня так терпеливо и трудно ждали. Удивлённый крик детей: «Папа!» Счастливые и встревоженные глаза человека, который мне очень дорог.

Теперь всё было позади.

О чём я подумал в ту минуту?

(Это был последний вопрос, который авторы книги задали полковнику Молодому).

— Я подумал: испытания позади… Впереди — работа, работа, работа…

27 апреля 1964 года Комитет государственной безопасности СССР поздравил Конона Трофимовича Молодого с присвоением ему воинского звания «полковник» и награждением знаком «Почётный сотрудник органов государственной безопасности».

5 мая 1964 года Указом Президиума Верховного Совета СССР К.Т. Молодый был награждён орденом Красного Знамени: «За мужество и стойкость, проявленные при выполнении особых заданий».

Комментарий полковника Конона Молодого после прочтения рукописи:

— Читать о себе всегда несколько странно. Не хочется впадать в банальность — вот, мол, перелистал

страницы памяти. Однако же, действительно, путешествие в прошлое состоялось.

Различные журналисты и авторы писали обо мне много, даже слишком много. Но это всё было без меня и минуя меня. Для меня не было, кстати, ничего неожиданного в том, что порою факты искажались в угоду занимательности.

Поэтому в нашем с вами случае я охотно рассказывал о себе, о своей профессии и работе то, что можно было рассказать.

Кое о чём я умолчал — это ведь понятно, зачем давать соперничающим друг с другом разведывательным службам сведения, которые могут пригодиться им, оказаться ценными для них.

Хочу подчеркнуть, что в силу многих обстоятельств я никогда не вёл дневники. И весь мой рассказ основывается на памяти. Поэтому ошибки могут быть — хочу сказать об этом честно. Но они не меняют общей канвы событий.

notes

Примечания

1

Инфекционные болезни животных и растений — (*Примеч. ред.)*

2

Синолог — китаевед.

3

Много лет спустя я снова встретился с М. Уже в Москве. Конечно же, прежде всего мы вспомнили этот случай. М. сожалел, что подошёл тогда ко мне, хотя было ясно, что я не хотел этого.

— Представь себе, — сказал я, — что то же самое произошло бы в Москве. Я стоял бы с незнакомым тебе человеком и демонстративно отвернулся бы от тебя. Неужели ты подошёл бы ко мне?

— Конечно, нет! Но ведь это было в Лондоне, и я так был рад увидеть тебя после стольких лет, что не хотел упустить возможности поговорить с тобой… — защищался М.